

81
ДЧБ

809
А-46
КД

ДІОНЕО.

ЧБ ПЕРЕВІРНО
1936 р.

РЕФЛЕКСЫ =====
===== **ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.**

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

ПЕРЕВІРНО

7 СІЧ 1948

3ГБ

МОСКВА.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІН А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевский пер., д. № 5.
1910.

Учб. 3191 4644.

Учб. 2726 4. 6.

№ 12279

Предисловіе.

Знакомясь съ умственнымъ движеніемъ въ разныхъ странахъ, мы наталкиваемся на существованіе опредѣленныхъ „литературныхъ цикловъ“ въ прямой зависимости отъ того или другого состоянія политической среды. И гдѣ бы эта среда ни появилась, создается литература съ опредѣленными, ярко выраженными типичными особенностями. Такова, на примѣръ, литература неудавшихся общественныхъ движеній, появляющаяся во времена реакцій. Возьмемъ ли мы Англію временъ Карла II, Францію временъ *Chambre introuvable*, Германію 20-хъ и 30-хъ годовъ, Италію при австрійскомъ владычествѣ, Неаполитанское королевство послѣ неудавшихся общественныхъ движеній 1799, 1820 и 1848 гг.,— всюду мы находимъ особую литературу съ типично выраженными чертами, какъ у насъ въ Россіи теперь. Характерныя черты эти, мнѣ кажется, можно формулировать такъ: 1) вопли про банкротство науки; 2) мистицизмъ; 3) ужасъ передъ жизнью и ужасъ передъ смертью и 4) эротизмъ. Вопящіе про банкротство науки забываютъ, что только точныя науки знаютъ преемственность, позволяющую одному продолжать работу предшественника. Преемственность эта осуществляетъ вѣчность разума. Точныя науки выставляли гипотезы, отъ которыхъ приходилось отказываться (на примѣръ, гипотеза пангенезиса), но имъ никогда не приходилось оставлять всѣхъ линій укрѣпленій. Рационализмъ остановился передъ вѣчными вопросами, но метафизика ни на шагъ не подвинула насъ дальше. Въ эпоху реакцій слабыя и растерявшіеся зовутъ въ туманную область мистицизма, какъ было въ Германіи въ 20-хъ и 30-хъ годахъ или у насъ теперь. Сознательно или безсознательно человѣческую мысль

толкають въ темные, страшные подвалы „канонизированной метафизики“, изъ которыхъ она съ такимъ трудомъ выбралась на свѣтъ. Забывается, что „канонизированная метафизика“ принесла съ собою только проклятье тѣлу, разуму, гордой пытливости, радости, законамъ природы, дерзновенію индивидуума. „Канонизированная метафизика“ дала міру правила морали, которымъ сами проповѣдники не слѣдуютъ, затѣмъ—костры, убійства, преслѣдованія, ненависть. Она осыатила самое грубое насиліе.

Подъ вліяніемъ мистицизма въ эпоху реакціи *во всѣхъ странахъ* возникаетъ расплывчатая литература съ привидѣніями, божествами всѣхъ пантеоновъ, чертями и пр. Третья характерная черта эпохи неудавшагося общественнаго движенія это—ужасъ передъ жизнью и ужасъ передъ смертью. До недавняго времени сильнѣе всего эта характерная черта была выражена въ итальянской литературѣ эпохи австрійскаго владычества. Теперь безумнымъ ужасомъ этимъ переполнена наша литература. Я перехожу къ послѣдней типичной чертѣ, къ эротикѣ. Въ эпоху общественнаго подъема эротика является флагомъ на кораблѣ, везущемъ контрабанду. „Самыя неприличныя“ строки у Боккачіо, у Раблэ или у Вольтера скрываютъ глубокія и важныя мысли, которыя иначе не могли бы быть высказаны. Эротизмъ временъ реакціи—иной. Онъ очень часто переходитъ въ патологию. Человѣкъ выставляется животнымъ, охваченнымъ большимъ сладострастіемъ. Философія этой эротики выражена у насъ Соллогубомъ. „Жестокое сладострастіе разлито въ нашей природѣ, земной и темной. Несовершенство человѣческой природы смѣшало въ одномъ кубкѣ сладчайшіе восторги любви съ низкими чарами похоти и отравило смѣшанный напитокъ стыдомъ и болью и жаждою стыда и боли. Изъ одного источника идутъ радующіе восторги страстей и радующія извращенія страстей. И мучимъ только потому, что это насъ радуетъ“ („Капли крови“). Туманъ безслѣдно исчезаетъ съ первымъ порывомъ вѣтра. Литература неудавшихся общественныхъ движеній съ ея криками про банкротство науки, съ мистицизмомъ, ужасомъ передъ жизнью и патологической эротикой исчезаетъ, когда общество пробуждается отъ летаргій. Пробужденіе это неминуемо должно послѣдовать между прочимъ еще потому, что торжествую-

щая реакція поразительно убога умственно. Однѣ и тѣ же мысли рабски повторяются защитниками реакціи *во всѣхъ странахъ*, хотя всюду эти мысли выдаются за глубоко-національныя, какъ продуктъ историческаго творчества этого именно народа. Идеологомъ реакціи всѣхъ странъ является Жозефъ-де-Мэстръ. Мысли, выраженные имъ когда-то въ „L'Essai sur le principe générateur des institutions humaines“, повторяются потомъ, какъ глубоко-національныя, реакціонерами всѣхъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мыслей. „Власть, въ отличіе отъ простаго насилія, есть сила священная, а священнымъ можетъ быть только то, что идетъ свыше и опирается на безусловномъ религіозномъ признаніи; поэтому настоящимъ полновластнымъ государствомъ можетъ быть только абсолютная монархія“. У де-Мэстра мы находимъ защиту пытокъ и смертной казни, да еще апофеозъ палача, которые, повидимому, произвели неотразимое впечатлѣніе на нашихъ правыхъ депутатовъ. „Монархія,—говоритъ де-Мэстръ,—это—воплощеніе отечества въ одномъ человѣкѣ, священномъ, въ качествѣ носителя и представителя идеи родины“. Русскія газеты много комментировали рѣчь П. А. Столынина о „ставкѣ на сильныхъ“. Обратимся лучше къ первоисточнику, къ тому же де-Мэстру: „Въ общей экономіи природы,—говоритъ идеологъ реакціонеровъ всѣхъ странъ,—одни существа неизбежно живутъ и питаются другими. Основное условіе всякой жизни то, что высшіе и болѣе сильные организмы поглощаютъ низшіе и слабые“. Де-Мэстръ въ „Quatre Chapitres sur la Russie“ первый открылъ „еврейскую интригу“, т.-е. козырный тузъ въ рукахъ нашихъ реакціонеровъ. До тѣхъ поръ приходилось говорить о „польской“, „турецкой“, „французской“ и даже „семинарской“ интригѣ. Реакціонеры всѣхъ странъ не въ состояніи даже толкомъ повторить готовые формулы и ищутъ для этого перевертней и ренегатовъ. Во всѣхъ реакціяхъ они являются философами движенія. Самъ де-Мэстръ увлекался идеями Руссо. Идеологами реакціи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ въ Германіи были ренегаты Генценбергъ, Генцъ, Ярке, Шмальцъ, Кампфъ и др. Генценбергъ совѣтовалъ немножечко убивать всѣхъ тѣхъ, кто противъ дворянской партіи. Кампфъ обличалъ университеты, „одичалыхъ профессоровъ и совращенныхъ ими студентовъ“, реко-

мендовалъ опеку надъ высшей школой. Ярке докладывалъ: „Для подорванія довѣрія къ радикальнымъ принципамъ и учрежденіямъ было бы нетрудно задѣть въ разсудительныхъ и здравомыслящихъ нѣмцахъ національное тщеславіе, выставивъ это новое ученіе исходящимъ отъ враждебной націи и дѣйствующимъ въ иноземномъ духѣ“. Боже, какіе бездарные, тупые наймиты современные наши Ярке, Шмальцы и Генценберги! Они не въ состояніи придумать не то что новый аргументъ, но хотя бы новую формулировку его!

Итакъ, съ математической точностью при извѣстныхъ условіяхъ появляется въ разныхъ странахъ одна и та же литература неудавшихся общественныхъ движеній. Крайне характерна также своеобразная литература „сытыхъ эпохъ“, созданная послѣ удавшагося общественнаго движенія тѣми классами, на долю которыхъ достались почти всѣ трофеи побѣды. Отличительныя черты этой литературы—красивая форма, отсутствіе идей, хитрая и сложная фабула, невозмутимое спокойствіе. Литература превращается въ своего рода замазку для заполнения пустого пространства между „дѣлами“. Классическимъ примѣромъ является литература, созданная англійскими средними классами послѣ того общественнаго подъема, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго былъ 1867 г. Талантливые писатели, выдѣлившіеся изъ среднихъ классовъ, проповѣдывали крестовый походъ противъ этого сытаго благополучія. Таковы были пѣвецъ отчаянія Томсонъ, Вильямъ Моррисъ, Россети, Оскаръ Уайльдъ, а въ настоящее время—Бернардъ Шоу. Онъ безпощадно разрушаетъ всѣ идеалы „сытой литературы“, глумится надъ ними и показываетъ, что громкія слова прикрываютъ низменные стремленія.

Въ настоящей книгѣ, составленной изъ статей, появившихся раньше въ „Русскомъ Богатствѣ“, читатель найдетъ рядъ иллюстрацій къ только что выставленнымъ тезисамъ. Насколько убѣдительны иллюстраціи,—судить, конечно, не автору. Въ этой книгѣ читатели найдутъ также нѣкоторыя другія статьи, въ которыхъ авторъ пытается намѣтить новыя формы журналистики или театра при новыхъ окружающихъ условіяхъ.

Лондонъ, 29 марта 1909 г.

Пѣвецъ отчаянія.

По пути изъ Лагады въ Мальдонаду мрачный докторъ Лимуэль Гулливеръ посѣтилъ островъ некромановъ. И здѣсь гостепріимный хозяинъ вызвалъ по желанію путешественника безконечную вереницу тѣней знаменитыхъ и забытыхъ людей. Литература похожа иногда на этотъ созданный фантазіей Свифта островъ Геубдудрибъ. Изъ мрака могилъ встаютъ забытые авторы, порой ничѣмъ не извѣстные при жизни. Они несутъ новымъ поколѣніямъ свое настроеніе, свои мысли, радости и отчаяніе, не поняты современниками. Нѣтъ ничего болѣе интереснаго, какъ выясненіе тѣхъ соціологическихъ причинъ, которыя вызываютъ изъ мрака забвенія такого писателя. Эти причины, и только онѣ, являются „некротанами“. Безконечной вереницей проходятъ предъ читателями трагическія и жизнерадостныя фигуры, облаченные въ костюмы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Предъ нами то безпутный гуляка и вольнодумецъ XI вѣка, говорившій въ великолѣпныхъ „рубаятахъ“, т. е. четверостишіяхъ, о страхѣ смерти и внушавшій радостное отношеніе къ жизни, то несчастный французскій поэтъ XV вѣка, замѣчательный, какъ поразительно оригинальнымъ и яркимъ талантомъ, такъ и исключительной судьбой. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть своеобразнѣе замѣчательнаго поэта, присужденнаго къ висѣлицѣ за участіе въ воровской шайкѣ! Затѣмъ некроманъ—подходящія условія—вызываетъ философовъ, ставившихъ въ центрѣ міропознанія свое преувеличенное я, больныхъ людей, мысль которыхъ была сконцентрирована на патологическомъ извращеніи чувствъ, талантливыхъ религіозныхъ маниаковъ, галлюцинатовъ, изобразившихъ праздникъ сатаны

со всѣми отвратительными и неудобопередаваемыми подробностями его. Исслѣдованіе общественныхъ причинъ, которые не только вызвали изъ могилы забытаго писателя, но доставили ему также читателей и подражателей,—даетъ каждый разъ крайне любопытные результаты. Вотъ и теперь „некроманъ“, о которомъ я только что упомянулъ, вызываетъ Джемса Томсона, несчастнаго поэта, скончавшагося четверть вѣка тому назадъ. Предъ нами не только громадный и исключительный талантъ, по оригинальности и силѣ имѣющій въ англійской литературѣ соперника развѣ только въ Шелли, но также одна изъ самыхъ печальныхъ, трагическихъ и глубоко несчастныхъ личностей. Нужно представить себѣ только больного, бездомнаго, голоднаго, измученнаго продолжительной бессонницей и страшными результатами наслѣдственнаго алкоголизма поэта, бродящаго въ туманную ночь по мертвымъ безконечнымъ лондонскимъ улицамъ. Личная жизнь его разбита. Страшное отчаяніе подавило его совершенно. Болѣзнь, бессонница и отчаяніе поэта наполнили и безъ того фантастическій желтый лондонскій туманъ страшными призраками.

„Молчаніе,—описываетъ поэтъ громадный городъ ночью,—отъ котораго чувства или нѣмѣютъ, или напрягаются, какъ туго натянутый лукъ, наполняетъ душу ужасомъ и не выплаканнымъ отчаяніемъ. Неизвѣстно, спитъ ли безчисленное населеніе или бѣжало отъ невѣдомаго мора“.

„Какъ въ некрополисѣ, гдѣ на тысячу мертвецовъ приходится одинъ живой, оплакивающей кого-нибудь, здѣсь тоже изрѣдка мелькаютъ живые люди. Они кажутся глухими и нѣмыми, а выраженіе ихъ лицъ подобно трагической маскѣ, высѣченной изъ камня. Они или бродятъ, бродятъ, тяжело ступая, подавленные своею участью, или, въ продолженіе долгихъ бессонныхъ часовъ, низко опустивъ головы, сидятъ въ отчаяніи“.

„Они часто бормочатъ про себя, но рѣдко говорятъ другъ съ другомъ, потому что накаплиютъ горе въ груди, но не даютъ ему вырваться наружу. И если горе накапливаетъ такъ сильно, что должно вырваться наружу бредомъ, никто не обращаетъ вниманія на восклицанія. Развѣ только въ отвѣтъ раздадутся вопли другой жертвы, у которой отчаяніе тоже вырвалось наружу“.

Поэтъ въ концѣ концовъ символизируетъ погруженный въ сонъ и туманъ громадный городъ. Это—весь міръ. И онъ такъ же ужасенъ и такъ же мраченъ, какъ городъ въ туманѣ. Немногіе бездомные люди, которыхъ отчаяніе гонитъ по пустыннымъ улицамъ, это — единственные философы, прозрѣвшіе сущность міра. И въ подобномъ настроеніи Томсонъ пишетъ изумительную по силѣ и ужасную по мрачности своей поэму „The City of Dreadful Night“, занимающую одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ англійской, но и въ міровой литературѣ ¹⁾. Это—гимнъ смерти, отчаянный вопль, вызванный ужасомъ жизни, представляющей поэту безпрерывной цѣпью невѣроятныхъ страданій. И Томсону кажется дикимъ безуміемъ вѣчная жалоба человѣчества на быстротечное время.

„Of all things human which are strange and wild
This is perchance the wildest and most strange,
And showeth man most utterly beguiled.
To those who haunt that sunbless City's range;
That he bemoans himself for aye, repeating
How time is deadly swift, how life is fleeting,
How naught is deadly constant on the earth but change“.

(т. е. „Изъ всѣхъ странныхъ и дикихъ человѣческихъ дѣлъ, вотъ наиболѣе странное и дикое, показывающее всѣмъ, бродящимъ вдоль улицъ мрачнаго города, до какой степени велико заблужденіе людей. Съ незапамятныхъ временъ человѣкъ вѣчно оплакиваетъ свою судьбу и повторяетъ, что время поразительно быстро, что жизнь скоротечна, все на землѣ измѣнчиво и нѣтъ ничего постояннаго“).

Жалобы эти безумны, если принять во вниманіе, что люди глубоко несчастны. „Часы и дни давятъ человѣка,— продолжаетъ поэтъ.—Бремя мѣсяцевъ онъ едва можетъ выносить; часто въ глубинѣ души онъ страстно желалъ бы проспать всѣ мрачные періоды жизни и пробудиться только для наслажденій. Но и они мимолетны и оставляютъ послѣ

¹⁾ Джемсъ Томсонъ у насъ въ Россіи совершенно неизвѣстенъ. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза упомянуть только тезка его, поэтъ XVIII вѣка, авторъ „Rule Britannia“. Это показываетъ, какъ отрывочны, въ дѣйствительности, наши свѣдѣнія объ иностранной литературѣ, несмотря на то, что русскіе—самые усердные переводчики.

себя только горькій осадокъ. И человекъ опять страстно желаетъ продолжительнаго сна“.

Yet in his marvellous fancy he must make
Quick wings for Time, and see it fly from us;
This Time which crawleth like a monstrous snake,
Wounded and slow and very venomous;
Which creeps blindwormlike round the earth and ocean,
Distilling poison at each painful motion,
And seems condemned to circle ever thus“.

(т. е. „И тѣмъ не менѣе удивительная фантазія человекъ надѣлила время быстрыми крыльями и изобразила его отлетающимъ отъ насъ. Фантазія изобразила такъ то время, что медленно ползетъ, какъ раненая гигантская, ядовитая гадина; что передвигается, какъ слѣпой червь, по землѣ и океану, источая ядъ при каждой болѣзненной попыткѣ двинуться впередъ, и осуждено кружить такъ вѣчно“).

„И такъ какъ человекъ не можетъ употребить осмысленно время, удѣленное ему, — продолжаетъ Томсонъ, — а расточаетъ его на утомительныя и скучныя наслажденія, на глупый трудъ, бессмысленныя заботы, борьбу и алчныя желанія, — то онъ естественно мечтаетъ о вѣчной жизни“.

Прозрѣвшіе, то-есть тѣ несчастные бодрствующіе люди, которые бродятъ во время желтаго тумана, по „городу, погруженному въ страшную ночь“, отбывая каторгу жизни, находятъ, что она безконечна. Ночь, т. е. жизнь, представляетъ собою „зоны медленной муки“. Сознательнымъ людямъ не страшна смерть; имъ не нужно безсмертье.

„We do not ask a longer term of strife,
Weakness and weariness and namelles woes:
We do not claim renewed and endless life
When this which is our torment here shall close,
An everlasting conscious inanition.
We yearn for speedy death in full fruition,
Date less oblivion and divine repose“.

т. е. „Мы (прозрѣвшіе, сознательные философы) не просимъ продолженія срока борьбы, слабости, усталости и безыменнаго горя. Мы не требуемъ возобновленной и безконечной жизни, когда оборвется наша, представляющая муку и постепенное одряхлѣніе. Мы страшно желаемъ быстрой смерти

въ полномъ расцвѣтѣ силъ, безконечнаго забвенія и божественнаго покоя¹⁾).

Поэтъ возводитъ отчаянне въ своего рода категорію. Томсонъ говоритъ, что оно, хотя и означаетъ „смерть и гніеніе души“, является важнымъ факторомъ въ искусствѣ. „Это гніеніе души послужило удобреніемъ, на которомъ выросли наиболѣе прекрасные цвѣты искусства и литературы“. Выраженіе этого взгляда мы находимъ въ предисловіи, которое Томсонъ написалъ къ своему произведенію „A Lady of Sorrow“. „Темная сторона природы (по выраженію Томсона, „ночь природы“) являлась чаще, чѣмъ свѣтлая сторона ея, темой литературныхъ произведеній просто потому, что литература, какъ общее правило, является убѣжищемъ для всѣхъ несчастныхъ. Я подразумѣваю подлинную, искреннюю, полную мысли литературу, составляющую самоцѣль, а не только орудіе борьбы, товаръ для продажи или изящную игрушку для забавы. Счастливый человѣкъ рѣдко пишетъ, чтобы выразить свою радость; у него нѣтъ для этого времени“. Томсонъ сознаетъ, что пессимизмъ является продуктомъ настроенія, а не научнаго познанія истинной сущности вещей. И если между качествомъ предметовъ и содержаніемъ ощущеній нѣтъ ничего общаго, кромѣ постоянства отношеній, какъ говорятъ философы-идеалисты, то пессимизмъ не можетъ быть даже названъ философскою системою. „Я хочу обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ зависимости отъ различнаго настроенія въ разные часы одного и того же дня, отношеніе человѣка къ самымъ серьезнымъ проблемамъ жизни бываетъ совершенно противоположно,—говоритъ Томсонъ въ „Essay on Sympathy“.—Въ одинъ и тотъ же день человѣкъ можетъ то горѣть вѣрой и быть преисполненъ надежды, то мучиться сомнѣніемъ и погрузиться въ отчаяніе. Нѣтъ возможности примирить (философски) этотъ антагонизмъ, такъ какъ оба отношенія непонятны“. Въ предисловіи къ „A Lady of Sorrow“, гдѣ Томсонъ излагаетъ свою доктрину пессимизма,—поэтъ спрашиваетъ: „Вѣрна ли эта теорія по отношенію къ міру и жизни вообще? Я думаю, что вѣрна, хотя пессимизмъ—не вся правда. Вѣрно, что въ природѣ мы знаемъ зиму и чер-

1) The City of Dreadful Night, глава XIII.

ную ночь; но вѣрно также и то, что онѣ смѣняются лѣтомъ и ослѣпительнымъ днемъ. На одной сторонѣ великой медали выбиты слава и триумфъ жизни; на другой—слава и триумфъ смерти. Но что изъ нихъ лицевая сторона и что оборотная,—никто изъ насъ, конечно, не знаетъ. Вѣрно то, что обѣ стороны нераздѣльно соединены на каждой монетѣ, отчеканенной для насъ на монетномъ дворѣ Вселенной“. Неудачи личной жизни, тяжелая болѣзнь, складъ ума,—все это дѣлало то, что у Томсона пессимистическое настроеніе преобладало. Оно заставляло его выискивать для переводовъ (Томсонъ далъ англійской литературѣ цѣлый рядъ образцовыхъ переводовъ) писателей, родственныхъ ему по духу. Томсонъ съ любовью переводилъ Леопарди. Итальянскій философъ и поэтъ, какъ извѣстно, напоминалъ ослѣпленнаго соловья, который, по старинному изреченію, поетъ такъ хорошо, потому что оплакиваетъ свое собственное несчастье. Леопарди былъ восторженный поклонникъ женской красоты и жаждалъ любви¹⁾, между тѣмъ природа надсмѣялась надъ нимъ и исковеркала его тѣло; кромѣ того, онъ всю жизнь страдалъ отъ различныхъ болѣзней. Леопарди рвался къ простору, между тѣмъ почти до самой смерти вынужденъ былъ провести въ маленькомъ, сѣренькомъ, скучномъ провинціальномъ городкѣ, который ненавидѣлъ всей душой. И для поэта этотъ провинціальный, глупый и пошлый городокъ, который составлялъ весь опытъ Леопарди,—явился символомъ цѣлой вселенной. При оцѣнкѣ нѣкоторыхъ философскихъ системъ нужно иногда имѣть въ виду слишкомъ большую смѣлость авторовъ ихъ въ обобщеніяхъ. Пессимистическое настроеніе внушило Томсону сравненіе несчастнаго человѣка съ часами, съ которыхъ сняты стрѣлки и стерты цифры на циферблатѣ. Часы продолжаютъ идти, хотя въ работѣ ихъ нѣтъ ни смысла, ни цѣли, ни пользы.

„Take a watch, erase

The signs and figures, of the circling hours,

Detach the hands, remove the dial-face;

The works proceed until run down; although

Bereft of purpose, void of use, still go“.

(т. е. „Возьмите часы, сотрите цифры, снимите стрѣлки,

¹⁾ „Дайте мнѣ любви, любви, любви!“—воскликаетъ онъ въ отчаяньи въ письмѣ къ своему брату Карло.

удалите циферблатъ; ходъ ихъ продолжается, покуда не конченъ заводъ, хотя въ работѣ ихъ нѣтъ ни цѣли, ни пользы“).

Но поэтъ зналъ и другое настроеніе. Тогда онъ увлекался жизнерадостнымъ пѣвцомъ слиянія съ Космосомъ— Уотомъ Уитманомъ, о чемъ дальше и писалъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

„Покуда ты на землѣ, исчерпай всю свободную жизнь. Пользуйся быстропроходящимъ настоящимъ; добудь борьбой побѣдный трофей. Хотя день коротокъ, но въ продолженіе его сверкаетъ солнце. Хотя ночь темна, но она имѣетъ яркія звѣзды и мѣсяцъ“.

„Люби всей силой любви; ненавидь всей яростью ненависти. Будь непощаденъ въ схваткѣ съ врагомъ и быстръ, чтобы обнять друга. Истинный законъ это—твои желанія. И въ минуту смерти ты долженъ чувствовать, что былъ самимъ собою всю жизнь“.

Томсонъ не только былъ несчастенъ въ личной жизни. Онъ явился поэтомъ „не по времени“. Общественныя условія, когда Томсонъ писалъ, были таковы, что родъ поэзіи, какъ мрачная поэма „City of Dreadful Night“, не могъ найти оцѣнку со стороны той публики, которая въ то время только одна и читала (средніе классы). Присяжные критики признавали въ поэтѣ громадный талантъ, но многіе спѣшили прибавить, что это талантъ „вредный“, тлетворный и неприличный. Счастливымъ, только что сытно пообѣдавшимъ, довольнымъ всѣмъ людямъ кажется неприличнымъ, когда въ присутствіи ихъ начинаютъ говорить о чемъ-то очень неприятномъ, больномъ и мучительномъ... И вотъ теперь, когда въ Англіи объявился новый читатель, помимо среднихъ классовъ, счастье которыхъ достигло апогея, какъ разъ въ то время, когда появилась поэма *City of Dreadful Night*,—мы видимъ возрожденіе Томсона. Я выбралъ его темой статьи не только потому, что предъ нами звѣзда первой величины, но еще и потому, что Томсонъ поднимаетъ рядъ крайне важныхъ вопросовъ, которые съ большой силой выдвинуты въ самое послѣднее время въ русской литературѣ. Вопросы эти: боязнь жизни, боязнь смерти и то, о чемъ Шиллеръ говорилъ въ своемъ стихотвореніи „Resignation“.

II.

Поэты и писатели вообще являются продуктомъ народа, создавшаго ихъ, времени, въ которомъ живутъ они, среды, гдѣ вращаются, и воспитанія. Произведенія поэтовъ, вслѣдствіе этого, такъ или иначе, отражаютъ подъемъ или паденіе общественнаго настроенія. Предположимъ, предъ нами народъ, проявленіе духа котораго и стремленіе къ сознательной жизни долго подавлялись. Наконецъ, рабское оцѣпенѣніе народа проходить. Въ средѣ его, въ самой глубинѣ, начинается сознательная жизнь, хотя на поверхности, по видимому, все обстоитъ попрежнему. Поэты, вслѣдствіе своей болѣе чуткой организаци, улавливаютъ это нарастающее сознание. Появляется литература молодой, бурной, подчасъ неуклюжей силы. Въ энергичныхъ произведеніяхъ, зачастую въ видѣ парадоксовъ, поэты и писатели отстаиваютъ права индивидуума, священныя права разума, законность сильныхъ страстей. Вотъ напр., Германія конца XVIII и самаго начала XIX в.в. Она только что пробуждается отъ летаргіи, въ которую ее насильственно погрузили результаты тридцатилѣтней войны. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII вѣка мы имѣемъ періодъ бурныхъ стремленій. „Индивидуализмъ не былъ никогда проповѣдуемъ въ Германіи съ большей страстностью и въ болѣе агрессивныхъ формахъ, чѣмъ онъ проповѣдывался вождями этого періода,—говоритъ историкъ нѣмецкой литературы“¹⁾. Низверженіе всѣхъ преградъ, стоявшихъ на пути къ индивидуальному развитію, открытая война съ авторитетами всякаго рода; прославленіе примитивной, неиспорченной природы, инстинкта страсти, таланта, уничтоженіе существующаго общественнаго строя, порядка, учености, сознательныхъ усилій — таковъ былъ лозунгъ, вдохновившій поколѣніе, слѣдовавшее за поколѣніемъ Клопштока и Лессинга... „Природа дѣйствуетъ силою чувствъ и страстей,—говоритъ одинъ изъ авторовъ эпохи бурныхъ стремленій.—Что можетъ ощущать человѣкъ, искалѣчившій эти органы? Вы парализовали мускулы, способные вызвать движеніе? Вы желаете управлять природой и ско-

¹⁾ Куно Франке.

вываеете ваши собственныя руки и ноги? Если страсти— органы безчестія, то онѣ, слѣдовательно, перестаютъ быть орудіемъ мужества? Сердце безъ страстей то же, что голова безъ мыслей“. Читатель видитъ, какъ примѣнима эта характеристика, во всѣхъ деталяхъ, къ *каждому* народу въ періодъ подъема общественнаго настроенія. Въ подобный періодъ поэты и писатели поднимаютъ рядъ самыхъ важныхъ вопросовъ и рѣшаютъ ихъ радикально и смѣло. Нѣтъ, кажется, тогда препятствія, предъ которымъ остановился бы критическій умъ. Въ періодъ, когда вѣра не была еще подорвана, явилась смѣлая поэма, въ которой человекъ обращается съ гордымъ протестомъ къ божеству:

„Ich dich ehren? Wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Ye des Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Ye des geängsteten“? ²⁾.

Герои литературныхъ произведеній эпохъ общественнаго подъема любятъ, ненавидятъ и мстятъ, какъ не дѣлаютъ никогда живые люди. Мы слышимъ разговоры про „автономную“ личность, стоящую выше ходячихъ понятій о добрѣ и злѣ и повинующуюся только законамъ, которые она сама же для себя октроируетъ. Въ литературѣ появляются фантастическія изображенія этихъ автономныхъ личностей, будто бы взятыхъ изъ жизни. Литература эта порой неуклюжа, всегда парадоксальна; но она бодрa, жизнерадостна и проникнута глубокой вѣрой въ то, что пришествіе золотого вѣка только вопросъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Увлеченные своимъ пылкимъ воображеніемъ и по причинѣ своей высоко-нервной организаціи, поэты и писатели этой эпохи склонны страшно преувеличивать силы общества и слишкомъ уменьшать силы противника.

Поэты и писатели эпохи подъема зовутъ къ природѣ, признавая ее единственнымъ источникомъ красоты. Въ сознаніи единства съ нею они видятъ избавленіе отъ страха смерти.

„Vernichtung weht Dich an, so lang Du Einzler, bist.
O, fühl im Ganzen Dich, das unvernichtbar ist“,—

²⁾ Изъ поэмы Гете: „Prometheus“.

говорить Рюкертъ (т. е. „уничтоженіе тебя страшитъ, куда ты одинокъ. Сознавай себя во всемъ; оно неразрушимо“).

Ту же мысль, съ большею опредѣленностью, выразилъ и Шиллеръ:

„Vor dem Tode erschreckst Du? Du wünschest unsterblich zu leben?
Leb'im Ganzen! Wenn Du lange dahin bist, es bleibt!“

(т. е. „Ты страшишься смерти? Ты жаждешь безсмертья? Живи во всемъ. Оно останется, когда ты уже давно умрешь“).

Трезвое пониманіе природы, сознаніе своего единства съ ней и съ человѣчествомъ,—создаетъ въ эпохи общественнаго подъема удивительно спокойное отношеніе къ смерти, несмотря на то, что религіозныя традиціи теряютъ свой кредитъ. Классическимъ примѣромъ можетъ служить пиръ жирондистовъ въ ночь предъ казнью и гордый отвѣтъ Дантона предъ трибуналомъ на вопросъ, гдѣ онъ живетъ (*voire demeure?*).

— *Ma demeure sera bientôt le néant!*

Смерть такъ мало страшитъ тогда, что за минуту передъ нею осужденный не можетъ остановиться передъ хорошимъ каламбуромъ. Палачъ революціи Сансонъ привязываетъ жертву къ доскѣ. Внизу реветъ толпа.

— *Monsieur*,—говоритъ дѣвушка палачу,—*vous êtes Sans „Son“ et ils sont sans „Farine“* *) Каламбуръ сказанъ, и черезъ мгновеніе голова казненной падаетъ. Уничтоженіе страха смерти дѣлаетъ человѣка Прометеемъ. При наличности его человѣкъ только жалкій червь.

Но вотъ стремленіе общества къ самоопредѣленію потерпѣло неудачу. Силы, державшія долго общество подъ гнетомъ и пошатнувшіяся было, снова напряглись. Начинается реакція, жестокая, мстительная и бессмысленная. И восторженные пѣвцы индивидуализма, опять же вслѣдствіе своей чрезвычайно повышенной нервной чувствительности, первые впадаютъ въ отчаяніе. Какъ прежде они утверждали, что

*) Непереводимый каламбуръ основанный на игрѣ словъ. Фамилія палача по-французски произносится, какъ *Sans Son* (т. е. безъ отрубей). Дѣвушка указывала, что толпа внизу сидитъ безъ хлѣба (*sans farine*, т. е. безъ муки).

все дѣло только въ умѣннн захотѣть, такъ теперь они доказываютъ, что не только человѣческія стремленія и идеалы, но и весь міръ глупый или страшный призракъ. Природа—безжалостна. Все ничтожно передъ смертью. Любовь, порывы къ свободѣ—все это только безумный и нелѣпый бредъ. И въ періодъ отчаянія, являющагося послѣдствіемъ неудавшагося общественнаго движенія, снова и снова поднимаются вопросы, намѣченные на зарѣ сознательной человѣческой жизни. Вопросы о бренности всего земного, поставленные съ такою силою еще въ Индіи, варьируются на новые лады. Мы слышимъ талантливые и бездарные перепѣвы давно знакомыхъ положеній: міръ—плодъ безумнаго и злого влеченія; онъ по самому существу своему исполненъ противорѣчій и зла... Всякое бытіе въ сущности есть ничтожество, всякое существованіе имѣетъ конецъ. Все, что сложно, должно распасться на части; все рожденное должно умереть. Бытіе міра—одинъ призракъ.—Человѣчество подобно рабамъ, прикованнымъ въ пещерѣ спиной къ выходу. Рабы видятъ только отраженіе предметовъ, тѣни ихъ на стѣнѣ. Тѣни эти уродливы и безформенны, потому что на предметы бросаетъ свѣтъ трепетный огонь отъ костра.

1999
Растерянная мысль человѣка, оторванная отъ великаго космоса, загоняется въ мрачные подвалы метафизики или религіи, гдѣ ее караулитъ страшный призракъ—смерть. Являются произведенія, какъ будто бы написанныя на иллюстраціи знаменитаго гольбейновскаго сборника „Пляска смерти“, на каждомъ рисункѣ котораго мы видимъ ликующій, отвратительный скелетъ. Смерть то одѣта кардиналомъ, то воиномъ, то пляшетъ подъ звуки волынки и влечетъ за собою глушца, убѣжденнаго, что онъ наслаждается (рисунокъ XLVI)¹⁾. Поэты и писатели періода неудавшагося движенія внушаютъ страхъ къ жизни и страхъ къ смерти. Жизнь—несвязный и бессмысленный бредъ,—говорятъ они. Человѣческія страсти—только нелѣпая гримаса, которую заставляеть насъ продѣлать Нѣкто, глумящійся надъ нами.

„Жизнь—ложь и горечь,—говоритъ Леопарди въ стихотвореніи „A se stesso“.

¹⁾ У меня подъ рукою англійское изданіе „Hamilton and Adams“, къ которому и относится ссылка.

— Только грязи комъ весь шаръ земной; лишь призракъ все творенье! Въ послѣдній разъ въ отчаяніи нѣмомъ ты (сердце) содрогнись надъ участью безцѣльной всего, что рокъ, въ могуществѣ слѣпомъ, обрекъ на смерть и гибель безраздѣльно. И, подавивъ безцѣльный ужасъ свой, протяся навѣкъ съ страданьемъ напраснымъ, сумѣй застыть въ груди моей больной, въ презрѣннн холодномъ и безстрастномъ къ себѣ, къ другимъ и къ грубой силѣ той, что, слѣпо вѣсѣмъ въ природѣ управляя, все сущее лишь къ безднѣ роковой небытія ведетъ не уставая“.

Тѣ же мотивы мы находимъ у Гейне. Ими проникнуты почти всѣ произведенія великаго поэта, въ которыхъ переплетаются съ другимъ типичнымъ элементомъ литературы эпохи отчаянія—эротикой. Стоитъ только вспомнить поэму „Сумерки Боговъ“.—„Я проникнулъ строеніе вселенной насквозь; и много я, и глубоко я видѣлъ, и нѣтъ теперь уже радости въ душѣ, и муки вѣчныя терзаютъ сердце. Я вижу все сквозь каменные стѣны людскихъ построекъ и людскихъ сердець; въ тѣхъ и другихъ я вижу ложь и горе; на лицахъ всѣхъ читаю злыя мысли; въ румянцѣ цѣломудрія у дѣвы желаній страстныхъ трепеть вижу я; на вдохновенно гордой головѣ у юноши колпакъ дурацкій вижу—и ничего я, кромѣ рожъ какихъ-то и испитыхъ тѣней, на всей землѣ не нахожу, и что она—не знаю: больница ли или сумасшедшій домъ“.

Поэты эпохи общественнаго подъема внушаютъ человѣчеству преувеличенныя понятія о его силѣ; поэты эпохи отчаянія, наоборотъ, даютъ обществу слишкомъ ничтожныя представленія о томъ же.

Я упомянулъ про другой важный элементъ у поэтовъ эпохи отчаянія—про эотику. Поэты бурныхъ стремленій тоже воспѣваютъ любовь, но любовь здоровую, молодую, опьяняющую, жизнерадостную. Поэты временъ отчаянія говорятъ только о любви больной, экзотической и, зачастую, патологической. Они увѣрены даже, что смѣлость заключается именно въ томъ, чтобы подходить прямо къ такимъ темамъ, которымъ мѣсто въ спеціальныхъ трактатахъ. Поэты и слѣдующіе за ними беллетристы зовутъ художниковъ „въ заброшенныя подземелья сердца, гдѣ кроется плѣсень пороковъ, въ которыхъ человѣкъ стыдится признаться даже

самому себѣ“. Является литература больная, мучительная извращенная, иногда совершенно бездарная, иногда крайне мощная, какъ „Fleurs du Mal“ Бодлера. Въ отвратительномъ произведеніи Гюисманса, La-Bas, въ одиннадцатой главѣ, владѣлецъ замка Тифожъ смотритъ даже на природу, на лѣсъ, какъ на громадную порнографическую картину. Въ стволахъ, ушедшихъ въ землю, въ раздвоенныхъ вѣтвяхъ маркизъ видитъ только отраженіе той смѣси эротомани съ мистикой, которой, какъ губка, брошенная въ воду, напитанъ онъ весь ¹⁾). Мысль поэтовъ, оторвавшаяся отъ единства съ природой и прикованная влѣдствіе этого желѣзной цѣпью ужаса къ представленію о смерти, даже въ любви видитъ отвратительное разложеніе и гніеніе. На классическомъ островѣ любви большому поэту, прежде всего, бросается въ глаза „висѣлица съ тремя перекладинами“, на которой качается терзаемый стервятниками полуразложившійся трупъ.

„Les yeux étaient deux trous, et du ventre effondré,
Les intestins pesants lui coulaient sur les cuisses,
Et ses bourreaux, gorgés de hideuses délices,
L'avaient à coups de bec absolument châtré“.

(т.-е. „Глаза представляли двѣ дыры. Изъ испоротаго живота тяжелыя внутренности вывалились и сползали по ляжкамъ. Палачи, насыщенные отвратительной утѣхой, кастрировали его ударами клюва“). Маленькіе поэты, слѣдуя за большими, подражаютъ только формѣ и варьируютъ сюжеты въ родѣ только что описаннаго. Эротическій элементъ въ періоды подъема общественнаго духа никогда не составляетъ самоцѣли. Очень часто онъ является средствомъ для прикрытія крайне важнаго и серьезнаго вопроса, чтобы такимъ образомъ провести его по подводнымъ скаламъ цензуры. Изучившіе специально произведенія Вольтера, знаютъ про одно мало извѣстное сочиненіе, озаглавленное „Le Sottisier“, не помѣщенное ни въ одномъ изъ полныхъ собраній сочиненій великаго писателя. Это—толстая тетрадь, куда Вольтеръ вносилъ отдѣльныя мысли и разныя стихотворенія, не предназначенныя для печати. Тетрадь была, вмѣстѣ съ дру-

¹⁾ „Il voit l'obsécité des très vieux arbres... Il comprend l'immuable salacité des bois, découvre des priapées dans les futaies“. Читатель проститъ, если я оставляю эти строки безъ перевода.

гими бумагами, приобрѣтена въ 1778 г. Екатериной II у m-me Denis, племянницы Вольтера, и оставалась неизвѣстной до 1844 г., когда князь Лобановъ нашелъ ее въ библиотекѣ Эрмитажа. Тетрадь была опубликована въ первый разъ, кажется, въ 1880 г. (у меня изданіе 1883 г.). Эта тетрадь любопытна въ одномъ отношеніи. Стихотворенія, помѣщенные въ ней, въ высшей степени скабрены, при чемъ фривольность является самоцѣлю. Вольтеръ, однако, не желалъ печатать этихъ пѣсень. Между тѣмъ, въ сказкахъ, въ „Facéties“, въ поэмѣ „Pucelle“, въ „Философскомъ словарѣ“ (стоитъ только назвать статьи „Les Pourquoi“, „Ezéchiel“), и др. вещахъ, напечатанныхъ при жизни великаго писателя, „неприличный“ элементъ находится въ изобиліи; но имъ всюду прикрыта отъ взора цензуры серьезная и глубокая мысль. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ относятся къ „скабреному“ писатели эпохи подъема общественнаго духа. Въ эпоху отчаянія, которая слѣдуетъ за неудавшимся общественнымъ движеніемъ, эротика, при томъ подчасъ патологическая, составляетъ самоцѣль. Мы знаемъ теперь основной характеръ литературы эпохи общественнаго подъема и періода отчаянія, созданнаго неудавшимся движеніемъ.

Но вотъ общественное движеніе удалось. Вѣковые барьеры, сковывавшіе свободное проявленіе духа человѣка и останавливавшіе его стремленіе къ счастью—сметены подъ напоромъ новыхъ силъ. Нарождается тогда „литература удачнаго переворота“, какъ я назвалъ бы ее. Поэзія, беллетристика, наука—все это получаетъ сильный толчекъ. Литература опьянена успѣхомъ и захватываетъ своимъ оптимизмомъ. Она говоритъ про вѣру въ людей, про прогрессъ къ другому, еще болѣе блестящему будущему. Въ литературѣ наступаетъ полная гармонія. Созерцаніе прекраснаго и наслажденіе имъ не отравлено еще ничѣмъ. Являются поэты обновленной націи, которыхъ можно уподобить прирѣчнымъ камышамъ, звонкимъ и отзывчивымъ на каждое дуновеніе. Таковъ пѣвецъ американской демократіи, глашатай единства человѣка съ природой и восторженный защитникъ разумнаго труда. „О, піонеры труда!—писалъ онъ,—все прошлое мы оставляемъ позади; мы вступаемъ на порогъ новаго, разнообразнаго, чуднаго міра, міра труда“.

Появляется цѣлая плеяда писателей, освѣщающихъ, какъ факелами, своими произведеніями весь міръ. Лучезарный оптимизмъ ихъ дѣйствуетъ бодряще на всѣхъ угнетенныхъ и рвущихся къ свѣту. Такова плеяда „викторіевской эпохи“, т. е. поэты, беллетристы, публицисты и ученые, выдвинутые средними классами, добившимися побѣды. Но до сихъ поръ не было еще полныхъ общественныхъ побѣдъ, а только частичныя. Покуда всегда при дѣлежѣ оказывались обойденные классы. И ихъ огорченіе и негодованіе тѣмъ болѣе сильны, что именно обойденные рѣшаютъ исходъ боя. Въ лагерѣ ликующихъ постепенно начинается разслоеніе, которое неминуемо отражается въ поэзіи и въ беллетристикѣ. Побѣдители, захватившіе себѣ всю добычу, успокаиваются. Они хотятъ разобраться въ томъ, что добыли. Энтузіазмъ тухнетъ; страсти улегаются. Начинается сытая, спокойная, благополучная жизнь. Изъ нея изгоняется все досадливое, некрасивое, страдающее, непріятное, — словомъ, все то, что можетъ разстроить сонъ и аппетитъ. Наступаетъ даже примиреніе съ установленнымъ культомъ, противъ котораго въ эпоху подъема общественныхъ силъ были направлены первые удары. Примиреніе это дѣлается отчасти въ расчетъ, что священники будутъ проповѣдывать обойденнымъ при дѣлежѣ смиреніе и терпѣніе, отчасти потому, что заснувшему умственно организму требуются какія-нибудь эмоціи. Культъ, къ тому же наученный опытомъ, становится очень покладистымъ и эластичнымъ. Онъ отрекается отъ своихъ наиболѣе грубыхъ и архаическихъ ученій. Возникаетъ новая вѣра, „респектабельная“, усыпляющая, не оскорбляющая „здраваго смысла“. Является живопись съ мягкими, ласкающими, красивыми, „сытыми“ красками, если можно такъ выразиться. Возникаетъ особый театръ, веселый, не волнующій, безъ сильныхъ и „неприличныхъ“ страстей. Человѣкъ, когда наѣтся, видитъ природу совершенно не такъ, какъ голодный. Появляется, наконецъ, поэзія, въ которой форма доведена до совершенства, а содержаніе такое же, какъ и въ живописи. Въ ней пряныя страсти, тонкія чувства, вздохи какихъ-нибудь пажей по прекраснымъ царевнамъ. Являются сонеты со стихами въ родѣ слѣдующихъ:

„Cherchez les effets et les causes,
Nous disent les rêveurs moroses.
Des mots, des mots, cueillons les roses“¹⁾.

(т.-е. „Ищите причины и послѣдствія,—говорятъ намъ угрюмые мечтатели. Все это—слова, слова. Будемъ собирать розы“). Но такъ какъ обойденные при дѣлежѣ не могутъ и не хотятъ довольствоваться совѣтами подобнаго рода, то въ странѣ опять начинается броженіе. Литература общественнаго подъема возникаетъ теперь въ обойденныхъ и обиженныхъ классахъ. Движеніе переживаетъ опять циклы, намѣченные выше.

III.

Талантъ это — умѣнье выразить въ какой-нибудь формѣ свою индивидуальность. Бываютъ таланты, на характеръ которыхъ одна изъ причинъ, опредѣляющихъ индивидуальность (эпоха, среда, національность, воспитаніе, наслѣдственность) дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ остальные. Тогда можетъ получиться писатель „не ко времени“. Таковъ былъ Томсонъ. Предъ нами поэтъ съ рѣзкой индивидуальностью, но изломанный и исковерканный ужасной наслѣдственной болѣзью, которая довела его потомъ до послѣдней ступени паденія. Муза его мрачна и трагична. И она тѣмъ замѣтнѣе, что Томсонъ жилъ въ наиболѣе жизнерадостные (для среднихъ классовъ) годы „викторіевской эпохи“. Сильные таланты, т.-е. люди съ рѣзко выраженной индивидуальностью, пропускаютъ явленія повседневной дѣйствительности сквозь призму личнаго настроенія; но никогда не могутъ отдѣлаться отъ нея. Мрачный пессимизмъ впослѣдствіи сталъ единственной струной въ арфѣ поэта; но въ первые годы и Томсонъ отзывался на событія, волновавшія тогда преисполненныхъ „радости бытія“ англійскихъ публицистовъ, поэтовъ и беллетристовъ шестидесятихъ годовъ.

Біографія Томсона несложна и, въ извѣстной степени, напоминаетъ жизнь Эдгара Поэ. Родился онъ въ 1834 г. въ Глазго. Отецъ его былъ офицеромъ въ торговомъ флотѣ.

¹⁾ Théodore de Bauville.

Томсоны всё отличались своею глубокою религіозностью и талантливостью; но на семьѣ лежало страшное проклятье. „Всѣ члены ея, а въ особенности тѣ, которые выдавались своими способностями, страдали алкоголизмомъ и становились съ теченіемъ времени окончательными жертвами его“ ¹⁾. Отецъ Томсона потерялъ службу, вслѣдствіе наслѣдственной болѣзни, и кончилъ жизнь въ больницѣ, въ припадкѣ бѣдой горячки. Молодой Томсонъ рано долженъ былъ оставить школу и, ради куска хлѣба, сталъ учителемъ въ солдатской школѣ въ Ольдершотѣ. Учитель въ англійской казармѣ числился тогда на положеніи солдата. Должность была подчиненная; Томсонъ имѣлъ начальникомъ тупого, самодовольнаго офицера. Учительская служба не могла дать ничего молодому человѣку, такъ какъ и солдаты попались тупые, грубые. На придачу, у Томсона не было совершенно педагогическихъ способностей. Въ казармѣ Томсонъ впервые замѣтилъ, что наслѣдственное проклятіе не минуло его. Болѣзнь у него появлялась въ самой страшной формѣ,—періодически; но ей приходилось еще сломить сильную и богатую натуру. Въ свободное время въ казармѣ Томсонъ много работалъ надъ самообразованіемъ. Въ короткое время съ помощью словаря и грамматики онъ отлично выучилъ языки французскій, итальянскій, испанскій и нѣмецкій. Результатомъ явился впослѣдствіи рядъ великолѣпныхъ переводовъ—изъ Гейне и Леопарди, и также нѣсколько замѣчательныхъ историко-литературныхъ очерковъ.

Съ казарменной жизнью Томсонъ довольно скоро покончилъ. Съ тѣхъ поръ начинаются поиски за кускомъ хлѣба. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что до самой смерти поэтъ такъ и не нашелъ дѣла, которое всецѣло захватило бы его. Томсону приходилось служить секретаремъ, конторщикомъ и иностраннымъ корреспондентомъ въ рядѣ торговыхъ домовъ. Занятіе терялось каждый разъ, когда наступали періоды запоя. Въ первые годы они были раздѣлены большими промежутками времени, что давало Томсону возможность писать. Стать профессиональнымъ писателемъ онъ не могъ. Это обусловливалось многими причинами: взглядомъ Томсона на литературу и на задачи ея, затѣмъ кри-

¹⁾ Henry S. Salt, „The Life of James Tomson“, p. 2.

тическое отношеніе къ той работѣ, которая можетъ найти постоянное помѣщеніе въ „магазинахъ“, философскіе взгляды его, расходившіеся съ оптимизмомъ тогдашнихъ англійскихъ журналовъ. По всей вѣроятности, Томсонъ не способенъ былъ также къ систематической, спѣшной работѣ, требующейся въ періодическихъ изданіяхъ. Въ сентябрѣ 1873 г., вслѣдствіе хлопотъ извѣстнаго члена парламента и публициста Бредло, относившагося тогда очень дружески къ Томсону (впослѣдствіи двадцатилѣтняя дружба прекратилась по винѣ поэта), газета „New York World“ предложила ему отправиться специальнымъ корреспондентомъ въ Испанію, гдѣ началось карлистское возстаніе. Газета предложила хорошія условія; Томсонъ поѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій; но за шесть недѣль послалъ только одно письмо. Газета была очень недовольна и телеграммой вызвала своего корреспондента обратно въ Лондонъ.

Томсонъ выступилъ на литературное поприще въ эпоху, когда общественное настроеніе было необыкновенно приподнято. Въ самой Англій на прибыль шла громадная волна. Въ Италіи дѣятельность Гарибальди приковывала къ себѣ весь міръ. Въ Польшѣ происходила революція. И Томсонъ отзывался и на героическій походъ Гарибальди, и на разгромъ революціи. Въ стихотвореніи „Польскій повстанецъ“ онъ рисуешь ужасъ, охватившій эмигранта въ спокойной странѣ, гдѣ онъ нашель убѣжище:

'Tis so easy to go and die,
'Tis so hard to stag and lieve,
In this alien peace and this comfort callous,
Where only the murderers get the gallows,
Where the jails are for rogues who thieve.
'Tis so easy to go and die,
Where our Country, our Mother, the Martyr,
Moaning in bonds doth lie,
Bleeding with stabs in her breast,
Her throat with a foul clutch prest.

(т.-е. „Такъ легко пойти на смерть и такъ трудно остаться и жить въ противномъ мнѣ спокойствіи и притупляющемъ удобствѣ въ странѣ, гдѣ висѣлицы удѣлъ только убійцъ, а тюрьмы уготовлены лишь для воровъ“.

„Такъ легко пойти на смерть туда, гдѣ наша родина, наша мать и мученица стонетъ въ цѣпяхъ, истекаетъ кровью

отъ ранъ въ груди, тогда какъ жестокія кости врага сдавили ей горло“). Томсонъ глубоко симпатизировалъ всёмъ угнетеннымъ народностямъ и всёмъ жертвамъ соціальной несправедливости. Мы находимъ у него сатирической очеркъ „Bumbleism“ ¹⁾, написанный въ то время, когда англійская литература говорила о благодѣтельныхъ результатахъ свободы и противопоставляла Англию, гдѣ это благо осуществлено, другимъ странамъ. Въ своемъ очеркѣ Томсонъ говорить, что хотя въ обсужденіи политическихъ вопросовъ и въ частной жизни англичане пользуются большей свободой, чѣмъ ихъ сосѣди, но совсѣмъ другое нужно сказать о вопросахъ моральныхъ и соціологическихъ. Въ этой области,—говоритъ Томсонъ,—власть кошелька Бамбля правитъ англійской свободной печатью и свободными учрежденіями и называется не менѣе тяжело, чѣмъ рука любого деспота. Авторъ доказываетъ, что демократіи приходится освободиться не только отъ политическаго неравенства. Религіозная нетерпимость, за которой стоитъ теперь вліяніе плутократіи, имѣетъ рѣшительное и роковое вліяніе на жизнь свободнаго общества. Господство плутократіи, или „бамблеизмъ“,—какъ выражается Томсонъ,—не менѣе губительно, чѣмъ деспотизмъ. „Имперіализмъ“ налагаетъ штрафы, сажаетъ въ тюрьму или отправляетъ въ ссылку. Что же касается Бамбля, то онъ просто приговариваетъ строптивыхъ къ голодной смерти“. Это было писано въ 1857 г.

Въ то время Томсонъ восторженно увлекался Уитманомъ. Комментируя американскаго поэта, онъ писалъ: „Во всей вселенной я не нахожу намека на добро и зло, на благословеніе или проклятіе. Я вижу только всюду верховный законъ Необходимости“ ²⁾. Въ предисловіи къ своей поэмѣ „Lady of Sorrow“, вышедшей въ 1864 г., Томсонъ говорить о своемъ мировоззрѣніи: „Мой другъ Вэнъ (псевдонимъ поэта, который подписывалъ всё свои произведенія инициалами „В. V.“, или „В. Vane“) въ то время заявлялъ, что вѣрить въ безсмертіе души, какъ матеріалистъ вѣрить въ безсмертіе

1) Bumble—извѣстный грубый и жестокій надзиратель рабочаго дома въ романѣ Дикенса „Оливеръ Твистъ“.

2) „I find no hint throughout the Universe
Of good or ill, of blessing or of curse;
I find alone Necessity Supreme“.

матеріи; онъ вѣрилъ, что міровая душа существуетъ отъ вѣка, точно такъ, какъ материалистъ вѣритъ, что матерія существовала всегда, не увеличиваясь и не уменьшаясь, не рождаясь и не умирая. Мой другъ Ванъ такъ же не вѣрилъ въ безсмертіе каждой отдѣльной души, какъ материалистъ— въ безсмертіе cadaго отдѣльнаго тѣла. Только матерія вѣчна, разныя же формы ея непрерывно мѣняются“.

Съ теченіемъ времени мрачный пессимизмъ становится нормальнымъ и постояннымъ настроеніемъ Томсона. Несмотря на преклоненіе предъ Шелли, Томсонъ расходится съ нимъ въ основномъ взглядѣ на человѣчество. Шелли вѣритъ въ постепенное совершенствованіе человѣка, тогда какъ Томсонъ приходитъ къ заключенію, что человѣчество не можетъ вырваться изъ заколдованнаго круга: послѣ многихъ вѣковъ тяжелыхъ страданій оно находится почти въ томъ же состояніи, какъ и раньше, т.е. оно такъ же несчастно.

Вотъ почему, по мнѣнію Томсона, проповѣдь новыхъ взглядовъ на общество и пропаганда истины — бесполезное дѣло. „Если бы мнѣ понадобилось высказать практическую мораль,—говоритъ Томсонъ,—я сказалъ бы, что всякая попытка прозелитизма бесполезна и нелѣпа. Человѣческой индивидуумъ, естественно, органически и нераздѣльно принадлежитъ къ извѣстному виду, входящему въ составъ даннаго общества. Никакимъ повтореніемъ различныхъ формулъ, восклицаній или силлогизмовъ нельзя заставить человѣка отречься отъ самого себя и присоединить его къ другому зоологическому виду“. Исходя изъ этого положенія, Томсонъ приходитъ къ опредѣленію „грѣха“. Это—насиліе надъ своей собственной природой и стремленіе къ запретной цѣли не вслѣдствіе естественнаго желанія, а только по причинѣ тщеславія или совѣта, заключеннаго въ общераспространенной формулѣ. „Омерзителенъ только грѣхъ, который человѣкъ насильно притягиваетъ къ себѣ, а не тотъ грѣхъ, который самъ влечетъ къ себѣ человѣка“.

Съ годами Томсонъ проникается все большимъ отвращеніемъ и ненавистью къ обществу, которому противопоставляетъ „Я“. Является, своего рода, эгоцентрическая система. Окружающій міръ замѣняется страшными призраками, давящими и терзающими это „Я“. „Въ то время, — говоритъ Генри Солтъ, хорошо знавшій несчастнаго поэта,—Томсонъ

иначе не говорилъ объ обществѣ, какъ о сборищѣ изломанныхъ, исковерканныхъ, полуживыхъ уродцевъ, заморившихъ себя компромиссами. Не только общество, какъ коллективное цѣлое, но вообще каждое собраніе, по мнѣнію Томсона, всегда глупѣе индивидуума. Предвидя вопросъ, почему же онъ самъ пишетъ и печатается, если придерживается подобныхъ взглядовъ,—Томсонъ даетъ отвѣтъ въ очеркѣ „The Sayings of Sigvat“. „Хотя слова мои не обратятъ никого и не заставятъ человѣка быть не тѣмъ, что онъ есть,—но они утѣшатъ другихъ, подобныхъ мнѣ отверженцевъ, и помогутъ имъ разобраться въ собственномъ настроеніи“¹⁾. Глубокій пессимизмъ и отчаянье все болѣе и болѣе прошиваютъ произведенія Томсона, по мѣрѣ того, какъ страшная наследственная болѣзнь разрушаетъ его организмъ. Теперѣ промежутки между запоями становятся все короче и короче. Томсонъ ищетъ въ міровой литературѣ родственныхъ натуръ. Онъ съ любовью переводитъ діалоги Леопарди и наиболѣе пессимистическія стихотворенія Гейне. По поводу послѣднихъ переводовъ, Карлъ Марксъ, жившій тогда въ Англіи, написалъ Томсону восторженное письмо. „Вы дали не переводъ, а воспроизведеніе оригинала, какое написалъ бы самъ Гейне, если бы владѣлъ англійскимъ языкомъ съ такимъ же совершенствомъ, какъ и нѣмецкимъ“. Переводы изъ Леопарди тоже единственные въ своемъ родѣ.

Жизнь поэта, между тѣмъ, становилась сплошной цѣпью страданій и лишеній. Онъ потерялъ всѣхъ своихъ друзей. Матеріальное положеніе его было отчаянное. Болѣзнь подтачивала ослабѣвшій организмъ и проявлялась, между прочимъ, ужасной безсонницей, продолжавшейся по нѣсколько ночей. О мученіяхъ поэта тогда намъ говоритъ трагическая поэма „Insomnia“ (Безсонница). Мучительное бодрствованіе выгоняло Томсона изъ его конуры, и онъ бродилъ до утра по соннымъ, темнымъ улицамъ.

„I paced the silent and deserted streets
In cold dark shade and chillier moonlight grey
Pondering a dolorous series of defeats
And black disasters from lifes opening day“²⁾

(т.-е. „Я шагаль по безмолвнымъ и пустыннымъ улицамъ

¹⁾ *Henry S. Salt*, „The Life of James Thomson“, p. 180.

²⁾ „Insomnia“.

въ холодныя темныя ночи и въ еще болѣе холодныя—при сѣромъ свѣтѣ луны. Я думалъ о болѣзненномъ рядѣ неудачъ и черныхъ поражений, которыя принесетъ жизни наступающій день“).

Въ эти безсонныя, холодныя и полныя отчаянья ночи, проведенныя на улицѣ, Томсонъ обдумывалъ и вынашивалъ самую мрачную въ англійской литературѣ поэму, поразительную по силѣ своей—„The City of Dreadful Night“. Погруженный въ непроглядный туманъ, спящій городъ съ печальными тѣнями бездомныхъ, бродящихъ по улицамъ,—становится для Томсона чудовищнымъ символомъ всей вселенной. Человѣчество часто обманываетъ себя и тѣшитъ иллюзіями, какъ власть, вѣра, любовь, чувственныя наслажденія, работа на общую пользу. Пробужденіе и отрезвленіе даютъ человѣку сознаніе, что онъ находится въ „Городѣ страшной ночи“. И невѣдомый странникъ, сжалившись надъ бодрствующими, которымъ чужды иллюзіи, приноситъ имъ въ поэмѣ Томсона „радостныя слова утѣшенія“:

„There is no God; no Fiend with names divine
Made us and tortures us; if we must pine,
It is to satiate no Being's gal“.

(т.-е. „Нѣтъ божества; нѣтъ врага съ божественнымъ именемъ, который сотворилъ и мучитъ насъ; если мы мучились, то не потому, что какое-нибудь существо желаетъ насытить свою злобу“). „Благая вѣсть“ заключается въ томъ, что безсмертія нѣтъ.

„Мы должны терпѣть только до гроба. Священный покой могилы ненарушимъ. Мы засыпаемъ, чтобы никогда больше не проснуться. Отъ насъ не остается ничего, кромѣ разлагающагося тѣла, элементы котораго распадаются и соединяются вновь, образуя землю, воздухъ, воду, растенія и другихъ людей“.

„Мы кончаемъ такимъ образомъ. И все несчастное и жалкое человѣчество исчезнетъ, когда придетъ его чередъ; оно уступитъ мѣсто другимъ существамъ, со своимъ собственнымъ приговоромъ во времени. Безчисленныя зоны явятся послѣ того, какъ послѣдній человѣкъ уйдетъ въ утробу земли, гдѣ теперь покоится мамонтъ“.

„Мы преклоняемся передъ всеобщимъ закономъ, въ которомъ для человѣка нѣтъ особой оговорки, ни жестокой,

ни милосердной, ни преисполненной любви или ненависти. Если жабы и стервятники противны на видъ; если тигры красивы и сильны, то неужели это результатъ милости или гнѣва со стороны судьбы?“

„Во всей вселенной нѣтъ слѣда добра или зла, благословенія или проклятія. Всюду я нахожу только верховную необходимость, а затѣмъ безконечную тайну, бездонную, мрачную, не освѣщенную даже ни одной мимолетной искрой“.

„О, братья по печальной жизни! Утѣшьтеся: она такъ коротка. Еще нѣсколько лѣтъ, и явится избавленіе. Неужели мы не можемъ вытерпѣть ихъ? Если вы не хотите пройти всю дорогу до конца, вы можете быть свободны каждый моментъ, безъ страха пробудиться послѣ смерти“.

Я назвалъ „The City of Dreadful Night“ самой мрачной поэмой въ англійской литературѣ. Въ ней есть еще „Рубаятъ“ (четверостишіе) Омара Хайяма въ передѣлкѣ Фитцъ-Джеральда, гдѣ тоже говорится о всеуносящей, всеокрущающей смерти. „Я прихожу въ міръ, какъ вода, и исчезаю, какъ вѣтеръ,—говоритъ Омаръ Хайямъ.—Я не знаю *почему* и *откуда*. И подобно вѣтру, уносящемуся въ пустыню, я исчезаю неизвѣстно куда“. Но выводъ, къ которому приходитъ персидскій поэтъ и передѣлавшій его англійскій истолкователь, слѣдующій: бери отъ жизни все возможное, покуда она не умчалась. Наслаждайся красотой, поэзіей, любовью, виномъ, покуда ты не превратился въ прахъ. „Моя возлюбленная! Наполни кубокъ виномъ, отгоняющимъ отъ сегодняшняго дня прошлыя заботы и будущій страхъ!.. Приобрѣтай наибольшее число наслажденій прежде, чѣмъ уйдешь въ землю. Ты—прахъ и превратишься въ прахъ и будешь лежать подъ прахомъ безъ вина, безъ цѣсеня, безъ пѣвца и безъ конца“. Такъ говоритъ персидскій вольнодумецъ. У Томсона мы видимъ только мрачное отчаянне. Единственный свѣтлый проблескъ въ человѣческой жизни—смерть, и она—одна возлюбленная, которой ея вѣрный рыцарь поэтъ слагаетъ стансы: „To our Ladies of Death“

„Weary of erring in this desert Life
Weary of hoping hopes for ever vain
Weary of thought which maketh nothing plain,
I close my eyes and calm my panting breath,
And pray to Thee, O ever-quiet Death!
To come and soothe away my bitter pain“.

(т. е. „Я усталъ блуждать въ этой пустынь жизни; усталъ отъ вѣчныхъ тщетныхъ надеждъ, отъ бесполезной борьбы и отъ мыслей, которыя не въ состояніи ничего уяснить. И я закрываю глаза, удерживаю вздохъ и взываю къ тебѣ, вѣчно спокойная смерть. Приди и успокой мои горькія муки!“ „Мой умъ ослабѣлъ, — продолжаетъ дальше поэтъ, — мое сердце остыло, надежды и вѣра давно умерли“¹⁾).

Въ „Agnostic Review“ за апрѣль 1889 г. я нашелъ воспоминанія Стьюарта Росса о послѣднихъ дняхъ Томсона. Предъ нами печальная картина, изображающая несчастнаго поэта незадолго до смерти, когда у него вырвались только что приведенные печальные вопли. „Никогда я не забуду послѣдняго свиданія съ Томсономъ, — говоритъ Стьюартъ Россъ. — Я встрѣтилъ его въ редакціи журнала Agnostic, куда онъ зашелъ въ сопровожденіи единственнаго друга, оставшагося еще у него. То было въ маѣ 1882 г. Рука смерти уже лежала на плечахъ поэта; не торжественная и величественная смерть, а горестный и некрасивый результатъ страшной болѣзни. Лицо поэта выражало не гордый вызовъ смерти, а скорѣе покорное отчаяніе. Съ перваго же взгляда я убѣдился, что Томсонъ находится въ томъ состояніи оупушнѣнія, которое слѣдуетъ за долгимъ запоемъ... Редакторъ выдалъ небольшой авансъ, который Томсонъ, несмотря на всѣ увѣщанія, понесъ къ стойкѣ ближайшаго ресторана. Я, какъ теперь, вижу его, оборваннаго и грязнаго среди нарядной публики, толпившейся у стойки... Когда онъ снялъ засаленную, измятую, дырявую шляпу, я увидѣлъ жидкіе, сѣдые, нечесанные, сбившіеся волосы. Смятое, страшно засаленное, изорванное платье свидѣтельствовало, что Томсонъ не раздѣвался уже нѣсколько дней. Къ панталонамъ и сюртуку прилипли комки грязи, солома, глина. Для мая день стоялъ холодный и пасмурный; моросилъ мелкій дождь, переходившій время отъ времени въ ливень. Между тѣмъ на ногахъ автора „City of Dreadful Night“ были только истоптанныя, тонкія ковровые туфли, безъ чулковъ“. Черезъ мѣсяць послѣ этого несчастный пѣвецъ отчаянья умеръ въ припадкѣ бѣлой горячки. Единственная возлюбленная, которую лелѣялъ въ своихъ мечтахъ Томсонъ, крѣпко и навсегда обняла его...

¹⁾ To our Ladies of Death, стихи 1—7, 12—13.

Вмѣстѣ со смертью наступило продолжительное забвеніе и для произведеній поэта. Критики соглашались, что „City of Dreadful Night“—поразительное по силѣ произведеніе; но оно тѣмъ не менѣе попало въ тотъ индексъ „запрещенныхъ“ книгъ, куда англійская большая публика по своей волѣ, а не по приказу цензора или начальства, вноситъ все не-пріятное, все слишкомъ смѣлое и рѣзкое,—словомъ, все то, что можетъ нарушить покой и хорошее расположеніе духа сытыхъ, довольныхъ жизнью людей. И вотъ черезъ двадцать пять лѣтъ для произведеній Томсона наступаетъ теперь возрожденіе.

IV.

Какъ мы видѣли, Томсона постоянно влекли къ себѣ вѣчные вопросы, возникающіе изъ отношенія „я“ къ космосу. Отношеніе это можетъ быть двоякое: или признаніе своего единства съ природой, своей „жизни въ цѣломъ“, или противопоставленіе своего я всему человѣчеству и природѣ. Въ первомъ случаѣ послѣдствіемъ является радостный взглядъ на жизнь и спокойное отношеніе къ смерти. Мы видимъ его у великихъ естествоиспытателей-скептиковъ: у Дарвина, Гексли, Геккеля, Тиндаля, а также у многихъ великихъ поэтовъ (у Гете, напр.). Отдѣленіе себя отъ природы и противопоставленіе своего я остальному человѣчеству никогда не оставалось безнаказаннымъ. Метафизика постоянно заводила человѣка, въ такомъ случаѣ, въ мрачные подвалы догматизированнаго кѹльта, въ область отчаянья и безумнаго страха смерти. Мои задачи очень скромны. Я хочу привести только нѣсколько иллюстрацій изъ области изящной литературы.

Эгоцентрическое міровоззрѣніе, построенное даже на скептическомъ отношеніи къ существованію закулиснаго режиссера, управляющаго всѣмъ, создавало чувство страшнаго одиночества, въ результатъ котораго является тотъ же постыдный и унижительный страхъ смерти и отчаянье. Мысль, сбившаяся съ пути яснаго пониманія космоса, неизмѣнно попадаетъ въ трясины. Прежде въ мрачные подвалы отчаянья попадали только вѣрующіе; теперь туда же приводитъ отдѣленіе

себя отъ космоса и противопоставленіе своему я всего остального міра. И какъ въ эпоху господства вѣры, теперь появляются такія же мистеріи, навѣяанныя ужасомъ передъ смертью и ужасомъ передъ жинью. Въ XVI вѣкѣ лондонцы содрагались, смотря на мистерію „Каждый человѣкъ“ (Every man); въ началѣ XX вѣка русская публика, замирая, смотритъ на мистерію Андреева, въ которой повторяются тѣ же мотивы въ той же почти формѣ. Выводъ изъ обѣихъ мистерій одинъ и тотъ же, хотя у авторовъ различные взгляды на божество. Человѣческую мысль выводитъ на твердую почву сознаніе своего единства съ природой. Это сознаніе и изученіе космоса даетъ человѣку радостное міровоззрѣніе, примиряетъ со смертью и доставляетъ ему не только представленіе о высшей красотѣ, но даже всѣ тѣ эмоціи, которыя даритъ религія вѣрующимъ.

Къ исторіи міровой литературы ясное пониманіе авторами своего единства съ природой и, какъ результатъ, жизнерадостное міровоззрѣніе и спокойное отношеніе къ смерти *не-рѣдически* смѣняется противоположнымъ взглядомъ, влекущимъ за собою ужасъ предъ жизнью и ужасъ предъ смертью. Я намѣчу только нѣсколько вѣхъ въ этомъ отношеніи въ видѣ великихъ литературныхъ произведеній. Предтечей разумнаго міровоззрѣнія является Лукрецій. Жизнь, доказываетъ онъ въ своей великой философской поэмѣ, даетъ намъ блага, которыми мы не умѣемъ пользоваться. Почему? Потому что мы не научились видѣть ихъ. Мы живемъ въ темнотѣ, которую не пронизываетъ ослѣпительный свѣтъ дня, и не знаемъ природы души. Отсюда выходитъ, что мы создаемъ себѣ тысячи химеръ, рѣшая вопросъ, что станетъ съ нею послѣ смерти. Будь мы твердо убѣждены въ томъ, что душа должна умереть вмѣстѣ съ тѣломъ, мы не страшились бы смерти, а спокойно наслаждались благами жизни. Страхъ смерти отравляетъ намъ наслажденіе жизнью,—говоритъ Лукрецій,—волнуетъ жизнь, „какъ вино въ чашѣ, вслѣдствіе чего на поверхность поднимается весь осадокъ“. Это было написано 21 вѣкъ тому назадъ. А вотъ современный документъ. „О, вы не понимаете даже этого слова смерть!—говоритъ старый поэтъ Норберъ де-Варенъ у Гюи де-Мопассана.—Въ вашемъ возрастѣ оно ничего не означаетъ. Въ моемъ—оно ужасно. Это слово понимается сразу,

неизвѣстно почему и при какихъ обстоятельствахъ; но тогда все въ жизни мѣняется свой видъ. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ я чувствую, какъ смерть обрабатываетъ меня, какъ будто я ношу въ себѣ гложущее меня животное. Я чувствую, какъ она изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ часа въ часъ разрушаетъ меня, какъ домъ, который завалится скоро. Она меня до такой степени обезобразила, что я не узнаю себя больше... Да, она, негодная, искрошила меня. Изъ секунды въ секунду она постепенно продолжаетъ процессъ разрушенія моего тѣла. И вотъ теперь, что бы я ни дѣлалъ, я чувствую, что умираю. Каждый шагъ приближаетъ меня къ смерти; каждое мое движеніе, каждое расширеніе легкихъ ускоряетъ ея отвратительную работу. Дышать, спать, пить, ѣсть, работать, мечтать, все то, что мы дѣлаемъ, означаетъ процессъ умиранія. Жить значитъ умирать... За что удержаться? Къ кому взывать о спасеніи? Во что мы можемъ вѣрить? Всѣ религіи нелѣпы, мораль ихъ ребяческая, а эгоистичныя обѣщанія чудовищно нелѣпы. Вѣрна только смерть“¹⁾.

Еще два вѣка до Лукреція великій греческій философъ училъ человѣчество, какъ избавиться отъ того страха смерти, которымъ проникнуты только что приведенныя слова. Смерть отнимаетъ у насъ только сознаніе. Покуда мы существуемъ, нѣтъ смерти. Когда она наступаетъ, мы не сознаемъ больше. Такъ училъ Эпикуръ. Но Лукрецій далъ болѣе обстоятельный отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ.

„Часто одинъ страхъ смерти внушаетъ людямъ такое отвращеніе къ жизни и къ дневному свѣту, что они кончаютъ съ собою въ припадкѣ отчаянія, забывая, что источникомъ всѣхъ ихъ мученій является этотъ страхъ,—говоритъ Лукрецій въ третьей книгѣ своей поэмы... Да, дитя, находящееся въ темнотѣ, пугается и создаетъ себѣ призраки всякаго рода; но мы сами, среди бѣла дня, мы трепещемъ предъ химерами, хотя онѣ не болѣе страшны, чѣмъ привидѣнія, которыми испуганное воображеніе дѣтей населяетъ мракъ. Этотъ ужасъ, овладѣвшій нашимъ умомъ, этотъ мракъ, страшашій его, можетъ быть разсѣянъ не лучами солнца и не

¹⁾ Guy de Maupassant. „Bel-Ami“, VI.

ослѣпительнымъ блескомъ дня, но изученіемъ природы“ ¹⁾. Человѣкъ трепещетъ предъ призраками, созданными его собственнымъ умомъ. Онъ—рабъ собственнаго суевѣрія. Существованіе кончается вмѣстѣ съ жизнью. Вѣчна только природа, въ единствѣ съ которой мы должны жить. „И если послѣ нашей смерти время соберетъ матерію, изъ которой мы составлены, возстановитъ ее въ состояніе, въ которомъ она находится теперь, и возвратитъ намъ свѣтъ жизни, то что намъ до этого, если нить нашихъ воспоминаній оборвана?—говоритъ Лукрецій...—Развѣ мы заботимся о томъ, чѣмъ мы были раньше?.. Существо можетъ испытывать несчастья и страданія, если оно живетъ въ данный моментъ. Такимъ образомъ, намъ нечего страшиться смерти, потому что тотъ, кто не существуетъ, не можетъ быть несчастнымъ. И что до того, что мы существовали раньше, если смерть, не имѣющая конца, отняла у насъ преходящую жизнь? Если ты видишь человѣка,—продолжаетъ Лукрецій,—котораго ужасаетъ мысль, что послѣ смерти онъ сгніетъ въ могилѣ или что трупъ его пожретъ пламя, или пожрутъ дикіе звѣри,—ты можешь быть увѣренъ, что онъ въ противорѣчій съ самимъ собою и что тайная заноза мучитъ его. Напрасно станеть увѣрять этотъ человѣкъ, что онъ не вѣритъ въ сохраненіе чувства послѣ смерти. Онъ—обманщикъ, противорѣчащій самъ себѣ. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы смерть окончательно оторвала его отъ числа живыхъ. Ему кажется, что нѣчто останется ему—въ могилѣ. Живой человѣкъ, представляющій себѣ, какъ коршуны и дикіе звѣри терзаютъ послѣ смерти его собственное тѣло,—жалѣетъ себя. Онъ не отдѣляетъ еще себя отъ этого предмета и не говоритъ еще послѣднее „прости“ оставленному трупу. Человѣкъ все еще представляетъ, что онъ отданъ звѣрямъ и надѣляетъ трупъ своей собственной способностью чувствовать. Отсюда проистекаетъ, что человѣкъ ропщетъ по поводу того, что созданъ смертнымъ. Онъ не видитъ, что когда наступитъ

¹⁾ Блѣдная русская проза даетъ только слабое представленіе о заключительныхъ кованыхъ стихахъ Лукреція:

„Hunc igitur terrorem amini tenebrasque necessest
Non radii solis, neque lucida tela diei
Discutiant, sed naturae species, ratioque.

(Книга III, ст. 91—93).

смерть, не останется другого я, которое огорчалось бы по поводу смерти его или при видѣ того, какъ сжигаютъ его трупъ... „Какъ? ты не увидишь больше семьи, спѣвающей радостно къ тебѣ навстрѣчу; вѣрная жена и дорогія дѣти, добывающіяся твоихъ поцѣлуевъ, не наполняютъ твоего сердца веселиемъ. Ты не прославишься больше своими дѣяніями. О, несчастный! Одно мгновеніе отняло у тебя всѣ утѣхи жизни!“ Но, говоря подобнымъ образомъ, — продолжаетъ Лукрецій, — люди забываютъ прибавить: „Сожалѣніе объ этихъ благахъ чуждо твоимъ останкамъ“. Если бы эта истина сознавалась ясно; если бы люди были послѣдовательны въ своихъ мысляхъ, — отъ сколькихъ огорченій и ужасовъ избавились бы они?.. Если все сводится ко сну и покою, то что же ужасаетъ въ смерти? Неужели есть основаніе отравлять себѣ всю жизнь!“¹⁾ Изученіе природы и законовъ ея, сознаніе своего единства съ нею внушило Лукрецію здоровое, радостное міровоззрѣніе и то спокойное отношеніе къ смерти, которое мы встрѣчаемъ впослѣдствіи у всѣхъ великихъ естествоиспытателей. Но вотъ античный міръ былъ раздавленъ варварами. Въ періодъ какихъ-нибудь восьмидесяти лѣтъ Италія была послѣдовательно разорена вестъ-готами подъ предводительствомъ Алариха, гуннами Аттилы, вандалами Гензериха, суевами Рицимера, герулами Одоакра и остроготами Теодориха. Рабы и пролетаріатъ не имѣли никакого основанія защищать культуру, правда, очень высокую, но всѣми благами которой пользовался только немногочисленный классъ. Явилось ученіе, революционизировавшее міръ, потому что обращалось къ обойденнымъ и обиженнымъ античной культурой. Но что осталось впослѣдствіи отъ новаго ученія? Правила морали, которымъ не слѣдовали, какъ только люди выбрались изъ катакомбъ. Ссоры и непрерывная рѣзня сектъ (напр., въ Александріи въ V и VI вв.). Благочестивые подлоги, продолжавшіеся пять вѣковъ²⁾. Ненависть и взаимное истребленіе. Ученіе, которое

1) Ib. стихи 860—890.

2) Въ третьемъ вѣкѣ противъ Лактанія выдвинуто было обвиненіе, что онъ вставилъ въ предсказанія Сивиллы Эритрей стихи, предсказывавшія пришествіе Христа. Потомъ первыхъ писателей церкви обвиняли въ томъ, что они составили цѣлый рядъ апокрифовъ: письма Христа къ царю Эдесскому, письма Дѣвы Маріи, посланія Сенеки къ св. Павлу,

должно было установить миръ, принесло съ собою мечъ, кровь и костры. Оно освятило власть и всѣ насилія послѣдней. Бѣднякамъ, помогшимъ свергнуть классической міръ приказано было мириться съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ и за это обѣщалось блаженство въ горнихъ селеніяхъ. Новое ученіе принесло съ собою проклятіе тѣлу, разуму, духу пытливости, радости, законамъ природы, держанію индивидуума. На землѣ нужно только плакать, „земля—тюрьма, а не родина человѣка,—говоритъ старинный трактатъ „De miseria conditionis humanae“. — Все здѣсь враждуетъ другъ съ другомъ—тѣло и духъ, дьяволъ и добродѣтель, люди и животныя. Если водворяется на землѣ миръ и тишина, то не надолго и быстро нарушается либо въ силу внутренняго несовершенства, либо вслѣдствіе зависти и насилія. Постоянна одна скорбь и отовсюду близка одна смерть. Мрачныя видѣнія тревожатъ сонъ человѣка; свѣтлыя исчезаютъ при пробужденіи. Несчастіе преслѣдуетъ его повсюду до самой могилы, идетъ за нимъ въ адъ, въ чистилище, до самаго страшнаго суда“.

Отняла ли вѣра хоть страхъ смерти? Нѣтъ, мы видимъ въ эпоху наибольшаго вліянія вѣры интенсивный страхъ, внушенный адомъ и вѣчный, безумный трепеть ²⁾. Вѣка го-

дѣнія Пилата, и затѣмъ—цѣлый рядъ евангелій (пятьдесятъ), которыя одновременно обращались среди вѣрующихъ. Таковы евангелія отъ св. Ѳомы о дѣтствѣ Христа, отъ Никодима, Вѣчное евангеліе, отъ Вароломея и пр. Сорокъ шесть изъ нихъ были признаны потомъ апокрифами, отверженными, и церковь уничтожала ихъ. Анализъ четырехъ евангелій обнаруживаетъ ссылки и цитаты, не находимыя въ ветхомъ завѣтѣ, но имѣющіяся въ апокрифахъ (Oeuvres de Voltaire. Компактное изданіе 1827 г. v. IV. p.р. 1444).

„Библейская наука нашего столѣтія установила внѣ сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ три наши евангелія, такъ называемыя синоптическія, Маттея, Марка и Луки,—суть компіляціи, которыя достигли своего настоящаго вида только послѣ многихъ измѣненій“. Иначе, какъ компіляціей невозможно было бы объяснить противорѣчія въ синоптическихъ евангеліяхъ, а, въ особенности, между первыми тремя и четвертымъ. „Въ синоптическомъ евангеліи говорится о плотскомъ вождѣлвіи Христа. Въ четвертомъ евангеліи о немъ говорится, какъ о предвѣчномъ Логосѣ или Словѣ, сосуществующемъ съ Богомъ, сошедшемъ съ неба и явившемся въ человѣческомъ образѣ и пр.“ (см. „I. Т. Сэндерлендъ“, Библия, ея происхожденіе и отличит. свойства. стр. 106—115).

²⁾ Этотъ непрерывный трепеть можетъ быть формулированъ словами нѣмецкаго поэта Платена: „Зачѣмъ веселиться при звонѣ лиры; зачѣмъ

сподства вѣры надъ разумомъ были долгой эпохой банкротства человѣка, грубаго и дикаго насилія, попранія личности. Мысль человѣка, оторванная отъ природы, была загнана въ монастырь. „Естественный источникъ знанія — природа — былъ забытъ на нѣсколько вѣковъ. Слепое подчиненіе авторитетамъ повело, какъ всегда это бываетъ, къ умственной смерти... Научное изслѣдованіе замѣнилось вымысломъ, столь же унизительнымъ для человѣческаго ума, какъ современный спиритуализмъ. Явилась схоластическая философія и умственная застой. Человѣческая мысль заблудилась, какъ моряки во время тумана, потерявшіе компасъ, и кружила на одномъ и томъ же мѣстѣ“¹⁾.

V.

Но вотъ начался протестъ во имя радости жизни, счастья, разума. Человѣкъ, связанный нѣсколько вѣковъ, какъ мумія, освободился отъ савана и поднялъ могильный камень, наваленный на него культомъ. Какъ Фаустъ, человѣкъ могъ сказать:

„Vom Eise befreit sind Storm und Bäche
Durch des Frühlings holden, belebenden Blick;
Im Thale grünet Hoffnungsglück“.

(т.-е. „Потоки и ручьи освободились отъ льда подъ влияніемъ кроткой и оживляющей улыбки весны. Въ долину зеленѣетъ новая трава“). Началась эпоха возрожденія; наступило возвращеніе къ разумному, здоровому пониманію природы. Увлеченіе идеалами языческаго міра въ то время было протестомъ во имя жизни противъ отчаянія и вѣчнаго страха смерти. Впослѣдствіи эпоха возрожденія кончилась такъ же, какъ и классическій міръ: ее задушили завоева-

предаваться тысячъ прелестныхъ игръ и сладкимъ побужденіямъ когда постоянно, у насъ за спиной стережетъ фуриа

Und unser Leben zwei Sekunden dauert?

(„и когда наша жизнь продолжается лишь двѣ секунды“).

¹⁾ См. „The Belfast Address“ Тиндала („Fragments of Science“, p. 482). Этотъ докладъ на засѣданіи Британской Ассоціаціи ученыхъ въ Вельфаствѣ я позволилъ бы себѣ указать нашимъ переводчикамъ. Занимаетъ онъ, вмѣстѣ съ апологіей, 91 страницу.

тели, явившіеся съ сѣвера. Какъ и въ классическомъ мірѣ, въ итальянскихъ республикахъ обойденный деревенскій пролетаріатъ не нашель надобнымъ защитить ту культуру, хотя и очень высокую, которая совершенно обошла его. (Всѣ эти причины отлично выяснены у Виллари въ первомъ томѣ его труда „Machiavelli e i suoi tempi“). Но для меня теперь интересно самое яркое литературное произведеніе начала эпохи возрожденія — *Декамеронъ*. Полно глубокаго смысла помѣщеніе въ самомъ началѣ его описанія флорентинской чумы 1348 г. Это—смерть стараго культа. Вѣра могла встрѣтить эпидемію только или безумнымъ страхомъ, или не менѣе безумнымъ разгуломъ. Герои *Декамерона*, т.-е. тѣ друзья, которые рассказываютъ другъ другу новеллы, поражаютъ насъ среди этого повальнаго страха своимъ спокойнымъ и радостнымъ отношеніемъ къ жизни и смерти. Въ вѣкъ, когда всюду дымилась кровь еретиковъ, Боккачіо провозглашаетъ широкую вѣротерпимость (*Novella di tre anella*, т.-е. сказка о трехъ кольцахъ ¹⁾), обработанная впоследствии Лессингомъ). За пять вѣковъ до появленія Вольтера Боккачіо пользуется тѣмъ же приемомъ, т.-е. фривольной сказкой, чтобы высказать поразительныя по смѣлости мысли, за которыя долго потомъ еще жгли на кострахъ. Въ такихъ на первый взглядъ въ высшей степени фривольныхъ новеллахъ, какъ про Алибеку, которую „monaco insegue rimettere il diavolo in inferno“ ²⁾, въ дѣйствительности слышится вольтеровскій смѣхъ. Боккачіо признаетъ только одно „resurrezion della carne“. Жизнь въ цѣломъ, пониманіе природы, гармонія между духомъ и тѣломъ даетъ то спокойствіе къ смерти, которымъ насъ поражаетъ вступленіе къ *Декамерону*, полное глубокаго смысла.

Въ исторіи литературы мы не разъ видимъ, какъ повторяется циклъ возрѣній на природу, который я пытался намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ. Противопоставленіе я космосу, являлось ли оно результатомъ фанатизма или презрѣнія къ человѣчеству,—всегда приводитъ къ отчаянью и страху смерти. Съ другой стороны, пониманіе единства съ природой дало поэтамъ спокойствіе. Стремленіе къ идеалу

¹⁾ Третья новелла перваго дня.

²⁾ Десятая новелла третьяго дня.

и наслажденіе жизнью отнюдь не взаимно исключаютъ другъ друга, какъ утверждаетъ Шиллеръ:

„Zwei Blumen blühen für den weisen Finder,
Sie heißen Hoffnung und Genuss.
Wer dieser Blumen eine brach, begehre.
Die andre Schwester nicht“.

(Ф. Б. Миллеръ только приблизительно передаетъ смыслъ этихъ стиховъ: „Я цвѣтъ далъ двумъ цвѣтамъ, для смертныхъ поколѣній. Мудрецъ ницѣ ихъ, цвѣтъ есть наслажденій и цвѣтъ надежды есть. И если ты одинъ сорвалъ, стремленье къ другому тщетный трудъ“). Нагляднымъ примѣромъ является американскій поэтъ Уотъ Уитманъ. И тутъ мы опять возвращаемся къ несчастному Томсону, который посвятилъ Уитману одинъ изъ лучшихъ своихъ критическихкихъ очерковъ.

„Простота есть идеаль искусства, вѣнецъ литературнаго произведенія, его сіяніе... Нѣтъ ничего лучше простоты...“,— говоритъ Уотъ Уитманъ въ предисловіи къ первому изданію „Leaves of Grass“. Второй необходимый элементъ истиннаго искусства—признаніе, что нѣтъ дѣйствій человѣка, недостойныхъ поэзіи. Человѣкъ—божественъ самъ по себѣ. Божественна вся жизнь его, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Отсюда вытекаетъ назначеніе поэта.

Вся теорія о сверхъ-естественномъ и все то, что выводилось изъ нея или связывалось съ ней,—разсѣялась теперь, какъ сонъ. Во вселенной нѣтъ ничего болѣе божественнаго, чѣмъ мужчина и женщина.

Назначеніе великихъ поэтовъ — ободрять рабовъ и страшить деспотовъ.

„Скоро въ міръ не будетъ священнослужителей. Дѣло ихъ кончено. Они, быть можетъ, просуществуютъ еще поколѣніе или два, а затѣмъ исчезнутъ мало-по-малу. Ихъ замѣнитъ высшая порода. Возникнетъ новый порядокъ. Явятся священнослужители человѣчества, и каждый человѣкъ будетъ собственнымъ священникомъ“. А вотъ какъ поэтъ выражалъ въ стихахъ свое міровоззрѣніе.

„I do not press my fingers across my mouth;
I keep as delicate around the bowels as around the head and heart;
Copulation is no more rank to me than death is.
I believe in the flesh and the appetites;

Seeing, hearing, feeling, are miracles, and each part and tag of me is
a miracle.

Divine am I inside and out, and I make holy whatever I touch or am
touch'd from;

The scent of these arm-pits aroma finer than prayer;
This head more than churches, bibles, and the creeds“.

(т.-е. „Я не закрываю пальцами рта. Дѣйствія желудка такъ же изумительны, какъ сердца или головы. Я не считаю болѣе грубымъ говорить о совокупленіи, чѣмъ о смерти. Я вѣрю въ плоть и въ отравленія ея. Зрѣніе, слухъ, осязаніе — все это чудеса; каждая частица моего тѣла — чудо. Я божественъ. Божественны мои мысли и дѣйствія. Священнымъ становится все то, къ чему я касаюсь или что приходитъ въ соприкосновеніе со мною. Запахъ этихъ подмышекъ лучше молитвы. Эта голова лучше храмовъ, библій и всѣхъ религій“). Изъ сознанія божественности человѣка вытекаетъ глубокая жалость ко всѣмъ униженнымъ и втоптанымъ въ грязь. Уотъ Уитманъ заявляетъ себя выразителемъ „голосовъ, подавленныхъ въ теченіе вѣковъ“, и желаетъ, чтобы были услышаны:

„Voices of the interminable generations of slaves;
Voices of prostitutes, and of deform'd persons;
Voices of the diseas'd and despairing, and of thieves and dwarfs“.

(т.-е. „Голоса безконечныхъ поколѣній рабовъ; голоса блудницъ, калѣкъ, голоса больныхъ, отчаявшихся, воровъ и карликовъ“).

„Я повторяю запретныя до сихъ поръ рѣчи. Я говорю о сладострастїи, о томъ, что прежде прикрывалось тафтой. Нескромныя рѣчи я очистилъ и преобразилъ“.

Взглядъ Уитмана на божественность жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ оригинально выраженъ въ слѣдующихъ стихахъ: „Мнѣ кажется, я могъ бы жить среди животныхъ; ослы такъ кротки и такъ сдержанны, что я могу наблюдать ихъ часами. Животныя не убиваются и не хнычутъ, когда у нихъ дѣла идутъ плохо. Они не оплакиваютъ въ безсонныя ночи своихъ грѣховъ и не произносятъ тошнотворныхъ проповѣдей объ обязанностяхъ къ Богу. Животныя не поражены безуміемъ имѣть собственность; они не преклоняются ни другъ предъ другомъ, ни предъ какимъ-нибудь другимъ сородичемъ, жившимъ за тысячи лѣтъ“.

Уотъ Уитманъ воспѣваетъ всю дѣятельность тѣла во
всѣхъ проявленіяхъ.

„Welcome is every organ and attribute of me, and of any man hearty
and clean;
Not an inch, nor a particle of an inch, is vile, and none shall be less
familiar than the rest“ 1).

Онъ воспѣваетъ жизнь, тайнства любви и материнства.
Въ поэмахъ *Children of Adam* мы видимъ возрожденіе культа
Діониса, но только облагороженнаго, въ соотвѣтствіи съ
другимъ временемъ и иной культурой. „Уитманъ не сты-
дится тѣла, какъ не стыдится души. Онъ пишетъ „Пѣсню
открытой дороги“. Это—гимнъ про тотъ символическій путь,
которымъ долженъ идти всякій, не замуравившій себя въ
темницу условностей. Никто не знаетъ, куда ведетъ этотъ
путь. Извѣстно только, что люди, идущіе имъ, свободны и
увѣрены въ своихъ силахъ. Всѣхъ, слѣдующихъ за Уитма-
номъ, поэтъ называетъ своими товарищами. По опредѣленію
Уитмана, идеальный поэтъ это—космосъ, въ которомъ отра-
жается весь міръ“ 2).

Подведу кое-какіе итоги этимъ крайне бѣглымъ замѣт-
камъ. Зависимость большинства литературныхъ настроеній
отъ общественныхъ движеній показываетъ, какія условія
необходимы, чтобы появилась литература здоровая, смѣлая,
устраняющая страхъ смерти. Необходимо, прежде всего,
обезпечить всѣмъ равное право на трудъ. Необходимо уstra-
нить изъ жизни нелѣпый элементъ, который даже людей
съ такимъ крупнымъ талантомъ, какъ Томсонъ, превра-
щаетъ въ „обломки человѣчества“. Это — тотъ коррективъ,
при наличности котораго не могли бы погибнуть двѣ вели-
кія культуры.

Устранить смерть человѣчество не въ силахъ; но оно
можетъ отнять безсмысленность ея; то, что формулировано
стихами:

„Дни наши сочтены не нами:
Цвѣль юноша вечеръ, а нынче умеръ.
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу“.

1) Мы видимъ тутъ выраженіе взгляда, высказаннаго еще Фейерба-
хомъ: „Жизнь вообще, въ своихъ существенныхъ, субстанціальныхъ
отношеніяхъ, божественна“.

2) *J. Thomson, Poems, Essays and Fragments, p. 188.*

Даже и теперь, при очень слабых попытках, смертность дѣтей, въ нѣкоторыхъ англійскихъ городахъ, гдѣ этимъ вопросомъ занялись,—понижилась на 50%. Въ нормальномъ обществѣ, въ недалекомъ будущемъ, смерть должна стать удѣломъ только преклонныхъ стариковъ, взявшихъ все отъ жизни, утомившихся ею и спокойно относящихся къ окончательному сліянію съ великимъ космосомъ. Тогда осуществится легенда древняго міра о счастливыхъ гипербореяхъ, не боявшихся смерти и бросавшихся въ объятія ея, когда жизнь утомляла ихъ. Дальше, для устраненія страха смерти необходимо распространеніе знанія природы. Требуется знаніе не отдѣльныхъ фактовъ, а овладѣніе *методомъ*. Такимъ образомъ, наслажденіе научнымъ творчествомъ станетъ общимъ удѣломъ. Трудно себѣ представить даже тотъ прогрессъ, который сдѣлаетъ тогда знаніе. Впереди всѣхъ будутъ идти поэты и художники, которые, вслѣдствіе своей необыкновенной чуткости, будутъ предугадывать научныя открытія, какъ это сдѣлалъ, напр., Свифтъ. Въ „Путешествіяхъ Гулливера“ онъ говоритъ, что жители летучаго острова обладаютъ замѣчательными инструментами, при помощи которыхъ открыли двухъ спутниковъ Марса; одинъ изъ нихъ обращается вокругъ планеты въ десять часовъ, а другой въ $2\frac{1}{2}$. Это, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ научныхъ предсказаній. Тридцать лѣтъ тому назадъ оно показалось бы астрономамъ нелѣпностью, потому что разное время обращенія двухъ спутниковъ вокругъ одной планеты непримѣрно въ нашей солнечной системѣ и противорѣчитъ издавна сложившейся гипотезѣ о происхожденіи планетъ и спутниковъ изъ общаго ядра туманной матеріи. Между тѣмъ предсказаніе Свифта оправдалось черезъ 170 лѣтъ. Въ 1877 г. американскій астрономъ Hall дѣйствительно не только нашелъ двухъ спутниковъ Марса (Фобосъ и Деймосъ), но показалъ, что времена оборотовъ ихъ различны: 7 ч. 39 м. и 30 ч. 18 м., т.-е. приблизительно такъ, какъ угадалъ Свифтъ. Когда методъ изученія природы станетъ общимъ достояніемъ, тогда жизнь сразу приобрететъ необыкновенную многогранность. Исчезнутъ жалобы на пустую, сѣрую, прозаическую, неинтересную жизнь. Природа слишкомъ разнообразна для такихъ жалобъ.

Нужно выучиться наблюдать природу; теперь мы оторва-

лись отъ нея, и поэтому непониманіе ея внушаетъ такой же страхъ, какой испытывалъ доисторическій человѣкъ, стоявшій передъ естественными явленіями. Природа одна намъ можетъ дать представленіе о дѣйствительной красотѣ; она одна можетъ внести въ насъ восторженное чувство сознанія жизни въ цѣломъ. Она дастъ также тѣ же высокія эмоціи, какія вѣрующій выноситъ изъ молитвы. Пониманіе природы устанавливаетъ въ наблюдателѣ связь съ прошлымъ и примиреніе со смертью, т.-е. сліяніе съ вѣчнымъ. Понимающему ее, природа расскажетъ саги, предъ которыми всѣ великія легенды, придуманныя человѣкомъ, покажутся дѣтскимъ лепетомъ. И какими жалкими и безпомощными покажутся тогда тѣ проклятія, которыми въ мистеріи Андрева человѣкъ осыпаетъ нѣкоего въ сѣромъ!

De Profundis.

I.

Беллетристы и поэты всѣхъ странъ много разъ брались за изображеніе одного типа, принадлежащаго къ древнему міру временъ разложенія его: типа патриція-скептика, извѣрившагося въ старыя идеалы, но не могущаго послѣдовать за новыми, намѣтившимися уже среди массъ. Такой патрицій-скептикъ, любитъ только прекрасное, презираетъ плебсъ, на порокъ смотритъ, только какъ на иѣчто забавное. Типъ этотъ очень избитый въ литературѣ. Мы имѣемъ много болѣе или менѣе отчетливо сдѣланныхъ клише. Въ силу установившагося шаблона историческіе романисты иногда заставляютъ переживать своихъ героевъ тяжелыя, но всегда изящныя несчастья, и тогда Петроній кончаетъ не самоубійствомъ, а становится ревностнымъ приверженцемъ новаго культа.

Ни поэты, ни романисты не рѣшились бросить своего Петронія въ грязь, изломать его жизнь, сдѣлать его героемъ отвратительнаго, мерзкаго процесса, чтобы посмотреть, что изъ этого выйдетъ. Сдѣлала этотъ отвѣтъ за нихъ жизнь надъ реальнымъ Петроніемъ конца XIX вѣка. А что изъ того вышло, про то говоритъ замѣчательная книга „De Profundis“, посмертная исповѣдь втоптаннаго въ грязь Петронія. Книга эта, когда появилась, была расхватаана съ жадностью.

Дѣло идетъ объ Оскарѣ Уайльдѣ, который когда-то былъ кумиромъ значительной части англійскаго общества. Молодой писатель поражалъ тогда своими блестящими, оригиналь-

ными произведеніями, а также вычурно-эксцентричными манерами. Онъ появлялся, напримѣръ, на прогулкахъ въ костюмахъ невѣроятныхъ цвѣтовъ и страннаго покроя, съ громаднымъ подсолнечникомъ въ рукахъ. Произведенія Оскара Уайльда проповѣдывали особый эстетическій аристократизмъ; но сущность его, впрочемъ, мало улавливалась безконечною толпой восторженныхъ поклонниковъ, молившихся на изящнаго писателя.

Публика, вращавшаяся вокругъ Оскара Уайльда, подражавшая ему и доводившая до нелѣпой каррикулы эксцентричныя выходки моднаго писателя, была крайне своеобразна. Состояла она изъ золотой молодежи, блазированной, скудоумной, не знающей, что бы придумать, чтобы не походить на „толпу“, т.-е. на средніе классы, поражающіе наблюдателя своею силою, энергіей, работоспособностью и настойчивостью. Изъ этихъ классовъ только рѣдкіе представители попадали къ „Upper tenth“, къ высшей аристократіи, среди которой вращался Оскаръ Уайльдъ. Нѣкоторое представленіе объ аколитахъ его можетъ дать лордъ Англези, скончавшійся въ 1905 году. Маркизы Англези, носившіе также титулы графовъ Аксбриджъ и бароновъ Паджетъ, встрѣчаются въ исторіи Англии много разъ. Родъ этотъ далъ суровыхъ завоевателей, явившихся въ Англію съ сыномъ Роберта Дявола, затѣмъ—крестоносцевъ, сражавшихся съ сарацинами, и цѣлый рядъ полководцевъ. Мало-по-малу сказывались черты вырожденія. Маркизы Англези стали славны безпутной жизнью и невѣроятными выходками. Отецъ только что скончавшаго маркиза по характеру своему напоминаетъ *roué* временъ Людовика XV. Мы видимъ въ личности такой же развратъ, такое же презрѣніе къ массамъ и такое же „вольтеріанство“. О послѣднемъ можетъ дать представленіе слѣдующій анекдотъ. Въ родовомъ замкѣ близъ Бангора, гдѣ Англези жили со временъ Пантагенетовъ, случился маленькій пожаръ. Съ нимъ справились быстро и приняли мѣры предосторожности: накупили гранатъ съ сжатымъ газомъ для тушенія огня. Гранатъ оказалось слишкомъ много. И вотъ дворецкій явился къ маркизу просить распоряженій насчетъ оставшихся гранатъ. Маркизь лежалъ въ постели. То было за нѣсколько дней до смерти его.

— Что дѣлать съ гранатами для тушенія огня?—спро-

силъ маркизъ. Положите ихъ со мной въ гробъ. Онѣ мнѣ пригодятся на томъ свѣтѣ.

Новый маркизъ Англезии былъ типичный *détraqué*. Нужно себя представить болѣзненнаго, тщедушнаго, очень некрасиваго человѣка, съ коническимъ черепомъ, съ толстыми шлепающими губами, съ лицомъ, половина котораго постоянно передергивалась. Таковъ былъ одинъ изъ главныхъ аколитовъ Оскара Уайльда. У маркиза Англезии были три страсти: эксцентричные наряды, драгоценные камни и театр. Когда маркизъ обанкротился, то въ продажу были назначены, между прочимъ, триста шубъ, пятьсотъ пальто, четыре тысячи костюмовъ и пр. Чтобы отличиться отъ „толпы“, маркизъ Англезии носилъ розовые и голубые атласные фраки, зеленые короткіе панталоны, ярко красные чулки. Шестъ лакеевъ специально были заняты завѣдываніемъ гардероба. Драгоценные камни составляли другую слабость маркиза. Ко времени банкротства ихъ у него было на нѣсколько милліоновъ. Маркизъ сверкалъ алмазами и рубинами. Характерно также было то, что ящики съ драгоценностями на нѣсколько сотъ тысячъ перевозились небрежно въ ремешкахъ, вмѣстѣ съ пледомъ и зонтиками, валялись въ приемныхъ залахъ и пр. Маркизъ Англезии страстно любилъ сцену, самъ писалъ „пантомимы“ (т.е. родъ оперетокъ) и появлялся въ нихъ въ собственномъ театрѣ, устроенномъ въ родовомъ замкѣ. Съ этой цѣлью онъ держалъ на жалованіи труппу актеровъ въ тридцать человѣкъ. Роли, которыя бралъ себѣ маркизъ, были таковы, что въ нихъ онъ могъ показать свои брилліанты. Такъ, напр., онъ игралъ Алладина или Синбада Мореходца. Зрителями были лавочники изъ Бангора, фермеры и вообще подчиненный народъ, считавшій посѣщеніе театра обязательнымъ. Англезии, тѣмъ не менѣе, сильно волновался каждый разъ, когда выступалъ на собственной сценѣ предъ подневольными зрителями. Онъ организовалъ правильную клаку изъ бангорскихъ лавочниковъ, которыхъ обучилъ, какъ аплодировать. Когда на сцену выступалъ Англезии, двери театра запирались, и никто не смѣлъ оставить залъ раньше паденія занавѣса. Наконецъ, лордъ Англезии, упоенный успѣхомъ, пожелалъ пожать лавры предъ болѣе широкой аудиторіей. Онъ сталъ объѣзжать со своей труппой большіе города. Каждая постановка стоила ему гро-

мадныхъ денегъ: нужно было подкупать антрепренеровъ, клаку; необходимо было снимать театры. Когда лордъ Англези вступилъ во владѣнїе своими громадными помѣстьями въ Уэльсъ, Стафордширъ, Дербиширъ и Дорсетъ, они приносили въ годъ ему миллионъ рублей дохода. Кромѣ земли, лорду принадлежали еще рудники, дома, фабрики. Черезъ четыре года маркизъ обанкротился. Помѣстья, какъ родовыя, не могли быть проданы, но кредиторы забрали брилліанты, костюмы, сцену, наложили арестъ на доходы. Лордъ Англези придумалъ тогда способъ, какъ сразу поправить дѣла: онъ рѣшилъ обыграть банкъ въ Монте-Карло. Тамъ благородный лордъ и скончался послѣ большого проигрыша. Эпизоды изъ театральной жизни лорда Англези напоминаютъ мнѣ черты изъ жизни другого героя, калибромъ гораздо крупнѣе, принадлежавшаго тоже къ разлагавшемуся міру. „Онъ набралъ повсюду молодыхъ всадниковъ и болѣе пяти тысячъ дюжинъ плебеевъ,—говорить современникъ,—раздѣлилъ ихъ на нѣсколько отрядовъ и научилъ ихъ апплодировать на различные лады: глухо, шумно, вогнутыми ладонями, кастаньетами. Такъ они дѣлали каждый разъ, когда онъ пѣлъ...“ Несмотря на клаку, этотъ герой древняго міра волновался не меньше лорда Англези предъ выходомъ на сцену. „Трудно представить себѣ, какой онъ испытывалъ страхъ и какое безпокойство каждый разъ, когда выступалъ на сцену“,—говорить тотъ же историкъ. Отношеніе къ зрителямъ было тоже одинаковое. „Когда онъ пѣлъ, никому не позволялось выходить изъ театра. Многіе зрители, которымъ надоѣло слушать и апплодировать, перебирались потихоньку черезъ городскія стѣны (ворота были заперты) или притворялись мертвыми, чтобы ихъ выносили изъ театра для погребенія“¹⁾.

У Нерона былъ только большій размахъ и безпредѣльная власть; но въ основѣ натура была такая же.

Лордъ Англези принадлежалъ къ свитѣ Оскара Уайльда. Въ ней происходилъ своеобразный процессъ эндосмоса и экзосмоса. Блазироваанные поклонники перенимали эксцентричныя выходки и ловили на лету парадоксы, а Оскаръ Уайльдъ впитывалъ въ себя пороки этого разлагающагося

¹⁾ Светоній, Двѣнадцать цезарей. Неронъ. Главы XX—XXIII.

общества. Подобный процесс мы наблюдаемъ въ древнемъ мірѣ, когда онъ разлагался. И тамъ можно намѣтить въ верхахъ общества (потому что только въ отношеніи къ нимъ и примѣнимо слово *разложеніе*) два основныхъ типа предшественниковъ Оскара Уайльда и лорда Англезі: Петронія и Нерона. Съ одной стороны — поразительно талантливая натура, видящая гибель окружающаго міра, но не имѣющая силъ порвать съ нимъ и присоединиться къ взыскующимъ, эти натуры спокойно, безъ негодованія, смотрятъ на безумства и развратъ Нероновъ, принимая даже участіе въ оргіяхъ. Въ наше время, въ западно-европейскомъ демократическомъ государствѣ, нероны-правители, къ счастью, совершенно невозможны. Но Светоній описываетъ намъ также Нерона, не только жгущаго города и убивающаго людей (такой Неронъ въ современномъ демократическомъ обществѣ невозможенъ), но и развратника съ извращенными чувствами. „Неронъ,—говоритъ лѣтописецъ,—сдѣлалъ евнухомъ молодого Спора и утверждалъ, что превратилъ его въ женщину. Неронъ приблизилъ его къ своему двору, надѣлилъ приданымъ, украсилъ брачнымъ покровомъ и женился на немъ. При этомъ были соблюдены всѣ обычныя брачныя церемоніи“. Петроній въ своемъ *Сатириконѣ* только съ юморомъ, безъ скорби, протеста или ужаса описываетъ такія же интимныя отношенія. Судя по Светонію, поступокъ Нерона тоже вызвалъ только остроумныя замѣчанія: „Родъ чловѣческій былъ бы счастливъ, если бы отецъ Нерона Домицій тоже взялъ себѣ супругу подобнаго рода“. Неронъ одѣлъ Спора, какъ императрицу, и появлялся съ нимъ въ однихъ носилкахъ на праздникахъ въ Римѣ. Время отъ времени Неронъ при всѣхъ цѣловалъ Спора. Слѣдующее за тѣмъ мѣсто у Светонія, изложенное въ томъ же спокойномъ тонѣ, слишкомъ ужасно для перевода¹⁾.

„Неронъ,—продолжаетъ Светоній,—проституировалъ себя до такой степени, что осквернилъ почти всѣ члены своего тѣла“. (Слѣдуетъ опять не переводимый эпизодъ²⁾)—Неронъ

¹⁾ „Nam matris concubitum appetisse... Olim etiam quoties lectica cum matre veheretur, libidinum incestu, ac maculis vestis proditum affirmant“.

Светоній. Двѣнадцать цезарей. Жизнь Нерона XXVIII.

²⁾ „Conficeretur a Doryphoro liberto; cui etiam, sicut ipsi Sporus, ita ipse denupsit“.

былъ глубоко убѣжденъ, что нѣтъ человѣка, который былъ бы чистъ въ какой бы ни было части тѣла; но увѣрялъ, что большая часть скрываетъ свои пороки и искусно маскируетъ ихъ“.

Процессъ Оскара Уайльда въ 1895 г. и герцога Браганцскаго въ 1903 г. показали, что нравы, описанные Светоніемъ, не отошли въ область исторіи. Присущи они опредѣленному классу, „upper tenth“, т.-е. высшей аристократіи. Континентальныя страны не составляютъ исключенія. Въ произведеніяхъ Оскара Уайльда мы находимъ черты, присущія не только Петронію, но и Лукрецію. Какъ и великій скептикъ древняго міра, Уайльдъ могъ бы формулировать свои взгляды на понятія извѣстной категоріи стихами: „Ex nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti“ (Ничто не рождается изъ ничего, ничто не уничтожается), *Tantum religio potui suadere malorum*“ (Всѣ бѣдствія порождены вѣрой), „Nil igitur mors est, ad nos neque pertinent hilum“ (Перестать существовать— бездѣлица. Вся жизнь кончается, когда тѣло умираетъ), „Hinc Acherusia fit stultorum denique vita“ (Старые глупцы находятся во власти суевѣрій). Но Лукрецій, уничтоживъ вѣру въ Юпитера и во всю свиту его,—оставилъ ихъ самихъ. То же сдѣлалъ и Оскаръ Уайльдъ... Дальше читатель найдетъ нѣкоторыя подробности.

Успѣхъ Оскара Уайльда былъ головокружительный. Романами его зачитывались. Крылатые парадоксы подхватывались на лету. Когда на сценѣ появились комедіи его— „Lady Windermere's Fan“, „A Woman of no importance“, „The ideal Husband“ и „The importance of being Earnest“— весь Лондонъ ломился въ театръ. Представленіе каждой пьесы составляло событіе. Мало того. Преклоненіе предъ изящнымъ, блестящимъ, красивымъ авторомъ превратилось въ культъ. Его бюсты украшались вѣнками. И вдругъ въ началѣ 1895 г., послѣ постановки новой комедіи, слава Оскара Уайльда достигла почти безпримѣрной высоты,—наступилъ крахъ. Послѣдовалъ арестъ, затѣмъ скандальный процессъ, потомъ—заключеніе въ каторжной тюрьмѣ. Хорошо освѣдомленный человѣкъ сказалъ мнѣ, что въ лицѣ Оскара Уайльда покарали тѣхъ, которыхъ даже въ Англіи не дерзаетъ коснуться законъ. Какъ бы тамъ ни было, печать въ то время проявила слишкомъ много фарисей-

скаго негодованія. Просматривая теперь эти статьи, можно подумать, что преступленіе, за которое осудили Уайльда, представляет нѣчто единственное, совершенно исключительное и безпримѣрное. Оскаръ Уайльдъ сталъ объектомъ ужаса. Его пьесы сняли съ театра, произведенія—исчезли изъ книжныхъ магазиновъ. Считалось неприличнымъ произнести даже имя поэта. Свита Оскара Уайльда, всѣ эти блазированные нервники, рассыпались въ страхъ во всѣ стороны и перебрались на время на континентъ, въ Египетъ или на Цейлонъ. Пронеслись потомъ глухія извѣстія, что Оскаръ Уайльдъ отбылъ срокъ каторжныхъ работъ, освобожденъ, уѣхалъ куда-то и умеръ. „Однимъ грѣшникомъ меньше“,—сказали фарисеи. И вотъ черезъ десять лѣтъ теперь снова всѣ газеты и всюду въ обществѣ заговорили восторженно про Оскара Уайльда. Появились посмертныя записки его, озаглавленныя „De Profundis“ и изданныя лицомъ, близко знавшимъ автора. Книга вышла со многими пропусками, придающими ей совершенно фрагментарный характеръ.

II.

Оскаръ Уайльдъ въ страшной поэмѣ „The Ballad of Reading Gaol“, въ поразительныхъ по силѣ стихахъ, описалъ свою внѣшнюю жизнь въ тюрьмѣ.

„We tore the tarry rope to shreds
With blunt and bleeding nails;
We rubbed the doors, and scrubbed the floors,
And cleaned the shining rails;
And, rank by rank, we soaped the plank,
And clattered with the pails.

„We sewede the sacks, we broke the stones,
We turned the dusty drill:
We banget the tins, and bawled the hymns,
And sweated on the mill:
But in the heart of every man
Terror was lying still“.

(Т.-е. „Мы щипали по ниткамъ сломанными и окровавленными ногтями просмоленный канатъ; мы натирали двери, скребли полы и чистили сіяющія перила. Вытянувшись въ рядъ, стуча ведрами, мы мылили мыломъ доски.

„Мы шили мѣшки, дробили камни, вертѣлись на пыльномъ дворѣ для прогулокъ. Мы стучали нашей оловянной посудой, гнусили гимны, обливаясь потомъ на мельницѣ-топчакѣ¹⁾. Но въ сердцѣ каждаго изъ насъ тихо лежалъ ужасъ“).

Книга „De Profundis“ изображаетъ намъ внутренній міръ писателя за это время. Мы видимъ, что перенесъ онъ во время суда, затѣмъ, когда его перевозили скованнымъ въ каторжную тюрьму и продержали почти часъ на платформѣ желѣзнодорожной станціи, гдѣ надъ нимъ глумилась толпа. Предъ нами раскрываются страданія Петронія конца XIX вѣка. Обо всемъ этомъ дальше.

„Въ обществѣ нѣтъ для меня больше мѣста,—заканчиваетъ наканунѣ освобожденія Оскаръ Уайльдъ свою книгу; но природа создала пещеры, въ которыхъ я могу укрыться, и глубокія долины, гдѣ я могу плакать, незамѣченный никѣмъ. Она вызвѣздитъ ночи, чтобы я могъ, не спотыкаясь, бродить въ темнотѣ, и пошлетъ вѣтеръ, который замететъ мои слѣды“.

Но не къ Космосу послала судьба Оскара Уайльда. Въ наше прозаичное время, и тѣмъ болѣе въ такой странѣ, какъ Англія, нѣтъ больше ни пустынниковъ, ни лѣсовъ. Разбитый и изломанный Оскаръ Уайльдъ, послѣ освобожденія изъ тюрьмы, очутился въ Парижѣ. И здѣсь началось отчаянное существованіе въ борьбѣ съ лютой нищетой. Поэтъ жилъ на какомъ-то чердакѣ грязнаго низкопробнаго отеля, платя за „комнату“ пять франковъ въ недѣлю. И такъ какъ у Оскара Уайльда не было и такихъ денегъ, то въ уплату пришлось отдать хозяину свои вставные зубы, оправленные золотомъ. Такъ какъ буржуазное общество фарисейски не позволяло называть имени поэта, то литературное поприще было для него закрыто. Къ тому же творческая мысль вспыхнула въ послѣдній разъ въ „De Profundis“ и затѣмъ—погасла совершенно. Оскаръ Уайльдъ былъ конченный человѣкъ. Чтобы не умереть съ голода, онъ долженъ былъ стать „литературной клячей“, т.-е. работать на различныхъ рыночныхъ издателяхъ, платившихъ гроши и то

¹⁾ Теперь это варварское орудіе пытки уничтожено въ англійскихъ каторжныхъ тюрьмахъ.

очень не аккуратно. Теперь, послѣ смерти поэта, когда общество „простило“ Уайльда, и его пьесы опять ставятся; когда послѣ изданія „De Profundis“, объ авторѣ снова заговорили, какъ о замѣчательномъ писателѣ,—на рынокъ попали письма его, написанныя послѣ освобожденія. О характерѣ ихъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ каталога букиниста, продающаго эти письма. „Письмо къ А. Л. Полная подпись. Дата—Парижъ, 8 августа 1898 г. Говорится о рукописи, которую Оскаръ Уайльдъ отправилъ въ Лондонъ и на которую нѣтъ отвѣта. Авторъ опасается, что его выгонять изъ квартиры. Все письмо—лѣтопись нищеты и отчаянья. Авторъ потерялъ всякую надежду“.

„Письмо къ А. Л. Дата—10 октября 1898 г. Содержаніе то же самое. Умоляетъ прислать денегъ. Говоритъ, что боленъ и лежитъ въ постели. Цѣна 17 шилл. 6 пенсовъ“. Въ англійской газетѣ появилось недавно письмо Роберта Шерарда, близко знавшаго Оскара Уайльда въ періодъ парижской жизни. Констатируется, между прочимъ, слѣдующее: „Поэта нашли разъ ночью на улицѣ въ Парижѣ. Его выгнали изъ мебелировки за неуплату квартирныхъ денегъ. У Оскара Уайльда не было ни одного су“²⁾. Къ отчаянной нищетѣ присоединилась еще страшная нервная болѣзнь, нажитая въ тюрьмѣ. Она причиняла такія ужасныя страданія, что приходилось прибѣгать къ подкожнымъ впрыскиваніямъ громадныхъ дозъ морфія. Наконецъ, явилась смерть. Не нашлось даже рубахи, чтобы обрядить тѣло. И теперь, когда объ Оскарѣ Уайльдѣ снова заговорили въ печати,—началась бѣшеная погоня за реликвіями. Куплены вставные зубы, оставленные въ залогъ у владѣльца отеля, приобрѣтенъ правацовскій шприцъ для подкожныхъ впрыскиваній. Явились люди, спекулирующіе на тѣхъ письмахъ, въ которыхъ Оскаръ Уайльдъ умоляетъ ихъ уплатить слѣдующее ему гроши за сданную работу. Когда-то эти письма были оставлены безъ отвѣта, теперь они приобрѣли значительную цѣнность. Парижская жизнь совершенно надломила духъ Оскара Уайльда. „The effect of social *débâcle* on a highly intellectual and artificial nature“ (т.-е. дѣйствіе соціальнаго крушенія на въ высшей степени развитую интеллектуальную

²⁾ S. James's Gazette, March 9, 1905.

и артистическую натуру), о которомъ говорить въ предисловіи издатель „De Profundis“ Робертъ Россъ,—сказалось не столько въ каторжной тюрьмѣ, сколько на волѣ.

И теперь вторично Оскара Уайльда, на этотъ разъ его тѣнь, вѣнчаютъ славой. Пьесы его снова идутъ съ громаднымъ успѣхомъ, а книга „De Profundis“, вышедшая всего только три недѣли тому назадъ, — появляется сегодня (9—22 марта) третьимъ изданіемъ.

Обратимся теперь къ исповѣди.

III.

„Я не пытаюсь защищать мое поведеніе,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—а лишь объясняю его... Я знаю, что, выйдя изъ тюрьмы, обмѣняю только одну темницу на другую. Бывало и раньше время, когда весь міръ казался мнѣ не больше той камеры, въ которой я заключенъ теперь и, такъ же, какъ она, наполненный ужасами. Но я вѣрю, что каждый изъ насъ имѣетъ собственный міръ, въ которомъ долженъ жить. Міръ этотъ находится въ насъ самихъ... Тюремная жизнь заставляетъ людей углубиться въ самихъ себя и понять, что они такое. Вотъ почему она превращаетъ человѣка въ камень. Только люди, находящіеся на свободѣ, могутъ пребывать въ заблужденіи относительно жизни, измѣняющей свои формы. Люди эти движутся вмѣстѣ съ жизнью и содѣйствуютъ призрачности ея. Мы, пребывающіе въ тюрьмѣ въ неподвижномъ состояніи, видимъ и знаемъ... Не могу сказать, что принесетъ моя книга узкимъ натурамъ и гектическимъ умамъ: пользу или вредъ; знаю только, что мнѣ она была полезна. Я извлекъ изъ моего сердца весь опасный ядъ. Для художника творчество составляетъ высшую и единственную форму жизни. Жить—значитъ проявлять свое я... Въ теченіе двухъ лѣтъ въ сердцѣ моемъ накопились горечь, отъ части которой я освободился теперь. По ту сторону тюремной стѣны стоятъ два-три жалкихъ, черныхъ, закопченныхъ дерева; почки ихъ налились теперь и зазеленѣли. Я знаю ихъ намѣреніе: онѣ хотятъ проявить свое я“.

Что же имѣетъ высказать несчастный авторъ? „Сужденіе тянется безпрерывно. Мы не можемъ раздѣлить его на пе-

ріоды, а въ состоянні отмѣтити только большую интенсивность нѣкоторыхъ моментовъ и хроническое повтореніе ихъ. Въ насъ самихъ время не движется впередъ. Оно кружится вокругъ одной оси—страданія... Мы знаемъ здѣсь только одно время года—время горя...

„Я долженъ сознаться предъ самимъ собою, что погубилъ себя. Никто не можетъ погубить человѣка, будетъ ли то геній, или одинъ изъ толпы. Всѣ дѣлають это собственными руками... Говорю это безъ всякой жалости къ самому себѣ. Люди въ отношеніи ко мнѣ поступили страшно жестоко; но еще болѣе жестоко я былъ самъ къ себѣ.

„Я находился въ символической связи съ искусствомъ и съ культурой моего вѣка. Я понялъ это въ юности и заставилъ впоследствии всѣхъ современниковъ тоже постичь это. Немногіе достигли въ жизни такой популярности и такого вліянія, какъ я. Обыкновенно значеніе писателя оцѣнивается (если только оцѣнивается) историками, послѣ смерти. Со мною было не такъ. Я понялъ самъ мое значеніе и заставилъ другихъ понять... Байронъ былъ символическая личность, но онъ выражалъ только страсти своего вѣка и пресыщеніе, доставляемое ими. Мое символическое отношеніе къ искусству было болѣе перманентно... Судьба надѣлила меня почти всѣмъ; но я самъ допустилъ себя увлечь бессмысленными, чувственными чарами. Мнѣ доставляло удовольствіе быть фланеромъ, дэнди, законодателемъ моды. Я окружилъ себя мелкими натурами и жалкими умами. Я сталъ расточителемъ собственнаго таланта. Мнѣ доставляло наслажденіе губить мою юность. Пресытившись пребываніемъ на высотѣ, я стремительно спустился внизъ въ поискахъ за новыми ощущеніями. И извращенность въ сферѣ страстей стала для меня тѣмъ же, чѣмъ былъ парадоксъ въ области мысли. Желаніе, въ концѣ-концовъ, было или болѣзнь, или безуміе, или и то, и другое вмѣстѣ. Я привыкъ относиться съ пренебреженіемъ къ чужой жизни. Я бралъ наслажденія, гдѣ мнѣ нравилось, и проходилъ потомъ мимо. Я забылъ совершенно, что всякая мелочь, творимая въ тайнѣ, можетъ когда нибудь стать достояніемъ всей толпы, Я потерялъ контроль надъ самимъ собою и не зналъ этого. Я допустилъ, чтобы наслажденія управляли мною. Кончилось все это страшнымъ позоромъ... Я пробылъ въ тюрьмѣ два года. Я извѣдалъ

дикое отчаяніе, страшное и безсильное бѣшенство, горечь и презрѣніе. Я позналъ тоску, выражающуюся слезами, затѣмъ страданіе и горе, не находящія даже воплей. Я перешелъ всѣ фазисы мукъ.

„Но бывали минуты, когда меня даже радовала мысль, что мои страданія будутъ безконечны... Я пришелъ къ заключенію, что все въ мірѣ имѣетъ глубокое значеніе, въ томъ числѣ и страданіе. Въ сердцѣ моемъ, какъ зарытый въ пелѣ кладъ, я обрѣлъ *покорность*. Она—послѣднее, но самое лучшее, что осталось мнѣ. То было великое открытіе, послужившее отправнымъ пунктомъ для новаго развитія. Оно не могло быть сдѣлано раньше. Если бы мнѣ сказали прежде про покорность, я отвергъ бы ее. Когда же я сдѣлалъ это открытіе, то пожелалъ остаться при немъ. Я долженъ сохранить его, такъ какъ только въ немъ есть для меня элементъ новой жизни *Vita Nuova*. Человѣкъ можетъ сдѣлать это открытіе только тогда, когда отрѣшится отъ всего, что имѣетъ“ ¹⁾.

Покорность, открытая Уайльдомъ, нѣчто совершенно другое, чѣмъ понимается обыкновенно. „Говоря о покорности,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ,—я отнюдь не признаю санкции извнѣ или приказа, въ какой бы формѣ онъ ни выражался и откуда бы ни исходилъ. Я теперь—гораздо больше индивидуалистъ, чѣмъ былъ раньше. Для меня имѣетъ значеніе только то, что человѣкъ обрѣтаетъ въ самомъ себѣ. Мое я ищетъ только новую форму проявленія себя. Вотъ все“.

„Я ни на минуту не *сожалею* о томъ, что жилъ для наслажденій,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ въ другомъ мѣстѣ,—я испилъ отъ нихъ до дна, потому что человѣкъ во всемъ долженъ доходить до конца. Не было наслажденій, которыхъ я не испыталъ бы. Я бросалъ жемчужины моего сердца въ мой кубокъ. Я спускался при звукахъ флейты по тропѣ, поросшей цвѣтами. Но продолжать болѣе такую жизнь я не могъ бы уже“ ²⁾.

„Толпа указываетъ на Редингскую каторжную тюрьму, куда меня отправили, и говоритъ: „вотъ куда приводитъ человѣка жизнь художника“. Бываютъ худшія мѣста, куда

¹⁾ De Profundis, p. p. 4—26.

²⁾ De Profundis, p. 65.

приводить жизнь людей-автоматовъ, понимающихъ бытіе, какъ заботливый расчетъ и старательный выборъ путей. Эти люди всегда знаютъ, куда идти, и приходятъ къ своей цѣли. Они ставятъ себѣ конечнымъ идеаломъ стать церковнымъ старостой, владѣльцемъ большой лавки, адвокатомъ съ большой практикой, судьей или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Человѣкъ становится тѣмъ, чѣмъ онъ желаетъ быть. Это его наказаніе. Тѣ, которые любятъ маску, должны носить ее. Но совѣтъ иначе обстоитъ дѣло съ динамическими силами жизни или съ тѣми, которые становятся воплощеніемъ ихъ. Человѣкъ, единственное желаніе котораго проявленіе своего я, никогда не знаетъ, куда онъ идетъ. Онъ не можетъ знать этого, потому что человѣкъ не въ силахъ познать самого себя. Взвѣсивъ на вѣсахъ солнце, измѣривъ луну, намѣтивъ карту неба, человѣкъ въ безсиліи останавливается передъ самимъ собою. Гдѣ тотъ, кто вычислить орбиту своей собственной души? Когда Саулъ пошелъ искать отцовскихъ ослицъ, то не зналъ, что его ждетъ посланникъ Божій съ рогомъ елея для помазанія на царство. Саулъ не зналъ, что въ немъ живетъ уже душа царя. Я надѣюсь жить еще долго, чтобы написать такія произведенія, которыя позволяютъ мнѣ, когда придетъ мой конецъ, воскликнуть: „Вотъ куда приводитъ художника его жизнь!“¹⁾

V.

Нѣмецкій писатель,—который въ погонѣ за эксцентричнымъ парадоксомъ и иногда за красивой фразой, рѣзко осуждаетъ эксцентричность и вычурность у другихъ,—составилъ грозный и далеко не безпристрастный обвинительный актъ противъ сотни поэтовъ, романистовъ, философовъ и композиторовъ. Въ обвинительный актъ на ряду съ ничтожностями, какъ Пеладанъ или Баресъ, попали яркіе, самобытные таланты, какъ Свинбернъ, Вильямъ Морисъ, Бодлеръ и даже міровой геній—Толстой. Я говорю, конечно, про „Entartung“ Макса Нордау. Въ грозномъ и хлесткомъ обвинительномъ актѣ не забыть и Оскаръ Уайльдъ. Максъ Нор-

¹⁾ Ib., p. 119—120.

дау отмѣчаетъ „демонизмъ, садизмъ, половую извращенность, пристрастіе къ страданіямъ, болѣзни и приступленіямъ“ декадентской школы вообще и въ частности—„эгоизмъ, отвращеніе ко всему естественному, къ дѣятельности и движенію, пристрастіе къ искусственному, манію величія, заставляющую презирать людей, чрезмѣрное возвеличеніе искусства“ у автора *Dorian Gray*. (Кстати, грозному „судьѣ несправедливому“, повидимому, извѣстно только одно произведеніе Оскара Уайльда „Intentions“). Въ дѣйствительности, литературная дѣятельность несчастнаго англійскаго писателя отнюдь не исчерпывалась глорификаціей „садизма, половой извращенности и презрѣнія къ людямъ“. Для доказательства я могъ бы привести хотя бы слѣдующій отрывокъ: „Человѣкъ всегда стремится къ тому, чтобы жить интенсивной, полной и совершенной жизнью. Когда онъ сможетъ осуществить это, *не заставляя страдать другихъ*, когда дѣятельность его будетъ доставлять ему лишь наслажденіе,—онъ будетъ болѣе разумнымъ, здоровымъ, культурнымъ; онъ будетъ болѣе самимъ собою. Радость—пробирный камень природы,—знакъ ея одобренія. Когда человѣкъ счастливъ, онъ въ гармоніи съ самимъ собою и со всеѣмъ окружающимъ. Новый индивидуализмъ будетъ высшей гармоніей. Онъ будетъ тѣмъ, чего искали греки, но чего достигли они лишь въ области мысли, ибо у нихъ были рабы, которыхъ они кормили. Новый индивидуализмъ будетъ тѣмъ, чего искала эпоха возрожденія, но могла лишь отчасти реализовать въ области искусства, ибо у ней были рабы, которыхъ она морила голодомъ. Въ будущемъ гармонія осуществится, и посредствомъ нея каждый достигнетъ совершенства. Новый индивидуализмъ это новый эллинизмъ“. Эта выдержка нѣсколько противорѣчитъ категорическому положенію Макса Нордау: „Уайльдъ любитъ грѣхъ и преступленія“. На ряду съ эксцентричными понятіями Уайльда о задачахъ поэта, мы можемъ встрѣтить у того же автора неизмѣримо больше страницъ, содержащихъ иное, благородное представленіе объ искусствѣ и могущихъ быть формулированными словами полузабытаго русскаго поэта:

„Искусство—слеза недовольства насущною жизнью,
Голось прозрѣнія въ лучшую жизнь съ полнотой ея стройной.
Страстная жажда вездѣ и всегда и во всеѣмъ совершенства,

опли любви, неизвѣданной нами и нами просимой.
Первое чадо разсудку и сердцу знакомаго горя,
Первый младенческій крикъ въ человѣкѣхъ родившейся мысли,
Слово потребъ вопіющихъ, потребъ безконечнаго духа“.

Мысль не должна поэтому встрѣтить препятствія при пресуществленіи въ слово даже тогда, когда она кажется дикой или „безправственной“. „Страшное дѣло, когда созданныя нами тѣла требуютъ отъ насъ душу, — говорить Гейне. — Но еще ужаснѣе, страшнѣе, когда вы создали душу, и она требуетъ отъ васъ тѣла и преслѣдуетъ васъ этимъ требованіемъ. Мысль, порожденная нами въ нашемъ умѣ, есть такая душа, и она не оставляетъ насъ въ покоѣ, пока мы не дадимъ ей тѣла, пока не осуществимъ ея въ осязаемомъ явленіи... Пусть же воплотятся мысли въ самыя „опасныя“ формы, пусть бурно пронесутся по всеѣмъ странамъ, какъ неистовая вакханалія, пусть своими тирсами разбиваютъ самыя любимыя наши кумиры, пусть вломятся въ наши больницы и насильственно совлекутъ съ одра больной старый міръ“... („Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи“). Буржуазныхъ моралистовъ шокировалъ, напр., взглядъ Оскара Уайльда на основателя культа, признаваемого культурнымъ міромъ, съ артистической точки зрѣнія.

„Мѣсто его, — говоритъ Оскаръ Уайльдъ, — среди поэтовъ. Все его представленіе съ человѣчествомъ порождено всецѣло воображеніемъ и можетъ быть постигнуто только такимъ образомъ“. Пантеизмъ полагаетъ, что міръ тождественъ съ божествомъ. „Единая субстанція“, по опредѣленію Спинозы, абсолютъ — по терминологіи нѣмецкихъ философовъ, „есть все, что есть“. Божество — столько же матерія, сколько духъ. Первая и второй равно божественны, и кто оскорбляетъ матерію, столько же грѣшенъ, сколько тотъ, кто грѣшитъ противъ священнаго духа. Единая субстанція пантеистовъ безконечна, абсолютна. Всѣ конечныя субстанціи истекаютъ изъ нея, содержатся въ ней, въ нее погружаются... Абсолютная субстанція проявляется въ формѣ, какъ безпредѣльнаго мышленія, такъ и безпредѣльнаго протяженія. „Основатель нашего культа относился къ человѣку, — говоритъ Оскаръ Уайльдъ, — какъ пантеистъ къ абсолюту. Онъ первый сталъ относиться къ человѣчеству, раздѣленному на племена, какъ къ единому цѣлому... Только поэтъ романтикъ можетъ

обнять синтезомъ все человѣчество: добрыхъ и злыхъ, великихъ и малыхъ, людей съ натурой Нерона, Цезаря Борджіа и Александра VI, угнетаемая народности, подонки“. Это явилось послѣдствіемъ убѣжденія, что „добро“ и „зло“ — совершенно условныя понятія. Какъ пантеистъ видитъ всюду проявленіе абсолюта, такъ истинный поэтъ (къ числу которыхъ Уайльдъ относитъ основателя культа) въ низкихъ и благородныхъ дѣлахъ, въ возвышенномъ и въ преступномъ — всюду узнаетъ человѣка.

Вышнія условія дозволяютъ англійскому автору въ этомъ отношеніи высказываться съ гораздо большею опредѣленностью и формулировать свои мысли съ большею точностью, чѣмъ можетъ сдѣлать это русскій журналистъ. По англійскимъ понятіямъ, слово дано только для того, чтобы точно, ясно и понятно формулировать мысль...

VI.

„Когда я былъ въ Уэндсвортской тюрьмѣ, то страстно желалъ умереть — говорить Уайльдъ. — То было мое единственное желаніе. Когда послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ больницѣ меня перевезли въ Радингскую каторжную тюрьму и я чувствовалъ себя крѣпче съ каждымъ днемъ, мною овладѣло бѣшенство. Я рѣшилъ покончить съ собою въ первый же день освобожденія. Затѣмъ съ теченіемъ времени это злобное настроеніе прошло. Я рѣшилъ жить, но носить мою печаль, какъ короли свой пурпуръ. Забудь отнынѣ улыбку, — думалъ я, — обрати домъ, въ который ты войдешь, въ жилище скорби. Пусть друзья, молча, въ глубокой грусти, слѣдуютъ за тобой. Учи ихъ, что печаль — единственная тайна жизни. Измучь ихъ чужимъ горемъ. Отрави ихъ своею мукой. Такъ я думалъ тогда.

„Но потомъ я измѣнилъ свой взглядъ. Я почувствовалъ что буду крайне неблагодаренъ и невнимателенъ къ друзьямъ, если встрѣчу ихъ съ вытянутымъ лицомъ и заставлю ихъ поэтому продѣлать то же самое изъ сочувствія ко мнѣ. Я повялъ, что неумѣстно подчивать друзей горькими травами, какъ на древней тризнѣ. Я долженъ научиться казаться веселымъ и счастливымъ для другихъ.

„И вотъ на двухъ свиданіяхъ, которыя мнѣ дали въ каторжной тюрьмѣ, я постарался казаться возможно болѣе веселымъ. Этимъ я пытался хоть отчасти вознаградить друзей за то, что они рѣшили навѣстить меня. Конечно, то было ничтожное вознагражденіе; но друзья остались довольны... И послѣ свиданія, въ первый разъ со времени ареста, я почувствовалъ желаніе жить.

„Я увидѣлъ передъ собою такую массу работы, что почувствовалъ бы себя глубоко несчастнымъ, если бы пришлось умереть, не выполнивъ хотя бы части ея. Я вижу предъ собою новыя перспективы въ искусствѣ и въ жизни. Я страстно захотѣлъ жить, чтобы изслѣдовать новый міръ, развернувшійся предо мною. Хотите ли вы знать, что такое этотъ новый міръ? — Горе и все то, чему оно учитъ. Вотъ этотъ міръ.

„Я жилъ когда-то всецѣло для наслажденія и отвергивался отъ страданія и горя, въ какомъ бы видѣ они ни проявлялись. Я ненавидѣлъ ихъ. Я рѣшилъ не признавать ихъ, насколько лишь возможно, т.-е. считать ихъ, такъ сказать, формами несовершенства. Горе и страданіе не составляли части моей схемы жизни. Имъ не было отведено мѣста въ моей философіи. Мать моя часто любила употреблять слова Гете: „Кто не ѣдалъ хлѣба съ горечью, кто никогда не плакалъ въ часы глухой ночи, томительно дожидаясь утра, — тотъ не знаетъ силы неба“. Я абсолютно отказывался понять глубокую истину, скрытую въ этихъ словахъ. Я говорилъ матери, что не желаю ѣсть съ горечью свой хлѣбъ или плакать всю ночь, дожидаясь печальнаго разсвѣта... Я желалъ отвѣдать отъ плодовъ всѣхъ деревьевъ въ вертоградѣ міра. Единственная моя ошибка заключалась въ томъ, что я отвѣдывалъ отъ плодовъ, росшихъ на деревьяхъ солнечной стороны сада, и избѣгалъ деревьевъ, стоявшихъ въ тѣни и во мракѣ. Неудачи, позоръ, бѣдность, горе, отчаяніе, страданіе, слезы, несвязныя слова, вырванныя болью, самоуниженіе, посыпающее голову пепломъ, скорбь, облачающаяся во власяницу и вливающая желчь въ свой кубокъ, — всего этого я страшился. И такъ какъ я рѣшилъ никогда не знать ихъ, то былъ принужденъ не только вкусить ихъ, но и питаться ими исключительно...

„Теперь я знаю, что горе—единственная истина въ мірѣ.

Все остальное может обманывать на время глаз или чувство; но изъ горя созданы міры.

„Рожденіе младенца и звѣзды сопровождаются страданіями“¹⁾. Знающіе хорошо произведенія Оскара Уайльда, могли бы найти тотъ же самый мотивъ въ строкахъ, написанныхъ еще тогда, когда авторъ, по его словамъ, „вкусалъ только отъ плодовъ деревьевъ, растущихъ на солнечной сторонѣ“. Такова, напимвръ, поэма „Художникъ“²⁾.

„Послѣ страшной борьбы я понялъ уроки, скрытые въ глубинѣ страданія. Священники и вообще люди, говорящіе фразы, не понимая ихъ смысла, часто называютъ страданіе таинствомъ. Въ дѣйствительности оно — отправление. Страданіе выясняетъ намъ истинное значеніе искусства.“

„Я знаю теперь, что горе, являющееся высшей эмоціей, доступной человѣку, составляетъ наиболѣе совершенный типъ истиннаго искусства и мѣрило его. Художникъ всегда ищетъ такую форму, въ которой духъ и тѣло были бы едины и нераздѣльны. Въ такой формѣ внѣшнее проявленіе всегда было бы въ гармоніи съ внутреннимъ содержаніемъ. Такихъ формъ нѣсколько,—художникъ любитъ поэтому юность и все то, что связано съ нимъ. Художника можетъ прельстить также новая неуловимая гармонія красокъ и звуковъ, которая, какъ ему кажется, передаетъ то, что съ такимъ дивнымъ совершенствомъ пластически выражали древніе греки...“

¹⁾ „De Profundis“, р. р. 48—52.

²⁾ „Въ одинъ вечеръ, въ душу его проникло желаніе создать образъ *Радости, продолжающейся мгновеніе*. И онъ отправился искать всюду бронзы. Ибо онъ могъ думать лишь бронзовыми образами...“

„Но вся бронза во всемъ мірѣ исчезла. И нигдѣ нельзя было найти бронзы, кромѣ той бронзы, изъ которой была изваяна статуя *Горя, продолжающагося вѣчно*.“

„Это изображеніе онъ самъ изваялъ и поставилъ на могилѣ единственнаго существа, которое любилъ когда-либо. На могилѣ почившей художникъ поставилъ образъ, созданный имъ, дабы онъ могъ служить напоминаніемъ о человѣческой любви, которая не умираетъ, и символомъ горя, продолжающагося вѣчно. И во всемъ мірѣ не было другой бронзы кромѣ той бронзы, изъ которой отлили это изображеніе.“

„И онъ взялъ образъ, изваянный имъ же, и бросилъ въ огромную плавильную печь и жарко затопилъ ее.“

„И изъ бронзы, статуи *Горя, продолжающагося вѣчно*, художникъ изваялъ образъ *Радости, продолжающейся мгновеніе*“.

Но высшей формой въ жизни и въ искусствѣ является горе.

„Веселіе и смѣхъ могутъ прикрывать грубую, жестокою и черствую натуру. Но горе прикрываетъ только горе. Страданіе отличается отъ удовольствія тѣмъ, что не носитъ маски. Нѣтъ истины болѣе совершенной, чѣмъ горе“ 1)

VII.

Тюрьма только изломала Оскара Уайльда. Въ *De Profundis* мы всюду находимъ старые мотивы, знакомые намъ по прежнимъ произведеніямъ талантливаго писателя.

„Мораль не можетъ помочь мнѣ,—читаемъ мы въ *De Profundis*. — Я глубоко вѣрю въ антиноміи и принадлежу къ тѣмъ, которые рождены, чтобы составить исключеніе, а не для подчиненія общимъ законамъ. Однако, хотя я признаю, что нѣтъ ничего дурного въ томъ, что человѣкъ совершаетъ, я вижу, что есть дурное въ томъ, чѣмъ онъ становится“. Не можетъ помочь Уайльду также „догматизированная метафизика“: „Тогда какъ другіе вѣрятъ въ невидимое, я вѣрю только въ то, на что можно смотрѣть и до чего можно прикоснуться. Мои боги живутъ въ храмахъ, созданныхъ только руками человѣческими... Я нашелъ на землѣ не только красоты неба, но и весь ужасъ ада“. Въ этомъ отношеніи, мысль Оскара Уайльда смѣлѣе мысли его прямого французскаго предшественника. Я имѣю въ виду знаменитую поэмю Альфреда Мюссе, въ которой поэтъ не можетъ вѣрить и боится сомнѣваться.

„Ma raison révoltée
Essaye en vain de croire et mon coeur de douter“.

Поэтъ, вкушавшій тоже только отъ „плодовъ деревьевъ, растущихъ на солнечной сторонѣ жизни“, — почувствовалъ вмѣстѣ съ пресыщеніемъ, глубокое отращеніе къ нимъ.

„Si mon coeur, fatigué du rêve qui l'obsède,
A la réalité revient pour s'assouvir,
Au fond des vains plaisir que J'appelle à mon aide
Je trouve un tel dégoût, que Je me sens mourir“.

(т.-е. „Если мое сердце, измученное овладѣвшей имъ мечтой,

1) *De Profundis*, p. 55.

возвращается къ дѣйствительности, чтобы насытиться, — то на днѣ суетныхъ наслажденій, призываемыхъ мною, я нахожу такое отвращеніе, что близокъ къ смерти“¹⁾).

И вотъ въ отчаяніи поэтъ взываетъ къ тому началу, существованія котораго не признаетъ его разумъ. „А если тамъ никого нѣтъ,—говоритъ поэтъ,

Nous n'offensons personne.“

Оскаръ Уайльдъ смѣлѣе своего предшественника. Какъ знаменитый нѣмецкій философъ сороковыхъ годовъ, онъ не отводитъ юпитерскаго мѣста въ Космосъ „великому геометру“ (пользуясь однимъ изъ любимыхъ выраженій праваго крыла энциклопедистовъ). Нѣмецкій философъ находилъ эквивалентъ въ „универсальной любви“, Оскаръ Уайльдъ—въ красотѣ. „Любовь есть универсальный законъ разума и природы,“—говоритъ авторъ „Das Wesen des Christenthums“.

„Она есть не что иное, какъ реализація идеи единства рода. Если любовь основывается на имени одного какого-нибудь лица, обозначается имъ, то это бываетъ только тогда, когда это лицо есть представленіе какой-нибудь идеи, религіозной ли то, или спекулятивной. Но съ нимъ всегда бываетъ связанъ партикуляризмъ, а съ партикуляризмомъ—фанатизмъ. Любовь можетъ основываться только на единствѣ рода, понятія природы человѣчества; только тогда она бываетъ *свободною, надежною* любовью, когда вытекаетъ изъ самаго корня любви, изъ котораго произошла и сама любовь христіанская. Если бы она основывалась на одномъ лицѣ (т. е. на приказѣ основателя моральнаго ученія), то была бы любовью *частною*, простирающеюся только до тѣхъ сферъ, въ которыхъ признается достоинство этого лица. Ужели въ самомъ дѣлѣ мы должны любить другъ друга потому только, что основатель культа возлюбилъ насъ“.

„Всякая любовь, основанная на партикуляризмѣ, — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ философъ, — противорѣчитъ сущности любви, не терпящей никакихъ ограниченій, возвышающейся надъ всякою партикулярностью. Мы должны любить человѣка ради его человѣчности. Онъ потому долженъ быть предметомъ нашей любви, что онъ разумное,

¹⁾ L'Espoir en Dieu.

способное къ любви существо. Это родовой законъ. Любовь должна быть любовью непосредственною. Если между мною и другимъ является еще представителемъ другой какой-нибудь индивидуумъ, въ которомъ должна реализоваться идея рода, то представлениемъ третьяго существа, находящагося внѣ насъ, я уничтожаю сущность любви, разрушаю ея единство: ибо другой человѣкъ возбуждаетъ во мнѣ любовь къ себѣ не потому, что онъ имѣетъ *одну со мною сущность*, а потому, что *похожъ на это третье лицо*. Любовь есть субъективная реальность рода, какъ разумъ—его реальность *объективная*. Для любви, для разума не нужно посредствующаго лица“. Выводъ Фейербаха формулируется имъ такъ: „*Homo homini deus est*“.

Оскара Уайльда прельщаетъ, главнымъ образомъ, *красота скептицизма*. Онъ и въ тюрьмѣ мечтаетъ о томъ, чтобы облечь его въ красивую форму. Ему, какъ Лукрецію, важнѣе всего, чтобы ученіе было выражено въ пластически прекрасной формѣ. Оскаръ Уайльдъ мечтаетъ о масонскомъ орденѣ скептиковъ, „*The Confraternity fo the Faithless*“, т.-е. о братствѣ невѣрующихъ, какъ онъ говоритъ. У братства — „долженъ быть жертвенникъ, на которомъ не пылаетъ свѣтильникъ; пусть жрецъ, въ груди котораго не пребываетъ миръ, править мессу надъ неосвященнымъ хлѣбомъ и надъ пустой чашей“. Истина не въ истину, если она не облечена въ какую-нибудь форму и не сопровождается опредѣленнымъ ритуаломъ,—полагаетъ Оскаръ Уайльдъ.

„Все, что истинно,—говоритъ онъ,—должно превратиться въ культъ. Агностицизмъ, поэтому (?), долженъ имѣть свой ритуаль, какъ и антитеза его. Агностицизмъ вѣдь имѣлъ же своихъ мучениковъ; пусть же онъ имѣетъ и своихъ святыхъ, но символы агностицизма должны быть выработаны мною самимъ.

...„Разумъ говоритъ мнѣ, что законы, въ силу которыхъ я осужденъ—несправедливы и жестоки, а система, которая заставила меня такъ страдать,—тоже жестока и въ равной степени несправедлива. Но я долженъ былъ какъ-нибудь помириться съ этимъ. Въ искусствѣ художникъ интересуется только субъективнымъ отношеніемъ въ данный моментъ къ данному явленію. То же самое можно сказать о нравственной эволюціи характера индивидуума. Я долженъ

былъ постараться найти хорошее во всемъ, что случится со мною. Мнѣ необходимо было претворить такимъ образомъ жесткое ложе, отвратительную пищу, просмоленный канатъ, который я щипальъ окровавленными пальцами, грубое обращеніе, ужасное платье, придающее даже горю шутовской видъ, вѣчное молчаніе, одиночество, позоръ... Безъ аффектаціи я могу сказать, что въ моей жизни были два поворотныхъ пункта: когда отецъ послалъ меня учиться въ Оксфордъ и когда общество послало меня въ тюрьму. Я не скажу, что тюрьма мой лучшей удѣль. Я хочу только сказать, что былъ типичнымъ сыномъ своего времени. Въ испорченности моей и ради этой испорченности я превратилъ хорошее въ моей жизни въ злое и злое—въ хорошее.

„Когда меня посадили въ тюрьму, нѣкоторые совѣтовали мнѣ забыть, чѣмъ я былъ. То былъ гибельный совѣтъ. Только въ постиженіи того, чѣмъ я былъ, я нашелъ утѣшеніе. Теперь мнѣ совѣтуютъ забыть, когда меня освободятъ, что я былъ въ тюрьмѣ. Я знаю, что это фатальный совѣтъ, если бы могъ послѣдовать ему. Въ такомъ случаѣ, меня постоянно преслѣдовала бы мысль перенесеннаго позора. Она отравила бы все, что дорого и доставляетъ мнѣ наслажденіе: красоту солнца и луннаго свѣта, музыку разсвѣта и тишину ночей, гармоничный шумъ дождя, падающаго сквозь листья деревьевъ, росу, покрывающую серебромъ траву. Кто жалѣеть о пережитыхъ испытаніяхъ, тотъ останавливаетъ собственное развитіе. Человѣкъ, отвертывающійся отъ собственнаго,—влагаетъ ложь въ уста своей жизни. Онъ отрицаетъ свою душу“ ¹⁾.

Въ одной англійской газетѣ я нашелъ слѣдующее горячее стихотвореніе, навѣянное, какъ гласитъ заголовокъ, „Чтеніемъ книги Оскара Уайльда“.

„Out of the deep, out of the deep,
With piteous moan,
The ruined soul and body weep
Up to God's throne.

The price of sin, infamy's cost
He came to know,
The utmost agony of the lost,
Mad overthrow!

¹⁾ „De Profundis“, p. p. 30—37.

Now vanished down the silent stair
Back to the deep;
Gone to eternal silence where
The broken sleep.

Can any look himself within
Without a groan?
Then let him that is without sin
Cast the first stone*.

(„Изъ глубины могилы къ престолу Господа съ жалобнымъ стономъ возсылаетъ свои рыданія тотъ, кто загубилъ свое тѣло и душу.

„Онъ позналъ цѣну грѣха, стоимость позора, крайнюю агонію безнадежнаго униженія.

„Теперь онъ спустился по безмолвнымъ ступенямъ назадъ въ глубину. Онъ отошелъ въ область вѣчнаго молчанія, гдѣ находятъ успокоеніе несчастные.

„Гдѣ же тотъ, кто можетъ, безъ стона сокрушенія, заглянуть въ свое сердце? Пусть тотъ, кто безъ грѣха, броситъ первый камень“).

Авторъ стихотворенія усмотрѣлъ, какъ и многіе, въ „De Profundis“ покаянную исповѣдь грѣшника. Даже приведенныя въ этомъ очеркѣ выдержки, мнѣ кажется, показываютъ, какъ ошибоченъ подобный взглядъ. „De Profundis“—не покаяніе „грѣшника“. Оскаръ Уайльдъ не измѣнилъ въ тюрьмѣ свой взглядъ на антиноміи, идущій въ разрѣзъ съ мѣщанскимъ представленіемъ о морали. Предъ нами только вопль изъ-за могилы Петронія конца XIX вѣка. Онъ слишкомъ талантливъ и слишкомъ чутокъ, чтобы не видѣть полного разложенія того міра, къ которому принадлежитъ. Новый Петроній жадно испробовалъ все наслажденія, которыя можетъ дать этотъ разлагающійся міръ. Они не только не удовлетворили его, но породили отвращеніе. Смутно, силой своего генія Оскаръ Уайльдъ всегда чувствовалъ, что есть гдѣ-то другой міръ, мощный, бодрый, являющійся на смѣну старому. Въ поискахъ за этимъ міромъ Оскаръ Уайльдъ нѣсколько разъ выходилъ на вѣрный путь, но постоянно сбивался съ него. Тюрьма изломала замѣчательнаго писателя, но не потушила вѣры въ гибель дряхлаго міра и въ народженіе новаго...

Ницше въ одномъ мѣстѣ говоритъ про „книгу, которая почти стала человѣкомъ“. „Для писателя является всегда новымъ сюрпризомъ то, что книга его, отдѣлившись отъ него, продолжаетъ жить собственной жизнью. Это раздра-

жааетъ автора, какъ видъ части насѣкомаго, отдѣлившейся отъ тѣла и поползшей собственной дорогой. Писатель можетъ забыть совершенно свое произведеніе. Онъ можетъ перерости положенія, развиваемыя въ немъ, можетъ даже утратить пониманіе своей книги; но она, тѣмъ не менѣе, ищетъ себѣ читателей, зажигаетъ сердца, доставляетъ блаженство, порождаетъ ужасъ, вызываетъ къ бытію новыя произведенія, становится душой принциповъ и дѣйствій,—словомъ, книга живетъ, какъ существо, надѣленное разумомъ и, тѣмъ не менѣе, она—не человѣкъ. Самый счастливый удѣлъ автора это возможность сказать въ старости, что всѣ чувства, которыя онъ испыталъ и мысли, которыя вынесъ,—живутъ еще въ его произведеніи; и что хотя самъ онъ только сѣрый, холодный пепель,—огонь сохраненъ“¹⁾.

Какъ ни относиться къ автору „*De Profundis*“, мы все-таки должны признать, что книга его принадлежитъ къ тому роду произведеній, о которыхъ говоритъ Ницше.

¹⁾ *Menschliches, Allzumenschliches*. Афоризмъ 208.

Въ поискахъ за смысломъ жизни.

L'homme est le seul animal,
qui ne sache pas vivre ¹⁾.
(Dr. Paul Dubois).

I.

Полное глубокаго смысла изреченіе, поставленное эпиграфомъ и взятое изъ вышедшей въ 1907 году книги профессора Дюбуа „L'Education de Soi-Même“,—припоминается мнѣ постоянно при чтеніи перваго собранія сочиненій Оскара Уайльда, выпущеннаго здѣсь Methuen and Co. До послѣдняго времени произведенія Оскара Уайльда, кромѣ „De Profundis“, „Тюремной баллады“ и двухъ комедій,—составляли библиографическую рѣдкость, за которою поклонники несчастнаго писателя тщательно охотились. Десять лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ приходилось собирать матеріалы для одной изъ первыхъ статей въ Россіи объ Оскарѣ Уайльдѣ,—имя его считалось запретнымъ въ Англіи. Не только признавалось неприличіемъ упомянуть его, но въ Британскомъ музеѣ библиотекари переспрашивали, зачѣмъ именно понадобились мнѣ сочиненія опальнаго писателя. Теперь времена измѣнились. M-rs Grundy не считаетъ болѣе надобнымъ сурово потупить очи при имени Оскара Уайльда. Его пьесы снова ставятся съ большимъ успѣхомъ въ театрѣ; но только теперь англійскій издатель рѣшился собрать первое полное собраніе сочиненій писателя, да и то онъ пошелъ на компромиссъ съ M-rs Grundy. Выпущено только 1000 экземпля-

¹⁾ Человѣкъ—единственное животное, не умѣющее жить.

ровъ; за двѣнадцать томовъ назначена цѣна въ восемь гиней, т. е. 80 рублей. Такимъ образомъ книга будетъ имѣть только ограниченный кругъ читателей. Правда, изданіе великолѣпно. На изящныхъ переплетахъ изъ бѣлаго полотна двѣ символическія виньетки: одна изображаетъ чайку, бьющуюся крыльями о рѣшетку; на другой — чайка вырвалась на свободу и стремительно несется въ высь, гдѣ сверкаетъ во мракѣ одинокая звѣзда.

Въ изданіе вошли произведенія, появлявшіяся прежде только въ изуродованномъ видѣ, какъ, на примѣръ, пьеса „Vega“. *Саломея* напечатана въ оригиналѣ, т. е. по-французски, безъ тѣхъ сокращеній, какія мы видимъ во всѣхъ переводахъ, циркулирующихъ на континентѣ. „De Profundis“ тоже заключаетъ болѣе десятка страницъ, которыхъ нѣтъ въ изданіи 1905 г. (а слѣдовательно, и во всѣхъ переводахъ). Между прочимъ, текстъ изданія 1908 г. начинается покаяннымъ воплемъ. „Мѣсто мое — говоритъ авторъ — будетъ между Жиллемъ де-Ретцомъ и маркизомъ де-Садомъ. И, быть можетъ, такъ и слѣдуетъ. У меня нѣтъ желанія жаловаться. Въ тюрьмѣ люди научаются многому. Между прочимъ, они узнаютъ, что вещи — таковы, каковы онѣ есть, и будутъ таковыми. Не сомнѣваюсь я также въ томъ, что прокаженный мрачнаго средневѣковья ¹⁾ и авторъ Жюстины ²⁾ будутъ признаны лучшими товарищами, чѣмъ авторъ „Sandford and Merton“. „Въ дѣйствительности авторъ „De Profundis“ не написалъ ни одной строки (во всякомъ случаѣ такой строки нѣтъ въ полномъ собраніи сочиненій), которую можно было бы хотя бы отчасти сблизить съ патологической, уродливой, кровавой и тошнотворной мерзостью, какъ „Justine ou les malheurs de la vertu“. Въ его процессѣ мы также не находимъ никакихъ ужасовъ, которые могли бы быть поставлены рядомъ съ дѣяніями мрачнаго и страшнаго владѣльца тифожскаго замка. Такимъ образомъ, Оскаръ Уайльдъ слишкомъ грѣшитъ противъ истины, когда помѣщаетъ себя между двумя гнусными и отвратительными типами и беретъ на себя даже большую вину. Что касается специальныхъ признаній Оскара Уайльда въ грѣхахъ, то мнѣ припоми-

¹⁾ Де-Ретцъ.

²⁾ Де-Садъ.

наются характерныя мѣста изъ обстоятельной біографіи Поля Верлена, выпущенной въ прошломъ году другомъ французскаго поэта Эдмономъ Лепелетье. Про развратность и прочудовищные пороки Поля Верлена ходили легенды, проникавшія въ печать. Поэтъ самъ любилъ говорить о своихъ противоестественныхъ порокахъ. И вотъ оказывается, что Поль Верленъ занимался „миотворчествомъ“. „Бѣдный Поль,—говорить его другъ,—охотно любилъ исповѣдываться публично... Свою исповѣдь онъ облекъ и въ прозу, и въ стихи. Онъ любилъ также рассказывать, сидя въ кафе... Рассказывалъ онъ о себѣ съ сильными преувеличеніями, раскрашивая все. Онъ обвинялъ себя, каялся, осуждалъ“. Верленъ взводилъ на себя грѣхи и пороки, которымъ былъ совершенно чуждъ. Поэту казалось, что онъ становится героемъ, фигурируя титаномъ порока. Ученики Верлена, которыхъ онъ вербовалъ въ кабакахъ, разнесли всюду ученіе своего учителя; по обыкновенію, миѳы, пущенные въ обращеніе поэтомъ, варіировались, украшались мерзкими подробностями. Публика жадно подхватывала эти легенды, „ужасалась“ и... повторяла ихъ. „Признаніе не всегда есть доказательство,—говорить Лепелетье.—Верленъ, прежде всего, былъ поэтъ. Вотъ почему онъ преувеличивалъ, выдумывалъ или украшалъ“ ¹⁾. Если даже первоклассные поэты, сознательно, какъ Верленъ, или бессознательно, какъ Уайльдъ взваливаютъ на себя мерзкіе пороки, pour se grandir en se gabaissant, то гѣмъ болѣе это относится къ гомункуламъ, которыхъ такъ много развелось у насъ теперь. Защитники морали у насъ отмѣчаютъ съ преувеличеннымъ негодованіемъ просто скверные и бездарные стихи въ родѣ:

„Я жалкой радостью себя утѣшу,
Купивъ такую жъ шапку, какъ у васъ,
Ее на въшалку, вздохнувъ, повѣшу,
И вспоминать васъ буду каждый разъ“.

Вмѣсто негодованія (оно крайне льститъ гомункуламъ, которые ищутъ se grandir en se gabaissant), лучше было бы задать авторамъ „Шапки“ тотъ же вопросъ, какъ Теона Ипполиту въ комедіи Островскаго: „Ахъ, Апполитка,

¹⁾ „Edmond Lepelletier“, Paul Verlaine. Sa Vie, Son Oeuvre. Paris. 1907 p. 16—18.

Апполитка, хорошій ты парень, а зачѣмъ это только ты такъ ломаешься? Къ чему не отъ своего ума слова говоришь, важность эту на себя напускаешь?“

Возвращусь, однако, къ собранію сочиненій Оскара Уайльда. Мы находимъ въ двѣнадцати томахъ не только дополненныя и исправленныя согласно рукописямъ произведенія, но также и вещи, появляющіяся въ свѣтъ въ первый разъ.

Закрывъ послѣдній томъ, мы не можемъ не воскликнуть: „Какая ослѣпительная радуга красокъ! Какой великій мастеръ языка! Оскаръ Уайльдъ—лучшій англійскій стилистъ. Его поэмы—музыка. Одно слово вызываетъ цѣлыя картины. Въ то же время у Оскара Уайльда нѣтъ нигдѣ ребусовъ, для пониманія которыхъ долженъ явиться на помощь читателю самъ поэтъ. Я выпишу только одно стихотвореніе, которое переведу блѣдной прозой. Называется оно „Впечатлѣніе утра“.

„The Thames nocturne of blue and gold
Changed to a Harmony in grey:
A barge with ochre-coloured hay
Dropt from the wharf: and chill and cold.

The yellow fog came creeping down
The bridges, till the houses' walls
Seemed changed to shadows and st. Paul's
Loomed like a bubble o'er the town.

Then suddenly arose the clang
Of waking life; the streets were stirred
With country waggons: and a bird
Flew to the glistening roofs and sang.

But one pale woman all alone,
The daylight kissing her wan hair,
Loitered beneath the gas lamps' flare,
With lips of flame and heart of stone“.

(„Ноктюрнъ Темзы въ голубомъ и золотѣ измѣнился въ гармонию въ сѣромъ. Баржа, нагруженная сѣномъ цвѣта охры, отвалила отъ пристани. Желтый туманъ, холодный и знобящій, ползеть подъ мостами. Стѣны домовъ снова превращаются какъ бы въ тѣни, и куполь Св. Павла, какъ пузырь, рѣветъ надъ городомъ. Но вотъ внезапно поднимается гомонъ пробуждающейся жизни. На улицѣ загрохотали возы, прибывшіе изъ деревни. Птица полетѣла къ сверкающимъ крышамъ и запѣла. Но одинокая блѣдная женщина, выцвѣт-

шіе волосы которой цѣлуетъ разсвѣтъ, бродитъ подѣ мерцающими газовыми фонарями. Губы ея горять, какъ огонь, а сердце затвердѣло, какъ камень“).

Оскаръ Уайльдъ говоритъ о любви, объ изящныхъ асфоделяхъ, о яркомъ солнцѣ, о прекрасной Элладѣ; въ этихъ двѣнадцати томахъ есть остроумные разсказы, въ которыхъ фантазія переплетается съ дѣйствительностью (напр. *Lord Arthur Savile's Crime*); есть, наконецъ, повидимому, крайне забавные фарсы, какъ *The importance of being Earnest*. Но чѣмъ больше мы любуемся яркими и разнообразными красками, тѣмъ замѣтнѣе становится одна особенность творчества Оскара Уайльда: всѣ сочныя краски незамѣтно и неизмѣнно сливаются въ одну мрачную и печальную. Въ веселомъ смѣхѣ писателя всегда слышится затаенное рыданіе. Повидимому, даже жизнерадостное произведеніе Оскара Уайльда оставляетъ щемящее чувство. И ухо привыкаетъ отличать постоянно вопль неудовлетворенной души, переходящей въ отчаяніе и въ отвращеніе къ жизни. И этотъ вопль звучитъ не только въ *De Profundis*, написанной несчастнымъ каторжникомъ, но въ первыхъ же произведеніяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера всеобщаго кумира и баловня счастья. Въ произведеніяхъ, написанныхъ задолго до процесса, Оскаръ Уайльдъ высказываетъ тезисъ: „радость мимолетна, страданіе же вѣчно“. Къ одному и тому же выводу пришли съ противоположныхъ концовъ два писателя, принадлежавшіе къ разнымъ народамъ, разнымъ культурамъ и знавшіе въ жизни далеко не одинаковое отношеніе къ себѣ окружающихъ. Оскаръ Уайльдъ въ рядѣ произведеній доказываетъ, какъ и Леопарди, неприемлемость дѣйствительной жизни, потому что

„Amaro e noia
La vita . . . e fango é il mondo“

(т.-е. „Жизнь—горечь и томленіе, а міръ—лишь грязь“) ¹⁾. Въ поразительномъ діалогѣ между Фридрихомъ и муміями послѣднія поютъ своего рода гимнъ „глухой нѣтовщины“.

¹⁾ Изъ стихотворенія Леопарди *A se stesso*.

Sola nel mondo eterna, a cui si volve
Ogni creata cosa,
In te, morte, si posa
Nostra ignuda natura ¹⁾

Воспоминаніе о жизни—это „страшный призракъ, похожій на кошмаръ, пугающій маленькихъ дѣтей“.

— Что же такое смерть, если она не страшна?—спрашиваетъ Фридрихъ.

— Piuttosto piacere che altro! (т.-е. „Скорѣе всего, наслажденіе“) — отвѣчаютъ муміи ²⁾. „Дѣйствительность есть только усталость, причиняемая жизнью (la noia),—говорить отстаивающій право на самоубійство Порфиріо въ „Dialogo di Plotino e di Porfirio“ ³⁾. Всѣ радости жизни—призракъ. „Смерть—отнюдь не зло, такъ какъ она освобождаетъ насъ отъ всѣхъ золъ. И если она лишаетъ человѣка всего хорошаго, то она же отнимаетъ желанія. Старость—горшее зло (La vecchiazza è male sommo), потому что отнимаетъ у человѣка всѣ наслажденія, оставляя только страстное желаніе ихъ. Она приноситъ съ собою бездну страданій. И, тѣмъ не менѣе, люди страшатся смерти и желаютъ дожить до глубокой старости“ ⁴⁾. Это писалъ гениальный неудачникъ, калѣка, жаждавшій любви, орелъ, всю жизнь рвавшійся изъ тѣсной, грязной клѣтки, каковой былъ для Леопарди его родной провинціальный городокъ. Для провинціаловъ Леопарди былъ только бѣдный дворянчикъ, не имѣющій ни денегъ, ни профессіи. Но вотъ къ такимъ же выводамъ, какъ авторъ „діалоговъ“, приходитъ баловень судьбы, кумиръ общества, божекъ женщинъ, сразу добившійся славы и богатства. „Я превратилъ искусство въ философію и философію въ искусство,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ о себѣ.—Я измѣнилъ умы и взгляды людей на цвѣта. Все то, что я говорилъ или дѣлалъ, заставляло людей изумляться... Я брался за драму, повѣсть, поэму въ прозѣ, поэму въ стихахъ, за фантастическій діалогъ. И все то, за что я брался, выходило у меня прекрасно. Я открылъ новый видъ красоты“ (De Profundis).

¹⁾ Т.-е. Наша нагая природа покоится въ томъ мірѣ, который только одинъ вѣченъ и куда стремится все живое, т.-е. въ твоёмъ царствѣ, смерть“.

²⁾ Opere di Giacomo Leopardi. Firenze 1845. Vol. I, p. 231.

³⁾ Opere etc., vol. II, p. 65.

⁴⁾ Pensieri. Opere etc., vol. II, p. 121.

Въ этихъ словахъ нѣтъ самохвальства. Оскаръ Уайльдъ констатируетъ только фактъ. Но и тогда, когда каждая строчка, вышедшая изъ-подъ пера Уайльда, вызывала восхищеніе; когда женщины молились на него, и мужчины рабски копировали каждую эксцентричность его,—недовольство жизнью является основнымъ тономъ его творчества. Вотъ, напр., сборникъ поэмъ, вышедшій въ 1881 г., т.-е. за 14 лѣтъ до катастрофы въ жизни Оскара Уайльда. Мы находимъ въ сборникѣ стихотвореніе *Taedium Vitae*, подъ которымъ смѣло могъ бы подписаться Леопарди. Въ большой поэмѣ *Humanitad* Оскаръ Уайльдъ говоритъ о Голгоѣѣ, на которой все человѣчество переноситъ крестныя мученія.

„Being ourselves the sowers and the seeds,
The night that covers and the lights that fade,
The spear that pierces and the side that bleeds,
The lips betraying and the life betrayed;
The deep hath calm: the moon hath rest: but we
Lords of the natural world are yet our own dread enemy“.

(„Мы сами—сѣятели и сѣмена; ночь, покрывающая все, и блѣднѣющій свѣтъ; копье, пронизывающее тѣло, и то тѣло, которое истекаетъ кровью отъ раны; мы—тѣ губы, которыя предають, и та жизнь, которую предають. Омуть имѣеть спокойствіе, мѣсяць—отдыхъ; но мы, цари видимаго міра, мы сами собственные страшные враги“). Въ одномъ изъ наиболѣе сильныхъ стихотвореній въ прозѣ Уайльда, Господь прочитавъ въ книгѣ живота грѣхи стоящаго передъ нимъ человѣка, говоритъ:

— Я пошлю тебя въ адъ. Въ адъ пошлю я тебя.

И человѣкъ воскликнулъ: „Ты не можешь!“

И Господь сказалъ человѣку: „Отчего я не могу послать тебя въ адъ? По какой причинѣ?“

— Потому что въ аду жилъ я все время, — отвѣтилъ человѣкъ.

II.

Въ этой статьѣ я не хочу выяснять литературную физиономію Оскара Уайльда въ цѣломъ. Мнѣ хотѣлось бы только отмѣтить исканія его смысла жизни. Исканія эти мы найдемъ въ цѣломъ рядѣ сонетовъ, комедій, романовъ, діалоговъ, сказокъ.

Существует громадная литература, не приѣмлющая настоящаго. Она ищетъ идеальную жизнь или въ будущемъ, или въ прошломъ. Въ Англіи недавно только умерла писательница, всю свою жизнь доказывавшая, что дѣйствительность лишена смысла, пошла и убиваетъ всякую индивидуальность. Я говорю о Луизѣ де-ла-Рамэ, писавшей подъ псевдонимомъ „Уида“. Предъ нами эксцентричная фигура съ „grand grain“, если не безумія, то большого чудачества. Около тридцати лѣтъ Уида прожила за предѣлами Англіи, главнымъ образомъ въ Италіи. Такъ какъ писала Уида очень много (оставила она около 40 романовъ, нѣсколько театральныхъ пьесъ и три книги критическихъ очерковъ), а произведенія ея покупались нарасхватъ, то она получала большія деньги. Но средства эти тратились на эксцентричные предметы, какъ, на примѣръ, на сооруженіе великолѣпныхъ мавзолеевъ изъ мрамора на могилахъ многочисленныхъ любимыхъ собакъ. И въ результатъ то, что послѣдніе годы жизни Уиды прошли въ крайней бѣдности. Когда безчисленные поклонники романистки узнали случайно, что живетъ она въ бѣдной тосканской деревушкѣ въ крестьянской избѣ, собрана была немедленно большая сумма. Британское правительство въ свою очередь явилось немедленно на помощь и назначило Уидѣ пожизненную пенсію. Но романистка не приняла ни собранной суммы, ни пенсіи. Уида страдала мизантропией,—не театральной, какъ покойный Уистлеръ. Тотъ „презиралъ“ критиковъ и привлекалъ ихъ къ суду, если они отзывались неодобрительно объ его картинахъ ¹⁾; онъ „ненавидѣлъ“ газеты и гнался за репортерами, чтобы дать имъ interview; смѣялся надъ наградами и бралъ орде-

1) Рескинъ по поводу одной картины Уистлера сказалъ, что нужно совершенно презирать публику, чтобы, выливъ на полотно горшокъ голубой краски и ляпнувъ нѣсколько пятенъ желтой,—назвать это „симфоніей“ и потребовать 500 гиней. Уистлеръ обидѣлся и привлекъ критика къ суду, утверждая, что Рескинъ своимъ отзывомъ причинилъ матеріальные убытки художнику. Присяжные вынесли Рескину обвинительный приговоръ, но опредѣлили убытки въ одинъ фартингъ, т. е. въ копейку. Уистлеръ получилъ этотъ фартингъ и носилъ его до смерти на цѣпочкѣ въ видѣ брелока съ такою же гордостью, съ какой краснокожій носитъ на поясѣ скальцъ, содранный съ врага. А между тѣмъ въ рядѣ лекцій Уистлеръ утверждалъ, что художникъ не долженъ обращать вниманія на отзывы критиковъ.

на, если ихъ ему давали. У де-ла-Рамэ была болѣзненная ненависть ко всякой популярности. Романистка не приняла ни одного „интервьюэра“, убѣгала отъ всѣхъ поклонниковъ. „Я не причинила никому зла и не заслужила такого наказанія, какъ біографія“, — отвѣтила какъ-то Уида, когда издатель обратился къ ней за матеріалами для жизнеописанія. Умерла Уида въ рыбацкѣй итальянской деревушкѣ Массароза, гдѣ занимала одинъ чуланчикъ въ бѣдной избѣ. Несмотря на свою французскую фамилію, де-ла-Рамэ — англичанка по отцу, предокъ котораго явился въ Англію еще въ войскахъ Вильгельма Завоевателя. Произведенія де-ла-Рамэ многочисленны и переведены на многіе языки, между прочимъ и на русскій. Во всякомъ случаѣ у насъ извѣстны романы „Деревенская община“, „Моль“, „Массарены“ и, кажется, „Деревянные башмачки“ (Two Little Wooden Shoes). Въ 1877 г. Уида оставила Англію и съ тѣхъ поръ жила въ Италіи, въ компаніи своихъ величайшихъ друзей, многочисленныхъ собакъ, которымъ устраивала великолѣпныя похороны. Далекое не всѣ романы Уиды равноцѣнны. Мы имѣемъ среди нихъ такія трогательныя поэмы въ прозѣ, какъ „Деревянные башмачки“, и такія довольно аляповатыя вещи, какъ „Моль“, „Street Dust“ или „Массарены“. Но почти всѣ произведенія Уиды проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ: это — сплошной протестъ противъ вульгарности современной жизни, противъ всего того, что у насъ опредѣлено неудачнымъ, ничего не выражающимъ терминомъ, заимствованнымъ изъ паспортныхъ бланковъ, — „мѣщанство“. Въ Англіи лѣтъ сорокъ тому назадъ Милль предложилъ свой терминъ „коллективная посредственность“ (conglomerated mediocrity). Уида вмѣсто термина „мѣщанинъ“ говоритъ „cad“ и не находитъ достаточно ядовитыхъ словъ для опредѣленія его. „Главный продуктъ современной жизни — cad, — говоритъ Уида въ своей книгѣ, вышедшей въ 1900 г. ¹⁾ Можно смѣло сказать, что бѣднѣйшій рабъ Эллады, послѣдній феллахъ въ Египтѣ, самый смиренный парій въ Азіи — джентльменъ въ сравненіи съ кэдомъ. „Cad“ — вытяжка изъ современной культуры, цвѣтъ ея... Никогда еще не было ничего болѣе гнуснаго, мерзкаго и пошлаго, чѣмъ „cad“, индивидуальный

¹⁾ Critical Studies A Set of Essaye by Ouida, p. 237.

или коллективный. Илотъ, гладиаторъ, наемный убійца среднихъ вѣковъ, даже сводня временъ Елизаветы, были образцами благородства и интеллектуальной красоты въ сравненіи съ „сads“. *Кэдъ*, по опредѣленію Уиды, это современный банкиръ, газетчикъ, священникъ, архитекторъ, полководецъ, администраторъ. Какая громадная коллекція „сads“ всякаго рода выведена въ „Массаренахъ“! „*Кэды*“ сдѣлали современную жизнь невыносимой для человѣка съ художественнымъ вкусомъ,—доказываетъ Уида въ очеркѣ „The Ugliness of Modern Life“. Приходится объять куда нибудь отъ этой волны пошлости, злости и глупости. Имѣй современное человѣчество хоть какое нибудь представленіе о красотѣ,—продолжаетъ Уида въ другомъ мѣстѣ,—то развѣ оно допустило бы такія безобразія, какъ памятникъ, изображающій Карно въ сюртукѣ, съ растопыренными ногами, въ объятіяхъ какой-то бабы, представляющей будто бы Францію. Или памятникъ, на которомъ Викторъ-Эммануиль представленъ въ треуголкѣ, съ брюхомъ въ видѣ надутаго пузыря! Допустило ли бы человѣчество, имѣющее вкусъ, бронзовое изображеніе Клода Бернара, собирающагося пытать живую собаку?“ Однимъ изъ пунктовъ обвинительнаго акта, составленнаго Уидой противъ современнаго человѣчества, является вивисекція. „Можно ли говорить о красотѣ въ современномъ обществѣ,—продолжаетъ Уида,—гдѣ женщины украшаются перьями специально убитыхъ птицъ?“ Природу калѣчатъ и уродуютъ въ угоду „сads“. Рѣки отравлены фабриками, поля осквернены человѣческими экскрементами и различными сульфатами и фосфатами. На горы въ Швейцаріи всюду ползутъ отвратительные фуникулэры. Города напоминаютъ сточныя каналы своимъ безобразіемъ. „Вполнѣ естественно,—продолжаетъ Уида,—что народъ, запертый въ такія клѣтки, отъ отчаянія впадаетъ въ несказуемые пороки, идетъ въ кабаки, въ игорные и непотребные дома“. Какъ Рескинъ или Вильямъ Моррисъ, Уида противопоставляетъ пошлости современной жизни красоту и живописность среднихъ вѣковъ. Тогда былъ также смыслъ въ жизни, такъ какъ, по мнѣнію Уиды, индивидуальность не была забыта. Художественный вкусъ послѣдняго сапожника культивировался образчиками дѣйствительной красоты, рассыпанными всюду: передъ глазами обывателя были изящныя постройки, красивые балконы,

живописное платье. „Можно ли сравнить современную бессмысленную пошлость съ той полной, красивой жизнью, которая рисуется намъ въ *Кентерберійскихъ разсказахъ* Чосера?“ — патетически восклицаетъ Уида ¹⁾). Обличительница современной пошлости и уродливости видитъ только одну сторону въ той средневѣковой жизни, которую она противопоставляетъ мѣщанству, и не хочетъ знать, что средніе вѣка далеко не такъ красивы, какъ они рисуются представленію Уиды, Рескина и другихъ обличителей современнаго „мѣщанства“. Пусть бронзовый Викторъ-Эммануиль съ брюхомъ въ видѣ надутаго свиного пузыря дѣйствительно уродливъ; пусть фуникуляръ портитъ видъ швейцарскихъ горъ; пусть современныя зданія не такъ изящны, какъ Palazzo Vecchio во Флоренціи или Вестминстерское аббатство; но у нашего современника гораздо больше возможности и доступа обличать „мѣщанство“ XX вѣка, чѣмъ у виллэна XIII или XIV в. в. было времени и охоты любоваться красотой своего господина, отъ каприза котораго зависѣла честь и жизнь крѣпостного.

Уида охотнѣе всего описывала маленькіе итальянскіе города, такъ какъ въ нихъ больше всего сохранились слѣды среднихъ вѣковъ. Населеніе этихъ городковъ, по мнѣнію Уиды, какъ будто бы только что выступило изъ картинъ Фра-Бартоломео или Гирландайо. Можно сказать также, что населеніе, несмотря на свою религіозность, вѣритъ еще, какъ современники *Виргилія*, и въ своихъ пѣсняхъ мѣшаетъ христіанскія и языческія божества. Въ маленькихъ итальянскихъ городкахъ дома и сады являются иллюстраціями къ произведеніямъ Боккачіо и Петрарки ²⁾).

Оскаръ Уайльдъ не идетъ за идеалами ни въ будущее, какъ Вильямъ Моррисъ, ни въ прошлое, какъ Уида. Для него вся дѣйствительная жизнь не пріемлема. Дѣйствительность, по мнѣнію Уайльда, скучна, сѣра, не интересна. Нѣтъ смысла въ томъ, чтобы жить для изученія жизни, какъ она есть. Существованіе пріобрѣтаетъ смыслъ, когда оно скрашено художественнымъ творчествомъ. И чѣмъ художественное произведеніе меньше напоминаетъ дѣйстви-

1) См. романъ Уиды *Signa*.

2) *The Ugliness of Modern Life*, p. 233.

тельную жизнь, тѣмъ оно лучше. Реализмъ, т. е. стремленіе копировать живую жизнь, погубилъ искусство. Не художникъ долженъ копировать жизнь, а наоборотъ: жизнь должна воспроизводить фантазію художника. „Искусство,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—находить свое собственное совершенство въ себѣ самомъ, а не въ окружающемъ мірѣ. Къ искусству нельзя приступить съ мѣркой, насколько оно похоже на дѣйствительность. Оно скорѣе покрывало, чѣмъ зеркало. Въ распоряженіи искусства цвѣты, не растущіе ни въ одномъ лѣсу, птицы, нигдѣ не водящіяся. Искусство творитъ и разрушаетъ міры. Съ помощью алой нити оно можетъ притянуть съ неба мѣсяць... Въ глазахъ искусства природа не имѣетъ ни однообразія, ни законовъ. Искусство по своей волѣ творитъ чудеса; и когда оно вызываетъ чудовищъ изъ глубины, тѣ послушно являються на зовъ... Гдѣ искусство проходитъ, изъ кустарника выглядываютъ дриады, а смуглые фавны улыбаются изъ-за деревьевъ“¹⁾. „Неинтересная, жалкая человѣческая жизнь“ пріобрѣтаетъ только тогда смыслъ, когда пытается подражать искусству. „Жизнь подражаетъ искусству гораздо больше, чѣмъ искусство жизни“. Россети выдумалъ типъ женской красоты, фигурирующей на всѣхъ картинахъ его, т. е. женщину съ длинной изогнутой шеей, губами въ видѣ алаго цвѣтка, квадратной нижней челюстью и волнами мѣдныхъ кудрей. И этотъ выдуманный типъ властно вторгся потомъ въ искусство²⁾. „Великій художникъ,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—выдумываетъ типъ, а жизнь потомъ копируетъ его и воспроизводитъ въ обще-

1) Intentions and the Soul of Man, p. 31.

2) Къ слову сказать, это заявленіе слѣдуетъ принять съ нѣкоторой оговоркой. Странный типъ женской красоты, фигурирующей на картинахъ Россети то въ видѣ Беатрисы, то пресвятой Дѣвы,—не выдуманъ художникомъ. Въ артистическихъ кружкахъ доподлинно извѣстно, что Россети писалъ съ натурщицы, а именно со своей родственницы Христины Россети, здравствующей, кажется, еще и теперь. Художникъ только нѣсколько утрировалъ длинную шею и изгибъ ея. Въ остальномъ—Россети „копировалъ жизнь“. Выраженіе неземной скорби, лежащее на лицѣ центральной женской фигуры всѣхъ картинъ Россети, тоже не выдуманно. Художникъ придавалъ этому выраженію только больше тонкости. Христина Россети—авторъ стихотвореній, проникнутыхъ религіознымъ и мистическимъ чувствомъ. Пламенная католичка, она не пожелала выйти замужъ.

доступной формѣ. Жизнь въ данномъ случаѣ поступаетъ, какъ предпримчивый издатель, выпускающій въ дешевомъ изданіи великое произведеніе. Ни Гольбейнъ, ни Вандейкъ не нашли въ Англии тѣ типы, которые дали намъ. Художники привезли съ собою въ головѣ свои типы, а жизнь снабдила Гольбейна и Вандейка подходящими моделями“. Греки отлично знали, что жизнь подражаетъ искусству, вотъ почему они всегда были противъ реализма. Они, по увѣренію Уайльда, ненавидѣли реализмъ, потому что онъ опошляетъ жизнь, и были совершенно правы. „Мы пытаемся улучшить расу при помощи хорошаго воздуха, обильнаго солнечнаго свѣта, здоровой воды и казарменныхъ жилищъ. Но всѣ эти мѣры создаютъ только здоровье, а не красоту. Для послѣдняго необходимо искусство. Истинными учениками великаго художника являются не его подражатели, работающіе у него въ мастерской, но тѣ, которые уподобляются его произведеніямъ“. Во времена древней Эллады ваятели придумывали идеалы красоты, которымъ греки и гречанки старались лишь подражать. Жизнь, однимъ словомъ, лучшій и единственный ученикъ художника. „Шопенгауэръ анализировалъ пессимизмъ, характеризующій современное настроеніе, но придумалъ эту философскую доктрину Гамлетъ,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ.—Миръ сталъ печаленъ, потому что художникъ придумалъ меланхолическую игрушку. Нигилистъ, этотъ странный мученикъ, не имѣющій вѣры, идущій на эшафотъ безъ энтузіазма и умирающій за то, во что не вѣруетъ,—чисто литературный продуктъ. Нигилистъ придуманъ Тургеневымъ и дополненъ Достоевскимъ. Робеспьеръ сошелъ со страницъ писаній Руссо, точно такъ же, какъ Народный дворецъ въ Лондонѣ зародился сперва въ головѣ романиста. Литература всегда предвосхищала жизнь. Литература не копируетъ жизнь, но отливаетъ ее по собственной формѣ. Деятнадцатый вѣкъ, какъ мы его знаемъ, выдуманъ въ значительной степени Бальзакомъ. Наши Люсьенъ де Ребанпре, наши Растиньяки и Марсэ появились сперва на страницахъ *Comédie Humaine*. Мы только повторяемъ съ излишними вариациями и подстрочными примѣчаніями фантазіи великаго романиста“ ¹⁾

¹⁾ Intentions and the Soul of Man, p. 31.

Такимъ же образомъ не Теккерей копировалъ своихъ Беки Шарпъ и Кроули (*Ярмарка Тщеславія*), а жизнь подражала придуманнымъ типамъ. Не только жизнь, но и природа подражаютъ искусству. „Только импрессионисты дали намъ эти удивительные бурные туманы, ползушіе по улицамъ, превращающіе горячіе фонари въ расплывающіяся пятна, а дома—въ чудовищныя тѣни. Кому, какъ не импрессионистамъ, обязаны мы прелестными серебристыми туманами, висящими надъ нашими рѣками и придающими такія изящныя мягкія формы изгибу мостовъ или скользящимъ баркамъ“. Историческія событія и эпохи тоже созданы художниками. Эллада дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ тою Элладой, которая отразилась въ искусствѣ. „Средніе вѣка, какъ мы ихъ знаемъ въ искусствѣ,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ,—являются только формой стиля. Ни одинъ великій художникъ никогда не видитъ вещей, какъ онѣ есть въ дѣйствительности. Если онъ дѣлаетъ это, то перестаетъ быть художникомъ. Возьмемъ, напр., японскія вещи. Неужели вы думаете, что такіе японцы, какіе представлены въ ихъ искусствѣ, дѣйствительно существуютъ? Если вы думаете такъ, то пониманіе японскаго искусства ускользнуло отъ васъ. Сравните рисункъ Хокузай, Хоккеи или какого-нибудь другого великаго художника съ современнымъ японцемъ или японкой и вы убѣдитесь, что сходства нѣтъ никакого. Люди, живущіе въ Японіи, мало чѣмъ отличаются отъ большой публики въ Англіи. Другими словами, они очень сѣры и ничѣмъ не замѣчательны. Въ сущности, вся Японія выдумана художниками. Такого народа въ дѣйствительности не существуетъ. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе талантливыхъ художниковъ недавно отправился въ страну хризантемъ, чтобы видѣть типъ японцевъ. И ему удалось нарисовать только нѣсколько бумажныхъ фонарей да немного вѣровъ. Художникъ не могъ открыть народа, какъ доказываетъ выставка его картинъ. Произошло это потому, что художникъ не зналъ, что японскій народъ это только *стиль*, изящный капризъ искусства. Итакъ, если вы желаете видѣть Японію, не будьте туристомъ и не ѣздите въ Токио. Напротивъ. Оставайтесь дома и изучайте произведенія японскихъ художниковъ. И когда вы усвоите ихъ стиль и схватите ихъ манеру видѣть предметы, отправляй-

тесъ въ паркѣ или на Пиккадилли. И если вы тамъ не увидите японскихъ эффектовъ, то не замѣтите ихъ уже нигдѣ. Неужели вы думаете, что греческое искусство даетъ намъ представленіе о томъ, на что похожи были греки? Аѳинскія женщины совсѣмъ не были похожи на благородныя фигуры, украшающія фризъ Парѳенона, или на богинь, возсѣдающихъ у подножія того же зданія. Стоитъ прочесть Аристофана, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вы увидите, что аѳинянки такъ же шнуровались, носили такіе же высокіе каблукъ, такъ же красили волосы и румянили щеки, какъ современныя модныя дамы и проститутки“ ¹⁾).

Чтобы жизнь пріобрѣла смыслъ, необходимо существованіе художниковъ, у которыхъ есть „стиль“; необходимы таланты, не копирующіе жизнь, а обладающіе смѣлостью „выдумывать“. Упадокъ лжи Оскаръ Уайльдъ считаетъ гибельнымъ для человѣчества. Жизнь пріобрѣтеть глубокой смыслъ тогда, когда человѣчество окончательно отрѣшится отъ реализма. „И когда день этотъ придетъ, — говоритъ Оскаръ Уайльдъ, — какою радостью преисполнятся всѣ. Факты признаны будутъ незаслуживающими довѣрія. Истина будетъ плакать въ оковахъ, а Вымыселъ со своимъ настроеніемъ и всѣми чудесами властно возвратится на землю. Передъ нашими изумленными очами все измѣнится. Изъ морскихъ пучинъ снова выглянутъ Левіаѳанъ и библейскій бегемотъ. Снова они будутъ кружиться вокругъ кораблей съ тупыми кормами, какъ на великолѣпныхъ картинкахъ тѣхъ временъ, когда только и можно было читать книги по географіи. Драконы снова появятся въ горахъ и въ лѣсахъ, а фениксъ опять станетъ возрождаться изъ огня. Мы увидимъ кокатриса и увѣруемъ въ драгоцѣнный камень, хранящійся въ головѣ жабы. Снова гиппогрифъ будетъ жевать золотой овесъ, а голубая птица запоетъ про невозможныя вещи, которыя никогда не бываютъ, но должны были бы быть“ ²⁾).

III.

Естествоиспытатель или географъ очеркнули бы карандашемъ эти слова Уайльда. Почему средневѣковая естествен-

¹⁾ ib., p. 48.

²⁾ ib., p. 54.

ная исторія, или путешествіе сэра Джона Мандевилля, описывающія то, чего не было, болѣе красивы и болѣе интересны, чѣмъ аналогичный трудъ, въ которомъ „рабски копируется жизнь“? Оскаръ Уайльдъ, перечисляя фантастическихъ животныхъ, имѣеть въ виду, конечно, естественную исторію „фрате Бартоломео“, монаха XV вѣка. У меня какъ разъ теперь подъ руками старинный переводъ этой книги. (*Bartholomeus or Berthelet. Bartholomeus de Proprietatibus Rerum. Translated into English by j. Trevisa. In aedibus T. Bertheletti, London, 1535*). Я вижу „великолѣпные“, по опредѣленію Уайльда, рисунки, приложенные къ книгѣ: тутъ аистъ, связавшій свою шею въ цифру 8; дѣлающій „стойку“ крокодилъ, съ безконечно длиннымъ, голымъ, какъ у крысы хвостомъ; крылатый хамелеонъ, похожій на овцу; пантера съ четырьмя языками; фениксъ и пр. „Драконъ, — читаю я, — величайшая изъ всѣхъ змѣй. Часто онъ выползаетъ изъ своего логовища и поднимается въ воздухъ, и воздухъ тогда приходитъ въ движеніе отъ полета, и море отъ ядовитаго дыханія вздувается горой. И у дракона на головѣ есть гребень; ротъ же у чудовища небольшой. И дышетъ онъ поэтому порывисто, и далеко высовываетъ языкъ. И зубы у него, какъ у пилы. И сила у дракона не только въ зубахъ, но еще и въ хвостѣ. Послѣднимъ драконъ жалитъ, хотя уколъ не такъ ядовитъ, какъ укусъ змѣй. И драконъ убиваетъ, кого только встрѣтитъ. И даже слонъ не защищенъ отъ дракона. Драконъ прячется возлѣ того мѣста, мимо котораго идутъ слоны, сплетаетъ имъ ноги своимъ хвостомъ, валитъ на землю и убиваетъ. Драконъ имѣеть двадцать локтей въ длину. Часто четыре или пять драконовъ сплетаются хвостами, поднимаютъ вверхъ головы и такъ плывутъ черезъ рѣки или моря въ поискахъ за лучшей добычей. Драконы убиваютъ слонь, потому что чувствуютъ постоянную жажду, а кровь у слонь прохладная. Драконъ всегда хочетъ пить, такъ какъ не можетъ найти достаточно воды, чтобы залить свою палящую жажду. Вотъ почему онъ и раскрываетъ пасть противъ вѣтра, чтобы хоть немного охладиться такимъ образомъ. Дыханіе у дракона такое горячее, что онъ зажигаетъ иногда воздухъ, вотъ почему и кажется, что онъ дышетъ огнемъ. Иногда онъ дыханіемъ выпускаетъ вонючіе пары. Воздухъ бываетъ тогда

отравленъ, что порождаетъ чуму... Всѣ ядовитыя гадины не любятъ и уползаютъ, зачюявъ запахъ жира дракона. Тотъ же жиръ, если его смѣшать съ медомъ, исцѣляетъ слѣпоту... Въ мозгу дракона зарождается камень *драконтій* (*Dracontias*); но слѣдуетъ брать его только изъ живого животнаго. Ибо, если драконъ издыхаетъ раньше, чѣмъ драконтій вынуть, твердость его исчезаетъ одновременно съ дыханіемъ. Дракона усыпляютъ различными снадобьями, а потомъ вынимаютъ камень... Мясо дракона цвѣта стекла и утоляетъ жажду, если поѣсть его. Вотъ почему эеіопы, живущіе въ странѣ, гдѣ солнце палитъ, охотно ѣдятъ драконятину... Въ Македоніи водятся ручные драконы; они такъ кротки, что женщины выкармливаютъ ихъ тамъ грудью. Дѣти тамъ играютъ съ драконами, садятся на нихъ верхомъ и треплютъ ихъ, какъ собакъ. Глазныя яблоки драконовъ—драгоценныя камни — сверкаютъ, какъ огонь. Африканцы утверждаютъ, что драконы появились отъ неестественнаго скрещиванія орловъ съ волчихами. Въ Фригіи голодные драконы поступаютъ такъ. Они поворачиваются на западъ, раскрываютъ широко ротъ и силою своего вдыханія втягиваютъ летающихъ птицъ. Драконы берегутъ свое здоровье, для чего ѣдятъ дикій латукъ, причиняющій имъ рвоту. Яблоки же дѣйствуютъ на нихъ какъ ядъ¹⁾. Не менѣе удивительныя вещи нашъ естествоиспытатель знаетъ и про самыхъ обыкновенныхъ животныхъ. Коза, напр., дышетъ не ноздрями, а ушами. „Горячая кровь козла смягчаетъ камень адамантъ, котораго не беретъ ни огонь, ни желѣзо... Козы околѣваютъ, если полизуютъ медъ. Нѣкоторые козлы имѣютъ на головѣ между рогами отверстіе канала, идущаго прямо въ печень животнаго, И если это отверстіе залѣпить воскомъ, животное задохнется“. Дѣтская наивность естественной исторіи Бертелета имѣетъ, безъ сомнѣнія, извѣстную прелесть; но Оскаръ Уайльдъ говоритъ объ увлекательности вымысла, противопоставляя его скучной дѣйствительности. Естествоиспытатель или врачъ скажутъ, что рассказъ о фагоцитахъ, борющихся съ бактеріями, попадающими въ кровь, даетъ большій просторъ воображенію, чѣмъ всѣ рассказы о драконахъ и фениксахъ, взятые

1) Bartholomew (Berthelet), book XVIII, § 38.

вмѣстѣ. Дѣйствительность только тогда сѣра и безцвѣтна, когда мы не умѣемъ наблюдать. Отличительное свойство человѣческаго ума то, что ему легче выдумать гипотезу, чѣмъ замѣтить обыкновенныя явленія и поставить ихъ въ причинную связь. Возьмемъ дальше путешественниковъ, которыми увлекается Оскаръ Уайльдъ и признаетъ, что только ихъ можно еще читать. Это, прежде всего, сэръ Джонъ Мандевилль, авторъ XIV вѣка, описавшій свои путешествія по Турціи, Арменіи, Тартаріи, Персіи, Сиріи, Аравіи, Египту, Ливіи, Эѳіопіи, Халдеѣ, „Армазоніи“ и Индіи. Путешествія заключаютъ рядъ совершенно невѣроятныхъ приключеній. Авторъ видѣлъ феникса, стержень пера котораго имѣетъ двѣ ладони въ ширину, драконовъ, усыпляемыхъ въ Эѳіопіи звуками цѣсенъ. Въ Индіи онъ видѣлъ другой способъ ловить тѣхъ же чудовищъ: „Индійцы берутъ плащъ алаго сукна, пишутъ на немъ золотомъ заклинаніе и кладутъ у входа въ логовище дракона, который отъ этого впадаетъ въ глубокой сонъ. Тогда индійцы отрубаютъ дракону голову топоромъ и выковыриваютъ глаза, въ которыхъ находятся драгоцѣнные камни, обладающіе неисчислимыми волшебными свойствами. Не разъ случается, — повѣствуетъ Мандевилль, — что драконъ притворяется только спящимъ. Онъ хватается подошедшихъ къ нему индійцевъ, волочитъ въ свою берлогу и пожираетъ. И драконъ при этомъ приходитъ въ такую ярость, что гора надъ берлогою содрогается“. Мандевилль видѣлъ своими глазами въ Индіи борьбу орловъ съ драконами. Историческая критика давно уже доказала, что путешественника сэра Джона Мандевилля не было, а былъ французскій компиляторъ Жанъ Бургонскій, онъ же Жанъ Бородатый (Jean à la Barbe). Онъ бралъ рассказы о путешествіяхъ Марко Поло, Жака Витри и монаха Одорика Порденонскаго, ставилъ въ нихъ свое я и придумывалъ невѣроятныя приключенія, поражающія только выдумкой, но не красотой (какъ напр., приключенія Синбада Мореходца). Тамъ, гдѣ знаменитый венеціанскій землепроходецъ говоритъ по наслышкѣ (продавая за то, что купилъ) — Жанъ Бородатый, т. е. сэръ Джонъ Мандевилль говоритъ не только утвердительно, но и какъ очевидецъ. Марко Поло, напр., передаетъ рассказъ, циркулирующій при дворѣ богдыхана про гигантскую птицу „рукъ“ или

„рукъ“, прилетающую періодически къ берегамъ Занзибара ¹⁾. Мандевилль сообщаетъ, что онъ самъ убилъ эту птицу и даетъ подробныя описанія ея перьевъ, клюва и лапъ. Безъ сомнѣнія, воображеніе и фантазія—одно изъ наиболѣе дорогихъ человѣку качествъ; но неужели только выдумка въ состояніи окрылять фантазію? Неужели для работы воображенія необходимо прежде всего оторваться отъ дѣйствительности, какъ отъ чего-то сѣраго и безцвѣтнаго? Если бы Оскаръ Уайльдъ поговорилъ съ географомъ, то услышалъ бы рассказы про дѣйствительныя приключенія, поражающія воображеніе сильнѣе, чѣмъ всѣ повѣствованія Мандевилля. Взять хотя бы несчастную американскую экспедицію капитана Делонга, отправившагося въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ къ сѣверному полюсу. Его корабль *Жанета* потерпѣлъ крушеніе. Экипажъ добрался до пустыннаго берега Сибири и, напрягая послѣднія силы, дошелъ до устьевъ Яны, гдѣ, по картѣ, значилось поселеніе. Къ несчастію, карта генеральнаго штаба сообщила невѣрный фактъ. Экспедиція отправила двухъ самыхъ сильныхъ и энергичныхъ товарищей на югъ, чтобы искать тамъ людей, а сама осталась зимой, въ 60⁰ мороза, въ палаткѣ, у устья рѣки. Провизіи у нихъ было на четыре дня. И вотъ черезъ три дня два американца, оборванные, измученные голодомъ и утомительными переходами, добрались до становища тунгусовъ, гдѣ находился въ то время выѣхавшій изъ Верхоянска улусный писарь (большое начальство по тамошнимъ мѣстамъ). И тутъ произошла трагедія. Напрасно американцы

¹⁾ Жители острова этого рассказываютъ, что въ извѣстное время года прилетаетъ необыкновенная птица, именуемая ими „рукъ“. По виду, говорятъ, она походитъ на орла, но только несравненно больше. „Рукъ“ такъ великъ и силенъ, что поднимаетъ въ когтяхъ слона и бросаетъ его съ высоты на скалы, дабы онъ убится. „Руки“ питаются надалью. Видѣвшіе птицу говорятъ, что размахъ ея крыльевъ равенъ шестнадцати шагамъ... Великій ханъ, узнавъ про эту птицу, отправилъ развѣдчиковъ на Занзибаръ подъ предлогомъ хлопотать за плѣнника, а въ дѣйствительности, чтобы провѣдать про „рука“. Развѣдчики возвратились и привезли съ собою, какъ мнѣ передавали, перо птицы. Оно имѣло въ длину девяносто пядей, а стебель пера у основанія былъ въ одну пядь въ поперечникъ“.

(Цитирую по англійскому переводу: „The Trauels of Marco Polo the Venetian“ chap. XXXV).

по-англійски, по-французски и по-нѣмецки объясняли, что они оставили товарищей, которые погибнуть отъ голода, если къ нимъ сейчасъ не придуть на помощь. Разказовъ никто не понималъ. Американцы тогда прибѣгли къ языку знаковъ. Они предлагали деньги, отдавали оружіе. И тунгусы поняли, что необходимо ѣхать немедленно на сѣверъ съ провизіей. Но тутъ вмѣшался улусный писарь. Онъ слыхалъ про „крамолу“ и про то, какъ люди выслуживаются, лоя ея. И писарь Кузьма объяснилъ тунгусамъ, что это и есть крамольники, которыхъ нужно сейчасъ же связать и повезти къ начальству на югъ, въ Верхоянскъ. Робкіе тунгусы не посмѣли ослушаться писаря. И, когда американцы поняли, что ихъ хотятъ везти на югъ, что это займетъ дней десять, и что, значить, въ это время экспедиція погибнетъ,—они пришли въ отчаяніе. Сильные духомъ и тѣломъ моряки, выдавшіе много разъ спокойно смерть лицомъ къ лицу, плакали, рвали себѣ волосы, падали къ ногамъ Кузьмы; но ихъ скрутили и повезли въ Верхоянскъ. Тамъ были политическіе ссыльные, которые перевели слова моряковъ. Исправникъ въ тотъ же день нарядилъ экспедицію къ устьямъ Яны; тамъ нашли товарищей Делонга, но мертвыми. Они погибли всѣ отъ голода, поклявшись на библии, что лучше умрутъ, чѣмъ прибѣгнуть (какъ это было въ нѣкоторыхъ полярныхъ экспедиціяхъ XVIII в.) къ людоедству. Трупы лежали босые, такъ какъ мокасины были съѣдены матросами. А дневникъ, веденный Делонгомъ до самой смерти! Трудно представить болѣе трагическое! Человѣку со слабыми нервами лучше не братья за эти ужасныя по своей простотѣ строки. И въ то же время этотъ дневникъ мирить человѣконенавистника съ людьми, свидѣтельствуя о томъ, какъ много силы, благородства и красоты въ душѣ „сыновъ Прометея“. Географъ могъ бы разказать Оскару Уайльду также про то, какъ Робертъ О'Хара Беркъ и Уилсъ пересѣкли въ 1860—61 г. Австралію, и какъ первый путешественникъ погибъ отъ голода на обратномъ пути. Наиболѣе расцвѣченныя выдумки Мандевилля кажутся блѣдными и неинтересными въ сравненіи съ дѣйствительностью. „Воображенію есть мѣсто только тогда, когда человѣкъ отрывается отъ реальной жизни“. Оно, будто бы, даетъ возможность мысли заглянуть „по ту сторону бытія“. Въ луч-

шемъ случаѣ, результатомъ такихъ экскурсій бывають стихи въ родѣ:

„Безсвязныя, странныя лопасти,
Намъ путь отрѣзають... мы ждемъ.
Мы видимъ бездонныя пропасти
За нашимъ невѣрнымъ путемъ“.

Человѣкъ, привыкшій къ точному мышленію, скептически только пожметъ плечами, когда ему говорятъ объ экскурсіяхъ „по ту сторону бытія“. Онъ придаетъ громадное значеніе воображенію, но научному, помогающему мысли перелетѣть черезъ пропасть, раздѣляющую двѣ категоріи тщательно провѣренныхъ явленій. Приведу старый примѣръ подобнаго научнаго воображенія. Въ 1628 г., когда появился трактатъ Гарвея о кровообращеніи, микроскопъ представлялъ еще совершенно грубый инструментъ; въ силу этого, такъ называемые, капиллярные сосуды были совершенно неизвѣстны. Только послѣ смерти Гарвея, когда микроскопъ былъ усовершенствованъ, Мальпиги сдѣлалъ рядъ великихъ открытій. И вотъ Гарвей при своихъ изслѣдованіяхъ пришелъ къ заключенію, что кровь идетъ изъ сердца въ артеріи, а потомъ черезъ вены возвращается въ сердце. (До него полагали, что артеріи переходятъ въ нервы, что въ нихъ движется кровь, смѣшанная съ воздухомъ по тому же закону, какъ вода въ морѣ, т.-е. что есть приливы и отливы крови и пр.). Гарвей не зналъ, какъ кровь изъ артерій переходитъ въ вены, и не могъ знать, такъ какъ соединительными каналами являются капиллярные сосуды, которые не были еще тогда открыты. Но Гарвей тщательно изслѣдовалъ движеніе крови по артеріямъ и венамъ и пришелъ къ заключенію, что это одинъ процессъ. Творческое воображеніе помогло его мысли перенестись черезъ пропасть, черезъ которую мостъ былъ перекинутъ впоследствии. Это—одинъ изъ наиболѣе классическихъ примѣровъ, доказывающихъ необходимость и важность научнаго творческаго воображенія.

IV.

Оскаръ Уайльдъ переноситъ насъ въ странный міръ. „Чѣмъ больше мы изучаемъ жизнь и литературу,—говоритъ онъ,—тѣмъ сильнѣе чувствуемъ, что позади всего чудеснаго

стоит индивидуальность человѣка. Не моментъ создаетъ человѣка, но человѣкъ создаетъ свой вѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, я склоненъ думать, что каждый миѣ и каждое преданіе, являющіяся, будто бы, созданиемъ цѣлаго народа, удивленіемъ или ужасомъ которыхъ вдохновлены,—въ сущности придуманы отдѣльнымъ человѣкомъ. Важны не красивыя дѣйствія, а красивыя слова. „Каждый можетъ дѣлать исторію; но только великіе люди могутъ писать ее. Нѣтъ такихъ дѣйствій, нѣтъ такихъ эмоцій, которыя не равняли бы насъ съ низшими животными. Только рѣчь возвышаетъ насъ надъ ними; только она возвышаетъ одного человѣка надъ другимъ. Слово является отцомъ, а не дитятей мысли. Дѣйствовать всегда очень легко“. Дѣйствуютъ тѣ люди, которые не въ состояніи ничего другого дѣлать. Это—послѣднее убѣжище людей, не умѣющихъ мечтать,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ. „Исторію необходимо переписать заново... Послѣ мечтателей никто не имѣлъ столько заблужденій, какъ человѣкъ дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не знаетъ ни происхожденія, ни результатовъ собственныхъ поступковъ. Съ полей, заросшихъ, по его мнѣнію, терновникомъ,—мы собрали виноградныя грозди; фиговое дерево, посаженное имъ для нашей услады, бесплодно, какъ чертополохъ, и горько. Человѣчество можетъ найти свой путь только потому, что не знаетъ, куда идти“¹⁾. Жизнь—великій обманщикъ и правда только въ искусствѣ. „Великія произведенія искусства—живыя существа, точнѣе, они — единственныя существа, обладающія жизнью. Съ прогрессомъ цивилизаціи избранные умы настолько проникнутся сознаниемъ этой истины, что все меньше и меньше станутъ интересоваться дѣйствительной жизнью и всѣ свои впечатлѣнія почти всецѣло будутъ черпать изъ того, до чего дотронулось искусство (курсивъ Оскара Уайльда). Въ самомъ дѣлѣ. Жизнь крайне несовершенна по формѣ своей. Катастрофы въ ней случаются не такъ, какъ слѣдуетъ, и не съ тѣми людьми, которые заслуживаютъ. Комедія ея ужасна, а ея трагедіи—часто переходятъ въ фарсъ“. Приемлющій жизнь постоянно чувствуетъ себя оскорбленнымъ. Событія въ ней продолжаются или чрезмѣрно долго или, напротивъ, кончаются слишкомъ

¹⁾ The Critic as Artist, p. 132—133.

скоро. „Жизнь, подобно директору кукольного театра, обольщает насъ китайскими тѣнями. Мы просимъ у нея наслажденій; она примѣшиваетъ къ нимъ горечь и разочарованія. Мы встрѣчаемся съ благороднымъ горемъ и мыслимъ, что оно дастъ намъ достойную пурпурную мантию трагедіи; но горе уходитъ; его замѣняетъ нѣчто менѣе благородное. И вотъ наступаетъ сѣрый холодный разсвѣтъ, когда мы съ безразличнымъ изумленіемъ или съ застывшимъ, каменнымъ сердцемъ глядимъ на золотыя кудри, которыя мы когда-то безумно цѣловали и боготворили“¹⁾.

Жизнь не приемлема, между прочимъ, потому, что пережитыя впечатлѣнія никогда не повторяются въ одинаковой степени. Какъ сильно отличается въ этомъ отношеніи міръ искусства. Удалившись въ него, мы, по своему желанію, можемъ вызывать въ себѣ разныя эмоціи; въ нашихъ рукахъ возможность пережить въ любой моментъ полную гамму ощущеній. На полкѣ моего книжнаго шкафа стоитъ *Божественная Комедія*, и я знаю, что, открывъ книгу, преисполнюсь свирѣпой ненавистью къ человѣку, который никогда меня не обижалъ, или великой любовью къ женщицѣ, которую никогда не увижу. Нѣтъ такого сильнаго напряженія страсти, котораго не могло бы дать искусство. Открывъ тайну его, мы можемъ заранее сказать, каковы будутъ ощущенія. Мы можемъ даже выбрать для этого день и назначить часъ. Въ нашей волѣ сказать себѣ: „завтра на разсвѣтѣ я отправлюсь съ важнымъ *Виргиліемъ* въ долину тѣней и смерти. И дѣйствительно, разсвѣтъ застаётъ насъ въ темномъ лѣсу, и мы видимъ мантуанца рядомъ съ собою... Въ пурпурномъ мракѣ проносятся передъ нами всѣ тѣ, которые запятали міръ красотой своего грѣха; въ отвратительной ямѣ, съ тѣломъ, распухшимъ отъ водянки въ видѣ чудовищной лиры, валяется тѣло фальшивомонетчика Адама де Брешиа. Онъ молить насъ выслушать его несчастія. Мы остаемся. Сухими, растрескавшимися устами сообщаетъ онъ намъ про то, какъ днемъ и ночью мечтаетъ о ручейкахъ чистой воды, журчащихъ по мшистымъ бокамъ живописныхъ холмовъ. Предатель грекъ, Синонь изъ Трои, глумится надъ нимъ. Адамъ бьетъ его по лицу и между

¹⁾ Ib., p. 166.

ними завязывается драка. Позоръ ихъ приковываетъ насъ, и мы стоимъ неподвижно, покуда Виргилій не начинаетъ упрекать насъ. Мы идемъ дальше къ городу, охраняемому великанами, въ которомъ трубить въ свой рогъ Нимвродь. Ужасныя приключенія случаются съ нами, и мы чувствуемъ ихъ, какъ Данте, одѣтые, какъ онъ... Да, мы можемъ отодвинуть землю на шесть вѣковъ назадъ, чтобы склонить колѣна передъ тѣмъ же алтаремъ, что и великій флорентинецъ. И если давно прошедшіе вѣка утомляютъ насъ; если мы желаемъ испытать страданія и грѣхи нашего времени, то развѣ нѣтъ книгъ, которыя въ одинъ часъ заставляютъ насъ испытать больше, чѣмъ жизнь за двадцать лѣтъ позорнаго существованія? Откройте мадригалъ Бодлера, начинающійся словами:

„Que m'importe que tu sois sage?
Sois belle! et sois triste!“¹⁾

Вы почувствуете, что поклоняетесь горю больше, чѣмъ когда-либо поклонялись радости“...²⁾. „Эта передача эмоцій изумительна. Мы страдаемъ тѣми же болѣзнями, что и поэтъ,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ. Мертвыя уста шепчутъ намъ что-то, а сердце, давно обратившись въ прахъ, общаетъ намъ свою радость... Мы слѣдуемъ по всему міру за Манонъ Леско. Мы тоже сходимъ съ ума отъ любви, какъ герой Аріосто, и намъ передается ужасъ Ореста. Нѣтъ такой страсти, которую мы не могли бы чувствовать и такого наслажденія, котораго не могли бы испытать. Мы сами избираемъ время для этого и тотъ моментъ, когда ощущенія должны кончиться“. Ничего подобнаго не можетъ дать намъ жизнь. „Жизнь заставляетъ насъ платить слишкомъ высокую цѣну за свои товары. Самую ничтожную тайну ея мы приобретаемъ за чудовищную цѣну... Только черезъ посредство искусства, и только его одного, мы постигаемъ наше собственное совершенство. Только однимъ искусствомъ мы можемъ закрыться отъ опасностей дѣйствительной жизни“³⁾.

1) „Что мнѣ до твоего благоразумія? Будь прекрасна! Будь печальна!“.

2) The Critic as Artist, p. 172.

3) Ib., 174.

— Въ такомъ случаѣ, мы существуемъ, чтобы ничего не дѣлать?—спрашиваетъ одно изъ лицъ діалога.

— Да, избранныя природы существуютъ именно для этого,—отвѣчаетъ лицо, излагающее взгляды Оскара Уайльда. Дѣйствіе человѣка ограничено и относительно. Не ограничена и абсолютна лишь фантазія одинокаго мечтателя. Но мы живемъ въ чрезмѣрно культурномъ и критически настроенномъ вѣкѣ; мы слишкомъ жаждемъ изысканныхъ наслажденій, чтобы въ обмѣнъ за дѣйствительную жизнь принять только созерцаніе ея,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ. Для насъ *città divina*—безцвѣтенъ, а *fruitio Dei*—лишенъ значенія. Метафизика не соотвѣтствуетъ нашему темпераменту, а религіозный экстазъ вышелъ изъ моды. Міръ, черезъ посредство котораго академическій философъ становится наблюдателемъ всѣхъ временъ и разныхъ существованій,—есть только міръ абстрактныхъ идей. Вступивъ въ этотъ міръ, мы застываемъ въ обществѣ слишкомъ отвлеченныхъ мыслителей. Что же касается воротъ „града божьяго“, то они заперты теперь для насъ. Ихъ охраняетъ невѣжество. Чтобы пройти этими воротами, намъ необходимо предварительно отказаться отъ всего, что есть возвышеннаго въ нашей природѣ. Довольно и того, что наши отцы вѣрили. Они истощили совершенно всю вѣроспособность вида *homo sapiens* и завѣщали намъ скептицизмъ, который пугалъ ихъ... Мы не можемъ возвратиться и назадъ ко временамъ святыхъ. Теперь гораздо большому можно научиться у грѣшниковъ. Мы не можемъ также возвратиться къ абстрактной философіи, мистика же сбиваетъ насъ съ пути. Кто теперь пожелаетъ обмѣнять изящную кривую розоваго лепестка на безформенное, неуловимое бытіе, которое Платонъ ставилъ такъ высоко? Что намъ до теодицеи Филона Александрійскаго, до „вечерняго и утренняго посланія“ Экарта, до видѣній Бѣме и даже до чудовищнаго неба, развернушаго передъ свѣтлыми очами Сведенборга? Все это не стоитъ одной желтой чашечки цвѣтка асфоделии; самое низшее искусство неизмѣримо выше всего этого. Точно такъ, какъ природа есть матерія, претворяющаяся въ разумъ, искусство есть разумъ, претворяющійся въ матерію. Истиннаго эстетика все неясное всегда отталкивало. Греки представляли націю художниковъ, потому что имъ чуждо было предста-

вленіе о безконечномъ... Мы желаемъ конкретнаго, и ничто, кромѣ конкретнаго, не можетъ удовлетворить насъ ¹⁾).

Искусство можетъ дать человѣку все то, чего не даютъ ни жизнь, ни философія, ни мистика. Въ искусствѣ и заключена таинственная прелесть, влекущая, какъ пропасть. „Искусство болѣетъ многими болѣзнями и хранитъ воспоминанія о заманчивыхъ грѣхахъ. Оно мудрѣе насъ, и мудрость его горька. Искусство наполняетъ насъ невозможными желаніями и заставляетъ насъ гнаться за тѣмъ, что мы сами сознаемъ недостижимымъ. Зато искусство можетъ сдѣлать для насъ одно: оно уводитъ насъ отъ окружающаго, красота котораго затемнена вульгарностью, а уродливость котораго не даетъ намъ совершенствоваться. Искусство помогаетъ намъ покинуть вѣкъ, въ которомъ мы родились, перейти въ другіе вѣка и чувствовать тѣмъ не менѣе тамъ себя въ родной атмосферѣ. Оно учитъ насъ, какъ уйти отъ опыта и какъ постичь опытъ другихъ людей, болѣе талантливыхъ, чѣмъ мы. Муки Леопарди, проклинающаго жизнь, становятся нашими муками. Теокритъ играетъ на свирѣли, а мы смѣемся вмѣстѣ съ нимфами и пастухами. Одѣтые въ воловью шкуру Пьера Видаля ²⁾, мы мчимся на конѣ впереди псовъ или свершаемъ подвиги Ланселота. Вмѣстѣ съ Аселяромъ мы шепчемъ тайну нашей любви и, какъ Виллонъ, изливаемъ нашъ позоръ въ стихахъ. Мы видимъ разсвѣтъ глазами Шелли, и, когда бродимъ вмѣстѣ съ Эндиміономъ, мѣсяцъ влюбляется въ нашу красоту“. Избранныя природы не пріемлютъ дѣйствительности и берутъ изъ нея только

¹⁾ The Critic as Artist, p. 179.

²⁾ Пьеръ Видалъ — провансальскій трубадуръ XII вѣка. Нѣсколько непонятно, почему именно Оскаръ Уайльдъ вспоминаетъ его. Видалъ Тулузскій, какъ говоритъ Сисмонди въ своей исторіи провансальской литературы, прославился не столько пѣснями, сколько эксцентричностями въ духъ рыцаря печальнаго образа. „Ни одинъ поэтъ, говоритъ Сисмонди, не проявлялъ такихъ яркихъ признаковъ безумія. Увѣренный, что всѣ дамы влюблены въ него и что онъ самый храбрый рыцарь, Видалъ являлъ собою прототипъ Донъ-Кихота въ поэзіи. Его уморительныя любовныя приключенія и насыщенные родомонтады дѣлали его шуткомъ своего времени. Во времена крестоваго похода, которымъ предводительствовалъ Ричардъ Львиное Сердце, пріятели убѣдили его жениться въ Кипрѣ будто бы на знатной гречанкѣ. Съ тѣхъ поръ Видалъ считалъ себя претендентомъ на престолъ Византіи“.

грѣхъ. „То, что люди называютъ грѣхомъ, является существеннымъ элементомъ прогресса, — говоритъ Оскаръ Уайльдъ.—Безъ грѣха міръ застоялся бы, состарился или же обезцвѣтился бы. Грѣхъ своимъ любопытствомъ увеличиваетъ опытъ націи. Своимъ интенсивнымъ индивидуализмомъ онъ спасаетъ насъ отъ монотонности. Отвергая ходячія понятія о нравственности, грѣхъ ведетъ насъ къ высшей этикѣ. Что такое добродѣтели? Природѣ,—говоритъ намъ Ренанъ,—нѣтъ никакого дѣла до цѣломудрія. Лукреціи современнаго міра чисты отъ пятна не въ силу собственной добродѣтели, а благодаря позору Магдалины. Благотворительность, которую церковь такъ превозноситъ, порождаетъ, какъ признано всѣми, много зла. Одно существованіе совѣсти, которой такъ гордятся теперь, является признакомъ нашего несовершеннаго развитія. Самоотреченіе есть методъ, которымъ человѣкъ задерживаетъ собственный прогрессъ, а самопожертвованіе—пережитокъ того времени, когда дикарь калѣчилъ себя, думая угодить этимъ своему идолу; самопожертвованіе—отзвукъ преклоненія предъ страданіемъ, которое является такимъ ужаснымъ факторомъ въ исторіи человѣчества“. Пусть читатели вспомнятъ слова Эдмона Лепелетье о Полѣ Верлэнѣ. Мы скоро увидимъ, что въ большинствѣ своихъ комедій Оскаръ Уайльдъ проводилъ самую благонамѣренную, буржуазную мораль.

V.

Уже Вольтеръ говорилъ о театрѣ, какъ о какомъ-то ихтиозаврѣ, который зачѣмъ-то затесался въ наше время, когда окружающія условія совершенно иныя, чѣмъ во времена возникновенія его. Въ „Философскомъ словарѣ“, въ статьѣ „Общее мѣсто въ литературѣ“ Вольтеръ высмѣиваетъ театральныя пьесы, въ которыхъ можно заранѣе угадать не только развязку, но даже рѣшѣны. Если героиня говоритъ о письмѣ (*lettre*), то въ слѣдующей строчкѣ мы, конечно, узнаемъ, что его нужно передать (*remettre*). „Героиня не успѣваетъ проявить свою тревогу (*alarmes*), какъ у нея сейчасъ же начинаютъ литься слезы (*larmes*). Въ англійскомъ театрѣ XIX вѣка это „общее мѣсто“ достигло верховъ нелѣпости.

Не только фиксировались „виды“ дѣйствующихъ лицъ, какъ сказалъ бы зоологъ, но даже внѣшній видъ ихъ. Героиня, какъ Маргарита въ оперѣ, всегда бѣлокура. „Bad character“ всегда рыжий и непременно выходитъ въ желтыхъ штиблетахъ. Комикъ—непременно толстый и носить панталоны въ большихъ клѣткахъ, и пр. Въ Англии нелѣпость традиціоннаго театра достигла апогея; но въ значительной степени то же самое мы видимъ на континентѣ. Смерть стараго театра кажется теперь многимъ такой очевидной истиной, которую и доказывать нечего. Передъ нами намѣчено даже нѣсколько видовъ возрожденнаго театра. Намъ даютъ, на примѣръ, сперва подражанія той мистеріи Гренгуара, которою въ романѣ Гюго забавляютъ парижанъ въ соборѣ Богоматери, т.-е. абстрагированный театръ съ алгебраическими величинами вмѣсто дѣйствующихъ лицъ. Иные авторы идутъ еще дальше; они мирятся уже не на добродѣтели съ русой косой, не на добродѣтели вообще, какъ Гренгуаръ, а не иначе, какъ на вѣчныхъ двигателяхъ и на силахъ природы. На сцену выводятся теперь Время, Голодь, Смерть. У Времени „голова большая, съ огромной, косматой старческою бородою и волосами; въ профиль виденъ большой строгій носъ и нависшія мохнатая брови“. Совсѣмъ такъ, какъ на обложкѣ календарей, но только безъ песочныхъ часовъ. Смерть, какъ значится въ ремаркѣ пьесы, „канканируетъ“. Время поетъ пѣсню, въ которой высказывается не совсѣмъ новая мысль о безконечности его и о томъ, что оно дѣлится на годы, минуты и секунды. О неблагодарное человѣчество! Почему ты забыло „мистерію въ XI-ти явленіяхъ“ подъ названіемъ „Сродство міровыхъ силъ“? Въ этомъ произведеніи участвуютъ Сѣверный Аквилонъ, Ночные Часы, ночная тишина, загробный міръ и общее собраніе міровыхъ силъ. Кромѣ того еще звѣзда орденская, душло, полное собраніе твореній великаго поэта и даже альмавива его. Южный ураганъ поетъ:

„Нѣтъ силъ мѣры!
Нѣтъ вѣчныхъ узъ!“

Ночные Часы декламируютъ:

„Дойдутъ часы всѣ, безъ изъятія,
До лона вѣчности. Но днемъ
Бѣгутъ при свѣтѣ наши братья,—
Впотьмахъ мы медленно бредемъ“.

Это нисколько не хуже, чѣмъ пѣсня Времени изъ современной мистеріи: „Пришла смерть и взяла голубя. Все падаеть, все рушится и все родится вновь. О безначальность, мать моя! О дѣточки мои—секундочки, минуточки, годочки—о безконечность, дочь моя!“ Авторъ мистеріи „Сродство міровыхъ силъ“—безсмертный директоръ пробирной палатки Кузьма Петровичъ Прутковъ.

Оскаръ Уайльдъ никогда не писалъ абстрагированныхъ пьесъ, но онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ изобразить жизнь, какой она никогда не бываетъ. Таковы „Вѣра или нигилисты“, „Герцогиня Падуанская“ и „Саломея“. Оскаръ Уайльдъ не любилъ демократіи, не зналъ и боялся ея. Онъ зналъ хорошо тотъ высшій кругъ, въ которомъ вращался, ненавидѣлъ его и презиралъ. Оскаръ Уайльдъ зналъ про борьбу обойденныхъ; но объ его отношеніяхъ къ ней лучше всего говорить крайне характерный „сонетъ къ свободѣ“, помѣщенный въ сборникѣ стиховъ изданія 1881 г.

„Not that I love thy children, whose dull eyes
See nothing save their own unlovely woe,
Whose minds know nothing, nothing care to know,—
But that the roar of thy Democracies,
Thy reigns of Terror, thy great Anarchies,
Mirror my wildest passions like the sea
And give my rage a brother!—Liberty!
For this sake only do thy dissonant cries
Delight my discreet soul, else might all Kings
By bloody Knout or treacherous cannonades
Rob nations of their rights inviolate
And I remain unmoved—and yet, and yet,
These Christs that die upon the barricades,
God know it I am with them, in some things“.

(т.-е. „Я не люблю твоихъ дѣтей, которыхъ мрачные глаза не видятъ ничего, кромѣ своего собственнаго неизящнаго горя, а умы ничего не знаютъ и не хотятъ знать,—но бушеваніе твоихъ демократій, твое царство террора и великія анархіи—какъ море, отражаютъ мои наиболѣе дикія страсти и даютъ брата моему бѣшенству. Свобода! Только поэтому твои нестройные вопли пріятны моей осторожной натурѣ. Иначе я не пошевелился бы, даже если бы всѣ короли окржавленными бичами или предательской канонадой отняли у народовъ ихъ неприкосновенныя права. И, однако, Богу извѣстно,

я кое въ чемъ сочувствую этимъ страстотерпцамъ, погибающимъ на баррикадахъ“).

Ранняя драма *Вѣра* является иллюстраціей къ этому сонету. Происходитъ она въ нашемъ отечествѣ, но это такая же совершенно фантастическая Россія, какъ *приморская Богемія* въ Шекспировской „Зимней сказкѣ“. Мы имѣемъ здѣсь Шиллеровскаго Филиппа II и Донъ-Карлоса. Филиппъ—мрачный тиранъ, подозрительный, вѣчно трепещущій за свою жизнь; онъ послушное орудіе въ рукахъ камарилли. Донъ-Карлосъ—благородный энтузіастъ, понимающій положеніе дѣлъ и присоединяющійся подъ именемъ студента Алексѣя къ мрачнымъ, жестокимъ, фанатичнымъ и безпощаднымъ заговорщикамъ. И когда Филиппъ II падаетъ отъ руки убійцы, Донъ-Карлосъ вступаетъ на престолъ съ широкими планами преобразованія. Онъ первымъ дѣломъ отправляетъ въ изгнаніе главарей камарилли. И вотъ вождь ея—женолюбивый, умный, изящный, безчестный, смѣлый, отлично знающій людей, prince „Paul Magaloffski“—переходитъ къ заговорщикамъ. Онъ убѣждаетъ ихъ, что реформы опаснѣе тираніи и устраиваетъ заговоръ противъ Донъ-Карлоса. Но нигилистка Вѣра, которой поручено убить Донъ-Карлоса, любить его. Она закалывается сама и этимъ спасаетъ Донъ-Карлоса. Пьеса носитъ совершенно сказочный характеръ. Вотъ, напримѣръ, засѣданіе заговорщиковъ. Происходитъ оно въ Москвѣ „на Чернавой, 99“ (это еще ничего: въ драмѣ есть „профессоръ Марѳа“, мужского пола). „Громадный чердакъ, освѣщенный керосиновыми лампами, висящими съ потолка,—говорится въ ремаркѣ.—Нѣсколько замаскированныхъ людей молча стоятъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Человѣкъ въ алой маскѣ пишетъ у стола. Дверь на заднемъ планѣ. У нея стоитъ съ обнаженной шпагой человѣкъ въ желтомъ плащѣ. Раздается стукъ. Входятъ замаскированныя и закутанныя въ плащи фигуры“.

Предсѣдатель.—Пароль?

Первый заговорщикъ.—Набать.

Предсѣдатель.—Откликъ?

Второй заговорщикъ.—Калить.

Предсѣдатель.—Который часъ?

Третій заговорщикъ.—Часъ страданія.

Предсѣдатель.—Какой день?

Четвертый заговорщикъ.—День угнетенія.

Предсѣдатель.—Какой годъ?

Пятый заговорщикъ.—Годъ надежды.

Предсѣдатель.—Сколько насъ?

Шестой заговорщикъ.—Десять, девять и три.

Предсѣдатель.—У Галилеянина было меньше людей, но онъ завоевалъ міръ. Въ чемъ наша миссія?

Седьмой заговорщикъ.—Дать свободу.

Предсѣдатель.—Нашъ символъ вѣры?

Восьмой заговорщикъ.—Уничтожать.

Предсѣдатель.—Нашъ долгъ?

Девятый заговорщикъ.—Повиноваться.

Предсѣдатель.—Братья! На всѣ вопросы данъ правильный отвѣтъ. Здѣсь, очевидно, только нигилисты. Откройте лица. (*Заговорщики снимаютъ маски*). Прочти клятву, Михаилъ.

Михаилъ. Клянемся подавлять въ себѣ все человѣческое; никогда не любить и не быть любимымъ; никогда не давать и не просить пощады; никогда не жениться и не выходить замужъ. Клянемся наносить ночью удары кинжаломъ; сыпать ядъ въ стаканъ; возстановлять отца противъ сына и супруга противъ жены; клянемся, что безъ страха и безъ надежды будемъ страдать, уничтожать и мстить¹⁾.

Вотъ при какомъ условіи изящные эстеты помирились бы съ „заговорщиками“: поклонникамъ красоты необходимы плащи, маски и таинственные діалоги!

Наиболѣе живымъ и обаятельнымъ для автора типомъ является злой геній пьесы, князь Павелъ. „Донъ-Карлосъ“ драмы въ пылкомъ объясненіи съ отцомъ предсказываетъ господство демократіи въ Европѣ.

— Дикіе звѣри въ лѣсахъ имѣютъ свои берлоги, хищники—свои норы; только побѣдитель всего міра — русскій народъ — не знаетъ, гдѣ прклонить голову, — говоритъ „Донъ-Карлосъ“ драмы, пародируя знаменитыя слова Ти-верія Гракха.

— Что онъ думаетъ сказать?—испуганно шепчетъ князю Павлу „король Филиппъ“.—Довѣряешь ли ты ему? Тюрьма

1) *Vera. or the Nihilists. Act I.*

не изгъчила его. Сослать ли его? Или не лучше ли? (*что-то шепчет*). Императоръ Павелъ сдѣлалъ это. Екатерина тоже поступила такъ. Почему мнѣ не сдѣлать того же?

— „Ваше величество,—отвѣчаетъ князь Павелъ.—Безпокоиться нечего. Принцъ, конечно, очень остроумный молодой человѣкъ. Онъ увѣряетъ, что преданъ народу, а живетъ между тѣмъ во дворцѣ; онъ проповѣдуетъ социализмъ, а получаетъ такое жалованіе, что можно прокормить имъ цѣлую область. Придетъ время, и принцъ найдетъ, что лучшее лѣченіе отъ республиканства—корона. И тогда онъ изрѣжетъ свой красный фригійскій колпакъ на орденскія ленты для своихъ министровъ“¹⁾. Но князь Павелъ ошибся. Когда Донъ-Карлосъ вступаетъ на престолъ, то прежде всего велитъ князю Павлу убраться за границу. И на ближайшемъ засѣданіи заговорщиковъ происходитъ такая сцена.

— *Vae tyranis*,—раздается пароль.

— *Vae victis*,—слышится откликъ. (Входятъ замаскированные заговорщики и образуютъ полукругъ). *Предсѣдатель*.—Который часъ? *1-й заговорщикъ*.—Часъ нанесенія удара. *Предсѣдатель*.—Какой день? *2-й заговорщикъ*.—Маратовъ день. *Предсѣдатель*.—Какой мѣсяцъ? *3-ій заговорщикъ*.—Мѣсяцъ свободы.—И т. д. Но когда предсѣдатель задаетъ вопросъ: „нашъ символъ вѣры?“—то слышитъ насмѣшливый отвѣтъ:

— *Parbleu, monsieur le President!* Никогда я не думалъ, что у васъ есть какой-нибудь символъ вѣры!

Раздаются восклицанія: „Тутъ шпионъ! заprite двери! Долой маски! Смерть шпиону!“ И когда маски сняты, то заговорщики узнаютъ князя Павла, перваго министра и вождя реакціонной партіи. На яростныя восклицанія и на угрозы онъ хладнокровно отвѣчаетъ насмѣшкой. Онъ явился сюда, какъ товарищъ.

Въра. Тигръ не можетъ измѣнить свою природу; змѣя не можетъ не кусать. Какимъ же образомъ *вы* стали внезапно другомъ народа?

Князь Павелъ. *Mon Dieu, non mademoiselle!* Мнѣ больше по душѣ злословить въ гостиной, чѣмъ строить заговоры въ подвалѣ. На придачу, я терпѣть не могу грубую толпу, отъ которой воняетъ чеснокомъ и сквернымъ табакомъ. Мнѣ

¹⁾ Act II.

невыносимы люди, встающіе рано и имѣющіе обѣдъ только изъ одного блюда.

Предсѣдатель. Что же въ такомъ случаѣ вы выиграете, если будетъ революція?

Князь Павелъ.—Мои ами, мнѣ нечего больше терять! Новый царь отправилъ меня въ изгнаніе. *Вѣра.* Въ Сибирь?

Князь Павелъ.—Нѣтъ, въ Парижъ. Мои помѣстья конфискованы. Меня прогнали въ отставку и отняли повара. У меня остались только ордена. Я здѣсь для мщенія. *Предсѣдатель.*—

Въ такомъ случаѣ вы имѣете право быть нашимъ. Мы тоже

собираемся здѣсь для мщенія. *Князь Павелъ.*—Вамъ, конечно,

необходимы деньги. Никто, становящійся заговорщикомъ,

ихъ не имѣетъ. Вотъ вамъ. (*Бросаетъ деньги на столъ*)... Вы

найдете во мнѣ лучшаго знатока всѣхъ злоупотребленій на-

шего правительства, потому что я самъ дѣлалъ ихъ.—Заго-

ворщики принимаютъ въ свою среду бывшаго перваго ми-

нистра, который „клянется на кипжалъ“. Потомъ князю

Павлу даютъ читать уставъ нигилистовъ.

Князь Павелъ (читаетъ) „Права человѣчества!“ Въ былое

время люди сами добывали себѣ права въ теченіе жизни;

теперь же каждый младенецъ рождается съ деклараціей

правъ во рту, больше, чѣмъ самъ ребенокъ. „Природа не

храмъ, а мастерская. Мы требуемъ права на трудъ“. Ну, я

охотно отказался бы отъ моего права въ этомъ отношеніи.

„Семья, какъ институтъ, подрывающій основы истиннаго

коммунизма,—подлежитъ уничтоженію“. О да, предсѣдатель,

безусловно согласенъ съ этимъ. Семья, въ особенности не-

законная, большая обуза“!

Приведу еще одну фразу, и тогда можно будетъ покон-

чить съ драмой. „Реформы въ Россіи,—говоритъ товарищъ

князя Павла баронъ Раффъ,—начинаются всегда трагедіями

и всегда кончаются фарсомъ“ ¹⁾.

Въ драмѣ *Саломея*, напечатанной теперь впервые такъ,

какъ она вышла изъ-подъ пера автора, мы имѣемъ другой

примѣръ произведенія, написаннаго по вышеприведенной

теоріи. Саломея внезапно загорается страстью къ Іоанну и

хочетъ поцѣловать его. Предтеча проклинаетъ ее. Саломея

говоритъ, что поцѣлуетъ его. Страстной пляской она выма-

¹⁾ Act IV.

ливааетъ у робкаго тетрарха разрѣшеніе казнить Іоанна „Руби, руби, Нааманъ!—кричитъ она палачу, спустившемуся въ цистерну.—Руби, говорю я тебѣ!.. Ахъ, что-то упало. Я слышу, что-то упало. Это мечъ палача. Рабъ боится! Онъ выронилъ свой мечъ! Онъ не смѣетъ убивать! Этотъ рабъ—трусъ. Нужно послать солдатъ!.. Тетрархъ! Тетрархъ! прикажи своимъ солдатамъ принести мнѣ голову Іоанна“. И вотъ разъяренной Саломеѣ даютъ страшный трофей. „Что, Іоаннъ! Ты не хотѣлъ, чтобы я поцѣловала тебя въ губы? Ну, я ихъ поцѣлую теперь. Я ихъ укушу зубами, какъ кусаютъ спѣлый плодъ. Да, Іоаннъ, я цѣлую тебя въ губы! Я тебѣ сказала это, не такъ ли? Я тебѣ сказала! Ну, я поцѣлую теперь... Почему ты не глядишь на меня? Ты не боишься ли меня, Іоаннъ, что не хочешь глядѣть на меня? Не шевелится больше твой языкъ, который, какъ красная змѣя, источалъ ядъ. Теперь эта красная гадюка, изливавшая на меня ядъ, не шевелится больше. Странно, не такъ ли? Почему не шевелится эта красная гадина?“.

VI.

Герцогиня Падуанская составляетъ третью пьесу, написанную по той теоріи искусства, которую формулировалъ самъ Оскаръ Уайльдъ. Въ *Fortnightly Review* за 1908 годъ помѣщена любопытная статья Джона Хэлкина о пьесахъ Оскара Уайльда. Авторъ, между прочимъ, отмѣчаетъ одну характерную черту. „Какъ драматургъ, Уайльдъ былъ скорѣе подражатель, чѣмъ оригинальный писатель. Подражательная способность у Оскара Уайльда достигала почти геніальности. Онъ удивительно тонко чувствовалъ чужой стиль. И если бы Оскаръ Уайльдъ желалъ, изъ него вышелъ бы геніальный подражатель, какъ Чаттертонъ или Симонидъ“ ¹⁾. Герцогиня Падуанская является лучшимъ доказательствомъ удивительной подражательной способности Уайльда. Авторъ въ совершенствѣ овладѣлъ манерой, языкомъ и міровоззрѣніемъ, такъ называемой, Елизаветинской плеяды драматурговъ (т.-е. той школы, во главѣ которой

¹⁾ *Fortnightly Review*, May, 1908, p. 793.

стоитъ Шекспиръ). Для подтвержденія мнѣ достаточно привести нѣсколько стиховъ:

„Murder did you say?
Murder is hungry, and still cries for more,
And Death, his brother, is not satisfied,
But walks the house, and will not go away,
Unless he has a com rade!“

(т.-е. „Ты говоришь объ убійствѣ! Убійство голодно и требуетъ еще жертвъ. Смерть, братъ его, не удовлетворена. Она бродитъ по дому и не уйдетъ до тѣхъ поръ, покуда не будетъ имѣть товарища“).

Совсѣмъ инымъ является намъ Оскаръ Уайльдъ въ комедіяхъ, имѣвшихъ колоссальный успѣхъ при жизни автора до 1895 г., снятыхъ потомъ со сцены и возобновленныхъ въ послѣднее время: „Вѣрь лэди Уиндермиръ“, „Неинтересная женщина“, „Образцовый мужъ“ и „Важность быть открытымъ“. Діалогъ въ этихъ комедіяхъ сверкаетъ. Каждая сцена, каждый монологъ блещетъ парадоксами, облеченными въ удивительную форму. Дѣйствующія лица очерчены великолѣпно, въ особенности это относится къ „вариантамъ“ князя Павла, какъ лордъ Иллингвортъ (въ *A Woman of no importance*). Оскаръ Уайльдъ выводитъ тотъ міръ, въ которомъ вращался все время, т.-е. высшую родовитую аристократію. Насколько средніе классы въ Англіи сохранили еще всецѣло ту энергію и силу, какой обладали 250 лѣтъ тому назадъ, когда впервые помѣрялись при Морстонъ-Мурѣ съ войсками Карла I, настолько же старая титулованная аристократія выродилась. Къ счастью для англичанъ, она не можетъ теперь играть важной роли въ исторіи страны. Лорды, имена которыхъ связаны съ наукой, съ политической или промышленной жизнью страны, за самими ничтожными исключеніями, *новые* пары, поднявшіеся изъ рядовъ среднихъ классовъ. Родовитые лорды, имена которыхъ фигурируютъ въ шекспировскихъ хроникахъ, большею частью, если появляются передъ публикой, то только какъ герои невѣроятно скандальныхъ процессовъ. Таковъ, напр., недавно скончавшійся лордъ Англезі, который былъ тѣнью Оскара Уайльда. И въ этотъ міръ самодовольныхъ тупицъ и дегенератовъ судьба бросила блестящаго, высокоталантливаго художника! Несмотря на апологію „грѣха“, которую писалъ

Оскаръ Уайльдъ; несмотря на то, что въ остроумномъ очеркѣ, озаглавленномъ „Pen, Pencil and Poison“ (Перо, карандашъ и ядъ), онъ любовно пишетъ біографію нѣкаго Томаса Гриффита Уэйньюрайта (Wainewright), который писалъ любопытныя статьи, рисовалъ и былъ еще отравителемъ,—въ комедіяхъ своихъ авторъ *De Profundis* является защитникомъ буржуазной морали. Такъ напримѣръ, въ комедіи „A Woman of no importance“ міру, законодателемъ котораго является лордъ Иллингвортъ, противопоставляется молодая американка миссъ Эстеръ Уорсли, излагающая кодексъ пуританской морали. Мы видимъ здѣсь женщинъ, требующихъ, чтобы съ ними обращались, какъ съ рѣдкой и цѣнной игрушкой. „Идеальный мужчина,—говоритъ свѣтская дама миссисъ Оллонби,—долженъ говорить съ нами, какъ съ богинями, и обращаться, какъ съ маленькими дѣтьми. Онъ долженъ отказывать намъ во всѣхъ серьезныхъ просьбахъ и обязанъ охотно исполнять каждую причуду. Онъ долженъ поощрять въ насъ капризы и запрещать намъ имѣть миссіи. Онъ долженъ сказать всегда больше, чѣмъ чувствуетъ, и постоянно чувствовать больше того, что говорить“. *Лэди Хенстентонъ*.—Но какъ онъ можетъ одновременно дѣлать и то, и другое? *Миссисъ Оллонби*.—Идеальный мужчина никогда не долженъ ухаживать за другими хорошенькими женщинами. Это показывало бы, что у него нѣтъ вкуса, или внушило бы другимъ мысль, что у него слишкомъ много вкуса, и т. д. ¹⁾ И вотъ выступаетъ молодая пуританка. „Мы пытаемся построить жизнь на лучшемъ, болѣе справедливомъ и чистомъ фундаментѣ, чѣмъ тотъ, на которомъ держится жизнь здѣсь. Все это кажется вамъ страннымъ, не такъ ли? Вы всѣ, англійскіе богачи, не знаете смысла жизни. И какъ вы можете знать? Вы изгоняете изъ своей среды всѣхъ кроткихъ и добрыхъ. Вы глумитесь надъ простыми и чистыми. Всѣ вы живете на счетъ другихъ, и при помощи чужого труда. И, тѣмъ не менѣе, вы смѣтаетесь надъ самопожертвованіемъ. Если вы швыряете хлѣбъ бѣднякамъ, то только для того, чтобы успокоить ихъ на время. Несмотря на блескъ, на любовь къ искусству и на все богатство,—вы не умѣете жить. Вы не подозреваете

¹⁾ A Woman of no importance, Act II.

даже, что не умѣете жить. Вы любите только такую красоту, которую можно видѣть и тронуть руками; такую красоту, которую можно разрушить. И вы разрушаете ее. Вы ничего не знаете о высшей красотѣ жизни. Вы утратили ключъ къ ней. О! ваше англійское общество кажется мнѣ пустымъ, эгоистичнымъ, глупымъ. Оно закрыло глаза и заткнуло себѣ уши. Оно напоминаетъ прокаженного, выраженного въ пурпуръ. Общество ваше сидитъ, какъ трупъ, который вызолотили. Все оно ложно“. Молодой пуританкѣ говорить о лордѣ Генри Уэстонѣ, который хвалилъ ее. „Лордъ Генри Уэстонъ?—отвѣчаетъ Эстеръ,—я вспоминаю его, лэди Хенстэнтонъ. Человѣкъ съ отвратительной улыбкой и отвратительнымъ прошлымъ. Его приглашаютъ всюду. Безъ него не обходится ни одинъ обѣдъ. А тѣ женщины, которыхъ онъ погубилъ? Отъ нихъ отвернулись. О нихъ никогда не говорятъ. Встрѣтивъ ихъ на улицѣ, вы отворачиваетесь. *Я не жалюю о томъ, что онъ наказанъ. Пусть каждая согрѣшившая женщина будетъ наказана. Это справедливо.* Но почему страдаютъ только однѣ онѣ? Если мужчина и женщина согрѣшили, пусть ихъ обоихъ изгоняютъ въ пустыню, чтобы они тамъ любили или ненавидѣли другъ друга. Слѣдуетъ заклеить обоихъ. Зачѣмъ же накладывать печать на женщину, а мужчину избавлять отъ наказанія? Не слѣдуетъ имѣть одинъ законъ для мужчины, а другой для женщины. Вы въ Англiи не справедливы къ женщинамъ. А до тѣхъ поръ, покуда вы прощаете мужчинѣ проступокъ, за который осуждаете женщину,—отъ вашихъ глазъ будутъ скрыты Правда, этотъ огненный столбъ, и Неправда—этотъ столбъ облачный“. Такіе монологи часто произносятся въ англійскихъ шаблонныхъ пьесахъ добродѣтельные герои и героини въ бѣлокурыхъ парикахъ. Нѣсколько странно только встрѣтить требованіе, чтобы „согрѣшившая“ женщина была наказана, въ пьесѣ, вышедшей изъ-подъ пера автора, который написалъ „Intentions“ и „The Soul of Man!“ Въ комедіи „Вѣрь лэди Уиндермиръ“ мы опять видимъ отстаиваніе кодекса морали, противъ котораго даже суровая M-rs Grundy ничего не можетъ возразить. То же самое мы видимъ въ „Идеальномъ Супругѣ“ и въ самой лучшей комедіи Оскара Уайльда въ „The Importance of Being Earnest“. Джонъ Хэнкинъ, авторъ упомянутой уже статьи въ „For-

nightly Review“, даетъ любопытное объясненіе этого явленія. „Въ дѣйствительности, Оскаръ Уайльдъ презиралъ театръ, — говоритъ Хэнкинъ. — Онъ былъ прирожденный драматургъ въ томъ смыслѣ, что обладалъ нѣкоторыми цѣнными талантами, необходимыми автору, пишущему для сцены. Но Уайльдъ сталъ драматургомъ не по убѣжденію, какъ Ибсенъ или Бернардъ Шоу. Ибсенъ писалъ театральныя пьесы не потому, что этотъ родъ литературы оплачивался въ Норвегіи очень хорошо. Напротивъ, пьесы оплачивались плохо. Ибсенъ писалъ драмы потому, что эта форма непреодолимо влекла его. Бернардъ Шоу пишетъ пьесы потому, что считаетъ сцену самой лучшей каеедрой. Отношеніе Уайльда къ сценѣ совсѣмъ иное, — продолжаетъ Джонъ Хэнкинъ. — Онъ откровенно признавался, что пишетъ „для рынка“. Уайльдъ писалъ комедіи потому, что за это платили очень хорошо. Безъ сомнѣнія, онъ вкладывалъ въ свои произведенія частицу своего я. Истинный талантъ иначе не можетъ. Но никогда еще художникъ съ талантомъ такого калибра, какъ у Оскара Уайльда, не вкладывалъ въ свои произведенія такъ мало своего я. Комедіи Уайльда шли навстрѣчу запросамъ рынка... Уайльдъ любилъ роскошь, а ее нельзя имѣть даромъ. И если художникъ желаетъ немедленно получить большой доходъ, ему обыкновенно приходится поступиться многимъ. И Уайльдъ поступился. Онъ присмотрѣлся къ тому, за какой товаръ платятъ деньги другимъ драматургамъ, съ презрѣніемъ, хотя внимательно изучилъ товаръ, понялъ секретъ его фабрикаціи и изготовилъ по образцу. Единственная пьеса, написанная по убѣжденію — *Саломея*; но ее именно Оскаръ Уайльдъ написалъ не для сцены. Когда онъ работалъ надъ пьесой, то не зналъ, будетъ ли она когда-либо поставлена. Но когда Сара Бернаръ шутливо разъ спросила Оскара Уайльда, почему онъ не напишетъ для нея пьесу, — поэтъ послалъ ей *Саломею*¹⁾. Въ этой

¹⁾ *Salomé* написана по-французски въ 1891 г. — говоритъ издатель перваго полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда. Сара Бернаръ желала поставить пьесу въ 1892 г. въ Лондонѣ; но театральныи цензоръ не далъ разрѣшенія. *Саломея*, поэтому, появилась впервые на сценѣ въ 1896 г. въ Парижѣ, въ Théâtre de l'Oeuvre. Въ Англіи возможно было до сихъ поръ поставить пьесу только на частной сценѣ (Stage Society). На представленія, устраиваемыя этимъ обществомъ, допускаются только члены. Вилеты тогда не продаются въ кассѣ.

пьесѣ талантъ Уайльда развернулся свободно. Авторъ писалъ, чтобы доставить наслажденіе себѣ, а не антрепренеру. Вотъ почему *Саломея*—лучшая драма Уайльда. Въ комедіи *The Importance of Being Earnest* тоже въ значительной степени отразился темпераментъ Оскара Уайльда; но комедія эта—только шутка, хотя поразительно красивая. Впрочемъ, судя по всѣмъ даннымъ, Оскаръ Уайльдъ и къ этому дѣтищу относился такъ же презрительно, какъ и къ остальнымъ комедіямъ... „Да, Уайльдъ презиралъ драму вообще и она отомстила за себя,—говоритъ Джонъ Хэнкинъ.—При его талантѣ писать діалоги; при его умѣніи очерчивать характеры и удивительномъ пониманіи сцены,—Оскаръ Уайльдъ могъ бы стать замѣчательнымъ драматургомъ, если бы отнесся серьезно къ работѣ; но онъ не хотѣлъ этого. И въ результатѣ слѣдующее. Въ вѣкъ Ибсена, Гауптмана, Стриндберга и Бріе—Уайльдъ довольствовался тѣмъ, что писалъ комедіи, какъ Сарду, и думалъ, какъ Дюма-сынъ. Уайльдъ взялъ сцену въ такомъ видѣ, въ какомъ нашелъ ее и писалъ только „хлѣбныя пьесы“. Не послѣдній грѣхъ англійскаго театра конца прошлаго вѣка то, что для яркаго таланта Уайльда не нашлось примѣненія. Талантъ этотъ растрачивался даромъ“¹⁾).

VII.

Цѣлью моею не было говорить о произведеніяхъ Оскара Уайльда вообще. Мнѣ хотѣлось только указать на исканія имъ „смысла жизни“. Высокталантливый авторъ пришелъ къ мрачнымъ выводамъ, такъ какъ въ первыхъ же произведеніяхъ своихъ отвернулся отъ жизни и создалъ себѣ вмѣсто нея призракъ. Одной изъ причинъ, почему Оскаръ Уайльдъ сдѣлалъ это, нужно считать неприемлемость для сколько-нибудь чувствительнаго человѣка той „географической среды“, въ которую судьба поставила высокоталантливаго художника. Чтобы жизнь приобрѣла смыслъ для индивидуума, необходима наличность двухъ условій: должна быть индиви-

¹⁾ „St. John Hankin“, *The Collected Plays of Oscar Wilde*. „Fortnightly Review“, May, 1908, p. 801—802.

дуальность, а затѣмъ возможность проявить ее. „Когда я говорю объ индивидуальности, то имѣю въ виду не только зоологическую особенность, именуемую талантомъ. Индивидуальностью будетъ любимый живой трудъ, въ который человекъ можетъ вложить свое я. Человекъ, не имѣющий труда, который его всецѣло захватываетъ, будетъ или проклинать свое существованіе, или искать выходъ въ эксцессахъ (напр., эротическихъ). Терминъ „мѣщанинъ“ очень неудаченъ; но, конечно, самый важный признакъ, отличающій „мѣщанина“ отъ „не-мѣщанина“ тотъ, что одинъ дѣлаетъ всю жизнь работу, которую проклинаетъ, тогда какъ другой находитъ живое дѣло, захватывающее его всего. Въ этомъ отношеніи герой нашумѣвшаго романа г. Арцыбашева типичный мѣщанинъ, такъ какъ, будучи писемоводителемъ, врядъ ли можетъ вложить свое я, выразить свою индивидуальность въ трудѣ. Но одной индивидуальности мало, чтобы жизнь пріобрѣла смыслъ. Необходима наличность такихъ внѣшнихъ условій, чтобы индивидуумъ имѣлъ возможность проявить свою индивидуальность. Другими словами, необходима наличность такихъ политическихъ и социальныхъ условій, при которыхъ индивидуальность не душилась бы. И мы приходимъ снова къ старому вопросу, отъ котораго напрасно старается насъ отодвинуть метафизика. Любопытно, что у современныхъ беллетристовъ, доказывающихъ неприемлемость жизни вообще, можно найти только факты, доказывающіе неприемлемость *русской* жизни. Возьму наудачу нѣсколько выдержекъ изъ второго тома рассказовъ г. Сергѣева-Ценскаго. „Въ офицерскомъ собраніи играли въ „дурака съ Наполеономъ“. Было четырнадцать ранговъ дурака, пять колѣнъ Наполеона и Наполеонъ. Играла канцелярія полка: завѣдующій хозяйствомъ, казначей, два адъютанта. Нужно было двадцать разъ оставить дуракомъ кого-нибудь одного. Этотъ одинъ становился Наполеономъ. Сдѣлать это было трудно: начали играть въ сентябрѣ, теперь шель декабрь,—не могли кончить“. Описаніе такой жизни производитъ на человека, живущаго въ Англии, болѣе страшное впечатлѣніе, чѣмъ ужасы дантовскаго ада. Это—ключъ къ пониманію такихъ типовъ, какъ Бабаевъ. Или вотъ еще выдержка. „Казарма была огромная, оконная,—тысяча пудовъ надъ головой. Въ толстыя стѣны всосалось насиліе, и

чудилось, что это оно выступает на штукатуркѣ въ пятнахъ плѣсени“. Или вотъ еще. „Казалось, что это яркіе крики врывались въ окна лавокъ, а не тяжелые камни. Звенѣли осколки стеколъ, осыпая мостовыя. Пьяный дождь осколковъ, безъ котораго не мыслима толпа. Толпа—пьяна, это ея право—быть пьяной отъ запаха множества тѣлъ... А ночью захлестнуло дома окраинъ, ночью насиловали и душили женщинъ, издѣвались надъ дѣтьми, рѣзали взрослыхъ. Ночь была мягкая и густая, и въ нее яркими зигзагами врывались одинокіе крики, рожденные глазами близкой смерти. Тревожно хлопали выстрѣлы то здѣсь, то тамъ, и собаки лаяли и выли далекія, но казавшіяся близкими, бѣлыми въ темнотѣ, какъ огни фонарей на шоссе, ночью ¹⁾. Можно ли поднимать вопросъ о „смыслѣ жизни“ при наличности такой географической среды?

Я позволю себѣ кончить статью однимъ сравненіемъ. Когда возникаетъ старый и вѣчно новый вопросъ о смыслѣ жизни мнѣ представляется поѣздъ, стремительно мчащійся впередъ. Во всѣхъ вагонахъ темно. Пассажиры, запертые въ вагонахъ, доподлинно знаютъ, что гдѣ-то впереди разрушенъ мостъ и что весь поѣздъ рано или поздно, въ какой именно моментъ неизвѣстно, полетитъ въ страшную пропасть. Всѣ, кромѣ пьяныхъ и безумныхъ, знаютъ, что остановить поѣздъ нѣтъ никакой возможности. Но не всѣ пассажиры однако реагируютъ на сознаніе неминуемаго. Въ первомъ вагонѣ кромѣшная тьма. Воздухъ удушливъ и спертъ. Пассажиры потеряли разумъ отъ ужаса. Одни забились подъ диваны и каждое мгновеніе *видятъ* страшное паденіе поѣзда въ пропасть. Въ отчаяніи они взываютъ къ машинисту, который будто бы ведетъ поѣздъ, хотя у нихъ нѣтъ никакого доказательства, что этотъ машинистъ существуетъ. Они доподлинно знаютъ, что впереди пропасть, и что поѣздъ стремительно несется къ ней. И пассажиры отъ ужаса потеряли всякое человѣческое достоинство. Одни напились и воютъ, какъ звѣри. Другіе стараются хоть на мгновеніе уйти отъ сознанія гибели въ мерзкомъ вождедѣніи и въ грубомъ сладострастіи. Иные строятъ безумныя гипотезы на счетъ машиниста. Въ другомъ вагонѣ такой же мракъ и такая же

¹⁾ *Сергѣевъ-Ценскій*. Разсказы, т. II, стр. 11, 12, 111.

удушливая атмосфера. Но тамъ ужасовъ еще больше. Нѣсколько пассажировъ, нащупавъ въ темнотѣ съѣстные припасы, забрали ихъ себѣ. Эти пассажиры выбрали себѣ самое лучшее отдѣленіе въ вагонѣ, удобное и теплое. Остальные пассажиры обращены въ рабовъ. И положеніе ихъ еще горше отъ того, что потеряли свое самое дорогое—человѣческое достоинство. Въ третьемъ вагонѣ опять мракъ и опять отчаянье. И тутъ въ темнотѣ слышатся дрожащіе отъ страха голоса. „Зачѣмъ намъ думать о дѣйствительности? Наше воображеніе работаетъ. Создадимъ же себѣ мысленный міръ, полный солнца, тепла и яркихъ красокъ. Въ него мы уйдемъ отъ страшной дѣйствительности“. И дрожащіе отъ страха пассажиры, говорящіе это, забываютъ, что кто-нибудь долженъ ихъ кормить въ то время, какъ они будутъ носиться въ своемъ призрачномъ мірѣ. И мы переходимъ въ слѣдующій вагонъ. Здѣсь раздаются спокойные, сильные, мужественные голоса. „Господа, поѣздъ несомнѣнно мчится въ пропасть. Машиниста на немъ нѣтъ. Этотъ фактъ слѣдуетъ точно уяснить себѣ. Но что намъ, если мы станемъ въ отчаяніи рвать на себѣ волосы! Давайте лучше устраиваться хорошо и удобно. Мы многое можемъ сдѣлать. Прежде всего тутъ должны быть кнопки, нажавъ которыя мы откроемъ окна. Больше всего безумить человѣка мракъ. Всѣ мрачныя легенды о враждебныхъ силахъ сложены первобытнымъ человѣкомъ, дрожащимъ отъ страха въ темнотѣ“. И пассажиры, говорившіе такъ, стали искать въ темнотѣ, нащупали кнопки и открыли окна. Яркій солнечный свѣтъ хлынулъ въ вагонъ и разогналъ ужасы, навѣянные мракомъ. „Смотрите, какъ прекрасно все кругомъ,—продолжали спокойные пассажиры. Страхъ смерти не должно быть. Мы не чувствуемъ, когда полетимъ въ бездну. Не слѣдуетъ думать только о себѣ. Послѣ насъ будутъ мчаться еще, еще и еще пассажиры. Мы можемъ многое сдѣлать для нихъ. Мы можемъ научить ихъ быть мужчинами, а не трусливыми рабами. Въ вагонѣ нашемъ и другихъ—много припасовъ, много прекрасныхъ книгъ, музыкальныхъ инструментовъ, хорошаго и удобнаго платья. Хватить на всѣхъ. Необходимо только, чтобы никто не захватывалъ больше, чѣмъ ему нужно самому. Прежде психологи дѣлили людей на добрыхъ и злыхъ, мудрыхъ и безумцевъ, сильныхъ и слабыхъ, чистыхъ и по-

рочныхъ, вѣрующихъ и атеистовъ. Въ сущности же люди дѣлятся только на причиняющихъ другимъ радость и на причиняющихъ другимъ страданія. Будемъ устраиваться. Постараемся, чтобы число первыхъ увеличилось, а чтобы вторыхъ удалили изъ вагоновъ. Тогда дѣйствительность не будетъ пугать“. Къ несчастью, l'homme est le seul animal qui ne sache pas vivre!

Вторая слава.

На-дняхъ ¹⁾ были разосланы подписчикамъ послѣдніе томы перваго полнаго собранія сочиненій Оскара Уайльда. По этому случаю поклонники покойнаго писателя устроили торжественный обѣдъ въ честь редактора изданія Роберта Росса, одного изъ тѣхъ очень немногихъ друзей Оскара Уайльда, которые не отвернулись отъ него во время катастрофы. На обѣдѣ много говорилось о друзьяхъ „in good an bad weather“ (въ хорошія и трудныя времена). Робертъ Россъ въ отвѣтной рѣчи привелъ нѣсколько любопытныхъ цифръ. Катастрофа имѣла то послѣдствіе, что всѣ книгопродавцы отказались держать въ лавкахъ книги Уайльда, а всѣ антрепренеры сняли немедленно со сцены его пьесы, хотя съ точки зрѣнія установленной морали трудно найти болѣе цѣломудренныя произведенія, чѣмъ комедіи: „Вѣрь леди Уиндермеръ“, „Неинтересная женщина“ (A Woman of no Importance) или „Образцовый мужъ“. Результатомъ было банкротство Уайльда на сумму въ шесть тысячъ ф. ст. Къ этой суммѣ прибавились потомъ долги, сдѣланные Уайльдомъ въ Парижѣ. Послѣ смерти писателя друзья его сочли обязанностью погасить всѣ долги. „Активомъ“ были только произведенія несчастнаго писателя, но даже въ 1901 г. они не представляли никакой мѣнновой цѣнности. Публика, запуганная Mrs Grundy (т.-е. коллективной посредственностью), не рѣшалась не то что спрашивать произведенія Уайльда, но даже произносить его имя. Молчаніе было нарушено появ-

¹⁾ Писано въ концѣ 1908 г.

леніем „De profundis“, первое изданіе котораго принесло чистаго дохода 1000 ф. ст., которые внесены были въ уплату долга. Германія, въ значительной степени, указала Англій значеніе Уайльда. Въ цифрахъ это выразилось такимъ образомъ. Въ короткое время доходы съ авторскаго права на переводы на нѣмецкій языкъ и съ постановки пьесъ Уайльда на Германскихъ сценахъ дали такъ много, что друзья писателя могли выплатить всѣ долги его. Робертъ Россъ добавилъ, что неизвѣстное лицо въ Англій прислало ему чекъ на три тысячи гиней (30,000 руб.) для постановки памятника Уайльду въ Парижѣ, на кладбищѣ Père La Chaise. Дорогое изданіе полнаго собранія сочиненій, только что выпущенное, уже разошлось. Подсчетъ, сдѣланный во время обѣда, показалъ, что въ залѣ находится 56 писателей, четыре издателя, 12 поэтовъ, четыре ученыхъ, четыре адвоката и пр. Въ томъ числѣ... два священника. Тутъ были пэры Англій, коммонеры, романисты съ громкими европейскими именами. Всѣ они явились, чтобы выразить свое уваженіе къ произведеніямъ едва ли не самаго блестящаго писателя, котораго дала англійская литература. И мнѣ припоминаются страницы изъ любопытной книги Роберта Шерарда, „Oscar Wilde, The Story of an Unhappy Friendship“¹⁾. Оскаръ Уайльдъ былъ только что осужденъ въ Old Baily. „Когда я, шатаюсь, вышелъ изъ суда,—говоритъ Робертъ Шерардъ,—то смутно слышалъ ликование толпы, собравшейся на улицѣ. Узнавъ, что „аристократъ“ осужденъ, оборванные мужчины и женщины, схватившись за руки, выплясывали на мостовой какой-то дьявольскій хороводъ. Лица плясавшихъ изображали свирѣпый восторгъ“. Еще большую жестокость проявили средніе классы. Когда Уайльдъ былъ освобожденъ изъ Уэндсуорта (только часть наказанія онъ отбылъ въ Ридингской тюрьмѣ, воспѣтой въ извѣстной балладѣ), его встрѣтили друзья, въ обществѣ которыхъ онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Діэпъ. Неизвѣстная поклонница прислала Уайльду чекъ на тысячу фунтовъ. Соотечественники травили писателя даже на французской почвѣ. Разъ, напр., одинъ художникъ позвалъ на обѣдъ въ ресторанъ троихъ друзей, въ томъ числѣ и Уайльда.

¹⁾ Авторъ, близкій другъ Уайльда, выпустилъ свою книгу въ 1902 г., когда она была отпечатана всего въ пятидесяти экзмп. Въ 1908 г. вышло второе изданіе, по которому сдѣланы всѣ цитаты тутъ.

Едва только обѣдающіе усѣлись за столъ, какъ вошелъ хозяинъ и потребовалъ, чтобы Оскаръ Уайльдъ немедленно ушелъ. Оказалось, что живущіе въ отелѣ англичане, узнавъ соотечественника, поставили хозяину ультиматумъ: или пусть выгоняетъ его, или всѣ они объявятъ гостиницѣ бойкотъ. Подобныя сцены повторялись потомъ въ Парижѣ и въ Неаполѣ. Средніе классы тогда считали Оскара Уайльда позорнымъ пятномъ на имени Англии. Теперь даже M-rs Grundy, узнавъ, въ какой славѣ произведенія писателя на континентѣ,—не хмуритъ уже бровей, когда слышитъ его имя.

Еще сравнительно недавно въ Англии думали, что чѣмъ скорѣе сгніютъ въ подвалахъ существующіе экземпляры произведеній Уайльда, тѣмъ лучше. Теперь въ двухъ послѣднихъ томахъ собраны не только произведенія набросанныя на лоскуткахъ, но также извлечены изъ старыхъ газетъ всѣ замѣтки Уайльда. Собраніе сочиненій, дѣйствительно, можно назвать полнымъ.

Модернизмъ, какъ онъ понимается у насъ теперь, заключается въ себѣ нѣсколько элементовъ. Во-первыхъ, „заглядываніе по ту сторону бытія“, затѣмъ ужасъ передъ жизнью и смертью и, наконецъ, обнаженіе. О первомъ мало приходится сказать, такъ какъ отчеты нашихъ поэтовъ послѣдней формации объ экскурсіяхъ „по ту сторону“ представляютъ совершенно непонятный наборъ словъ. Прилагаемый поэтами ключъ къ произведеніямъ ничего не раскрываетъ. Ужасъ передъ смертью и передъ жизнью, проходящей, какъ сонъ, ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать новымъ въ русской поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ. Еще въ XVIII вѣкѣ написаны эти сильные строки:

Едва увидѣлъ я сей свѣтъ—
Уже зубами смерть скрежещетъ;
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

.....
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Приемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся.
Безъ жалости все смерть разить:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

О мимолетности жизни тотъ же Державинъ говоритъ: „Едва часы протечь успѣли, хаоса въ бездну улетѣли—и весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ“. Поразительные „Стансы“ Пушкина „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ читателю напоминать не приходится. Такимъ образомъ, въ русскомъ модернизмѣ новъ только одинъ послѣдній элементъ, т. е. обнаженіе. Да и то, впрочемъ, отчасти. Объ этомъ свидѣтельствуешь сборникъ „Потаенная поэзія“, изданный въ серединѣ прошлаго вѣка Герценомъ и Огаревымъ въ Лондонѣ.

Какъ мы увидимъ дальше, Оскаръ Уайльдъ, признаваемый идеологомъ модернизма, чуждъ совершенно „обнаженія“. Теперь еще одно предварительное замѣчаніе. Несчастье русскаго общества это—лѣнь самостоятельно думать. Этимъ объясняется такое странное явленіе, какъ изумительная смѣна умственныхъ теченій, иногда прямо противоположныхъ. Ни въ одной странѣ писателю, въ особенности беллетристу, такъ не легко найти новообращенныхъ, какъ у насъ. Лѣнью думать самостоятельно объясняется, что у насъ было такъ много властителей думъ только за послѣднее время: и Ницше, и Ибсенъ, и Пшибышевскій, и Ведыкинъ, и Метерлинкъ, и Кнутъ Гамсунъ—„всѣ промелькнули передъ нами, всѣ побывали тутъ“. Это только иностранцы. Стоитъ только въ Россіи появиться талантливому беллетристу, какъ къ нему обращаются съ требованіемъ: „думай за насъ; вѣщай; раскрой всѣ тайны бытія“. И несчастье заключается въ томъ, что даже великіе таланты не всегда сохраняютъ равновѣсіе при видѣ этого преклоненія. Даже великіе беллетристы иногда воображали себя пророками и принимались вѣщать. Классическимъ примѣромъ является Гоголь. Гениальный писатель подаетъ какому-то современному Собакевичу совѣтъ: „Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издають для народа европейскіе человѣколюбцы, есть, дѣйствительно, вздоръ“. Мужика онъ не совѣтуетъ бить, но только потому, что „мужикъ къ этому уже привыкъ и только что почешетъ у себя въ затылкѣ“. Мужика надо ругать, благо тотъ Собакевичъ, къ которому письмо написано, „мастеръ на мѣткія слова“. Если великій писатель могъ потерять голову, когда его провозгласили пророкомъ, то можно

себѣ представить, что дѣлается съ беллетристами, просто талантливыми! Трагедія заключается въ томъ, что у насъ быстро канонизируютъ въ пророки и такъ же стремительно валяютъ потомъ въ грязь. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ публика несправедлива. Многія нелѣпыя и уродливыя произведенія современныхъ русскихъ талантливыхъ беллетристовъ, надъ которыми (произведеніями) будутъ потѣшаться черезъ 10—15 лѣтъ, объясняются именно только тѣмъ, что авторы серьезно вообразили себя пророками, обязанными „вѣщать“ и раскрывать самыя сокровенныя тайны бытія. Когда-то Гете двадцать лѣтъ писалъ одного *Фауста*. Теперь люди, во всякомъ случаѣ, уступающіе по размѣрамъ таланта Гете, дарятъ публикѣ двадцать *Фаустовъ* въ одинъ годъ...

Въ Англіи болѣе привыкли къ самостоятельному мышлению, чѣмъ у насъ; но въ извѣстныхъ кругахъ отъ талантливаго писателя тоже требуютъ, чтобы онъ „вѣщалъ“. Къ несчастью для Оскара Уайльда, онъ вращался именно въ подобныхъ кругахъ. Преклоненіе передъ нимъ доходило до того, что дамы правили своего рода мессы передъ его бюстомъ. У англійскаго писателя закружилась голова отъ преклоненія, какъ свидѣтельствуешь Робертъ Шерардъ. И, по всей вѣроятности, не одинъ парадоксъ явился результатомъ сознанія Уайльда, что онъ пророкъ.

Перечитывая заново 14 томовъ полнаго собранія сочиненій Уайльда, я невольно вспоминаю одно мѣсто изъ сказки Вольтера. Кандидъ и вѣрный слуга его Какомбо, послѣ удивительныхъ приключеній въ Кайенѣ, попадаютъ въ страну Эльдорадо. Здѣсь они съ изумленіемъ видятъ, какъ мальчики играютъ „въ ямки“, при чемъ вмѣсто кремней швыряютъ звонкіе куски металла желтаго цвѣта и ослѣпительно сверкающіе камни зеленаго, краснаго и желтаго цвѣта. Затѣмъ мальчики убѣжали, беззаботно бросивъ свои „кремешки“, которые при изслѣдованіи оказались слитками чистаго золота, яхонтами, изумрудами и желтыми алмазами невѣроятной цѣны. Оскаръ Уайльдъ напоминаетъ этихъ мальчиковъ изъ Эльдорадо. Ни въ одной изъ извѣстныхъ мнѣ европейскихъ литературъ я не знаю другого такого блестящаго писателя. Ни въ одной литературѣ нѣтъ также писателя, который бы такъ *небрежно* швырялъ свои алмазы и яхонты, какъ Оскаръ Уайльдъ. Самая ничтожная часть

богатствъ, вывезенныхъ Кандидомъ и Какомбо изъ Эльдорадо, обогатила сотни людей. Милліонная часть, оставшаяся у Кандида, была достаточна, чтобы обезпечить въ Константинополь всѣхъ главныхъ героевъ на всю жизнь. Незначительная часть парадоксовъ, разсыпанныхъ такъ расточительно во всѣхъ 14 томахъ полнаго собранія сочиненій Уайльда, выдвинула бы сразу начинающаго писателя. До тѣхъ поръ, покуда цѣнится вообще талантъ, произведенія Оскара Уайльда будутъ находить восторженныхъ поклонниковъ. До тѣхъ поръ, покуда цѣнится вообще истина, будутъ сожалѣть, что такая великая сила, какъ Оскаръ Уайльдъ, „географической средой“ была направлена не на надлежащій путь. А теперь приступимъ къ анализу двухъ послѣднихъ томовъ.

II.

Познакомимся сначала съ произведеніями, появляющимися впервые. Начну я съ отрывковъ драмы „Святая блудница“ (у Оскара Уайльда пьеса носитъ французское заглавіе „La sainte Courtisane“). Произведеніе это имѣетъ свою исторію. Оно было почти совершенно окончено въ моментъ ареста автора. Рукопись поступила на храненіе къ поклонницѣ Уайльда, г-жѣ Ливерсонъ, которая въ 1897 г. спеціально поѣхала въ Парижъ, чтобы возвратитъ драму автору. Въ тотъ же день Уайльдъ забылъ рукопись въ фіакрѣ. Несмотря на всѣ старанія друзей, потеря не нашлась. Теперь отрывки возстановлены издателемъ по черновымъ наброскамъ. „La Sainte Courtisane“ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ „Саломею“. Въ пьесѣ Уайльдъ развиваетъ одну изъ своихъ любимыхъ теорій: истину слѣдуетъ держать про себя; пытаюсь убѣдить кого-нибудь въ истинѣ, мы сами теряемъ вѣру въ нее. Эта же самая мысль заключается въ поэмѣ въ прозѣ „Учитель мудрости“ (The Teacher of Wisdom). Содержаніе драмы сводится къ слѣдующему. Къ отшельнику Гонорію, спасающемуся въ пещерѣ въ Ливійской пустынѣ, является блудница Миррина, чтобы соблазнить его. Гонорій говоритъ ей о христіанской любви, а куртизанка—о любви чувственной. И вотъ Миррина обра-

щена, но самъ Гонорій теряетъ вѣру. „Истина перестаетъ быть правдой, когда больше одного человѣка увѣруютъ въ нее“,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ въ другомъ произведеніи, тоже появляющемся теперь впервые ¹⁾. Блудница остается спастись въ пустынь, тогда какъ Гонорій отправляется въ Александрію искать чувственныхъ наслажденій, про которыя ему такъ много говорила Миррина. Драма открывается бесѣдой двухъ темныхъ людей, приносящихъ время отъ времени хлѣбъ великому подвижнику. Они поражены появленіемъ въ пустынь красавицы и гадаютъ, кто она можетъ быть. *Первый человекъ*. Кто это? Она пугаетъ меня. На ней пурпурный плащъ, а волосы ея подобны нитямъ изъ золота. Я думаю, это дочь императора. Я слышалъ отъ лодочниковъ, что у императора—дочь, которая носитъ пурпуровый плащъ. *Второй человекъ*. На сандаляхъ у ней птичьи крылья, а туника ея—цвѣта зеленыхъ колосьевъ. Когда она стоитъ неподвижно, то похожа на всходы весною. Когда женщина движется, то туника подобна зеленымъ колосьямъ, на которые падаетъ тѣнь отъ пролетающаго ястреба. Жемчугъ на туникѣ подобенъ многимъ полнымъ мѣсяцамъ. *Первый человекъ*. Они подобны отраженію мѣсяца въ водѣ, когда ее гнетъ набѣгающій съ горъ вѣтеръ. *Второй человекъ*. Я думаю, она—одно изъ божествъ. По моему, она была изъ Нубіи. *Первый человекъ*. А я такъ увѣренъ, что это дочь императора. Ногти ея выкрашены лавзоніей. Они похожи на лепестки розы. Она явилась сюда, чтобы оплакивать Адониса. *Первый человекъ*. Она сама божество. Я не знаю, почему она оставила свой храмъ. Боги не должны оставлять свои храмы. Если она заговоритъ съ нами, не будемъ отвѣчать. Пусть она пройдетъ мимо. *Первый человекъ*. Она не заговоритъ съ нами, потому что она дочь императора. *Миррина*. Не здѣсь ли живетъ прекрасный молодой отшельникъ, который не желаетъ глядѣть на лицо женщины? *Первый человекъ*. Да, онъ живетъ здѣсь. *Миррина*. Почему онъ не желаетъ смотрѣть на женщину? *Второй человекъ*. Мы не знаемъ.

Миррина спрашиваетъ темныхъ людей объ отшельникѣ.

¹⁾ Miscellanies, 176.

Первый человекъ. Мы тебя не понимаемъ. *Миррина.* Что дѣлаетъ прекрасный отшельникъ? Сѣетъ ли онъ? Жнетъ ли? Обрабатываетъ ли онъ свой садъ, или ловить рыбу сѣтью? Ткетъ ли онъ? Пашетъ ли онъ деревяннымъ плугомъ или гонить воловъ? *Второй человекъ.* Онъ великій праведникъ, поэтому ничего не дѣлаетъ. Мы—темные, маленькіе люди. Мы работаемъ весь день подъ палящимъ солнцемъ. *Миррина.* Кормятъ ли его птицы небесныя? Дѣлать ли шакалы съ нимъ свою добычу? *Первый человекъ.* Каждый вечеръ мы приносимъ ему пищу. Мы не думаемъ, чтобы птицы небесныя кормили его. *Миррина.* Почему, въ такомъ случаѣ, вы кормите его? Какая вамъ польза отъ этого? *Второй человекъ.* Онъ большой праведникъ.

Миррина предлагаетъ имъ вызвать Гонорія изъ пещеры, но темные люди отказываются. Тогда блудница сама взываетъ: „Гонорій, Гонорій!“ И когда отшельникъ является, она зоветъ его съ собою въ Александрію.

„Домъ мой крытъ кедромъ и надушенъ миррой—говоритъ блудница.—Столбы моего ложа изъ кедра, а наметъ надъ нимъ изъ пурпура. По намету и пологу серебромъ вышиты гранатовыя яблоки. Ступени у ложа моего изъ серебра и посыпаны шафраномъ и миррой. Возлюбленные мои украшаютъ колонны моего дома вереницами цвѣтовъ и лавровъ, а ночью являются въ сопровожденіи рабовъ, играющихъ на флейтахъ и арфахъ. Возлюбленные подносятъ мнѣ яблоки и пишутъ виномъ свои имена на мраморныхъ плитахъ, которыми вымощенъ мой дворъ. Мои поклонники приходятъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Повелители земли приносятъ мнѣ подарки. Когда византійскій императоръ услышалъ про меня, то покинулъ свои порфирыя палаты и поплылъ со своими галерами въ Александрію. Его рабы не имѣли факеловъ, чтобы никто не зналъ про прїѣздъ императора. Повелитель Кипра, когда услышалъ про меня, прислалъ своихъ посланниковъ. Оба царя Ливіи, родные братья, принесли мнѣ въ даръ амбру. Я отняла у Цезаря его любимца и сдѣлала его своею игрушкою. Цезарь прибылъ тогда ко мнѣ ночью въ носилкахъ. Онъ блѣденъ, какъ нарциссъ, а тѣло его было подобно меду. Сынъ префекта закололся въ честь мою, а тетрархъ киликійскій, чтобы потѣшить меня, согласился быть высѣченнымъ въ присутствіи

рабовъ. Царь іерополисскій, который одновременно и жрецъ, и вождь разбойниковъ, самъ разстилалъ ковры, чтобы я могла ступать по нимъ. Иногда я сижу въ циркѣ, и гладиаторы сражаются для меня. Разъ мой возлюбленный гладиаторъ, фракіецъ родомъ, былъ изловленъ сѣтью. Я подала сигналъ убить его, и весь циркъ рукоплескалъ. Иногда я прохожу мимо гимназіума и гляжу на борющихся или состязующихся въ бѣгѣ юношей. Тѣло ихъ лоснится отъ масла, а головы украшенны вѣнками изъ ивъ и миртъ. Когда юноши бѣгутъ, пыль слѣдуетъ за ними, какъ облачко. И тотъ, кому я улыбаюсь, покидаетъ товарищей и слѣдуетъ за мною. Иногда также я иду въ гавань, чтобы поглядѣть на купцовъ, выгружающихъ изъ кораблей товары. Пріѣзжіе изъ Тира имѣютъ въ ушахъ изумрудныя серьги, а на плечахъ—шелковые плащи. И тѣхъ, которые прибыли изъ Мас-силін, я узнаю по плащамъ изъ нѣжной шерстяной ткани и по латуннымъ серьгамъ. И когда мореходцы видятъ меня, то перестаютъ выгружать товары и окликаютъ меня, но я не отвѣчаю имъ. Я захожу въ кабаки и сажусь рядомъ съ моряками, которые тамъ цѣлый день пьютъ темное вино и играютъ въ кости. Царя я превратила въ своего раба, а его раба, тиріянина родомъ, избрала на цѣлый мѣсяцъ моимъ властелиномъ... Домъ мой полонъ чудесъ. Прахъ пустыни набился въ твои кудри, ноги твои истерзаны терніями, а тѣло обожжено солнцемъ. Слѣдуй за мною, Гонорій. Я облачу тебя въ шелковую тунику. Тѣло твое я умащу миррой, а кудри полью индійскимъ нардомъ. *Гонорій*. Нѣтъ другой любви, кромѣ любви Божьей. *Миррина*. Кто тотъ, чья любовь сильнѣе страсти смертныхъ? *Гонорій*. Взгляни. Вотъ изображеніе его на крестѣ. Онъ—сынъ Божій и рожденъ отъ дѣвы. Три мудреца, повелители востока, принесли ему дары. Пастухи, спавшіе въ полѣ, были разбужены великимъ свѣтомъ. О пришествіи Бога знали Сивиллы. Давидъ и пророки предсказали это. Нѣтъ другой любви сильнѣе любви Божьей. Нѣтъ также любви, съ которой можно сравнить ее. *Миррина*, тѣло наше бrenно. Господь воскреситъ тебя и дастъ другое тѣло, не подвластное тлѣнію. Ты будешь жить въ горнихъ селеніяхъ и созерцать Того, волосы котораго подобны самому нѣжному руну, а ноги подобны мѣди. *Миррина*. Но красота... *Гонорій*. Красота души возрастаетъ до

тѣхъ поръ, покуда она, наконецъ, можетъ созерцать боже-
ство. Миррина раскайся! Разбойникъ, распятый рядомъ съ
Нимъ, попалъ въ рай. *Миррина*. Какъ странно онъ говорить.
Съ какимъ презрѣніемъ глядитъ на меня!

Блудница проситъ пустытника повѣдать ей истину. Го-
норій дѣлаетъ это. Блудница обращена, но отшельникъ те-
ряетъ свою вѣру. Онъ отдалъ все и теперь ничего не имѣетъ.
Въ стихотвореніи въ прозѣ „учитель мудрости“, пустыжникъ,
повѣдавшій истину разбойнику, плачетъ, потому что у него
ничего не осталось въ душѣ. Гонорій, отдавъ свою вѣру
блудницѣ, восклицаетъ: „Миррина, чешуя упала съ очей
моихъ! Я ясно вижу теперь, чего не замѣчалъ раньше. Веди
меня въ Александрію и дай вкусить тамъ семь грѣховъ.“

Миррина. Не глумись надо мною, Гонорій. Не обращай-
ся ко мнѣ съ такими горькими словами. Ибо я раскаялась въ
своихъ грѣхахъ. Я ищу теперь пещеру въ пустынѣ, гдѣ
могла бы жить и сдѣлать мою душу достойной узрѣть бо-
жество. *Гонорій*. Миррина! Солнце близко къ закату. Идемъ
въ Александрію. *Миррина*. Я не пойду туда. *Гонорій*. Такъ
прощай!

Блудница остается въ пустынѣ, гдѣ становится жертвой
разбойниковъ. Кстати о драмѣ вообще. Оскаръ Уайльдъ
много писалъ для сцены. Тутъ комедіи, драмы, трагедіи. Въ
то же время Уайльдъ выступаетъ съ заявленіемъ, что та-
лантъ актера мѣшаетъ драматургу. Чѣмъ талантливѣе актеръ,
тѣмъ больше исчезаетъ индивидуальность автора. Отсюда
выводъ, что самыми идеальными исполнителями будутъ...
маріонетки. Въ послѣднемъ томѣ полнаго собранія сочиненій
Оскара Уайльда мы находимъ своеобразную диссертацию
„Маріонетки и актеры“. „Я убѣжденъ, что сцена для дра-
матическаго произведенія не больше, какъ рама для кар-
тины, — говоритъ Уайльдъ. — Пригодность пьесы для сцены
не имѣетъ ничего общаго съ достоинствомъ ея, какъ ху-
дожественнаго произведенія. Въ Англии, напримѣръ, въ
XIX вѣкѣ появились только два дѣйствительно великихъ
драматическихъ произведенія: „Ченчи“ Шелли и „Аталанта
въ Калидонѣ“ Суинборна. А между тѣмъ, ни одно изъ этихъ
произведеній не пригодно для сцены. Смѣшна даже самая
мысль, что исполненіе пьесы является мѣриломъ ея досто-
инства. „Индивидуальность актера, — продолжаетъ въ дру-

гомъ мѣстѣ Уайльдъ,—является часто источникомъ опасности для совершеннаго представленія произведенія искусства. Индивидуальность эта можетъ извратить произведение. Она можетъ затемнить значеніе. Она можетъ явиться диссонансомъ въ общей симфоніи. Ибо всякій можетъ играть роль. Большинство населенія въ Англіи ничего другого не дѣлаетъ. Чтобы жить въ обществѣ, необходимо быть комедіантомъ... Маріонетки имѣютъ много преимуществъ передъ актерами. Онѣ никогда не умствуютъ. У нихъ нѣтъ никакого представленія объ искусствѣ, нѣтъ у нихъ также частной жизни. Намъ никогда не надоѣдаютъ анекдотами объ ихъ добродѣтеляхъ или порокахъ. Онѣ безусловно признаютъ умственное превосходство драматурга и никогда не надоѣдаютъ разспросами. Онѣ удивительно послушны и совсѣмъ не имѣютъ индивидуальности“. И Оскаръ Уайльдъ дальше рассказываетъ, какъ видѣлъ въ Парижѣ „Бурю“ въ идеальномъ исполненіи маріонетокъ. Исполненіе было такъ хорошо, что Уайльдъ послалъ маріонеткѣ, игравшей Миранду, цвѣты, на которые „она не обратила вниманія“¹⁾.

III.

Перейдемъ теперь къ отрывку, которому названіе „Философія для юношей“. Это рядъ парадоксовъ въ защиту „позы“.

„Первый долгъ въ жизни,—быть насколько возможно болѣе искусственнымъ. Въ чемъ заключается второй долгъ,—никто еще до сихъ поръ не открылъ.

„Порочность—миѣ, выдуманная добрыми людьми, чтобы объяснить привлекательность другихъ.

„Если бы бѣдняки имѣли только красиво очерченные профили, то разрѣшеніе вопроса о бѣдности не представляло бы никакой трудности“.

Оскаръ Уайльдъ въ частной жизни былъ очень добрый, щедрый и великодушный человѣкъ. Дальше, изъ статьи

1) „Oscar Wilde“, Miscellanies p. p. 164—167.

Уайльда о китайскомъ философѣ Чуангъ Тцу, читатели увидятъ, что англійскій эстетъ имѣлъ много точекъ соприкосновенія съ діаметрально противоположнымъ міровоззрѣніемъ; но онъ не могъ простить пасынкамъ жизни что они такъ некрасивы. Робертъ Шерардъ рассказываетъ, какое отвращеніе вызвалъ въ Уайльдѣ пьяненькій, грязный, слюнявый Поль Верлэнъ съ его лицомъ трактирнаго силэна. Отвращеніе было такъ велико, что Уайльдъ, обыкновенно утонченно вѣжливый, держался почти грубо въ присутствіи французскаго поэта. Эстетъ также не могъ простить бѣдности, что она такъ „неизящна“. Въ статьѣ, помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ собранія сочиненій, Уайльдъ жалуется, что лондонская академія художествъ не сдѣлала единственнаго дѣла, которое хоть нѣсколько оправдало бы ея существованіе: она не научила бѣдняковъ носить изящно свои лохмотья. Бѣдность, по мнѣнію эстета, становится только тогда интересна, когда принимаетъ чудовищный, уродливый характеръ. И, чтобы наблюдать эту „интересную“ бѣдность, Уайльдъ отправлялся въ Парижъ въ такія берлоги, какъ кабаки *Père Lunette* или *Château Rouge*. „Вмѣстѣ со мною Уайльдъ посѣтилъ притоны преступниковъ низшаго типа и отверженныхъ Парижа, всѣ показныя мѣста столичнаго ада, какъ *Пэръ Люнетъ*, *Шато-Ружъ*,—говоритъ Робертъ Шерардъ.— Кто желаетъ знать, какія мрачныя бездны существуютъ въ жизнерадостной, залитой свѣтомъ столицъ Франціи,—всегда отправляется въ эти мѣста. Къ нашей партіи присоединились тогда: американецъ Стюартъ Меррилъ и извѣстный французскій поэтъ. Оскаръ Уайльдъ заявилъ намъ, что онъ въ восторгѣ отъ предстоящей экскурсіи. „Преступники всегда сильно привлекали меня“,—прибавилъ онъ. Слѣдуетъ вспомнить его очеркъ „Перо, карандашъ и ядъ“. Уайльдъ въ тотъ вечеръ былъ одѣтъ съ обычной изысканностью и не снялъ даже ни колецъ, ни брелоковъ... Въ кабакѣ *Шато-Ружъ* есть большая комната наверху, въ которой бездомные бродяги, заплативъ су, могутъ спать на полу до тѣхъ поръ, покуда запирается питейное заведеніе, т.-е. до двухъ часовъ утра. Эта комната въ то время извѣстна была подъ названіемъ *Моргъ* или *Зала мертвецовъ* (*Salle des Morts*) и являлась любимымъ зрѣлищемъ всѣхъ искателей сильныхъ ощущеній. Мы просидѣли нѣсколько минутъ въ во-

нючей, душевной комнатѣ внизу, гдѣ завсегдатаи кабака пьютъ. Здѣсь мы бесѣдовали съ ворами и съ проститутками низшаго типа, слушали безстыдныя пѣсни страшной, безносой старой вѣдьмы и наблюдали, какъ профессиональные нищие „гримируются“, чтобы разжалобить прохожихъ. Для *bonnetbouche* содержатель кабака, сложенный, какъ геркулесъ, предложилъ намъ заглянуть въ залу мертвецовъ. Уайльдъ выразилъ согласіе, и мы отправились наверхъ, слѣдуя за хозяиномъ, державшимъ въ рукахъ оплывшую свѣчу. На полу, въ неудобныхъ позахъ валялись, какъ трупы, нищие и бродяги въ грязныхъ, вонючихъ лохмотьяхъ. Нѣкоторые изъ спавшихъ были, повидимому, пьяны, другіе—больны. Мы видѣли культяпки ноги и язвы дурной болѣзни. Я до сихъ поръ помню изящную фигуру моего друга, смотрящаго на „мертвыхъ“. На губахъ его была видна легкая складка жалости; но лицо по преимуществу выражало ужасъ, какъ будто при видѣ головы Медузы¹⁾. Какъ ужасна должна быть бѣдность, чтобы она могла заинтересовать эстета!

Возвратимся къ „Философіи для юношей“.

„Дѣйствительно хорошо сдѣланная бутоньерка является единственной связью между искусствомъ и природой.

„Хорошо воспитанный человѣкъ противорѣчитъ другимъ. Мудрецъ противорѣчитъ себѣ.

„Ничто изъ того, что случается въ дѣйствительной жизни, не представляетъ никакого интереса.

„Во всѣхъ важныхъ вещахъ самое существенное—стиль, а не искренность“.

Объ исканіяхъ абсолютной истины въ этихъ произведеніяхъ Оскара Уайльда не можетъ быть и рѣчи. Для подобнаго этого исканія необходимо глубокое убѣжденіе, страстная вѣра. У Оскара Уайльда въ этихъ произведеніяхъ на первомъ планѣ не истина, а красивый парадоксъ. И не просто красивый, а такой, который „ошеломилъ“ бы respectable публику. Парадоксъ по мнѣнію Уайльда, долженъ быть красивъ не столько мыслью, заключенной въ немъ, сколько *формой*, въ которую эта мысль облечена. Искателю истины необходимо только слово, наиболѣе точно передающее мысль. Онъ хватается за первое

¹⁾ R. H. Sherard, Oscar Wilde. The Story of An Unhappy Friendship. p. p. 94—97.

слово, если оно ясно. Ничего, если это слово неуклюже или недостаточно благозвучно. Оскаръ Уайльдъ отбросилъ бы самую смѣлую и оригинальную мысль, если бы для выраженія ея нашлось только некрасивое, звучащее неизящно слово. Для доказательства я обращаюсь къ той же біографіи, написанной Шерардомъ. Блестящій эстетъ, выбравшій своимъ девизомъ „Rien n'est vrai que le beau“, любилъ красивыя слова. Такъ, напр., онъ съ наслажденіемъ произносилъ слово „vermilion“ (алый), смакуя его, какъ лучшетокайское. Зато онъ ненавидѣлъ краску „маджента“ (т.-е. фуксинъ), отличающуюся только тонами отъ алаго цвѣта, и считалъ ее символомъ всего пошлаго, грубаго, мѣщанскаго.

Про звучность и красоту слова Уайльдъ не забывалъ въ самые ужасные для себя моменты. Онъ арестованъ. Блестящая карьера сразу втоптана въ грязь. Впереди скандальный процессъ. Другъ его спѣшитъ изъ Франціи на свиданіе въ тюрьму и находитъ Уайльда въ ужасномъ состояніи. Арестованный стонетъ: „Почему вы не привезли мнѣ яда изъ Парижа?“ „Уайльдъ часто повторялъ этотъ вопросъ не только въ этотъ день, но и въ послѣдующіе дни,—говоритъ Шерардъ,—не потому, что хотѣлъ покончить самоубійствомъ, а только потому, я увѣренъ, что аллитерація фразы (по *poison from Paris*) показалась ему красивой“¹⁾. Несчастный Оскаръ Уайльдъ осужденъ. Къ нему въ Дартмарскую каторжную тюрьму ѣдетъ на свиданіе Шерардъ. Другъ долженъ сообщить, что жена Оскара Уайльда перемѣнила имя. „Съ психологической точки зрѣнія,—говоритъ Шерардъ,—меня занимало то безпокойство, съ которымъ Уайльдъ допытывался, какое именно имя приняла жена. Несмотря на клѣтку, на острожное платье и весь ужасъ положенія, Уайльдъ безпокоится больше всего, какъ бы его жена не приняла вульгарное, звучащее неизящно имя“²⁾.

Кстати. На основаніи книги Шерарда можно выяснитъ теперь одинъ пунктъ.

Ужасная катастрофа, бросившая Уайльда въ тюрьму и разрушившая одну изъ самыхъ блестящихъ литературныхъ карьеръ, не явилась въ такой степени, какъ полагаютъ, ре-

¹⁾ Robert H. Scherard, Oscar Wilde, p. 157.

²⁾ *Ib.*, p. 214.

зультатомъ зависти благовоспитаннаго мѣщанства къ громадному таланту. Самый процессъ явился послѣдствіемъ безумнаго преслѣдованія, начатаго Оскаромъ Уайльдомъ противъ лорда Кинсберри. Во время разбора этого дѣла выяснились компрометирующіе для преслѣдователя факты. Но и тогда судъ медлилъ съ выпускомъ приказа объ арестѣ, желая дать Оскару Уайльду возможность уѣхать во Францію. „Warrant“ (приказъ объ арестѣ) былъ подписанъ только тогда, когда отошелъ послѣдній поѣздъ въ Дувръ,—говорить Шерардъ.—Судъ не могъ медлить больше“ ¹⁾. „Волна ужаса прокатилась тогда по обществу, въ которомъ вращался Уайльдъ,—продолжаетъ Шерардъ.—Калѣ подверглась тогда странному вторженію. Тысяча грѣшныхъ душъ устремилась изъ Лондона на югъ, страшась ареста. На каждомъ отходящемъ изъ Дувра пароходѣ можно было видѣть такіа лица, исковерканныя ужасомъ, которыя могутъ только при-сниться подъ давленіемъ кошмара“. Крайнюю жестокость проявили тогда по отношенію къ Уайльду средніе и ниже-средніе классы. По ходатайству друзей, Уайльда выпустили на поруки до суда. „Уайльдъ изъ тюрьмы поѣхалъ въ гостиницу, гдѣ сняты были двѣ комнаты,—говоритъ Шерардъ.—То было уже поздно вечеромъ. Какъ только несчастный поэтъ усѣлся, въ комнату вошелъ хозяинъ. „Вы—Оскаръ Уайльдъ?—грубо спросилъ онъ.—Немедленно уѣжайте отсюда“. Изъ этой гостиницы Уайльдъ поѣхалъ въ другую, находящуюся въ другомъ концѣ Лондона и гдѣ эстетика не знали въ лицо. Но только что поэтъ легъ въ постель, какъ появился хозяинъ. Оказалось, что добровольцы сыщики гнались за Уайльдомъ и, найдя, гдѣ онъ остановился, пригрозили хозяину „разгромить домъ“, если поэтъ останется хоть минуту болѣе. Далеко за полночь братъ Оскара—Уилли (братья были въ ссорѣ) услышалъ робкій стукъ въ двери. Открывъ ихъ, онъ увидалъ блѣднаго, шатающагося отъ нравственнаго потрясенія и отъ крайняго утомленія Оскара Уайльда. „Уилли, пріюти меня на ночь!—жалобно простоналъ онъ.—Позволь мнѣ переночевать хоть въ передней на полу. Иначе я умру на улицѣ“. „Немногіе друзья, оставшіеся вѣрны Уайльду, настоятельно совѣто-

¹⁾ R. Scherard, p. 161.

вали ему уѣхать во Францію не только ради себя, но и въ виду общественнаго интереса. Лицо, внесшее за Уайльда залогъ, заявило, что охотно согласится на то, чтобы деньги его пропали. Оскаръ Уайльдъ не находился подъ негласнымъ надзоромъ; за нимъ не слѣдили сыщики. Въ любой моментъ онъ могъ сѣсть въ поѣздъ, а потомъ на пароходъ. „И когда я теперь читаю въ фэшионебельныхъ газетахъ про дѣянiя „львовъ“ изъ общества,—говоритъ Шерардъ,—что эти львы были замѣшаны въ тѣхъ же скандалахъ, но имѣли благоразумiе тогда уѣхать на время въ Парижъ; когда я вижу теперь самодовольныя, гордыя лица этихъ господъ въ модныхъ ресторанахъ на Пиккадилли и вспоминаю, какой ужасъ выражали эти самыя черты въ 1895 г. на парижскихъ бульварахъ,—я не жалѣю о томъ, что умолялъ тогда Оскара Уайльда бѣжать“. На все убѣжденiя своего друга Оскаръ Уайльдъ отвѣчалъ: „Жизнь въ изгнанiи будетъ мнѣ нестерпима. Я не могу даже себя представить въ роли бѣглеца, укрывающагося на континентѣ отъ суда“. Бѣгство возможно было даже наканунѣ процесса. Оскара Уайльда не только не стали бы преслѣдовать, но несомнѣнно онъ избавилъ бы судъ отъ непрiятной и тяжелой обязанности доказывать населенiю, что законъ, разъ онъ не отмѣненъ парламентомъ, долженъ быть примѣненъ, каково бы ни было общественное положенiе осужденнаго лица. Такимъ образомъ, въ настоящее время возможно прибавить нѣсколько новыхъ чертъ, выясняющихъ осужденiе Оскара Уайльда. А теперь—еще нѣсколько парадоксовъ изъ „Философiи для юношей“:

„Никакое преступленiе не вульгарно, но каждая вульгарность—преступна.

„Только мелкiя натуры знаютъ сами себя.

„Нужно всегда быть немного неправдоподобнымъ.

„Всякiй интересъ идеями о томъ, что такое нравственные и безнравственные поступки, свидѣтельствуетъ о приостановкѣ умственнаго развитiя.

„Только боги внушаютъ смерть. Аполлонъ умеръ, тогда какъ Гiацинтъ, котораго, будто бы, онъ убилъ—живетъ. Неронъ и Нарциссъ живутъ въ воспоминанiяхъ людей.

„Старики вѣрятъ всему; люди среднихъ лѣтъ сомнѣваются во всемъ; молодежь—знаетъ все.

„Только великимъ стилистамъ удается быть темными“¹⁾. Въ этомъ отношеніи Оскаръ Уайльдъ противорѣчитъ себѣ. Онъ—признанный теперь величайшій стилистъ англійской литературы. Въ то же время произведенія его отличаются не только удивительной красотой, но и кристаллической ясностью. У него нѣтъ ни одного произведенія, представляющаго собою полную бессмыслицу, какъ зашифрованное письмо. Читатель не нуждается въ томъ, чтобы авторъ приложилъ самъ ключъ къ пониманію своихъ произведеній, какъ дѣлаютъ это современные русскіе гени, заглядывающіе въ „тайны бытія“, при чемъ оказывается, что расшифрованное по данному способу писаніе еще болѣе нелѣпо, чѣмъ зашифрованное.

IV.

Появленіе въ 1890 г. въ *Lippincott's Magazine* наиболѣе популярнаго теперь произведенія Оскара Уайльда, романа „Портретъ Доріана Грѣя“, вызвало рядъ ожесточенныхъ нападковъ на автора. Оскаръ Уайльдъ вынужденъ былъ отвѣчать въ газетахъ на эти нападки. Письма эстета по поводу романа теперь извлечены издателемъ изъ забытыхъ газетныхъ номеровъ и перепечатаны въ томъ *Miscellanies*.

Во многихъ отношеніяхъ письма эти очень интересны.

„По моему мнѣнію,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ въ одномъ изъ нихъ,—культивированная лѣнь—единственное подходящее занятіе для человѣка. Я терпѣть не могу какіе бы то ни было газетные споры и пререканія. Вотъ почему изъ 216 рецензій на *Dorian Gray*, которыя со стола моего кабинета попали въ корзину, я замѣтилъ только три. Одна изъ этихъ рецензій появилась въ *Scots Observer*. Я обратилъ на нее вниманіе потому, что авторъ говоритъ объ основной мысли романа такое, что требуетъ немедленнаго возраженія. Вторая рецензія появилась въ *St. James's Gazette*. Она написана оскорбительно и вульгарно. Я счелъ необходимымъ рѣзко отвѣтить рецензенту. Тонъ его является оскорбленіемъ для всѣхъ писателей вообще. Третья рецензія, появившаяся въ *Daily Chronicle*, заключала въ себѣ довольно сдержанное

¹⁾ Oscar Wilde, *Miscellanies*, p. p. 177—178.

нападеніе. Въ статьѣ говорилось только, что *Dorian Gray*— ядовитое произведеніе. На остальные двѣсти тринадцать рецензій я не обратилъ никакого вниманія“ ¹⁾. Всѣхъ писемъ по поводу романа Уайльду пришлось написать восемь. Постараюсь сгруппировать всѣ возраженія автора. „Рецензентъ смѣшно нападаетъ на меня за то, что я вывелъ вѣтрогоновъ. Да, дѣйствительно, они всѣ вѣтрогоны; но послѣдніе въ высшей степени интересны какъ съ артистической, такъ и съ художественной точки зрѣнія... Лордъ Генри Уаттонъ кажется мнѣ превосходнымъ коррективомъ къ тошнотворнымъ идеальнымъ героямъ, которыми кишатъ полу-богословскіе романы нашего времени“... „Я долженъ заявить, что рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ можно художественное произведеніе оцѣнивать съ моральной точки зрѣнія. Сферы искусства и этики совершенно различны и абсолютно не совпадаютъ. Попыткѣ смѣшать обѣ сферы мы обязаны появленіемъ забавной старой дамы Mrs Grundy, представляющей собою единственный юмористическій типъ, созданный средними классами“. „Книгу *Dorian Gray* я написалъ только ради собственнаго удовольствія. Мнѣ дѣйствительно процессъ писанія ея доставилъ большое наслажденіе. Популярна ли книга или нѣтъ,—мнѣ въ высшей степени безразлично. Боюсь, что ваша рецензія послужитъ рекламой для моей книги. Англійская публика, взятая въ массѣ, совершенно не интересуется произведеніемъ искусства, покуда ей не говорятъ, что оно безнравственно. Это именно сдѣлали вы теперь. Ваша реклама, безъ сомнѣнія, сильно увеличитъ продажу журнала, въ которомъ появилось мое произведеніе“.

Рецензенты указывали, что такихъ людей, какіе выведены Оскаромъ Уайльдомъ въ его романѣ, не существуетъ въ дѣйствительности. На это авторъ отвѣтилъ, что дѣйствительные люди совершенно не интересны для художника. „Ваши герои—совершенно порочные люди“,—продолжали рецензенты. „Съ точки зрѣнія искусства,—отвѣчалъ Оскаръ Уайльдъ,—дурные люди очень интересный предметъ наблюденія. Въ нихъ художникъ находитъ разнообразіе, яркость красокъ и отступленіе отъ шаблона. Хорошіе люди такъ без-

¹⁾ *Missellanies*, p. 154.

надежно шаблоны. Только дурные люди дѣйствуютъ на воображеніе“. Криминалистъ, если бы онъ былъ на мѣстѣ рецензента, отвѣтилъ бы, что міръ преступниковъ поражаетъ именно своею *шаблонностью*. Криминалистъ привелъ бы, между прочимъ, въ доказательство нѣсколько любопытныхъ строкъ Маудсли изъ „Responsibility in Mental Disease“. Встрѣчаются ли теперь новые грѣхи? Можетъ ли человѣкъ—такой умный человѣкъ, какимъ онъ привыкъ себя считать въ нашемъ столѣтіи, можетъ ли онъ, говоримъ мы, изобресть какой-нибудь новый грѣхъ? Не истощилъ ли онъ уже какъ свои умственныя способности для придумыванія грѣховъ, такъ и свои физическія способности для исполненія придуманнаго? Конечно, при сложныхъ условіяхъ и отношеніяхъ современнаго общества существуетъ полный просторъ для гораздо большаго числа разновидностей и болѣе сложныхъ комбинацій грѣха, нежели въ болѣе простомъ обществѣ, но все-таки превышаетъ ли число нынѣшнихъ разновидностей грѣха число разновидностей, встрѣчавшихся въ старину? Если принять въ соображеніе, какъ изобрѣтателемъ и настойчивымъ въ этой отрасли своей дѣятельности былъ человѣкъ съ самаго начала своей исторіи, можно, пожалуй, придти къ заключенію,—говоритъ Маудсли,—что теперь изобрѣтеніе новаго грѣха было бы величайшимъ открытіемъ современной эпохи“. Такимъ образомъ, грѣшнику приходится только слѣдовать шаблону, такъ что напрасно Уайльдъ ищетъ здѣсь оригинальности.

„Мнѣ указываютъ, что такіе люди, какіе выведены въ „Dorian Gray“, не существуютъ въ дѣйствительности,—отвѣчаетъ дальше Уайльдъ своему рецензенту. Совершенно вѣрно. Если бы такіе люди существовали, то ихъ не стоило бы выводить. Обязанность художника выдумывать, а не писать лѣтопись. Такихъ людей нѣтъ. Существовай они, я бы не интересовался ими. Жизнь своимъ реализмомъ всегда портитъ матеріалъ художника. Высшее наслажденіе литературы это — реализація несуществующаго“. „Совершенно правильно поступаютъ люди, когда кладутъ извѣстныя границы свободѣ дѣйствій; но никакія ограниченія не должны существовать въ искусствѣ. Ему принадлежитъ все то, что существуетъ и что не существуетъ. И даже издатель лондонской газеты не имѣетъ права стѣснять свободу художника въ

выборѣ матеріала и темы“. „Человѣкъ, способный понять красоту произведенія искусства, мало будетъ интересоваться моральнымъ значеніемъ его. Если темпераментъ цѣнителя болѣе поддается этическимъ, чѣмъ эстетическимъ впечатлѣніямъ,—то такой человѣкъ ничего не пойметъ въ вопросахъ о стилѣ, о выполненіи и т. д. Главное достоинство „Madame Bovary“ заключается не въ моральномъ урокѣ, точно такъ, какъ заслуга *Саламбо* не въ археологическихъ данныхъ. Флоберъ былъ совершенно правъ, обличая невѣжество людей, нападавшихъ на безнравственность перваго романа и на археологическія погрѣшности втораго. И онъ былъ правъ не только въ общепринятомъ смыслѣ слова, но и какъ художникъ, что важнѣе всего. Критикъ долженъ воспитывать публику, а художникъ долженъ воспитывать критика“. „Художникъ не признаетъ иного мѣрила красоты, кромѣ того, которое внушено ему темпераментомъ. Художникъ стремится претворить матеріально свою отвлеченную идею красоты, преобразовать идею въ идеаль. Такимъ образомъ художникъ создаетъ произведенія. Для этой цѣли художникъ творитъ. Иныхъ цѣлей у него нѣтъ“¹⁾.

Оскаръ Уайльдъ, отстаивая такую безграничную свободу для художника, совершенно не имѣлъ въ виду „свободу оголенія“. Въ этомъ отношеніи Уайльдъ самый цѣломудренный изъ писателей XIX вѣка. Въ его произведеніяхъ мы не найдемъ ни одной порнографической строчки.

Ни одинъ писатель XIX вѣка не пустилъ въ обращеніе такой массы смѣлыхъ и эксцентричныхъ парадоксовъ, какъ Оскаръ Уайльдъ; но смѣлость онъ понимаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ наши „оголители“, кошкодавы и садисты. „Для меня все время Оскаръ Уайльдъ былъ *beau ideal* джентльмена въ лучшемъ смыслѣ слова,—говоритъ Робертъ Шерардъ.— Мужчины на всемъ свѣтѣ одинаковы; послѣ того, какъ выпьютъ, они ведутъ между собою извѣстнаго рода разговоры и рассказываютъ анекдоты опредѣленнаго характера. Тема—одна и та же, сидятъ ли мужчины въ великолѣпной курилкѣ и пьютъ кюрасо или въ кабакѣ за кружкой пива. Быть можетъ, разница только въ выборѣ выраженій для передачи однихъ и тѣхъ же анекдотовъ. Въ присутствіи

¹⁾ Miscellanies, p. p. 135—163.

Оскара Уайльда никто не рѣшался отпустить двусмысленную шутку или рассказать неприличный анекдотъ. Необыкновенной цѣломудренностью рѣчи и деликатностью въ поступкахъ Уайльда объясняется, между прочимъ, почему у него была такая масса преданныхъ друзей среди женщинъ. Послѣ того, какъ Оскаръ Уайльдъ былъ осужденъ, Робертъ Шерардъ присутствовалъ разъ въ курилкѣ большого барскаго дома въ деревнѣ (country mansion). „Я слышалъ,— рассказываетъ Шерардъ,— какъ нѣкая титулованная особа, нашедшая въ шкафу томъ стиховъ Оскара Уайльда, вскрикнула даже отъ ужаса. Особа эта просила хозяина бросить безнравственную книгу въ топящійся каминъ и прибавила, что охотно сдѣлала бы то же самое съ авторомъ. А между тѣмъ, этотъ защитникъ морали за полчаса до того смѣшался съ грязью репутацію всѣхъ дамъ, гостившихъ въ томъ же домѣ. Титулованная особа пользовалась при этомъ такими выраженіями, которыхъ постыдился бы даже лодочникъ. Оскаръ Уайльдъ въ словахъ и поступкахъ своихъ былъ наиболѣе цѣломудреннымъ человѣкомъ, какого я когда-либо встрѣчалъ“¹⁾.

V.

Познакомлю читателей еще съ нѣкоторыми произведеніями Оскара Уайльда, которыя впервые появляются въ отдѣльномъ изданіи, такъ какъ были похоронены въ старыхъ газетныхъ номерахъ. Въ 1886 г. одинъ изъ крупныхъ лондонскихъ издателей предложилъ сэру Джону Лэббоку составить списокъ ста лучшихъ книгъ всѣхъ временъ и народовъ. Лэббокъ назвалъ философовъ, историковъ, поэтовъ, беллетристовъ, естествоиспытателей. Въ списокъ вошли: Гомеръ, Геродотъ, Тацитъ, Маркъ Аврелій, Лукрецій, Данте, Боккачю, Сервантесъ, Бэконъ, Вольтеръ, Гумбольтъ, Гете, Дарвинъ и др. Всѣ эти книги затѣмъ были изданы изяшно и дешево въ компактныхъ, однообразныхъ томахъ. Составилась отлично подобранная библіотека для самообразованія, которую у насъ въ Россіи, гдѣ читатель теперь утопаетъ въ книжномъ наводненіи, слѣдовало бы взять за образецъ.

¹⁾ Robert H. Sherard, Oscar Wilde, etc. p. 13—14.

Всѣ „ста лучшихъ книгъ“ были потомъ предложены на самыхъ льготныхъ условіяхъ публикѣ (на выплату, по полукронѣ, т.-е. по 1 р. 25 к. въ мѣсяцъ). И вотъ по поводу этихъ „ста лучшихъ книгъ“ Оскаръ Уайльдъ помѣстилъ въ „Pall Mall Gazette“ статью „Читать или не читать?“ „По моему мнѣнію, книги можно раздѣлить на три класса: 1) на книги, которыя слѣдуетъ читать, какъ „Письма“ Цицерона, „Двѣнадцать Цезарей“ Светонія, „Жизнь художниковъ“ Вазари, „Автобіографія“ Бенвенуто Челлини, „Путешествія“ сэра Джона МанDEVИЛЛЯ¹⁾, „Марко Поло“, „Мемуары“ С. Симона, Момзена и, за неимѣніемъ лучшей, „Исторію Греціи“ Грота; 2) на книги, которыя слѣдуетъ перечитывать. Сюда относятся произведенія Платона и Китса. Изъ поэтовъ слѣдуетъ перечитывать мастеровъ, а не подражателей; изъ философовъ—провидцевъ, а не ученыхъ; 3) на книги, которыя совсѣмъ не слѣдуетъ читать. Сюда относятся „Италія“ Роджерса, всѣ произведенія Милля, кромѣ трактата „О свободѣ“, всѣ отцы церкви, кромѣ св. Августина, всѣ драматическія произведенія Вольтера, „Исторія философіи“ Льюиса, всѣ книги умствующихъ авторовъ и всѣ книги, въ которыхъ дѣлается попытка доказать что-нибудь. Третій классъ книгъ—самый важный. Говорить людямъ, какія книги слѣдуетъ читать или бесполезно, или вредно, такъ какъ оцѣнка литературнаго произведенія—вопросъ темперамента, а не знанія. Нѣтъ такого учебника, въ которомъ указывалось бы, какъ попасть на Парнасъ. А если и есть, то ихъ не слѣдуетъ читать. Совсѣмъ другое указывать, какія книги *не слѣдуетъ* читать. Такой указатель крайне необходимъ въ нашъ вѣкъ, когда люди читаютъ такъ много, что не остается времени восторгаться, когда пишутъ такъ много, что нѣтъ времени думать“. И вотъ Оскаръ Уайльдъ предлагаетъ назначить премію за составленіе списка не ста лучшихъ, а худшихъ книгъ.

¹⁾ Компиляторъ XIV вѣка, оставившій послѣ себя записки о путешествіяхъ по Турціи, Арменіи, Тартаріи, Персіи, Сиріи, Аравіи, Египту, Ливіи, Эѳіопіи, Халдеѣ, „Амазоніи“ и Индіи. Записки, наполненныя невѣроятными приключеніями и описаніями несуществующихъ чудовищъ, составляли любимое чтеніе англичанъ до XVIII вѣка. Современная критика доказала, что сэръ Джонъ МанDEVИЛЛЬ передѣлывалъ и украшалъ вымыслами записки современныхъ путешественниковъ (главнымъ образомъ, монаха Одорика Порденонскаго).

Къ числу „лучшихъ книгъ“ Оскаръ Уайльдъ, повидимому, готовъ отнести и поваренную книгу. Во всякомъ случаѣ, разбирая въ „Pall Mall Gazette“ руководство по кулинарному искусству, Оскаръ Уайльдъ пишетъ: „Согласно афоризму Бодлера, человѣкъ можетъ жить три дня безъ хлѣба, но не можетъ просуществовать и дня безъ поэзіи. Можно жить безъ картинъ и безъ музыки, но нельзя жить безъ ѣды,—говоритъ авторъ „Dinners and Dishes“; и, безъ сомнѣнія, послѣдній взглядъ находить больше сторонниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто въ наши дни вырожденія колебался бы въ выборѣ между одой и омлетомъ или между сонетомъ и рагу изъ жареной дичи? Вопросъ отнюдь не праздный. Стряпня—искусство. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ основамъ его не посвящены теперь лекціи въ Южномъ Кенсингтонѣ? Развѣ академія художествъ не даетъ ежегодно банкета? Кромѣ того, такъ какъ демократія, когда станетъ у власти, несомнѣнно, предложитъ кормить насъ пенсовыми обѣдами, то абсолютно необходимо выяснитъ теперь же основные законы повареннаго искусства. Ибо, если обѣды, которые станутъ готовиться въ національныхъ столовыхъ, подгорятъ, будутъ пересолены или подадутся не подъ соотвѣтствующимъ соусомъ, то можетъ вспыхнуть страшная революція. Въ этомъ отношеніи мы настойчиво рекомендуемъ книгу „Dinners and Dishes“¹⁾.

То, что остроумные люди могутъ написать удивительно талантливяя книги, посвященныя обжорству, доказываетъ единственная во всей міровой литературѣ „Physiologie du gout“ Бріяя-Саварэна (Brillat Savarin). Человѣкъ, гастрономическія требованія котораго исчерпываются не совсѣмъ изящной, но сильной украинской поговоркой—„хочь вовны, аби кишка повна“ (пусть будетъ хоть шерсть, лишь бы набить брюхо), прочитываетъ и перечитываетъ эту книжечку съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и завзятый обжора. Чего стоятъ только основныя начала, изъ которыхъ исходитъ остроумный авторъ! „Вселенная создана для жизни. Все живое питается. Животныя насыщаются; человѣкъ ѣстъ. Умный человѣкъ одинъ знаетъ, какъ ѣсть. Судьба народовъ зависитъ отъ манеры ихъ питанія. Скажи мнѣ, что ты ѣшь,

¹⁾ Oscar Wilde, Reviews, p. 1.

и я скажу, кто ты... Обѣденный столъ—единственное мѣсто, гдѣ люди не скучаютъ съ перваго же момента. Открытіе новаго блюда доставляетъ человѣчеству больше наслажденія, чѣмъ открытіе новой звѣзды“, и т. д. Авторъ недаромъ сынъ XVIII вѣка (родился въ 1755 г. и умеръ въ 1825 г.). Онъ умѣетъ философствовать и дѣлать одновременно лукавыя замѣчанія¹⁾. Итакъ, внѣ сомнѣнія, что очень талантливые и остроумные люди могутъ написать безсмертную книгу даже объ обжорствѣ. Но внѣ сомнѣнія также, что очень талантливые люди, стараясь писать „для поэзы“, могутъ дать неостроумныя и даже неумныя рецензіи. Нагляднымъ доказательствомъ является статья Оскара Уайльда о книгѣ „Dinners and Dishes“.

Перехожу теперь къ крайне интересной и характерной статьѣ Уайльда, перепечатанной впервые въ отдѣльномъ изданіи изъ журнала „Speaker“ за 1890 г. Оскаръ Уайльдъ разбираетъ произведенія китайскаго мудреца Чуангъ-Тцу, переведенныя на англійскій языкъ Гербертомъ Джилемъ. „Чуангъ-Тцу провелъ всю свою жизнь въ проповѣди великаго символа ничего недѣланія и въ выясненіи бесполезности всѣхъ полезныхъ вещей,—говоритъ Уайльдъ. „Не дѣлай ничего и все будетъ сдѣлано“—такова доктрина, завѣщанная Чуангъ-Тцу великимъ учителемъ его Лао-Тцу. Цѣлью философа было растворить дѣйствіе въ мысль и мысль въ абстракцію. Подобно туманному древне-греческому мудрецу, Чуангъ-Тцу вѣрилъ въ тожество противорѣчій. Подобно Платону, онъ былъ идеалистъ и питалъ презрѣніе всѣхъ идеалистовъ къ утилитарнымъ системамъ. Подобно Діонисію, Скоту Эригенѣ и Якову Бэму, онъ былъ мистикъ. Вмѣстѣ съ ними и Филономъ, Чуангъ-Тцу училъ какъ отдѣляться отъ самосознанія и стать безсознательнымъ проводомъ для высшаго озаренія. Въ Чуангъ-Тцу мы видимъ первоисточникъ всѣхъ метафизическихъ настроеній отъ Гераклита до Гегеля. Въ своемъ преклоненіи передъ Ничто китайскій мудрецъ предвосхитилъ странныхъ средневѣковыхъ мечтателей, какъ Таулеръ, Экартъ, чтившихъ *purum nihil* и Бездну. Средніе классы, создавшіе, какъ извѣстно, благополу-

¹⁾ Напр., „Elle (la truffe)... peut, en certaines occasions, rendre les femmes plus tendres et les hommes plus aimables“. („Physiologie du Gout“, р. 38. Изданіе 1852 г.).

чіе, если не цивилизацію Англіи, презрительно пожмутъ плечами и спросятъ не безъ нѣкотораго основанія: „Какое намъ дѣло до тожества противорѣчій? Почему мы должны отдѣляться отъ самосознанія, которое составляетъ нашу характерную черту?“ Но Чуангъ-Тцу былъ не только метафизикъ и иллюминатъ,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ.—Онъ стремился также разрушить общество, какъ оно представляется намъ и среднимъ классамъ. И послѣдніе съ грустью должны узнать, что Чуангъ-Тцу соединяетъ въ себѣ краснорѣчіе Руссо съ умѣніемъ научно мыслить, какъ Гербертъ Спенсеръ. Въ китайскомъ мудрецѣ нѣтъ ничего сентиментальнаго. Богатыхъ людей онъ жалѣетъ еще больше, чѣмъ бѣдняковъ. Матеріальное благополучіе кажется ему столь же трагичнымъ, какъ и нищета.

Онъ не симпатизируетъ, какъ это дѣлается теперь, неудачникамъ и не утверждаетъ, что изъ моральныхъ соображеній слѣдуетъ давать призы тѣмъ, которые приходятъ послѣдними въ жизненной борьбѣ. Мудрецъ возстаетъ противъ самой борьбы. Что же касается соболѣзнованія и сочувствія, которыя стали профессіей многихъ достойныхъ людей въ наше время,—то Чуангъ-Тцу находитъ попытку обращенія дурныхъ людей въ хорошихъ такимъ же глупымъ занятіемъ, какъ „битье въ барабанъ въ лѣсу съ цѣлью найти бѣглеца“. Такая попытка—безполезная трата энергіи. Вотъ и все. По мнѣнію китайскаго мудреца, искренно сочувствующій другимъ человекъ есть существо, вѣчно пытающееся быть не самимъ собою, т. е. отрицающее своими поступками смыслъ собственнаго существованія. Со вздохомъ сожалѣнія думаетъ мудрецъ о минувшемъ золотомъ вѣкѣ, когда не было конкурсныхъ экзаменовъ, надоедливыхъ системъ воспитанія, миссіонеровъ, дешевыхъ обѣдовъ для бѣдняковъ, государственной церкви, гуманитарныхъ обществъ, скучныхъ лекцій объ обязанностяхъ къ ближнему и нудныхъ проповѣдей, вообще, на какую бы то ни было тему. „Въ эти идеальные дни,—говоритъ намъ Чуангъ-Тцу,—люди любили другъ друга, не имѣя представленія ни о благотворительности, ни о газетныхъ статьяхъ съ призывомъ къ ней. Люди тогда были правдивы и прямодушны, хотя не печатали книгъ объ альтруизмѣ. Такъ какъ каждый держалъ свое знаніе про себя, то міръ былъ чуждъ такого проклятія, какъ скептицизмъ.“

И такъ какъ каждый держалъ свои добродѣтели про себя, то никто не вмѣшивался въ чужія дѣла. Люди вели тогда простую и мирную жизнь и довольствовались такою пищею и такимъ платемъ, какія могли достать. Жилые отстояло недалеко отъ жилья, такъ что „сосѣдніе пѣтухи и собаки были слышны“. Между тѣмъ, люди старились и умирали, ни разу не являясь другъ къ другу въ гости. Тогда никто не болталъ о способныхъ людяхъ и никто не восхвалялъ людей добродѣтельныхъ. Несносное чувство долга было неизвѣстно. Дѣянія человѣчества не оставляли слѣда. Глупые историки не дѣлали изъ нихъ обузы для потомства. Въ злосчастный моментъ появился филантропъ и принесъ съ собою зловредную идею о правительствѣ“¹⁾.

„Лучше всего,—говоритъ Уайльдъ,—это оставить чело-
вѣчество въ покоѣ. Горше всего, это—попытка управлять
имъ“. Всѣ формы правленія ошибочны,—продолжаетъ Оскаръ
Уайльдъ.—Онѣ не научны, такъ какъ пытаются измѣнить
естественную склонность человѣка; онѣ безнравственны, такъ
какъ покушаются на свободу индивидуума. Онѣ создаютъ
наиболѣе агрессивныя формы эгоизма. Онѣ невѣжественны,
такъ какъ пытаются распространить образованіе. Онѣ, на-
конецъ, разрушаютъ сами себя, такъ какъ порождаютъ анар-
хію. „Въ давніе годы,—говоритъ Чуангъ-Тцу,—императоръ
впервые предписалъ милосердіе, какъ обязанность каждаго
къ своему ближнему. Предписаніе это помѣшало развиваться
естественной добротѣ, присущей каждому человѣку. Послѣ-
дователи императора нарушили внутреннее равновѣсіе свое
съ цѣлью найти мѣсто для новыхъ добродѣтелей. Люди из-
нуряли свою настойчивость въ составленіи новыхъ законовъ
и терпѣли постоянно неудачу. Духъ человѣческой,—говоритъ
китайскій мудрецъ,—можно или поднять искусственно, или
подавить. Послѣдствія въ томъ и другомъ случаѣ будутъ
роковыя. Яо сдѣлалъ народъ слишкомъ счастливымъ, и тотъ
былъ недоволенъ. Чіе сдѣлалъ китайцевъ слишкомъ не-
счастливыми и породилъ, такимъ образомъ, смуту. Тогда всѣ
начали придумывать лучшее средство для исправленія об-
щества. „Очевидно,—говорили они,—что-нибудь необходимо
сдѣлать“. И вотъ всѣ кинулись искать знаній. Послѣдствія

¹⁾ Oscar Wilde. Reviews, p. p. 529—531.

были самыя гибельныя. Правительство прибѣгло къ силѣ. И въ результатѣ,—говоритъ китайскій мудрецъ,—добродѣтельные люди вынуждены были искать убѣжища въ пещерахъ, а правители-насилъники дрожали въ своихъ наслѣдственныхъ палатахъ“. „И когда наступилъ полный хаосъ,—продолжаетъ уже отъ себя Оскаръ Уайльдъ,—явился реформаторъ и сталъ проповѣдывать съ платформы спасеніе отъ золь, созданныхъ когда-то попытками улучшить общество“. „Первоисточникомъ“ всѣхъ золь, какъ выясняется дальше, китайскій философъ, облюбованный Уайльдомъ, считаетъ не попытку насадить добродѣтель, а накопленіе богатствъ. „Накопленіе богатства“, по мнѣнію китайскаго мудреца, есть первоисточникъ зла,—говоритъ дальше Оскаръ Уайльдъ.—Богатство дѣлаетъ сильнаго наглымъ, а слабаго—безчестнымъ. Оно создаетъ мелкихъ воровъ и сажаетъ ихъ въ бамбуковую клѣтку. Оно создаетъ также крупныхъ воровъ и возноситъ ихъ на сѣдалище изъ бѣлаго нефрита. Богатство—отецъ соперничества, а соперничество это—напрасная трата и даже уничтоженіе силы. Войны и отвращеніе къ жизни представляютъ послѣдствія искусственнаго общества, основаннаго на капиталѣ. И чѣмъ сильнѣе богатѣетъ это общество, тѣмъ большимъ банкротомъ становится оно въ дѣйствительности, потому что оно не имѣетъ ни достаточной награды для добрыхъ, ни достаточнаго наказанія для злыхъ. Слѣдуетъ помнить также, что существующія нынѣ награды и наказанія унижаютъ человѣка“ ¹⁾. Вѣкъ нашъ никуда не годится, потому что поклоняется успѣху,—продолжаетъ дальше Оскаръ Уайльдъ.—Что касается образованія, то истинной мудрости нельзя научиться. Ее также невозможно преподавать. Мудрость это—душевное состояніе, котораго достигаетъ человѣкъ, живущій въ гармоніи съ природой.

Опредѣленіе это—очень хорошее и въ значительной степени вѣрное, такъ какъ допускаетъ самыя широкія толкованія; но какъ согласить его съ любимымъ тезисомъ Уайльда, что искусство (т.-е. высшее проявленіе человѣческаго духа) ничего общаго не имѣетъ съ природой? „Единственная связь художника съ природой это—изячно сдѣланная бутоньерка“,—говоритъ Уайльдъ.

¹⁾ Oscar Wilde Reviews, p. 333.

„Знаніе наше поверхностно, — продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ,—если мы сравнимъ его съ непознаваемымъ, которое одно только и имѣетъ цѣнность... Къ тому же, какое философское значеніе можетъ имѣть образованіе, если оно составляетъ отличительный признакъ человѣка отъ его ближняго? Мы приближаемся къ хаосу мнѣній, сомнѣваемся во всемъ и впадаемъ въ вульгарную привычку доказывать. Только совершенно неосмысленный человѣкъ доказываетъ. По мнѣнію Уайльда, умный человѣкъ только *утверждаетъ*. „Взгляните на Гуи-Тцу,—говоритъ цитируемый Уайльдомъ китайскій философъ.—Онъ былъ ученый человѣкъ. Его сочиненія не умѣстились бы и на пяти повозкахъ; но ученіе его было озадачивающее. Онъ говорилъ, напр., что яйцо заключаетъ въ себѣ также и перья, ибо цыпленокъ покрытъ перьями ¹⁾; что собака могла бы быть овцою, такъ имена и названія — дѣло совершенно условное; что есть моментъ, когда быстро летящая стрѣла находится ни въ движеніи, ни въ состояніи покоя. Философъ доказываетъ, что если мы возьмемъ палку длиною въ двѣ пяди и раздѣлимъ ее на двѣ части, потомъ каждую часть еще пополамъ, то мы можемъ продолжать это до безконечности. Гнѣдой конь и темно-рыжая корова вмѣстѣ будутъ три, потому что взятая въ отдѣльности—это будутъ два животныхъ, а поставленные рядомъ это—будетъ одно и то же (т.-е. одинъ и тотъ же цвѣтъ); два и одинъ составляютъ вмѣстѣ три. Гуи-Тцу напоминалъ человѣка, бѣгущаго въ перегонку со своею собственною тѣнью и бьющаго въ барабанъ съ цѣлью заглу-

¹⁾ Китайскій мудрецъ былъ въ этомъ отношеніи только предвоинителемъ, такъ называемой, гипотезы пангенезиса, предложенной когда-то Дарвиномъ для объясненія наслѣдственности. Половые клѣтки,—говоритъ Дарвинъ во второй части „Прирученныхъ Животныхъ“,—суть комплексъ мельчайшихъ частицъ, отдѣлившихся отъ всѣхъ клѣтокъ организма. Если каждая подобная частица есть носительница всѣхъ свойствъ той клѣтки, отъ которой она произошла, то половая клѣтка будетъ носить въ себѣ въ скрытомъ состояніи свойства всѣхъ клѣтокъ организма. „Мы не будемъ считать гипотезу слишкомъ смѣлою, если вспомнимъ случаи прививки, доказывающіе, что созидательный матеріалъ известнаго рода содержится въ тканяхъ растений. Этотъ матеріалъ воспроизводитъ каждую клѣточку цѣлаго организма“. (Darwin. Animals and Plants under Domestication, vol. II, 397. Гипотеза пангенезиса, какъ известно, оставлена теперъ; но по ней, дѣйствительно, выходитъ, что „яйцо содержитъ перья“.

шить это. То былъ только лѣвкій оводъ. Не больше. Какая въ немъ польза?”

VI.

„Въ значительной степени все сказанное относится къ морали,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ, комментируя своего китайскаго философа. Люди, начинающіе морализировать, перестаютъ дѣйствовать по интуиціи, согласно влеченію сердца. Они становятся неестественными, самодовольными и въ ослѣпленіи думаютъ, что у нихъ есть опредѣленная цѣль въ жизни. Тогда являются правительство и филантропы, двѣ величайшія язвы нашего времени. Первое стремится силой заставить людей быть хорошими и такимъ образомъ уничтожаетъ естественную доброту ихъ. Филантропы—шайка назойливыхъ надоѣдъ, производящая путаницу всюду, гдѣ только появляется. Они настолько тупы, что имѣютъ принципы, и настолько несчастны, что слѣдуютъ имъ. Всѣ филантропы причиняютъ только зло, что доказываетъ, что всеобщій альтруизмъ такъ же плохъ, какъ и всеобщій эгоизмъ. Они ловятъ людей на благотворительности и сковываютъ ихъ обязанностями къ ближнимъ“.

Кто же—совершенный человѣкъ? Какъ живетъ онъ? На это цитируемый Оскаромъ Уайльдомъ китайскій мудрецъ отвѣчаетъ: „Совершенный человѣкъ ничего не дѣлаетъ. Онъ созерцаетъ только природу. Онъ не стремится занять какое бы ни было положеніе въ жизни. Въ своихъ движеніяхъ совершенный человѣкъ подобенъ водѣ. Во всемъ остальномъ онъ—какъ зеркало. Подобно эху, онъ отвѣчаетъ только на зовъ. Совершенный человѣкъ предоставляетъ другимъ заботиться о себѣ. Ничто матеріальное не вредитъ ему; ничто спиритуальное не можетъ наказатъ его. Умственное равновѣсіе даетъ совершенному человѣку власть надъ міромъ и никогда не дѣлаетъ его рабомъ обстоятельствъ. Онъ знаетъ, что точно такъ же, какъ лучшій языкъ тотъ, на которомъ никто теперь не говоритъ, точно такъ же, лучшій поступокъ тотъ, который никогда не сдѣланъ. Совершенный человѣкъ пассивенъ и принимаетъ законы жизни. Онъ пребываетъ въ бездѣятельности и созерцаетъ, какъ міръ совер-

шенствуется самъ собою. Совершенный человекъ никогда не расходуетъ самого себя на усилія и не думаетъ о нравственныхъ или безнравственныхъ поступкахъ. Онъ знаетъ, что вещи таковы, какъ онѣ есть, и послѣдствія будутъ таковы, какъ должны быть. Разумъ его — зеркало мірозданія и всегда покоенъ. Все это, конечно, очень опасно, — продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ, — но мы должны вспомнить, что Чуангъ-Тцу жилъ болѣе, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и поэтому не имѣлъ возможности видѣть нашу несравненную цивилизацію. Если бы онъ могъ явиться теперь къ намъ, возможно, что онъ сказалъ бы что-нибудь Бальфуру относительно усиленной охраны въ Ирландіи. Наше филантропическое рвеніе заставило бы философа улыбнуться. Онъ покачалъ бы головой при видѣ рабочихъ домовъ. Наша система начальнаго образованія не произвела бы, вѣроятно, сильнаго впечатлѣнія на китайскаго мудреца. Наши идеалы изумили бы его, а результаты, достигнутые нами, заставили бы его опечалиться. Чуангъ Тцу, — продолжаетъ дальше Оскаръ Уайльдъ, — дарвинистъ, явившійся почти за двѣ тысячи лѣтъ до Дарвина. Онъ прослѣдилъ развитіе человека отъ зародыша и показываетъ его единство съ природою. Какъ антропологъ, китайскій мудрецъ въ высшей степени интересенъ. Съ точностью докладчика въ Академіи наукъ онъ описываетъ жизнь первобытныхъ людей на деревьяхъ. Подобно Платону, Чуангъ Тцу прибѣгаетъ къ діалогамъ для развитія своихъ взглядовъ¹⁾. Уайльдъ восхваляетъ „юморъ китайскаго мудреца, проявленный въ его метафизическихъ бесѣдахъ“. „Чуангъ-Тцу олицетворяетъ тогда свои абстракціи и заставляетъ ихъ дѣйствовать передъ нами. Духъ облаковъ, стремясь по воздуху на востокъ, сталкивается съ Жизненнымъ Началомъ, которое прыгаетъ, хлопая себя по бокамъ. „Кто ты, старикъ?“ — спрашиваетъ Духъ облаковъ“. „Что ты дѣлаешь?“ — „Блуждаю“, — отвѣчаетъ Жизненное Начало, не переставая хлопать себя по бокамъ, — ибо всякая дѣятельность безконечна.

— Я желаю *познать*, — продолжаетъ Духъ облаковъ.

— Ага! — восклицаетъ Жизненное Начало тономъ неодобренія. И между ними, — говоритъ Оскаръ Уайльдъ, — завя-

¹⁾ Oscar Wilde, Reviews, P. 536.

зывается бесѣда, напоминающая діалогъ между Сфинксомъ и Химерой въ любопытной книгѣ Флобера“.

Въ діалогахъ китайскаго мудреца фигурируютъ также животныя. Здѣсь влетены притчи, мнѣя и стихи, что дѣлаетъ форму еще болѣе привлекательной.

„Конечно,—заканчиваетъ Оскаръ Уайльдъ,—крайне печально утвержденіе, что быть сознательно добрымъ—безнравственно и что дѣлать нѣчто—худшая форма лѣности. Тысячи превосходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ филантроповъ немедленно обнищали бы совершенно, если бы всѣ согласились, что никому не разрѣшается вмѣшиваться въ чужія дѣла. Доктрина о бесполезности всѣхъ полезныхъ вещей не только подвергла бы опасности господство англичанъ, какъ торговой націи, но могла бы также принести безчестье многимъ богатымъ и серьезнымъ членамъ класса лавочниковъ. Что стало бы съ нашими любимыми проповѣдниками, священниками и миссіонерами модныхъ гостинныхъ, если бы мы обратились къ нимъ со словами Чуангъ-Тцу:

„Точно такъ, какъ комары не даютъ человѣку спать всю ночь, назойливыя проповѣди о милосердіи и о долгѣ могутъ довести спокойнаго человѣка до бѣшенства. Люди добрые! дайте міру возвратиться къ первоначальной простотѣ. Точно такъ, какъ вѣтеръ дуетъ, куда ему должно летѣть,—добродѣтель утвердится сама собою. Зачѣмъ эта напрасная трата силъ“?

Какова была бы судьба всѣхъ правительствъ и профессиональныхъ политиковъ,—продолжаетъ дальше Оскаръ Уайльдъ,—если всѣ пришли къ заключенію, что нѣтъ такихъ людей, которые могли бы командовать другими людьми?.. Допустивъ справедливость разрушительной критики Чуангъ-Тцу, мы должны прекратить наше національное самовосхваленіе. Единственное, что утѣшаетъ человѣка въ творимыхъ имъ глупостяхъ, это—похвальба своими поступками. Есть, однако же, и теперь немногіе, которыхъ утомилъ современный порядокъ вещей. Эти съ восторгомъ встрѣтятъ ученіе Чуангъ-Тцу. Но пусть они *только* читаютъ книгу. Пусть они не *обсуждаютъ* ее. Вся жизнь философа была протестомъ противъ „платформы“. „Совершенный человѣкъ не знаетъ себя. Дѣйствительно хорошій человѣкъ не знаетъ дѣйствій“. Таково ученіе.

Приведу еще двѣ выдержки, въ которыхъ Оскаръ Уайльдъ развиваетъ, на этотъ разъ отъ себя тезисы понравившіеся ему у китайскаго мудреца. „Вмѣстѣ съ властью исчезнутъ и наказанія. Это будетъ уже громадный, безцѣнный выигрышъ. Когда мы знакомимся съ исторіей не по книжкамъ, вычищеннымъ специально для школьниковъ и студентовъ, готовящихся къ экзамену, а по современнымъ авторитетамъ каждой эпохи, насъ приводятъ въ ужасъ не преступленія, совершенныя злыми, а наказанія, наложенныя добродѣтельными людьми. *Общество гораздо скорѣе дичаетъ отъ часто повторяющихся наказаній, чѣмъ отъ случающихся иногда преступленій.* (Курсивъ Оскара Уайльда). Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что чѣмъ чаще налагаются наказанія, тѣмъ больше это порождаетъ преступленій. Большинство современныхъ законодательствъ ясно создало это и стремится насколько возможно уменьшить наказанія. И тамъ, гдѣ законодательство дѣйствительно сдѣлало это, всюду получались самые лучшіе результаты. Чѣмъ меньше наказаній, тѣмъ меньше преступленій. Когда наказаній совсѣмъ не будетъ, то преступленія или исчезнутъ совершенно, или, если будутъ случаться иногда, то врачи станутъ заботливо лѣчить преступниковъ, какъ людей, страдающихъ тяжелою формою безумія. Люди, которыхъ теперь называютъ преступниками, совсѣмъ не заслуживаютъ этого названія. Современные преступленія порождены не грѣхомъ, а голодомъ. Вотъ почему преступники, какъ классъ, такъ абсолютно неинтересны съ психологической точки зрѣнія. Это не поразительные Макбеты и не ужасные Вотрэны ¹⁾, а самые за-

¹⁾ Reviews. P. 538.

²⁾ Герой посредственной драмы Бальзака того же названія. Трудно сказать, чѣмъ эта пьеса понравилась Уайльду. Въ свое время она прогремѣла не столько литературными достоинствами, сколько скандаломъ, вслѣдствіе котораго пьеса была снята послѣ перваго же представленія въ 1845 г. Актеръ, игравшій главную роль глупаго мексиканскаго генерала, загримировался Людовикомъ Филиппомъ. Публика тотчасъ узнала, кого изображаетъ актеръ, какъ только увидала его густые бакенбарды и торчащій кверху хохоль на головѣ. Театръ разразился хохотомъ. Сходство съ королемъ еще больше увеличилось ужимками актера. Парижскій воздухъ былъ уже насыщенъ тогда электричествомъ приближающейся революціи. Публика была рада всякому случаю для манифестаціи. Полиція дала доиграть пьесу, но на другой день она была запрещена, а театръ (Porte-Saint-Martin) закрытъ.

урядные люди, которые, если их накормить, будутъ вполне respectable. Когда частная собственность будетъ уничтожена, исчезнетъ всякая необходимость въ преступленіи. Не будетъ больше спроса на него. Преступленіе перестанетъ существовать... Когда каждый членъ общества будетъ имѣть все необходимое, и когда въ его жизнь не будутъ вмѣшиваться постоянно, — исчезнетъ всякій поводъ для него вмѣшиваться въ чужую жизнь“. Какова же роль государства?

„Государство превратится въ добровольный союзъ, организующій работу. Оно будетъ производителемъ и распредѣлителемъ необходимыхъ предметовъ. *Государство будетъ производить все, что полезно. Индивидуумъ же будетъ творить все, что прекрасно.* (Курсивъ Оскара Уайльда). Работа должна производиться при помощи машинъ. До настоящаго времени человѣкъ въ извѣстной степени былъ рабомъ машины. Есть нѣчто трагическое въ томъ фактѣ, что, какъ только человѣкъ изобрѣтаетъ машину, чтобы облегчить работу, — увеличивается число умирающихъ съ голоду. Это обусловливается, конечно, нашей системой собственности и соперничества. Одинъ человѣкъ владѣетъ машиной, выполняющей работу пятисотъ работниковъ. Пятисотъ человѣкъ, вслѣдствіе этого, теряютъ работу и, не имѣя средствъ къ существованію, становятся ворами. Одинъ человѣкъ, забравшій себѣ машину, имѣетъ въ пятисотъ разъ больше, чѣмъ долженъ былъ бы имѣть. Будь машина общимъ достояніемъ, все могли бы извлечь выгоду изъ нея... *Теперь машина конкурируетъ съ человѣкомъ. При нормальныхъ условіяхъ машина будетъ служить человѣку*“. (Курсивъ Оскара Уайльда¹).

VII.

Пора сдѣлать кое-какія заключенія. Оскаръ Уайльдъ много разъ повторяетъ, что стиль — это все. Вслѣдъ за блестящимъ писателемъ этотъ тезисъ повторяютъ у насъ теперь модернисты. Стиль, конечно, далеко не все. При чтеніи произведеній большинства нашихъ модернистовъ мнѣ при-
доминируетъ афоризмъ желчнаго Шанфора, котораго совер-

¹ The Soul of Man under Socialism. (Полное собраніе сочиненій 1908 г.), 297—298.

шенно напрасно забыли теперь: „Il y a des sottises bien habillées, comme il y a des sots très bien vêtus“ (Бываютъ очень хорошо выраженныйя глупости, какъ бываютъ отлично одѣтые дураки). Самъ Оскаръ Уайльдъ былъ не только удивительнымъ стилистомъ, быть можетъ, самымъ блестящимъ стилистомъ XIX вѣка, но еще оригинальнымъ мыслителемъ и искателемъ истины. Несмотря на вѣчную „позу“, въ произведеніяхъ Оскара Уайльда слышится тоскливый стонъ великой души, не приѣмлющей уродливаго настоящаго. Стонъ этотъ слышится, какъ я пытался показать въ другихъ моихъ статьяхъ, посвященныхъ Уайльду, даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя написаны въ моментъ апогея славы блестящаго писателя. (Напримѣръ, стихотвореніе въ прозѣ „The House of Judgment“. Въ стихотвореніи въ прозѣ „The Artist“ ваятель переливаетъ бронзовую статую „Горя, продолжающагося вѣчно“ въ изображеніе „Наслажденія, продолжающагося мгновеніе“ и пр.). Трагизмъ судьбы Оскара Уайльда заключается не только въ томъ, что онъ попалъ въ Риддингскую каторжную тюрьму, но еще въ слѣдующемъ: „Географическая среда“ направила мысль Оскара Уайльда по такому пути, по которому онъ могъ дойти только до китайщины. Изъ приведенныхъ отрывковъ мы видѣли, что въ иной географической средѣ, по всей вѣроятности, мысль Оскара Уайльда чаще останавливалась бы на реальномъ объясненіи несчастій человѣческаго рода. На вѣчные вопросы о цѣли жизни, о значеніи добра и зла, о смерти—нѣтъ *общаго отвѣта* и не можетъ быть. Мы всегда стояли передъ стѣной и будемъ стоять передъ ней, покуда живетъ человѣчество на землѣ. Новые метафизики разныхъ категорій и названій совершенно вѣрно указываютъ на то, что не могутъ объяснить материалисты. Послѣдніе не только отказываются заглянуть „за стѣну“, но не могутъ объяснить вопросъ о возникновеніи сознанія. Старинное положеніе материалистовъ: „Nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu“, т.-е. что все наше познаніе возникаетъ изъ опыта, не представляется теперь такой аксіомой, какъ раньше. Раціонализмъ безсиленъ разрѣшить вѣчные вопросы (что онъ, впрочемъ, отказывается дѣлать); но не въ лучшемъ положеніи и метафизики. Они не разрѣшили *ни одного вопроса*, передъ которымъ остановились раціоналисты. Если поэты

метафизики и заглядываютъ, какъ увѣряютъ ихъ критики, „по ту сторону бытія“, то не въ состояніи сообщить намъ ничего вразумительнаго. Результатами „заглядыванія“ является бормотаніе, лишенное всякаго смысла. Людямъ, возстающимъ противъ „узкаго“ раціонализма, я хотѣлъ бы напомнить одно великолѣпное мѣсто у Дидро. „Я заблудился темною ночью въ громадномъ, дремучемъ лѣсу. Въ рукахъ у меня былъ только маленькій фонарь, при помощи котораго я могъ надѣяться когда-нибудь выбраться. И вотъ предо мною предсталъ незнакомецъ. „Другъ мой,—сказалъ онъ мнѣ,—чтобы выбраться на дорогу, потуши сперва фонарь“. Этотъ совѣтникъ былъ метафизикъ“. Итакъ, раціонализмъ не разрѣшилъ вѣчныхъ вопросовъ, которые съ такою страшною силою выставлены Мюссе въ его поэмѣ „L'espoir en Dieu“.

„Magré moi l'infini me tourmente.

Je n'y saurais songer sans crainte et sans espoir;
Et quoi qu'on en ait dit, ma raison s'épouvante
De ne pas le comprendre, et pourtant de le voir“.

Не всѣ метафизики въ такомъ же положеніи. Нѣкоторые изъ нихъ совѣтуютъ намъ потушить фонарь критическаго изслѣдованія и возвратиться къ теологіи. На вѣчные вопросы нѣтъ *общаго* отвѣта. Каждый разрѣшаетъ вопросъ объ отношеніи къ добру и злу, къ смерти и къ непостижимому—*субъективно*. И въ зависимости отъ „географической среды“ находится та или другая окраска субъективнаго рѣшенія. Когда географическая среда чиста и нормальна,—окраска свѣтла. Люди стараются тогда создать разумную, счастливую, богатую красками жизнь, послѣ которой смерть будетъ сномъ. Къ смерти тогда люди относятся мужественно, спокойно. Когда географическая среда уродлива и полна ужасовъ, тогда субъективное рѣшеніе мрачно и порой напоминаетъ бредъ безумнаго. Нагляднымъ доказательствомъ являются произведенія современной русской литературы. Выводъ отсюда, конечно, слѣдующій. Безумный вопль, вырвавшийся у современныхъ пессимистовъ, доказываетъ не „непріемлемость“ жизни вообще, а непріемлемость данной географической среды. Чтобы дать иную, болѣе радостную окраску *субъективнымъ* рѣшеніямъ вѣчныхъ вопросовъ, необходимо дать личности болѣе разумную, красивую, здоровую и богатую содержаніемъ жизнь. Необходимо измѣнить

совершенно „географическую среду“ путем радикальной „дезинфекціи“ ея и „дренажа“. Мы, такимъ образомъ, стоимъ опять передъ необходимостью дать личности свободно развиваться. Крайне любопытно встрѣтить у такого аполитического писателя, какъ Оскаръ Уайльдъ, такія строки: „Синія книги вообще скучное чтеніе, но становятся интересны, когда посвящены Ирландіи. Тогда онѣ превращаются въ отчетъ объ одной изъ величайшихъ трагедій въ Европѣ. Въ этихъ синихъ книгахъ Англія составляетъ обвинительный актъ противъ себя и повѣдываетъ міру о своемъ собственномъ позорѣ. И если въ XVIII вѣкѣ система управленія Ирландіей основывалась на расовой ненависти и на религиозномъ предубѣжденіи, то въ XIX вѣкѣ система эта проникнута глупостью, которую усиливаютъ добрыя намѣренія... Изгнаніе было для ирландцевъ тѣмъ же, чѣмъ плѣненіе для евреевъ. Америка воспитала ирландскихъ революціонеровъ“, etc. ¹⁾). Такимъ образомъ, когда дѣйствительность наталкивала Оскара Уайльда на извѣстныя явленія, эстетъ становился не только экономистомъ, но и политикомъ.

Германія когда-то тоже переживала эпоху страшной реакціи. Тогда тоже появились, съ одной стороны, продажныя души, съ другой—философы, звавшіе нѣмцевъ отвернуться отъ мерзкой жизни и заглянуть „по ту сторону бытія“. По поводу послѣднихъ, Гейне тогда далъ „Михелю“ рядъ совѣтовъ:

„Michel! fallen dir die Schuppen
Von den Augen? Merkst du itzt,
Dasz man dir die besten Suppen
Vor dem Munde wegstibitz?
Alz Ersatz ward dir versprochen
Droben, wo die Engel kochen
Ohne Fleisch die Seligkeit!“

(„Михель! Падаетъ ли чешуя съ твоихъ глазъ? Замѣчаешь ли, что у тебя отнимаютъ лучшей супъ? Какъ вознагражденіе, тебѣ обѣщана благодатная небесная радость тамъ наверху, гдѣ ангелы варятъ безъ мяса блаженство“).

Смыслъ существованія укажутъ не тѣ, которые говорятъ „отвернемся отъ жизни“, не тѣ, которые видятъ въ ней

¹⁾ Oscar Wilde, Reviews. P. 476.

только бессмыслицу и смерть; не тѣ, которые говорятъ о
человѣкѣ, какъ о гадкомъ трусливомъ и скованномъ звѣрѣ.

„Мы—плѣнные звѣри,
Голосимъ, какъ умѣемъ.
Глухо заперты двери,
Мы открыть ихъ не смѣемъ“.

Смыслъ существованія указываютъ все-таки тѣ, которые
зовутъ человѣчество на борьбу за лучшее настоящее, за
красивую, полную впечатлѣніями, многогранную жизнь. И
если такая жизнь прожита, то пусть придетъ смерть. Люди
ее встрѣчаютъ спокойно, какъ встрѣчаетъ вручающаго свѣчу
привратника туристъ, уставшій за день отъ тысячи новыхъ
впечатлѣній и возвратившійся къ себѣ въ гостиницу. Во-
просъ о бессмысленности жизни вообще и ужасѣ смерти
поднимается въ такую эпоху и въ тѣхъ странахъ, гдѣ „гео-
графическая среда“

„Узка, темна и несвободна,
Какъ темный склепъ“.

Разрушитель условностей.

I.

Молодой, начинающей романист закончил свою первую большую повесть. Онъ взялъ сюжетъ изъ жизни „villadom“, т.-е. окраины Лондона, застроенной безконечными рядами однообразныхъ, какъ вытекающая изъ крана струя воды, домиками или „виллами“. Населеніе ихъ—клэрки, всю жизнь бьющиеся не только за кусокъ хлѣба, но и за то, чтобы не утратить „респектабельности“. Клэркъ получаетъ столько же, сколько и средній трэдъ-юніонистъ, т.-е. два фунта въ недѣлю; но вся энергія его сконцентрирована на томъ, чтобы не быть похожимъ на рабочаго. Дѣлаются невѣроятныя усилія, чтобы каждый день появляться въ чистой крахмальной сорочкѣ, въ черномъ сюртукѣ и въ цилиндрѣ. Герой молодого писателя былъ именно такой клэркъ. Писатель далъ яркую, сильную траги-комедию. Self-respect, т.-е. то чувство самоуваженія, которое, по словамъ англійскихъ социологовъ средней руки, является здѣсь мощнымъ факторомъ прогресса, у клэрка и жены и его выражалось въ томъ, чтобы „походить на джентельменовъ“ изъ среднихъ классовъ, а не на рабочихъ. Каждый фардингъ для этого долженъ былъ быть на счету. Приносились колоссальныя жертвы, чтобы появиться въ церкви въ новой шляпѣ. Чтобы быть „респектабельными“, клэркъ и его жена записались въ консервативную *Лигу Подсильжника*. Тамъ заправляютъ титулованные люди. Клэрки и лавочники являются только грубымъ матеріаломъ, полезнымъ потому, что пользуются правомъ голоса. Участіе въ

„Лигъ“ было тяжелой матеріальной жертвой для супруговъ, потому что подписка стоитъ нѣсколько шиллинговъ. Но и клэркъ, и жена его охотно отдавали эти деньги на алтарь респектабельности. Участіе въ „Лигѣ Подсенѣжника“ давало возможность клэрку или женѣ его, когда они встрѣчались съ сосѣдями, не принадлежавшими къ консервативному союзу, говорить: „намъ сказала графиня N“ или „когда мы подошли къ маркизѣ N“. И въ тотъ моментъ, когда клэркъ или жена его говорили это, ихъ *self-respect* увеличивалось; они сознавали себя въ ту минуту не только принадлежащими къ „gentlefolk“, но и чувствовали себя неизмѣримо выше сосѣдей. Словомъ, были счастливы. Жена клэрка была энергична, бережлива и отличная хозяйка, поэтому они сводили концы съ концами. Только дѣти не должны были быть. Но въ этомъ отношеніи жена клэрка напоминала опытнаго механика, приставленнаго къ машинѣ. Постъ крайне отвѣтственный; но механикъ спокоенъ: онъ отлично изучилъ машину. Только рабочіе могутъ плодить дѣтей, какъ кролики. „Gentlefolk“, респектабельные люди знаютъ „практическое мальтузіанство“. И три года семейной жизни прошли безъ дѣтей. Протекли бы такъ и десять и больше лѣтъ, если бы не неожиданный случай. Клэркъ получилъ отъ забытаго дяди, жившаго гдѣ-то въ центральныхъ графствахъ, наслѣдство въ 325 фунтовъ. Оно было помѣщено какимъ-то необыкновенно выгоднымъ образомъ черезъ посредство одного изъ самыхъ солидныхъ и крѣпкихъ банковъ, который оперировалъ на постройкахъ. Деньги выдавались оборотливымъ людямъ, которые скупали цѣлые кварталы домовъ, приходившихъ уже въ ветхость. Хорошіе жильцы выбирались изъ этихъ домовъ; но зато туда напоздала церкатная голь, кабацкая рвань, старѣющія проститутки. Они снимали отдѣльныя комнаты или углы. И старый домъ приносилъ въ три раза больше дохода, чѣмъ тогда, когда былъ новъ. Оборотливый предприниматель получалъ большія деньги; но и банкъ, въ свою очередь, былъ обезпеченъ хорошими и крѣпкими закладными. Наслѣдство, полученное клэркомъ, приносило пять шиллинговъ въ недѣлю. Супруги долго обсуждали, что можно осуществить на эти деньги. Послѣ основательныхъ и всестороннихъ расчетовъ пришли къ заключенію, что теперь можно себя разрѣшить имѣть одного

ребенка. Пять шиллинговъ какъ разъ хватить на то, чтобы прокормить его, а потомъ обучить въ школѣ до 16 лѣтъ, покуда наступитъ и его очередь стать клэркомъ. Супруги не сомнѣвались, что проектируемый ребенокъ будетъ непременно мальчикъ. Но случилось великое несчастье, которое предусмотрѣть было совершенно невозможно. вмѣсто одного мальчика, родились два вмѣстѣ. Супруги были въ отчаяніи. Двое дѣтей—это двѣ кварты молока въ день вмѣсто одной, двѣ пары башмаковъ, два матросскихъ костюма, чтобы идти въ церковь. Два мальчика—это невозможность воспитывать ихъ въ дрянной, но *частной* школѣ, какъ „джентельменовъ“. Два мальчика это—необходимость послать ихъ въ Board school, въ бесплатную школу, вмѣстѣ съ дѣтьми рабочихъ. Нѣтъ, лучше геронческая жертва на алтарѣ респектабельности, чѣмъ это.

— Какъ-нибудь обернемся,—робко сказала клэркъ. (Онъ чувствовалъ, какъ ни какъ, что виноватъ онъ). Быть можетъ, прибавятъ какъ-нибудь жалованья.

— Ничего не обернется!—съ отчаяніемъ въ голосѣ оборвала жена.—Никогда они не прибавятъ жалованья! Два фунта это—предѣлъ.

Имъ не приходила и мысль тронуть капиталъ. По понятіямъ ихъ, to eat the capital, т.-е. „ѣсть капиталъ“—такое же преступленіе, какъ залѣзть въ чужой карманъ или подѣлать чекъ.

И, чтобы спасти респектабельность, супруги рѣшаются на преступленіе, но менѣе тяжелое въ ихъ глазахъ, чѣмъ покушеніе на чужую собственность: они подбрасываютъ одного ребенка. Мать оставляетъ его въ вагонѣ подземной круговой желѣзной дороги. Повѣсть называлась: „На алтарь респектабельности“. Произведеніе было написано; оставалось найти издателя. Начинаящіе писатели у насъ, въ Россіи жалуются на кружковщину въ толстыхъ журналахъ, куда, будто бы, „безъ рекомендаціи“ не принимаютъ. И теперь, вѣроятно, повторяются въ измѣненномъ видѣ тѣ же литературные анекдоты, которые я слышалъ, когда мнѣ было 18 лѣтъ; тѣ же анекдоты, которые передавались предшествующими поколѣніями молодыхъ писателей. Въ анекдотахъ этихъ говорится про знаменитаго писателя (въ разныхъ поколѣніяхъ онъ назывался иначе), который будто послалъ въ

редакцію свое произведеніе, подписавшись неизвѣстнымъ псевдонимомъ, и получилъ свою рукопись обратно. Нагляднымъ опроверженіемъ ходячихъ анекдотовъ является то, что произведенія, подписанныя неизвѣстными еще именами, появляются въ каждой почти книжкѣ толстыхъ журналовъ.

Во всякомъ случаѣ, молодые начинающіе авторы жалующіеся у насъ на замкнутость журналовъ, должны знать, что дѣлается въ Англии. „Contemporary“, „Fortnightly“ и „Nationaly Review“, затѣмъ „Nineteenth Century“, т.-е. главные „толстые“ журналы—недоступная цитадель для неизвѣстныхъ писателей. Безчисленные „магазины“, т.-е. литературные альманахи, врядъ ли доступны. Талантливое произведеніе неизвѣстнаго автора иногда путешествуетъ года полтора по редакціямъ англійскихъ магазиновъ или журналовъ. Тутъ уже о „направленіи“ изданія нечего и думать. Изъ радикальнаго „Albany Magazine“ рукопись, отбитая на печатной машинѣ, странствуетъ въ консервативный и джингоистскій „Rapid“, оттуда въ совершенно безцвѣтный „Royal“ и т. д. Еще хуже съ большими произведеніями. Ихъ приходится сбывать не въ журналъ, а издателю. Когда-то издатели пользовались услугами такихъ выдающихся писателей, какъ Джорджъ Мередитъ или Джонъ Морлей, которые читали рукописи. Теперь издатели, главнымъ образомъ, руководятся обычаемъ, эмпирическимъ знаніемъ вкусовъ большой публики. И недоступностью журналовъ для начинающихъ писателей обуславливается существованіе въ Англии посредниковъ, въ которыхъ у насъ, слава Богу, надобности нѣтъ. Въ XXXII томѣ послѣдняго изданія „Британской Энциклопедіи“ роль посредника, или „Literary Agent“ (т.-е. литературнаго агента) опредѣлена совершенно не точно. „Конкуренція между издателями, гонящимися за имѣющими успѣхъ авторами, создала литературныхъ агентовъ, которые появились впервые около 1880 г.,—говоритъ Шэйлоръ въ статьѣ „Publishing“. Дѣло агента продать рукопись за наиболѣе высокую цѣну, условиться относительно американскихъ изданій и контролировать издателей“ ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что извѣстные писатели совершенно не нуждаются въ „агентѣ“. Издатели гонятся за ихъ рукописями. Выбрать

¹⁾ Encyclopaedia Britannica, vol XXXII p. 82.

изъ цѣлаго ряда предложеній наиболѣе выгодное—дѣло очень не трудное. „Литературный агентъ“ существуетъ только на счетъ начинающаго писателя, который несетъ посреднику свою рукопись. „Агентъ“ просматриваетъ произведеніе. Большею частью, онъ самъ въ нѣкоторомъ родѣ писатель, съ коммерческимъ складомъ ума и съ отличнымъ нюхомъ по части вкусовъ рядовой публики. Если рукопись подходитъ, агентъ беретъ ее и—при помощи своихъ связей въ редакціяхъ и у издателей—помѣщаетъ ее, за что авторъ уплачиваетъ ему 10% гонорара. Литературные агенты угадываютъ молодого писателя, который будетъ имѣть успѣхъ, предлагаютъ ему авансы и стараются связать контрактомъ на нѣсколько лѣтъ впередъ. Такимъ образомъ, молодой писатель становится иногда въ крѣпостную зависимость отъ посредника. Къ одному изъ нихъ, послѣ долгихъ мытарствъ по редакціямъ, нашъ молодой писатель понесъ свою повѣсть: „На алтарѣ респектабельности“.

II.

Агентъ просмотрѣлъ повѣсть, и сказалъ молодому писателю, когда тотъ явился вторично:

— Принципіально я готовъ взять на себя хлопоты о помѣщеніи вашего произведенія, но только на нѣкоторыхъ условіяхъ. Отъ выполненія ихъ вами зависитъ всецѣло, примутъ ли издатели вашу рукопись. Начнемъ съ того, что вы написали повѣсть изъ жизни мелкихъ клерковъ. Дѣйствіе происходитъ гдѣ-то въ Villadom. Это не интересно. Это прозаично. Мода на трущобы, на „slums“ прошла. Къ тому же есть спеціалистъ въ этой области. Если издателямъ нужна повѣсть изъ жизни трущобъ, они обращаются съ заказомъ къ этому спеціалисту. „Villadom“ еще менѣе интересно, чѣмъ „slum“. Нужно измѣнить обстановку. Перенесите мѣсто дѣйствія въ Бельгравію (одинъ изъ самыхъ фешенебельныхъ кварталовъ Лондона); превратите вашего клерка въ лорда. Большая публика любитъ повѣсти, гдѣ дѣйствуютъ маркизы и графы.

Молодой писатель оцѣпенѣлъ отъ изумленія, весь превратился въ вопросительный знакъ.

— Ну да, замѣните „Villadom“ высшимъ свѣтомъ. Что васъ изумляетъ? Переименуйте вашего клѣрка Рѣджи въ лорда Фицъ-Маршалъ, потомка плантагенетовъ. Состояніе его сильно покачнулось. Нужно спасти достоинство древняго рода. И вотъ лордъ и лэди думаютъ, что одинъ сынъ сдѣлаетъ это. Конечно, про практическое мальтузіанство вы ничего не упомянете. Коллективная посредственность, т.-е. m-rs Grundy, покупающая, главнымъ образомъ, повѣсти, очень строга насчетъ нравственности. „Практическое мальтузіанство“ дѣлаютъ, но объ этомъ нельзя говорить. Пусть лэди родитъ двойню, только какъ-нибудь приличіе а не шокирующимъ образомъ, какъ у васъ. Я ничего не имѣю противъ разговоровъ родителей о томъ, что при двухъ сыновьяхъ древній домъ не возродится. Но почему же непременно такой выходъ, какъ у васъ?

— Я взялъ, между прочимъ, дѣйствительный случай, о которомъ писали въ газетахъ,—вставилъ авторъ.

— Мало ли какіе бываютъ случаи! Намъ дѣйствительная жизнь не указъ. Она слишкомъ шокируетъ. Сдѣлайте такъ, что лордъ неожиданно получаетъ громадное миллионное наслѣдство. А то пусть братья вырастутъ. Пусть они въ семнадцать лѣтъ узнаютъ про стѣсненное положеніе родителей. Отправьте молодыхъ людей въ Клондайкъ на золотые пріиски. Тамъ юноши пусть составляютъ себѣ миллионное состояніе. Поѣздка въ Клондайкъ даже лучше наслѣдства. Дружба и сыновнее чувство умилятъ m-rs Grundy ¹⁾, а приключенія на далекомъ сѣверѣ въ лагерѣ пріискателей заинтересуютъ молодыхъ людей. Кромѣ того, позвольте вамъ, какъ начинающему писателю, дать нѣсколько практическихъ совѣтовъ. Вы начинили вашу повѣсть социальными и экономическими вопросами. Зачѣмъ это? M-rs Grundy, коллективная посредственность, читающая, главнымъ образомъ, повѣсти, когда у нея есть часъ или два, которые абсолютно некуда дѣтъ,—больше всего ненавидитъ „вопросы“, нарушающіе душевное равновѣсіе. Въ крайнемъ случаѣ, она допускаетъ „теоріи“, но только не противорѣчающія тому,

¹⁾ M-rs Grundy—литературный типъ, олицетвореніе коллективной посредственности. Она ограничена, невѣжественна, лицемерна и полна предразсудковъ. Себя она считаетъ сосудомъ всѣхъ добродѣтелей, свѣточемъ ума, избранницей небесъ.

что такъ прочно усѣлось въ головѣ коллективной посредственности. Пусть романистъ обличаетъ папу и доказываетъ, что англійская церковь единственно справедливая. Въ романѣ не должно быть ничего непріятнаго, ничего такого, что разстраиваетъ сонъ или аппетитъ. При такихъ условіяхъ m-rs Grundy дастъ даже нѣкоторыя льготы. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить новая драма Холль Кэйна, дающаяся теперь въ „Luceum“ ¹⁾. Холль Кэйнъ говоритъ въ ней о такихъ вещахъ, о которыхъ съ XVIII ст. на англійской сценѣ не упоминалось: о проституціи. Но какъ говорить? На сценѣ благородный священникъ, на колѣняхъ передъ крестомъ, даетъ торжественный обѣтъ спасти падшихъ. Это умиляетъ и миритъ съ щекотливостью сюжета. Затѣмъ, обратите вниманіе на сущность проекта, развиваемаго Холль Кэйномъ въ его „страшной“ драмѣ. Авторъ взываетъ къ добродѣтельному милліонеру, чтобы онъ пожертвовалъ деньги на пріютъ для „спасенныхъ отъ грѣха“. Пріютъ долженъ быть „великолѣпнымъ дворцомъ“. Это входитъ въ планъ спасенія: такъ какъ женщинъ толкаетъ на путь грѣха блескъ жизни, то и путь къ возрожденію долженъ быть ослѣпительно прекрасный. Добродѣтельный милліонеръ находится и строитъ такой дворецъ къ четвертому акту. Мы видимъ въ немъ возрожденныхъ грѣшницъ за великолѣпнымъ ужиномъ; но только вмѣсто безстыдныхъ и легкомысленныхъ куплетовъ изъ мюзикъ-холловъ раскаявшіяся Магдалины распѣваютъ церковныя гимны по пѣсенникамъ, одобреннымъ архіепископомъ. И m-rs Grundy умиляется и аплодируетъ. Холль Кэйнъ выводитъ даже на сцену грубаго сутенера Берти и сводню Кентъ. Такихъ героевъ англійская сцена не видала со времени Уичерли; но какъ выводить ихъ драматургъ? Чтобы въ конецъ уничтожить ихъ. Слушайте.

Литературный агентъ взялъ со стола печатный текстъ новой драмы, имѣющей теперь такой колоссальный успѣхъ, и сталъ читать.

Тетушка Кентъ.—Почему вы зовете меня доброй женщиной? Не желаю вашихъ комплиментовъ.

Священникъ.—Виновать. Вы не „добрая женщина“. Вы всего лишь миссисъ Кентъ съ Даути-стритъ, другое ваше

¹⁾ Писано въ 1908 г.

имя миссисъ Гамильтонъ. Такъ вы зоветесь на Гилдфордъ-стритъ, гдѣ завѣдуете домомъ, пользующимся дурной репутаціей. На Грэйвинроадъ васъ знаютъ, какъ m-me Гермэ.

Тетушка Кентъ.—Все вранье. Это — не мои имена. Перечислите еще другія, душка моя.

Священникъ (справившись съ записной книжкой).—Вѣрно. Ваше имя, настоящее на этотъ разъ, Фиби Дженкинсъ. Вы служили когда-то горничной на Лавендеръ-хиллѣ и попали въ тюрьму на три года за кражу и за попытку отравить хозяйку. Теперь вы содержите пятьдесятъ непотребныхъ домовъ въ Уэстъ-эндѣ.

Тетушка Кентъ.—Во всякомъ случаѣ я не люблю щипать чужую репутацію.

Священникъ.—Вы предпочитаете щипать пеньку ¹⁾. (*Обернулся къ Берти*). Что касается васъ, мой милый другъ, то вы Альбертъ Бертонъ, сутенеръ по профессіи, иначе Чарли Диксонъ изъ Уэльса, иначе еще Питеръ Керфи, содержатель игорныхъ домовъ.

Берти.—Вранье.

Священникъ (заглянулъ въ книжку).—Совершенно вѣрно. Опять ошибся. Вы даже не англійскій хулиганъ. Ваше настоящее имя Джованни Ралли; вы — родомъ итальянецъ ²⁾. Когда вы впервые появились на улицахъ Лондона, то вертели шарманку и показывали мартышку.

— Вотъ, my dear, — закончилъ агентъ, — какъ дозволяетъ m-rs Grundy толковать социальные вопросы со сцены. Въ парламентѣ, въ ученыхъ книгахъ, на платформѣ говорите сколько угодно о „скандальныхъ“ предметахъ. До этого коллективной посредственности нѣтъ дѣла; но только не въ пьесахъ и не въ романахъ, если васъ еще никто не знаетъ и у васъ нѣтъ еще имени.

— Что же будетъ тогда съ оригинальностью и со смѣлостью мысли, если подобные взгляды окончательно станутъ господствующими въ нашей литературѣ? — печально спросилъ молодой писатель.

— Я сказалъ: „если васъ никто не знаетъ“. Добейтесь извѣстности и тогда вы можете говорить о чемъ хотите.

¹⁾ Занятіе арестантовъ въ каторжныхъ англійскихъ тюрьмахъ.

²⁾ Каждый разъ при этомъ раздаются оглушительные аплодисменты. Публика ликуетъ по поводу того, что сутенеръ не англичанинъ.

M-rs Grundy беспощадна къ неизвѣстнымъ и преклоняется передъ именами. То, что она осуждаетъ, какъ безнравственное, въ книгѣ молодого писателя, коллективная посредственность выслушаетъ, если встрѣтитъ у знаменитости. Самая смѣлая, эксцентричная и „шокирующая“ мысль, если она сказана знаменитостью, превращается въ глазахъ строгой дамы въ „hobby“, въ причуду.

Молодой писатель не согласился на измѣненія, указанныя ему литературными агентами, и повѣсть „На алтарь респектабельности“ до сихъ поръ странствуетъ еще по издателямъ и редакціямъ.

III.

Иллюстраціей къ заключительнымъ словамъ литературнаго агента можетъ служить судьба драматическихъ произведеній Бернарда Шоу. Двадцать лѣтъ подъ рядъ писатель боролся съ m-rs Grundy. Онъ писалъ драмы, которыхъ не принимали на сцену. Друзья Шоу должны были печатать эти пьесы на свой счетъ, такъ какъ издатели не брали ихъ. Наконецъ, въ Лондонѣ, по примѣру Парижа и Берлина, открылся „свободный“ театръ. Антрепренеръ взялъ для перваго представленія драму Бернарда Шоу „M-rs Warrens Profession“¹); но постановка вызвала настоящій скандалъ. Публика и печать обидѣлись до такой степени, что пьесу пришлось снять. И снова на много лѣтъ двери театра заперлись для пьесъ Бернарда Шоу. Но вотъ талантливый драматургъ сталъ классикомъ. M-rs Grundy узнала, кромѣ того, что онъ уже болѣе не горемыка „вольный наѣздникъ“, т.-е. журналистъ, перебивающійся случайнымъ заработкомъ, а совершенно обезпеченный и даже богатый человекъ. И отношеніе коллективной посредственности къ Шоу радикально измѣнилось. Въ театрѣ пьесы его имѣютъ громадный успѣхъ, хотя авторъ говоритъ m-rs Grundy совершенно невозможные съ ея точки зрѣнія парадоксы. Но коллективная посредственность аплодируетъ. Во-первыхъ, по ея мнѣнію, Бернардъ Шоу теперь „классикъ“, которому обо всемъ можно говорить;

¹ См. Дюнео, „Англійскіе силуеты“.

во-вторых—онъ независимый джентльменъ, въ устахъ котораго самыя „сюбверсивныя“ парадоксы только родъ „hobby“. Что же касается сужденій печати объ эксцентричныхъ теоріяхъ Шоу, то они сводятся къ словамъ: „Do not take it seriously“, т. е. „не слѣдуетъ относиться къ этому серьезно“.

Раздѣленіе на классиковъ, которымъ „можно“ касаться щекотливыхъ темъ, и рядовыхъ писателей, которымъ „нельзя“, очень любопытно. Стѣдъ, напримѣръ, суровый блюститель нравовъ и строго доискивается „неприличія“ въ романахъ. Если къ словамъ нельзя придаться, Стѣдъ угадываетъ соблазнительныя дѣйствія въ точкахъ, въ промежуткахъ между главами. Но тотъ же Стѣдъ привѣтствовалъ дешевое изданіе Фильдинга. Какой бы вопль поднялъ суровый блюститель нравственности, если бы какой-нибудь начинающій писатель вздумалъ трактовать свои сюжеты съ такимъ же реализмомъ, какъ авторъ „Тома Джонса“! Философы *m-rs Grundy* доказываютъ даже теперь, когда Шоу сталъ „классикомъ“, что, собственно говоря, пристрастіе его къ парадоксамъ слѣдуетъ понимать условно. Не драматургъ пишетъ парадоксы, а, напротивъ, вся жизнь—одинъ громадный парадоксъ—говорятъ эти философы. Въ 1909 году, напримѣръ, вышла въ Лондонѣ интересная книга Холбрукъ Джэксона, восторженнаго поклонника Берварда Шоу. Авторъ горячо отстаиваетъ самыя эксцентричныя выводы Бернарда Шоу. Разбирая книгу, консервативная газета „Morning Post“ говоритъ между прочимъ: „Бернарда Шоу упрекаютъ въ пристрастіи къ парадоксамъ. Вѣрны ли или нѣтъ другія обвиненія, выставляемыя противъ талантливаго писателя, мы не станемъ разбирать здѣсь, но попрекъ въ стремленіи къ эксцентричнымъ парадоксамъ совершенно не основателенъ. Во всемъ способѣ мышленія Бернарда Шоу нѣтъ даже намека на парадоксы. Наоборотъ, эксцентричность выраженій писателя является именно результатомъ ненависти къ парадоксамъ, существующимъ въ жизни. Не мы сочиняемъ парадоксы, а парадоксы жизни сочиняютъ насъ. Парадоксъ караулитъ насъ у колыбели. Онъ является самой природой вещей. Элементъ противорѣчія всегда наблюдался въ чловѣческомъ мышленіи. Возьмемъ, напримѣръ, избитый примѣръ: мы не можемъ представить себѣ безграничнаго пространства, но въ то же время не можемъ думать объ огра-

ниченномъ пространствѣ. Въ человѣческой природѣ наблюдается извѣстный постоянный парадоксъ, заключающійся въ томъ, что даже хорошій человѣкъ часто стремится сдѣлать дурное, а крайній эгоистъ иногда дѣлаетъ прямо невыгодное для себя. Возьмемъ, на примѣръ, такой примѣръ. Вставать рано полезно; но никакой здоровый человѣкъ не хочетъ дѣлать этого. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ здоровѣе человѣкъ, тѣмъ неохотнѣе онъ встаетъ рано. Поднимаются легче всего съ постели больные люди, не спавшіе всю ночь. Или вотъ еще другой примѣръ. Каждое правительство имѣетъ право, въ случаѣ крайности, прибѣгать къ физической силѣ, т.-е. къ войнѣ, поэтому, ради спасенія государства каждый здоровый человѣкъ имѣетъ шансъ получить пулю въ лобъ. Но нѣтъ такого здороваго человѣка, который желалъ бы получить пулю въ лобъ. И чѣмъ здоровѣе человѣкъ, тѣмъ меньше онъ желаетъ этого. А между тѣмъ именно у здороваго человѣка, а не у больного, которому жизнь постыла, больше всего шансовъ быть убитымъ (больные остаются дома). Люди, погибающіе въ первыхъ рядахъ, отнюдь не пессимисты, которымъ надоѣла жизнь. И вотъ этотъ-то „первородный парадоксъ“ человѣческой жизни приводитъ Бернарда Шоу въ бѣшенство. Онъ не мирится съ нелогичнымъ, даже когда оно исходитъ отъ природы. Вся литературная дѣятельность Шоу это — протестъ противъ парадоксовъ жизни“.

Итакъ, Бернардъ Шоу теперь „классикъ“, которому, коллективная посредственность позволяетъ все говорить. Талантливый писатель, впрочемъ, стремится, какъ будто самъ подчеркнуть предположеніе, что его парадоксы—только „hobby“ джентельмена. Онъ выступилъ теперь съ проектомъ партіи „джентельменовъ-соціалистовъ“. Рабочимъ въ ней не должно быть мѣста, потому что они отрицаютъ, чего сами еще не испытали.

Я дальше говорю объ одной изъ новыхъ пьесъ Шоу: „John Bull's other Island“. Познакомимся теперь съ помѣщенной въ томъ же томѣ комедіей „Major Barbara“ и съ обширнымъ трактатомъ, предпосланнымъ ей въ видѣ предисловія. Общія положенія, развиваемыя Бернардомъ Шоу, сводятся къ слѣдующему. Необходимо радикально измѣнить старый міръ, основанный на попраніи человѣческаго права

и на эксплуатаціи не только чужого труда, но и чужой совѣсти. Необходимо полное обновленіе. Если же вамъ этотъ старый строй дорогъ,—говорить Бернардь Шоу,—то оставьте хоть лицемѣріе. Открыто защищайте и грабежъ, и насилія, которыя теперь прикрываются маской. Когда-то древній міръ увидалъ передъ собою страшную опасность въ лицѣ ученія, отрицавшаго самыя основы. Сперва новое ученіе пробовали преслѣдовать, но затѣмъ избрали лучшій путь. Старые насильники воспользовались *формой* ученія, чтобы во имя его давить низшіе классы. Съ тѣхъ поръ ученіе превратилось въ узду для массъ. И въ современномъ обществѣ при каждомъ возникновеніи новаго ученія, которое грозитъ подорвать авторитетъ тѣхъ, кому при старомъ порядкѣ жилось такъ удобно, — доктрина преслѣдуется, а затѣмъ ее берутъ на службу. Отъ всего ученія остаются формулы, терминологія. Съ ними мирятся охотно. Массы заигнотизированныхъ формулами и не замѣчаютъ, что содержаніе исчезло давнымъ давно. Въ частности это повторилось съ Арміей Спасенія въ Англіи. Она пошла тѣмъ же путемъ, что и цѣлый рядъ древнихъ и новыхъ культовъ и сектъ. Когда Армія Спасенія явилась, она обратилась къ забытымъ и обойденнымъ современнымъ обществомъ. Сильные всполошились. Противъ Арміи ополчились и попы, и печать состоятельныхъ классовъ. Но очень быстро богатые классы убѣдились, что Армія Спасенія — отличное орудіе для порабощенія массъ. И съ тѣхъ поръ богатые классы стали щедро жертвовать деньги въ кассу Арміи Спасенія. Старый міръ, — говоритъ Бернардь Шоу, — держится на лжи, на лицемѣрїи, на боязни называть вещи собственными именами. Долой маску! Дайте полный анализъ основъ, признаваемыхъ священными. Вы увидите, какъ неприглядны онѣ. Но къ ряду вѣрныхъ мыслей Бернардь Шоу всегда привлечетъ цѣлый фейерверкъ парадоксовъ, выпущенныхъ только ради красоты, парадоксовъ, въ которыхъ тонуть его основныя положенія.

IV.

„Мои критики неизмѣнно приходятъ къ заключенію, что я вдохновляюсь Шопенгауэромъ, Ницше, Ибсеномъ, Стринд-

бергомъ, Толстымъ или какимъ-нибудь другимъ ересіархомъ сѣверной или восточной Европы. Такое предположеніе строится каждый разъ, когда мои критики убѣждаются, что мои взгляды расходятся съ воззрѣніями благонамѣренныхъ клерковъ, отправляющихся по воскресеньямъ въ лоснящихся цилиндрахъ и съ толстыми молитвенниками въ рукахъ нагуливать аппетитъ въ церкви“. Такъ говоритъ Бернардъ Шоу въ предисловіи къ своей комедіи: *Major Barbara*“. Онъ указываетъ на своихъ предшественниковъ въ Англіи. Прежде всего, это—забытый теперь романистъ сороковыхъ годовъ, Чарльзъ Ливеръ, авторъ повѣсти „*A Day's Ride; a Life's Romance*“. Произведеніе это печаталось въ журналѣ, издаваемомъ Диккенсомъ; но такъ какъ оно сильно отличалось отъ условнаго шаблона, то знаменитый романистъ отказался печатать конецъ. Ливеръ потомъ выпустилъ повѣсть отдѣльнымъ изданіемъ. Оригинальность этого произведенія заключается въ центральномъ героѣ, нѣкоемъ Поттѣ, человѣкѣ сѣромъ, невѣжественномъ, трусливомъ, живущемъ полной жизнью только въ своемъ воображеніи. Нова, собственно говоря, не трагикомедія, заключающаяся въ столкновеніи мечты съ дѣйствительностью. Мотивъ этотъ знаютъ уже авторы народныхъ сказокъ. Въ „1001 ночи“, напр., мы имѣемъ коротенькую сказку про Альнашара, „пятого брата цирюльника“. Онъ на всѣ свои деньги купилъ корзину со стеклянной посудой и размечтался. Продастъ онъ посуду съ такимъ-то барышемъ. Купитъ еще посуду. Получить еще больше барыша. Разбогатѣть чрезвычайно,—станетъ сватать дочь визиря и женится на ней. Станутъ они жить въ большомъ домѣ. Но вотъ между супругами возникаетъ ссора. Дочь визиря говоритъ дерзость. „Пятый братъ цирюльника“ разозлился и далъ хорошую затрецину воображаемой женѣ, толкнулъ корзину, которая опрокинулась, при чемъ вся посуда разбилась. Тотъ же мотивъ мы находимъ въ знакомыхъ намъ всѣмъ съ дѣтства русской и украинской сказкахъ. Прежде, когда выводили мечтателей, какъ Альнашаръ, на сцену или въ повѣстяхъ, то всегда ихъ выставляли шутами и идіотами. Оригинальность произведенія Ливера заключается въ томъ, что авторъ выводитъ своего героя не шуткомъ, а относится къ нему совершенно серьезно. Ливеръ желаетъ показать, что въ каждомъ человѣкѣ сидитъ такой

же мечтатель, какъ центральное лицо повѣсти Поттъ. И если контрастъ между прозаической внѣшностью, сѣрой обстановкой и глупой прозой, съ одной стороны, и блестящими иллюзіями и героическими воображаемыми подвигами—съ другой, смѣшонъ,—то смѣшны мы все, потому что каждый изъ насъ въ известной степени Поттъ. Публика обидѣлась, и это было причиной, почему Диккенсъ долженъ былъ возвратить Ливеру конецъ рукописи. Когда появились произведенія Бернарда Шоу, съ ихъ смѣшными и „неприличными“, съ англійской точки зрѣнія, героями, критики стали говорить, что это вліяніе Ибсена. Бернардъ Шоу возражаетъ, что если уже непременно нужно указать на литературныхъ предшественниковъ, то почему не упомянуть Ливера?

Въ англійской литературѣ богатую коллекцію женскихъ типовъ можно найти, главнымъ образомъ, въ произведеніяхъ конца XVI, начала XVII и въ XVIII вв., т. е. отъ Шекспира до Фильдинга. Съ полной побѣдой среднихъ классовъ въ XIX вѣкѣ явилась литература, въ которой въ отношеніи къ женскимъ типамъ все больше и больше устанавливается шаблонъ. У Диккенса, напр., почти все героини удивительно похожи другъ на друга. Руэ, Кэтъ, Агнеса отличаются другъ отъ друга только именами. Въ рядовой беллетристикѣ, выпускаемой теперь на рынокъ, женскіе типы утратили уже совершенно всякую индивидуальность. По опредѣленному шаблону романисты говорятъ о женщинахъ, прекрасныхъ, какъ ангель, или злыхъ, какъ демонъ. Романистки отстаиваютъ тезисъ, что женщина всегда лучше, благороднѣе, чище мужчины. Особенно сильно шаблонъ господствуетъ на англійской сценѣ. И когда явились произведенія Бернарда Шоу, въ которыхъ авторъ отступилъ отъ шаблона, его стали упрекать въ увлеченіи „Метафизикой Любви“ Шопенгауэра. Бернардъ Шоу защищается теперь. Взглядъ на женщинъ внушенъ ему,—говоритъ драматургъ,—не Шопенгауэромъ, а Эрнестомъ Бельфортомъ Баксомъ, довольно известнымъ публицистомъ восьмидесятихъ годовъ XIX вѣка. Тогда въ Англии возродился социализмъ. Баксъ былъ одинъ изъ наиболѣе усердныхъ проповѣдниковъ ученія; но въ вопросахъ феминизма Баксъ шелъ гораздо дальше даже Стриндберга и Шопенгауэра. Такая курьезная смѣсь социалистическихъ доктринъ съ яркой мизогиніей возможна только въ Англии.

У Чехова въ забавномъ разказѣ „Женское Счастье“ жено-ненавистникъ Пробкинъ жалуется: „Счастье, ей-Богу, этимъ шиньонамъ! Мужскому полу никогда такихъ привилегій не будетъ, какъ ихнему, дамскому... Женскому полу всегда во всемъ фортуна. Женщинъ и въ солдаты не берутъ, и на танцевальныя вечера имъ бесплатно... А за какія, спрашивается, заслуги?“ „За то она въ болѣзняхъ чадь родить“, — замѣчаетъ защитникъ женскихъ правъ Свистковъ. „Велика важность! Постояла бы она передъ начальствомъ, когда оно холоду напускаетъ, такъ ей бы эти чада удовольствіемъ показались“. Аргументаціей забитаго, глупаго Пробкина, въ сущности, пользовался Баксъ, жаловавшійся на то, что общественное мнѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство и юриспруденція „испорчены феминистскимъ сентиментализмомъ“. (Невольно опять вспоминаются горькія жалобы Пробкина: „Ты сейчасъ губернской секретарь... Чинъ этотъ себѣ ты, можно сказать, кровью и потомъ добылъ; а твоя Марья Ѳоминишна? За что она губернская секретарша?.. Хороша чиновница! Дай ты ей наше дѣло, такъ она тебѣ и впишетъ входящую въ исходящія“). Баксъ былъ безпощаднымъ критикомъ ходячей морали. Другіе публицисты, единомышленники Бакса, пытались вызвать у публики сочувствіе къ преступнику, доказывая, что искра божественнаго огня можетъ тлѣть и подъ слоемъ грязи. Баксъ поступалъ иначе. Онъ бралъ какое-нибудь прозаическое и крайне неэстетическое нарушеніе господствующаго кодекса коммерческой морали и не только защищалъ преступленіе, но доказывалъ, что, въ сущности, каждый „порядочный“ человекъ, если бы не боялся полиціи, дѣлалъ бы то же самое *изъ принципа*. Соціалисты были шокированы теоріями Бакса; но на Бернарда Шоу онъ имѣлъ сильное вліяніе. Въ приватной жизни Бернардъ Шоу самый респектабельный „мѣщанинъ“, разбогатѣвшій самымъ прозаическимъ и „мѣщанскимъ“ образомъ: женитьбой на крайне богатой женщинѣ. Нарушеніе „конвенціонализма“ не доходитъ у него дальше отрицанія цилиндра, фрака и крахмальной сорочки; но за то у Бернарда Шоу такая же слабость „пугнуть филистера“ отчаяннымъ парадоксомъ, какъ у гоголевскаго Петровича страсть къ крупнымъ цифрамъ. („Петровичъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ

поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаеть рожу послѣ такихъ словъ“. Мнѣ кажется, что и російскіе „оргіасты“, въ сущности, безобидный и смирный народъ, выучившіеся только у Петровича „пуганію“ словами).

Бернардъ Шоу не признаеть также вліянія Ницше. Правда, во многихъ произведеніяхъ Шоу можно встрѣтить такія же мысли, какъ въ „Jenseits von Gut und Böse“; но англійскій драматургъ готовъ признать скорѣе вліяніе не нѣмецкаго философа, а капитана Вильсона автора странныхъ памфлетовъ и собственной метафизической системы, которую называютъ „Comprehensionism“. Капитанъ Вильсонъ придумалъ также свой терминъ Crosstianity, вмѣсто Christianity, для обозначенія, по его мнѣнію, ретрограднаго характера этого ученія. Вильсонъ лѣтъ тридцать тому назадъ основалъ въ Лондонѣ „Діалектическое Общество“, цѣлью котораго было „протестовать противъ ученія, возводящаго трусость и раблѣпное смиреніе въ добродѣтель, разрушающаго нашу волю и все представленіе о чести и мужествѣ“. Рядомъ съ капитаномъ Вильсономъ въ томъ же направленіи работалъ Стюартъ-Гленни, признаваемый преемникомъ Бокля въ изысканіяхъ по философіи исторіи. Онъ выступилъ съ собственнымъ взглядомъ на ученіе, явившееся на смѣну языческому міровоззрѣнію. По мнѣнію историка, ученіе было придумано бѣлыми расами, увидавшими себя лицомъ къ лицу съ гораздо болѣе многочисленными цвѣтнокожими расами. Цѣль ученія — подчиненіе цвѣтнокожихъ путемъ внушенія имъ, что покорность и тяжелый трудъ на другихъ — высшая добродѣтель, за которую обезпечена награда на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, Стюартъ-Гленни раньше Ницше опредѣлилъ значеніе „рабской морали“. Только Ницше утверждаетъ, что „рабская мораль“ придумана рабами, какъ орудіе самозащиты, тогда какъ англійскій историкъ доказываетъ, что мораль придумана господами для лучшаго закрѣпленія рабовъ путемъ усыпленія умовъ. На теоріи Стюартъ-Гленни, когда онѣ появились, обратили вниманіе въ Англии только социалисты, потому что историкъ объясняетъ эволюцію общества борьбой расъ, тогда какъ англійскіе послѣдователи Маркса находились тогда еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ теоріи о борьбѣ классовъ. Тѣ лица, въ рукахъ которыхъ находятся судьбы народовъ, давно уже эмансипировались

отъ правилъ ученія, вытѣснившаго язычество или, точнѣе, нѣсколько измѣнившаго его по внѣшности; но тѣмъ не менѣе они усиленно посылаютъ къ невѣрнымъ миссіонеровъ. Къ шутовскимъ церемоніямъ Арміи Спасенія относились съ насмѣшкой; но когда убѣдились, что она можетъ научить опасные элементы общества смиренію и покорности, — ей стали покровительствовать. „Генераль“ Бутсъ изъ ловкаго эксплуататора чужого труда¹⁾ превратился въ „великаго старца“, за которымъ усиленно ухаживаютъ. Такимъ образомъ, болѣе вѣрны выводы Стюарта-Гленни, чѣмъ Ницше.

Мы знаемъ теперъ предшественниковъ Бернарда Шоу въ англійской литературѣ. Какіе же взгляды отстаиваетъ онъ въ своей пьесѣ „Major Barbara“?

V.

Есть одна истина, которую, по утверженію Шоу, современное общество, а англійское въ особенности, боится признать: величайшее зло и худшее преступленіе это — бѣдность. Поэтому, нашъ первый долгъ, которому все остальное должно быть принесено въ жертву, — стремленіе не быть бѣднымъ. По мнѣнію Шоу, такіа ходячія выраженія, какъ „бѣденъ, но честенъ“ и „приличная бѣдность“, такъ же недопустимы и безнравственны, какъ понятія „пьянъ, но любезенъ“, „мошенникъ, но пріятный собесѣдникъ за обѣдомъ“, „блестящій преступникъ“ и пр. Безопасность, это главная гордость цивилизаціи, не можетъ существовать тамъ, гдѣ есть величайшая изъ всѣхъ опасностей — бѣдность. Мнимая защита личной безопасности въ подобныхъ обществахъ есть только случайный результатъ существованія полиціи, дѣйствительная обязанность которой состоитъ въ томъ, чтобы принуждать бѣдняковъ морить голодомъ своихъ дѣтей, въ то время какъ праздные богачи закармливаютъ своихъ комнатныхъ собачекъ.

Труднѣе всего, — говоритъ Бернардъ Шоу, — людямъ понять, что зло есть зло. Такъ, мы хватаемъ человѣка и сознательно причиняемъ ему страшный вредъ, — на примѣръ,

¹⁾ Много фактовъ даетъ John Manson.

запираемъ его на много лѣтъ. То преступленіе, которое общество совершаетъ, запирая преступника на много лѣтъ, не уменьшитъ вреда, причиненнаго послѣднимъ. Вѣтряная оспа, напр., зло; но всѣ смѣялись бы надъ человѣкомъ, который сталъ бы доказывать, что всѣмъ заболѣвшимъ ею нужно прививать, въ видѣ наказанія, настоящую оспу. Безъ сомнѣнія, страшное наказаніе до извѣстной степени предупредило бы болѣзнь, потому что люди стали бы нѣсколько осторожнѣе; затѣмъ больные старательно скрывали бы свои страданія; но распространеніе настоящей оспы, привитой больнымъ, значительно превысило бы ничтожные положительные результаты. Люди имѣли бы достаточно здраваго смысла для пониманія, что распространеніе натуральной оспы—зло, которое должно быть уничтожено ради гуманитарныхъ и гигиеническихъ соображеній. Но если человѣкъ вломится въ мой домъ и украдетъ брилліанты моей жены,—продолжаетъ Шоу,—то я попытаюсь изловить вора и украсть у него десять лѣтъ его жизни, мучая его все время. И если воръ попытается предупредить это чудовищное возмездіе тѣмъ, что застрѣлитъ меня, то мстители за меня повѣсятъ его. Результатъ мы можемъ видѣть изъ полицейскихъ отчетовъ: суровыя наказанія, налагаемыя на воровъ, заставляютъ ихъ только принимать лучшія мѣры предосторожности противъ изловленія. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы обезопасить брилліанты жены,—я только сильно уменьшаю шансъ получить ихъ обратно, если они похищены, и увеличиваю мой шансъ быть убитымъ, если буду имѣть несчастье помѣшать работѣ грабителя.

Но беззаботность, съ которой люди налагаютъ многолѣтнее тюремное заключеніе, блѣднѣетъ, по мнѣнію Бернарда Шоу, въ сравненіи съ тѣмъ легкомысліемъ, съ которымъ терпится бѣдность, какъ будто она полезное тоническое средство для лѣнтяевъ или даже добродѣтель. Если человѣкъ нерадивъ, — онъ долженъ быть бѣденъ, — говорить общество. Если онъ пьетъ, то пусть бѣдствуетъ. Если онъ отдается изящнымъ искусствамъ и чистой наукѣ, а не торговлѣ и финансамъ,—то пусть будетъ бѣденъ. Если онъ предпочитаетъ расходовать на пиво и на семью свои восемнадцать шиллинговъ, выработанные въ городѣ, или тринадцать шиллинговъ, полученные въ деревнѣ, вмѣсто того,

чтобы копить на старость,—общество говоритъ: „пустъ бѣдствуетъ“! Ничего не нужно дѣлать для „недостойныхъ“. Если они бѣдны, то это имъ по заслугамъ. И въ то же время люди съ величайшей послѣдовательностью твердятъ: „блаженны неимущіе“! Что означаетъ: „пустъ онъ будетъ бѣденъ“? Это значить: пустъ онъ будетъ слабъ, невѣжественъ; пускай станетъ источникомъ заразы. Пустъ служить нагляднымъ примѣромъ уродливости. Пускай дѣти его страдаютъ рахитомъ. Пустъ онъ дешево продаетъ свой трудъ и губить своихъ товарищей, обезцѣнивая трудъ. Когда общество говоритъ: „да будетъ онъ бѣденъ“, это значить, что жилища его превращаютъ города въ нездоровыя, грязныя трущобы. Дочери того, который осуждается на пребываніе въ бѣдности, заражаютъ нашихъ сыновей дурными болѣзнями. Сыновья бѣдняка мстятъ за него обществу, создавая плутовъ, трусливое, жестокое, золотушное, выродившееся поколѣніе. Бѣдняку предоставляется широкое право ухудшать тотъ адъ, который созданъ для неимущихъ на землѣ. Дѣйствительно ли благоразумно поступаютъ общество, — постановляя свой авторитетный приговоръ: „да будетъ онъ бѣденъ“? — спрашиваетъ Бернардь Шоу.— Не былъ ли бы бѣднякъ въ десять разъ менѣе опасенъ для общества, если бы ему предоставили возможность быть преуспѣвающимъ воромъ, поджигателемъ или даже убійцей? Предположимъ, общество уничтожаетъ всѣ наказанія за подобныя дѣянія и постановляетъ, что не станетъ терпѣть только бѣдность. Предположимъ, общество объявляетъ, что каждый совершеннолѣтній гражданинъ, имѣющій въ годъ меньше 365 ф. ст. дохода, подвергается безболѣзненной смерти, а каждое оборванное и голодное дитя — насильно откармливается и получаетъ теплое платье и башмаки. Не будетъ ли это неизмѣримо лучше нашей существующей системы, которая погубила уже столько цивилизацій и съ наглядной очевидностью разрушаетъ также и нашу?

Бернардъ Шоу стремится доказать, что общество обязано дать каждому согражданину возможность работать и получать все необходимое для себя. До тѣхъ поръ, покуда этого нѣтъ, общество не имѣетъ никакого права осуждать „незаконныя“ обогащенія и возмущаться ими. Слѣдуетъ помнить, что очень часто красивый или смѣлый парадоксъ соста-

вляеть для Бернарда Шоу самоцѣль. Талантливаго автора занимаетъ не столько вѣрность его афоризмовъ, сколько то, какъ ужаснется m-rs Grundy, когда услышитъ ихъ. Къ английскому драматургу очень часто примѣнны слова Некрасова:

„Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно!“

Бернарда Шоу страшить только одно: какъ бы съ нимъ не стали соглашаться. И если бы онъ дѣйствительно замѣтилъ это, то, по всей вѣроятности, съ такимъ же блескомъ сталъ бы доказывать диаметрально противоположное. Когда-то m-rs Grundy приходила въ ужасъ отъ парадоксовъ Бернарда Шоу. Теперь она очень охотно покупаетъ его книги и даже смотритъ его пьесы. Иронія судьбы заключается въ слѣдующемъ. Бернардъ Шоу отчаянно воюетъ съ „респектабельностью“. M-rs Grundy же признаетъ драматурга до такой степени „респектабельнымъ“, что ему дозволяется говорить все. Когда „не респектабельные“ люди отрицаютъ мораль m-rs Grundy, она негодуетъ и говоритъ, что это „возмутительно“. Въ „респектабельныхъ“ людяхъ то же отрицаніе будетъ уже только „причудой“, „hobby“, т.-е. букетомъ, отличающимъ настоящаго джентльмена.

Въ „Major Barbara“ Бернардъ Шоу выводитъ заводчика (С. Эндрю Андершафта), проникнувшагося идеей, что бѣдность—преступленіе. Онъ наживаетъ колоссальное состояніе изготовленіемъ пушекъ, динамита и другихъ средствъ разрушенія. Андершафтъ—идеологъ производства орудій разрушенія. Онъ презираетъ бѣдность, какъ признакъ слабости. Богатство онъ признаетъ, какъ громадную силу.

Антитезой Андершафту является „бѣдный, но честный“ работникъ Питеръ Шэрли, котораго въ сорокъ лѣтъ предприниматели выгнали на улицу и замѣнили болѣе молодымъ. „Для поддержанія богатства я готовъ пожертвовать всѣмъ, и не остановлюсь передъ убійствомъ“,—говоритъ Андершафтъ. Главный герой Бернарда Шоу напоминаетъ рыцарей фруассаровской хроники, представлявшихъ себѣ идеаль „хорошей“ жизни въ возможности грабить и насильничать. „Рыцари фруассаровской хроники, —говоритъ Шоу, — ставя осуществленіе „хорошей жизни“ прежде всего, поступали мужественно, красиво и, въ концѣ-концовъ, въ инте-

ресахъ общества. Съ другой стороны, средневѣковое общество поступало очень дурно, организовавшись такъ глупо, что хорошая жизнь могла быть осуществлена грабежомъ и насиліемъ. Будь современники фруассаровскаго рыцаря такъ же рѣшительны, какъ и онъ, грабежъ и насиліе служили бы только короткимъ мостомъ къ висѣлицѣ. Точно такимъ же образомъ, если бы мы всѣ были такъ же рѣшительны и прозорливы, какъ Андершафтъ, всякая попытка жить „процентами съ капитала“ неминуемо вела бы въ камеру для безболѣзненнаго удушенія. Но вслѣдствіе нашей политической глупости и личной трусости (и то и другое—результатъ бѣдности) высшій идеалъ хорошей жизни это—„независимый доходъ“, къ которому всѣ стремятся“¹⁾.

Въ обществѣ появляются прекраснодушные богатые люди и аристократы по духу или рожденію, какъ Рескинъ или Вильямъ Моррисъ, желающіе передать свои артистическіе вкусы массѣ. Эти люди хотѣли бы, чтобы „прекрасное“ стало удѣломъ всѣхъ. „Они не довольны красивыми домами, которые устроили для себя, и желаютъ, чтобы всѣ дома были такіе же. Имъ мало, если ихъ жены имѣютъ брилліанты, а дочери изящны. Прекраснодушные аристократы духа скорбятъ по поводу того, что судомойка плохо одѣта, что отъ прачки пахнетъ водкой, что швея анемична и что люди враждуютъ другъ съ другомъ. Фабричный рисунокъ матеріи, которую покупаетъ бѣднякъ приводитъ прекраснодушныхъ эстетиковъ въ ужасъ, равно какъ и рыночная, дешевая и вульгарная мебель. Эстетики не довольны даже воздухомъ: въ немъ слишкомъ много фабричнаго дыма. Они выставляютъ и абстрактныя требованія: справедливость, честь, благородную моральную атмосферу, замѣну чисто „коммерческихъ“ отношеній другими, высшими, мистическими. Вильямъ Моррисъ прибавляетъ, кромѣ того, что если, быть можетъ, жизнь закованныхъ въ сталь рыцарей, грабившихъ на большой дорогѣ, и была съ ихъ точки зрѣнія „хороша“, то грабить чужими руками черезъ посредство полицмана, судебного пристава или солдата, которымъ къ тому же платятъ меньше, чѣмъ имъ нужно на жизнь,—совсѣмъ не хорошо. Прекраснодушные эстетики призываютъ бѣдняковъ

¹⁾ *Bernard Shaw, First Aid to Critics, p. 158.*

къ открытому протесту. „Неизящность“ пролетариата, отсутствіе въ немъ не только „артистическаго“ чувства, но и „джентельменства“, приводитъ прекраснодушныхъ эстетиковъ въ отчаяніе. Они разочаровываются въ пролетариатъ и обличаютъ его „verdammte Bedürfnislosigkeit“. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдняки понимаютъ „прекрасное“ совсѣмъ не такъ, какъ эстетики. Вильямъ Моррисъ приходилъ въ ужасъ отъ „вульгарности“ дешевыхъ иллюстрированныхъ изданій и бѣлыхъ крахмальныхъ сорочекъ. Онъ отпечаталъ придуманнымъ имъ самимъ шрифтомъ нѣсколько книгъ, доступныхъ по цѣнѣ только очень богатымъ людямъ. Моррисъ составилъ артистическіе рисунки матеріи для цвѣтныхъ мягкихъ сорочекъ.

Но пролетариатъ въ Англии не думаетъ сражаться за такіе идеалы красоты. По понятіямъ массъ, любой нумеръ грошеваго иллюстрированнаго журнала гораздо красивѣе, чѣмъ готическія изданія Морриса; крахмальная рубаха въ 2 шиллинга кажется работнику гораздо изящнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ цвѣтная мягкая сорочка, предложенная Моррисомъ и обходящаяся въ 12—15 шилл. По мнѣнію Шоу, бесполезно звать массы на борьбу во имя изящнаго, какъ это дѣлали Моррисъ или Рескинъ. Необходимо нѣчто другое.

„Учить дѣтей, что желать большаго—грѣховно, значить доходить до верховъ безстыдства и лицемѣрія,—говорить Бернардъ Шоу.—Утѣшительнымъ факторомъ является то уваженіе, которымъ пользуются деньги въ нашей цивилизаціи. Онѣ—самое важное въ современномъ мірѣ. Онѣ представляютъ здоровье, силу, честь. Ими обусловливается великодушіе, осуществляется прекрасное въ жизни. Съ другой стороны, бѣдность означаетъ болѣзни, слабость, униженіе, мелочность и безобразіе. Деньги превращаются въ проклятіе только тогда, когда слишкомъ дешево достаются недостойнымъ людямъ и становятся недоступны другимъ. Короче сказать, деньги—проклятіе только въ такомъ глупо устроенномъ обществѣ, гдѣ сама жизнь превращается въ проклятіе. Первая обязанность каждаго гражданина это—настаивать на правѣ имѣть деньги на справедливыхъ условіяхъ. Нельзя называть „справедливыми“ такіе порядки, при которыхъ четыре человѣка получаютъ по три шиллинга за десяти-

часовую тяжелую работу, а одинъ—тысячу фунтовъ за ничто. Не улучшение морали, не болѣе дешевый хлѣбъ, не уменьшение пьянства, не расширение свободы, не распределение культуры, не искупление падшихъ сестеръ и заблудшихся братьевъ, не увеличеніе числа лицъ, посѣщающихъ церкви, необходимо теперь англійскому обществу, а только больше денегъ всѣмъ. Зло, на которое нужно нападать теперь, это не—грѣховность міра, не страданія, жадность, поповство, аристократія, демагогія, монополія, невѣжество, пьянство, не война и вообще не какой-либо другой козель отпущенія, приносимый въ жертву реформаторами, а просто бѣдность“ ¹⁾.

VI.

Бернардъ Шоу и въ „Major Barbara“ дѣлаетъ тотъ же анализъ накопленнаго богатства, какъ и въ рядѣ предшествующихъ пьесъ. „Если нужно уже грабить для накопленія богатства, то дѣлайте это сами,—говоритъ онъ m-rs Grundy.— Вы живете на „обезпеченный“ доходъ и потому не только крайне уважаете себя, но глубоко презираете тѣхъ людей, которые наживаются „нечестными“ путями. Но знаете ли вы, что каждый фунтъ, получаемый вами въ вашемъ банкѣ, запачканъ даже не кровью, а липкой грязью? Какъ получаютъ ваши доходы? Вы вложили капиталъ въ банкъ; но на эти деньги куплены акціи винокуренныхъ заводовъ, имѣющихъ задачей отравлять и разорять населеніе. Эти деньги помѣщены въ закладные на дома, владѣльцы которыхъ, чтобы получить возможно больше доходовъ, населяютъ ихъ проститутками. Такимъ образомъ,—о, ужасъ!—васъ, respectableную даму, посѣщающую аккуратно церковь, кормятъ проститутки своимъ позорнымъ промысломъ. Вы поддерживаете церковь. Безъ добродетельныхъ и щедрыхъ пожертвованій такихъ усердныхъ людей, какъ вы, m-rs Grundy, церковь пришла бы въ упадокъ. У массъ слишкомъ мало денегъ, чтобы кормить клерджимэна. Послѣдній это отлично сознаетъ и, если принадлежитъ къ установленной англиканской церкви, то совершенно не интересуется массами. Охотой на массы

¹⁾ Ib., 159.

занялись священники-диссентеры. Вы, m-rs Grundy, принадлежите къ государственной церкви не потому, что разобрались въ густомъ туманѣ догмата, а просто потому, что считаете это болѣе „респектабельнымъ“. Въ *вашей* церкви вы видите только людей вашего круга. Итакъ господствующая церковь поддерживается только вашими деньгами, m-rs Grundy. Но вашъ доходъ обязанъ своимъ происхожденіемъ существованію такихъ явленій, какъ пьянство, какъ зазорные промыслы, какъ торговля опиумомъ и пр. Отсюда выходитъ, что и *ваша* церковь погибла бы, если бы этихъ промысловъ не было. Клэрджимэнъ беретъ деньги отъ владѣльцевъ винокуренныхъ заводовъ и проповѣдуетъ массамъ вредъ пьянства (собственно говоря, массъ въ церкви нѣтъ; проповѣдь выслушиваютъ благонамѣренные господа съ цилиндрами въ рукахъ и дамы въ шелку).

Приблизительно такъ можно суммировать афоризмы Бернарда Шоу, изложенные имъ въ „Man and Superman“ въ „Widowers' Houses“, а въ особенности въ „Mrs Warren's Profession“ и въ „Major Barbara“ ¹⁾.

„Церковь терпитя только при томъ условіи, что она проповѣдуетъ покорность государству, какъ оно устроено теперь,—говоритъ Бернардъ Шоу въ „First Aid to Critics“.—Англиканская церковь прибавила потомъ къ „тридцати шести параграфамъ“, въ которыхъ формулированы основные догматы ея, еще три; въ нихъ говорится, что если какой-нибудь изъ перечисленныхъ догматовъ нарушаетъ интересы государства, то онъ отмѣняется и признается вреднымъ. Такимъ образомъ, смыслъ этихъ трехъ добавочныхъ параграфовъ тотъ, что полисмэнъ — болѣе важная особа, чѣмъ даже Духъ Святой. Вотъ почему между прочимъ ни церковь, ни Армія Спасенія не могутъ теперь всецѣло заслужить довѣріе бѣдняковъ, такъ какъ должны отстаивать полицію и армію, все равно, состоятъ ли послѣднія изъ вѣрующихъ или безбожниковъ. И такъ какъ полиція и армія являются орудіями, при помощи которыхъ богатые угнетаютъ и порабащаютъ бѣдныхъ, то нельзя въ одно и то же время стоять и на сторонѣ бѣдняковъ, и на сторонѣ полисмэновъ. Духовенство

¹⁾ Объ упомянутыхъ пьесахъ я много писалъ въ „Русскомъ Богатствѣ“. Статьи эти читатель найдетъ въ „Английскихъ Силуэтахъ“.

различныхъ сектъ, получающее отъ богатыхъ милостыню для раздачи бѣднымъ, становится, своего рода, вспомога-тельной полиціей, которая умиряетъ революціонныя страсти бѣдняковъ при помощи бесплатной раздачи угля, одѣяль, хлѣба и патоки. Въ то же время духовные полицманы подбадриваютъ голытьбу надеждой на безграничное (и ничего не стоящее сильнымъ міра) блаженство на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, бѣдняки охотнѣе отдаютъ свои силы и даже жизнь богачамъ.“

Таково то положеніе вещей, — продолжаетъ Бернардь Шоу, — которое ни Армія Спасенія, ни какая-либо другая организація не могутъ измѣнить, не перестроивъ радикально общества. Каждый практичный человѣкъ является одновременно потенціаломъ и негодяя, и хорошаго гражданина. То, что человѣкъ дѣлаетъ, и то, что мы думаемъ объ этихъ поступкахъ, зависитъ отъ окружающихъ условій. Отличительныя черты, губящія человѣка, принадлежащаго къ одному классу, могутъ прославить его при другихъ условіяхъ. Недостатки громалы являются достоинствами финансиста. Если клэркъ вздумалъ бы вести и держать себя, какъ герцогъ, то потерялъ бы службу. Короче сказать, хотя характеръ человѣка и не зависитъ отъ окружающихъ условій, но ими обусловливаются *поступки*. Въ такой же зависимости отъ окружающихъ условій находится наша оцѣнка чужихъ поступковъ и признаніе ихъ нравственными или безнравственными. Въ каждой средѣ: въ палатѣ лордовъ, въ цыганскомъ таборѣ, на фабрикѣ, въ конюшнѣ, словомъ, всюду, несмотря на разницу темпераментовъ, наблюдаются одни и тѣ же, свои для каждой среды, поступки и мораль, какъ будто мы имѣемъ передъ собою стадо овецъ. Нравственность въ большинствѣ случаевъ является только общественной привычкой, необходимой въ данныхъ окружающихъ условіяхъ. Сильные люди знаютъ и учитываютъ это, — продолжаетъ Бернардь Шоу. — Ничѣмъ такъ не отличаются міровые властители умовъ отъ сѣрой заурядности, какъ пониманіемъ факта, что человѣчество представляетъ собою одинъ видъ животныхъ, а не звѣринецъ, состоящій изъ джентельменовъ и „мужичья“, негодяевъ и героевъ, трусовъ и смѣльчаковъ, пэровъ и крестьянъ, лавочниковъ и аристократовъ, ремесленниковъ и рабочихъ, прачекъ и герцолинь, при чемъ отли-

чительными признаками особей, которыя не должны скрешиваться, являются разница въ доходѣ или принадлежность къ кастѣ. Наполеонъ создалъ галерею генераловъ, придворныхъ и даже королей изъ людей, вышедшихъ изъ массъ. Юлій Цезарь назначилъ намѣстникомъ Египта вольноотпущенника, который по закону не могъ быть даже солдатомъ римской арміи. Людовикъ XI сдѣлалъ своего цирюльника тайнымъ совѣтникомъ. И Юлій Цезарь, и Людовикъ XI, и Наполеонъ хорошо понимали фактъ, что люди равны. Тотъ, кто убѣжденъ, что люди по природѣ своей раздѣлены на высшій, средній и низшій классы, впадаетъ въ такую же ошибку, какъ экономистъ, слѣпо вѣрующій тоже въ классовую теорію, но основанную на имущественной разницѣ.

Какой же выводъ изъ всѣхъ этихъ положеній? Вслѣдствіе ненормальности общественныхъ условій, всѣ люди такъ или иначе являются отрицателями старыхъ основъ. Нужно ли большее доказательство, чѣмъ то, что теперь все оригинальное въ искусствѣ, въ философіи и политической экономіи сообща проводить ту мысль, что нравственность и законность только условныя понятія, которыя старѣютъ со временемъ? Отрицателями являются сплошь и рядомъ люди, вышедшіе изъ среднихъ классовъ. Бернардъ Шоу приводитъ въ примѣръ самого себя. „По тому кругу, къ которому принадлежу, я вполнѣ „респектабельный“ человѣкъ. Въ силу здраваго смысла я ненавижу безпорядокъ и излишества; по темпераменту я расположенъ къ воздержанности, а между тѣмъ я былъ, пребываю теперь и буду всегда революціоннымъ писателемъ, потому что наши законы дѣлаютъ законность невозможной. Наши законы о свободѣ разрушаютъ всякія вольности. Наша собственность есть организованный грабеджъ; наша нравственность представляетъ собою безстыдное лицемеріе. Представителями нашей мудрости мы выбираемъ неопытныхъ глупцовъ; нашу силу мы поручили трусамъ или заморышамъ. Наши понятія о чести—ложны. Вотъ почему я имѣю законное основаніе отрицать существующій строй“¹⁾. Никто не можетъ думать, что золотой вѣкъ возможенъ завтра, но требуется немедленное измѣненіе двухъ явленій, иначе,—продолжаетъ Бернардъ Шоу,—общество погибнетъ, какъ

1) „First Aid to Critics“, p. 185.

древній Римъ, отъ „атрофіи души“. Во-первыхъ, немедленно нужно принять такія мѣры, чтобы ни одна крошка народныхъ богатствъ не попадала бы здоровымъ и работоспособнымъ взрослымъ людямъ, если они не добываютъ не только равный эквивалентъ того, что они берутъ, но еще и излишекъ, могущій составить запасъ на старость. „Живущихъ при своемъ капиталѣ“, Бернардъ Шоу считаетъ общественной чумой. Во-вторыхъ, необходимо уничтожить калѣченіе, извѣстное теперь подъ названіемъ наказаній. Необходимо сдѣлать такъ, чтобы всѣ люди могли добывать необходимое для жизни. Въ данномъ случаѣ Бернардъ Шоу не можетъ воздержаться отъ эксцентричностей. Собакъ, — говоритъ онъ, — мы не запираемъ въ клѣтки для исправленія ихъ. Если собака, несмотря на ласковое обращеніе съ ней и на обиліе корма, проявляетъ усиленное стремленіе кусаться, — ее сажаютъ въ камеру и удушаютъ углекислотой. Бернардъ Шоу сторонникъ тѣхъ же мѣръ для людей, проявляющихъ тенденцію „лаять и кусаться“. Таковы тѣ теоріи, для развитія которыхъ эксцентричный авторъ написалъ пьесу „Major Barbara“.

VII.

„Майоръ Варвара“ — молодая, богатая дѣвушка, дочь милліонера Андершафта, главы знаменитаго пушечнаго и динамитнаго завода. „Майоръ“ она — въ Арміи Спасенія, съ которой усиленно работаетъ среди подонковъ. Какъ Юлій Цезарь и другіе „властители умовъ человѣчества“, упомянутыя выше, — Майоръ Варвара полагаетъ, что люди — составляютъ одинъ видъ животныхъ. „Я видѣла сотни людей всякаго рода, — говоритъ она, — негодяевъ, преступниковъ, атеистовъ, филантроповъ, миссіонеровъ, муниципальных совѣтниковъ. Всѣ они — одинаковы. Для всѣхъ уготовано одно и то же спасеніе“. Андершафтъ самъ вышелъ изъ подонковъ. Онъ не просто фабрикантъ орудій уничтоженія, а энтузіастъ, философъ и апологетъ пушекъ и динамита.

„Сегодня я въ особенно хорошемъ расположеніи духа, — говоритъ онъ дочери, съ которой не видался много лѣтъ (отецъ и мать сходятся опять послѣ долгой размолвки). —

Сегодня мы сдѣлали опытъ съ новымъ снарядомъ, который разорвалъ въ куски не тринадцать чучель, какъ раньше, а двадцать семь“.

— Я самъ интересуюсь нѣсколько Арміей Спасенія,— говоритъ онъ „свѣтскому“ капитану ея. (Теперь Армія Спасенія становится фешенебельной). Девизъ Арміи „кровь и огонь“ пригоденъ и для меня.

Ломэкъ (шокированъ).— Да; но мы подразумеваемъ не ту „кровь и огонь“, что вы.

Андершафтъ.— Кровь, о которой я говорю, омываетъ, а огонь очищаетъ.

Ломэкъ (скорбно).— Чѣмъ война станетъ болѣе разрушительной, тѣмъ скорѣе она исчезнетъ.

Андершафтъ.— Отнюдь нѣтъ. Чѣмъ война становится разрушительнѣе, тѣмъ большую прелесть представляетъ она... Я не стыжусь моеѣ профессіи и не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые держатъ свои дѣла и принципы въ различныхъ помѣщеніяхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга непроницаемыми перегородками. Мои конкуренты расходуютъ все свободныя деньги на сооруженіе госпиталей и церквей. Я же трачу все на новые опыты и изысканія средствъ лучшаго уничтоженія жизни и собственности. Я всегда такъ дѣлалъ и буду дѣлать. Вотъ почему ваша мораль о мирѣ на землѣ и благоволеніи въ человѣкахъ, которая служитъ такимъ украшеніемъ новогоднихъ поздравительныхъ карточекъ,— мнѣ не пригодна. Ваше христіанство, предписывающее не сопротивляться злу насиліемъ и подставлять щеку для удара,— превратило бы меня въ банкрота, если бы оно восторжествовало. Моя мораль и моя религія должны уживаться съ пушками и торпедами“¹⁾.

На слова „Майора“, что, въ концѣ концовъ, все люди спасутся, какимъ бы дѣломъ ни занимались, Андершафтъ отвѣчаетъ: „Могу ли я задать только одинъ вопросъ: спасли ли вы когда нибудь пушечнаго заводчика“?

Варвара.— Нѣтъ. Позвольте ли вы попробовать?

Андершафтъ.— Что жъ? Я готовъ заключить съ вами сдѣлку. Я приду къ вамъ завтра въ вашъ баракъ Арміи

¹⁾ Major Barbara, Act. I.

Спасенія; но съ тѣмъ, чтобы вы потомъ навѣстили мой пушечный заводъ.

Варвара.—Беремся. Можетъ кончиться тѣмъ, что вы откажетесь отъ вашего дѣла и поступите въ Армію Спасенія.

Андершафтъ.—Увѣрены ли вы въ томъ, что не отречетесь отъ Арміи Спасенія, чтобы фабриковать пушки?

Второй актъ пьесы происходитъ въ одной изъ лондонскихъ трущобъ, передъ дверьми барака Арміи Спасенія. Въ пьесахъ Бернарда Шоу нѣтъ характеровъ, а есть только рядъ болѣе или менѣе эксцентричныхъ полишивелей и арлекиновъ, состязавшихся въ искусствѣ говорить остроумные парадоксы и въ высовываніи языка по адресу m-rs Grundy. Въ баракѣ мы видимъ родъ Мисаила и Варлаама въ англійскомъ изданіи: безстыдныхъ бродягъ Прайса и миссисъ Митченсъ, кающихся въ мнимыхъ грѣхахъ, чтобы не умереть съ голоду. Миссисъ Митченсъ съ этой цѣлью повѣствуетъ на радѣннѣ, какъ занималась зазорнымъ промысломъ, покуда Господь не направилъ ее въ баракъ, а Прайсъ съ сокрушеніемъ сердца повѣствуетъ про то, что билъ свою мать, покуда Господь не открылъ ему глаза. Покаяніе Прайса производитъ сильное впечатлѣніе. На его несчастье въ числѣ слушателей оказывается его мать, которая шокирована ложью сына. Никогда онъ ея не билъ. Прайсу приходится бѣжать изъ барака, когда ложь раскрыта. Но кромѣ Мисаиловъ и Варлаамовъ въ баракъ являются несчастные другого типа, какъ, напр., рабочій Шерли. До сорока пяти лѣтъ онъ усердно работаль на фабрикѣ, откуда его прогнали, едва лишь замѣтили въ волосахъ его сѣдину. Какъ только Мисаилъ и Варлаамъ видять Шерли, котораго голодь пригналь къ бараку, они говорятъ заученныя фразы утѣшенія: „Бѣдный старикъ! Веселѣе, мой братъ. Ты найдешь здѣсь покой, пищу, отдыхъ и счастье. Торопитесь, барышня. Онъ голодень. (*Джеки, дѣвушка-офицеръ, быстро бѣжитъ въ баракъ*).—Смотри веселѣе, старина! Барышня сейчасъ принесетъ тебѣ толстый кусокъ хлѣба, намазанный патокой, и кружку skyblue¹⁾. Веселѣе, старина, несуть жратву“.

Шерли.—Я не старикъ. Мнѣ только сорокъ шесть лѣтъ. Я также гожусь для работы, какъ и раньше. Развѣ я вино-

¹⁾ Т.-е. снятого молока; названіе дано бродягами за синій цвѣтъ.

вать, что началъ сѣдѣть въ тридцать лѣтъ. Я сталъ красить волосы. Теперь меня выгнали на улицу, чтобы я околѣлъ здѣсь. Боже мой! Съ тринадцати лѣтъ я работалъ по двѣнадцати часовъ въ сутки и уже тогда самъ добывалъ себѣ на жизнь. И теперь меня, какъ тряпку, швырнули въ сточную канаву, а мѣсто мое отдали молодому человѣку. И все только потому, что у меня черные волосы, сѣдѣющіе очень рано.

Шерли начинаетъ плакать, какъ ребенокъ, когда ему даютъ пищу: „Я до сихъ поръ никогда не получалъ никакой милостыни“, — говоритъ онъ. Бернардъ Шоу ухитряется нарядить арлекиномъ даже эту трагическую фигуру. „Майоръ“ представляетъ Шерли своему отцу.

Варвара.—Вотъ мой отецъ, мистеръ Шерли. Я сказала вамъ уже, что онъ секуляристъ, какъ и вы. Быть можетъ, вы утѣшите другъ друга.

Андершафтъ (удивленно). — Я — секуляристъ? Нисколько. Я — отъявленный мистикъ.

Варвара. — Виновата, въ такомъ случаѣ. Кстати, папа, какой вы вѣры, чтобы не сдѣлать новой ошибки, когда буду рекомендовать васъ.

Андершафтъ. — Моя вѣра? Я — миллионеръ, моя милая. Вотъ моя вѣра.

Варвара. — Боюсь, въ такомъ случаѣ, вы не совсѣмъ подойдете другъ къ другу. Вы не миллионеръ, Питеръ? Не правда ли?

Шерли.—Нѣтъ, и горжусь этимъ.

Андершафтъ (серьезно). — Бѣдность, мой другъ, это не такая вещь, которою можно гордиться.

Шерли (раздражительно).—Кто заработалъ для васъ миліоны? Я и другіе мнѣ подобные. Кто держитъ насъ въ бѣдности? Вы, богачи. За все ваши богатства не хотѣлъ бы имѣть вашей совѣсти.

Андершафтъ.—А я не обмѣнялъ бы вашу совѣсть на мои богатства, мистеръ Шерли.

Армія Спасенія не обращаетъ Андершафта въ кающагося грѣшника, но даетъ возможность пущечному заводчику придти къ заключенію, что эта организація ему полезна. Философъ пьесы Кьюзинсъ, роль котораго — подводить итоги и подчеркивать все то, что не слишкомъ бьетъ въ глаза,

задаетъ Андершафту тотъ же вопросъ, что и „майоръ“:
„Кстати, есть ли у васъ какая-нибудь религія?“

Андершафтъ.—Да. Я признаю, что для спасенія челоуѣчества необходимы двѣ вещи. Это...

Кьюзинсъ.—Крещеніе и...

Андершафтъ.—Нѣтъ, деньги и динамитъ.

Кьюзинсъ (удивленъ, но заинтересованъ).—Это — убѣжденіе командующихъ классовъ. Ноуо только открытое признаніе.

Андершафтъ.—Совершенно вѣрно.

Кьюзинсъ.—Простите. Есть ли въ вашей религіи мѣсто для чести, справедливости, истины, любви, милости и т. п.?

Андершафтъ. — Да, все это — удовольствія и предметы роскоши, которые можетъ себѣ разрѣшить сильный, богатый и независимый челоуѣкъ.

Кьюзинсъ.—Предположимъ, кто-нибудь долженъ сдѣлать выборъ между этими „предметами роскоши“ и деньгами или динамитомъ?

Андершафтъ.—Пусть онъ выберетъ деньги и динамитъ. Безъ этихъ вещей нельзя имѣть „предметовъ роскоши“, перечисленныхъ вами.

Кьюзинсъ.—И въ этомъ заключается ваша религія?

Андершафтъ. Да.....¹⁾). Я передамъ мой факелъ дочери. Она найдетъ новообращенныхъ и будетъ проповѣдывать мое евангеліе.

Кьюзинсъ.—Евангеліе денегъ и динамита.

Андершафтъ.—Да, денегъ и динамита. Свободу и силу, господство надъ жизнью и смертю. — Сильнымъ людямъ нужно стать выше толпы. Я — миллионеръ, — продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Андершафтъ, — вы поэтъ; Варвара спасаетъ души. Какое намъ всѣмъ дѣло до сѣрой толпы рабовъ и идолопоклонниковъ?

Кьюзинсъ. — Осторожнѣе. Варвара любитъ сѣрыхъ людей. Неужели вы никогда не испытывали прелесть этой любви къ „рабамъ и идолопоклонникамъ“?

Андершафтъ (холодно и сардонически). — Любили ли вы когда-нибудь бѣдность, какъ св. Францискъ? Любили ли вы когда-нибудь грязь, какъ св. Симеонъ? Любили ли вы болѣзни и страданія, какъ наши сидѣлки или филантропы?

¹⁾ (.....) Обозначень пропускъ въ нѣсколько страницъ.

Подобная любовь представляет не добродѣтель, но противоположный порокъ. Для кающихся аристократовъ, быть можетъ, порокъ этотъ и представляется привлекательнымъ. Я же вышелъ изъ подонковъ, и добродѣтели, о которыхъ вы говорите, не имѣютъ въ моихъ глазахъ ничего заманчиваго. Пусть неимущіе утверждаютъ, будто бѣдность—благословеніе неба. Пусть трусы дѣлаютъ себѣ религію изъ своего порока, проповѣдая смиреніе. Мы—лучше знаемъ дѣло и должны стоять выше толпы. Варвара должна пристать къ намъ, а не къ Арміи Спасенія.—При помощи денегъ, — продолжаетъ Андершафтъ,—можно купить все.

Кьюзинсъ. — Неужели вы полагаете, что можно купить Варвару?

Андершафтъ.—Нѣтъ, но я могу купить Армію Спасенія.

Кьюзинсъ.—Это невозможно.

Андершафтъ.—А вотъ увидите. Всѣ религіозныя организациі существуютъ тѣмъ, что продаютъ себя богатымъ.

Кьюзинсъ.—Но не Армія Спасенія. Это — церковь бѣдняковъ.

Андершафтъ.—Тѣмъ болѣе основаній купить ее.

Кьюзинсъ.—Мнѣ кажется, вы не совсѣмъ ясно представляете себѣ, что Армія дѣлаетъ для бѣдняковъ.

Андершафтъ.—Напротивъ, вполне ясно представляю. Она выдерживаетъ имъ клыки. Этого вполне довольно. Какъ человѣкъ дѣловой...

Кьюзинсъ.—Пустяки. Армія Спасенія дѣлаетъ ихъ трезвыми.

Андершафтъ.—Я предпочитаю трезвыхъ работниковъ. Съ ними мой барышъ больше.

Кьюзинсъ.—Честными...

Андершафтъ.—Честные работники наиболѣе экономны.

Кьюзинсъ.—Внушаетъ имъ привязанность къ семейному очагу...

Андершафтъ.—Отлично. Работникъ, привязанный къ дому, пожертвуетъ всѣмъ, чтобы сохранить мѣсто.

Кьюзинсъ.—Армія Спасенія дѣлаетъ рабочихъ счастливыми.

Андершафтъ.—Драгоценное предохранительное средство противъ революціи.

Кьюзинсъ.—Безкорыстными.

Андершафтъ.—То-есть безразличными къ собственнымъ интересамъ. Что же? Мнѣ это очень выгодно.

Кьюзинсъ.—Армія заставляетъ работниковъ думать о царствѣ небесномъ.

Андершафтъ.— А не о трѣдъ-юніонахъ и социализмѣ. Великолѣпно“.

Заводчикъ, дѣйствительно, оказывается правъ. Армія, столь выгодная для богачей, продается. Одинъ изъ „полковниковъ“ съ гордостью заявляетъ, что лордъ Сэксмедхэмъ прислалъ Арміи чекъ въ 5 тысячъ фун. ст. Лордъ этотъ— одинъ изъ самыхъ крупныхъ винокуровъ, получающій отъ народнаго пьянства миллионные доходы. Андершафтъ тоже жертвуетъ въ кассу Арміи Спасенія пять тысячъ фун. стерл. Съ обычной откровенностью онъ объясняетъ „полковнику“, каковы тѣ деньги, которыя идутъ теперь въ кассу Арміи. „Вы только представьте себѣ мою профессію. Представьте себѣ вдовъ и сиротъ. Подумайте о солдатахъ, разрываемыхъ въ куски шрапнелью и отравляемыхъ лидитомъ. Представьте себѣ океанъ крови, въ которой нѣтъ ни одной капли, пролитой за правое дѣло, затѣмъ вытоптанныя нивы, злопахательство трусовъ, навлекшихъ войну и сидящихъ дома, гдѣ пишутъ статьи о національной чести. Все это приноситъ мнѣ деньги. Чѣмъ больше безумствъ отмѣчаютъ газеты, тѣмъ быстрѣе богатѣю я. Проповѣдуйте миръ на землѣ и благоволеніе въ человѣкахъ. Каждый обращенный будетъ голосомъ противъ войны. Но я вамъ все-таки даю чекъ“. Дѣйствіе заканчивается колоссальной арлекинадой, въ которой Бернардъ Шоу заставляетъ принять участіе и философа, и заводчика. Всѣ они играютъ дѣятельную роль въ радѣніи Арміи Спасенія. „Майоры“ и „полковники“ усердствуютъ за совѣсть. Кьюзинсъ— изъ любви къ „майору“, а Андершафтъ, какъ Мефистофель. Для завершения арлекинады Бернардъ Шоу заставляетъ своего Мефистофеля играть на тромбонѣ на радѣніи. „Митингъ былъ поразительный, — рассказываетъ потомъ Кьюзинсъ,— Дженни Хилль (дѣвушка „поручикъ“) впала въ истерику. Князь тьмы (т.-е. Андершафтъ) дулъ въ свой тромбонъ, какъ безумный. Мѣдный ревъ инструмента напоминалъ сатанинскій хохотъ. Сто семнадцать грѣшниковъ покаялись и молились за христоролюбиваго анонимнаго жертвователя, давшего Арміи пять тысячъ

фунтовъ стерлинговъ. Князь тѣмы пожелалъ остаться неизвѣстнымъ.

— Какъ это трогательно со стороны старика, что онъ не далъ своего имени! — умиляется одинъ. — Многіе пожелали бы сдѣлать себѣ рекламу.

Кьюзинсъ. — Старикъ сказалъ, что если онъ назоветъ свое имя, то всѣ благотворительныя учрежденія накинута на него, какъ коршуны на тѣла, оставшіяся на полѣ битвы.

VIII.

Послѣднее, третье дѣйствіе происходитъ на пушечномъ заводѣ. Это — цѣлый поселокъ, отлично устроенный, съ нарядными удобными жилищами для рабочихъ, клубами, библиотеками и пр. Андершафтъ находитъ грубую эксплуатацію рабочихъ невыгодной, хлопотной и не умной. Не признаетъ онъ также пользы хозяйскихъ строгихъ приказовъ. Какъ настоящій Мефистофель, Андершафтъ придумалъ другой способъ, какъ управлять рабочими. „Исполняютъ ли они ваши приказы?“ — спрашиваетъ „майоръ Варвара“.

Андершафтъ. — Я никогда не приказываю имъ. Если я говорю съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, то только въ такомъ родѣ: „Ну, что, Джонесъ? Какъ поживаетъ вашъ ребенокъ? А миссисъ Джонесъ оправилась уже?“ — Вполнѣ. Спасибо, — отвѣчаетъ онъ. Вотъ и все.

Кьюзинсъ. — Но вѣдь необходимо, чтобы Джонесъ подчинялся порядку. Какъ вы поддерживаете дисциплину на заводѣ?

Андершафтъ. — Работники это дѣлаютъ, а не я. Вотъ видите ли: Джонесъ вытерпитъ все, но только не ослушаніе своего подчиненнаго и не теорію, что жена работника, получающаго на четыре шиллинга въ недѣлю меньше, — во всемъ равна миссисъ Джонесъ. Конечно, теоретически они всѣ противъ меня. Практически же каждый работникъ требуетъ, чтобы другой работникъ, получающій меньше въ недѣлю, подчинялся и зналъ свое мѣсто. Я никогда не вмѣшиваюсь въ дѣла моихъ работниковъ и никогда не браню ихъ. Я говорю только, что такую-то работу нужно сдѣлать. Они сами уже подгоняютъ другъ друга. Работники командуютъ маль-

чиками, десятники—работниками, помощникъ инженера — десятниками. Клэрки носятъ по буднямъ цилиндры, по воскресеньямъ поютъ въ церкви по толстымъ молитвенникамъ. И въ будни, и въ воскресенье клэрки отказываются имѣть что-нибудь общее съ остальными служащими, которыхъ считаютъ ниже себя. Въ результатъ — колоссальная прибыль, идущая мнѣ.

Соблюдая личную выгоду, Андершафтъ устроилъ своихъ рабочихъ такъ, что вызываетъ восторгъ у гостей, осматривающихъ заводъ.

— Видѣли ли вы родильный пріютъ для женъ работниковъ?—выступаетъ одинъ.

— Видѣли ли вы библіотеки и школы?

— А залъ для баловъ и громадную столовую для парадныхъ обѣдовъ?

— Обратили ли вы вниманіе на фивансовые отчеты? Какіе вклады у работниковъ въ сберегательныхъ кассахъ! Какіе страховые полисы! Какой громадный пенсіонный капиталъ! — Такъ восхищаются гости. Философъ Кьюзинсъ узнаетъ, что рабочіе называютъ своего патрона „Дэнди Энди“ и очень гордятся тѣмъ, что онъ „хитрая старая бестія“. „Самое ужасное, — говоритъ философъ, — что все здѣсь до безнравственности хорошо“. Андершафтъ ничего не имѣетъ противъ того, что рабочіе „теоретически противъ него“. Въ заводскомъ поселкѣ имѣется даже „храмъ агностиковъ имени Вильяма Морриса“.

Кьюзинсъ. (*Привскочивъ отъ изумленія*). — Только этого не доставало! Храмъ агностиковъ! Неужели?

Леди Бримтонъ. — Да, и еще съ цитатой изъ Морриса, выложенной мозаикой вокругъ купола: „Нѣтъ человѣка настолько достойнаго, чтобы быть хозяиномъ другого“. Это цинично, не правда ли?

Андершафтъ. — Цитата шокировала на первыхъ порахъ нѣкоторыхъ моихъ рабочихъ. Но теперь они привыкли и обращаютъ на нее не больше вниманія, чѣмъ на десять заповѣдей въ церкви ¹⁾. — У Андершафта свой кодексъ морали, который онъ называетъ заповѣдями пушечнаго заводчика. „Оружіе нужно продавать всѣмъ, которые даютъ за него

¹⁾ „Major Barbara“, Act. III.

хорошую цѣну, не обращая вниманія, какими соображеніями руководствуются покупатели. Слѣдуетъ снабжать оружіемъ аристократовъ и республиканцевъ, революціонеровъ и деспотовъ, капиталистовъ и социалистовъ, протестантовъ и католиковъ, разбойниковъ и полисменовъ, бѣлыхъ людей и цвѣтнокожихъ, словомъ, всѣ національности, всѣ вѣры, для различныхъ безумій, высокихъ цѣлей и преступленій. Основатель нашей фирмы написалъ на стѣнѣ девизъ: „Господь далъ руку; пусть никто не помѣшаетъ взять ей мечъ“. Слѣдующій владѣлецъ фирмы прибавилъ девизъ: „Всѣ имѣютъ право сражаться; никто не имѣетъ право судить“. Третій владѣлецъ завода написалъ отъ себя: „Человѣку — оружіе; небесамъ — побѣда“. Четвертый хозяинъ не имѣлъ литературнаго таланта и не придумалъ девиза; но за то онъ продавалъ пушки Наполеону, несмотря на запрещеніе Георга III. Пятый владѣлецъ фирмы сочинилъ девизъ: „Миръ возстановится тогда, когда у него въ рукахъ будетъ крѣпкій мечъ“. Мой предшественникъ придумалъ заповѣдь оружейника: „Ничто не можетъ измѣниться на землѣ до тѣхъ поръ, покуда люди не приготовились убить другъ друга“. Что касается меня, то мой девизъ: „Безъ стыда“!

Самое большое преступленіе въ мірѣ, по мнѣнію Андершафта, бѣдность. „Въ сравненіи съ нею всѣ остальные преступленія--добродѣтели. Бѣдность отравляетъ цѣлые города, распространяетъ ужасныя болѣзни и губитъ даже душу входящихъ въ соприкосновеніе съ нею. То, что вы называете преступленіемъ—пустяки; отдѣльныя убійства или воровство—только случайности въ жизни, болѣзни ея. Во всемъ Лондонѣ — не больше пятидесяти подлинныхъ, профессиональныхъ преступниковъ. Но за то мы видимъ миллионы бѣдныхъ, забитыхъ, грязныхъ, полуголодныхъ и плохо одѣтыхъ людей. Они отравляютъ насъ морально и физически. Они убиваютъ счастье общества, такъ какъ изъ страха, что бѣдняки возстанутъ и ввергнутъ насъ въ пропасть, заставляютъ насъ предпринимать чуждыя человѣческой природѣ жестокія мѣры. Только глупцы страшатся преступленій. Мы всѣ боимся бѣдности. (*Обращается къ Варварѣ*). Вы говорите мнѣ о спасаемыхъ вами негодяхъ и упрекаете меня, что я гублю ихъ души. Пошлите ихъ ко мнѣ, и я ихъ спасу, чтобы доставить вамъ удовольствіе. Сдѣлаю я это не проповѣдями и гимнами,

а заработной платой въ тридцать восемь шиллинговъ въ недѣлю, удобнымъ коттеджемъ въ здоровомъ мѣстѣ и постояннымъ заработкомъ. Черезъ три недѣли „спасенные“ заведутъ себѣ цвѣтныя жилетки, черезъ три мѣсяца—цилиндры и мѣста въ церкви, черезъ годъ они будутъ жать руку герцогинѣ на митингѣ Лиги Подснѣжника и присоединятся къ консервативной партіи... Я ненавижу бѣдность и голодь. Ваши проповѣдники настолько безсовѣстны, что дѣлаютъ изъ этихъ страданій добродѣтели. Я предпочелъ бы лучше быть воромъ, чѣмъ пауперомъ, и скорѣе сталъ бы убійцей, чѣмъ рабомъ. Я не хочу быть ни пауперомъ, ни убійцей; но если бы меня заставили сдѣлать выборъ, тогда бы я поступилъ, какъ сказалъ. Несмотря на всѣ ваши проповѣди, бѣдность и рабство существуютъ отъ вѣка. Ихъ уничтожить не религія, а машинныя пушки“...

Вы видите, Бернардъ Шоу говоритъ „страшные“ афоризмы; но они мало пугаютъ m-rs Grundy: вѣдь писатель теперь „классикъ“, которому дозволяется имѣть эксцентричное „hobby“. Послѣдній томъ произведеній Бернарда Шоу изданъ не къмъ инымъ, какъ *Таймсомъ*. Пожалуй, трудно сказать, что болѣе курьезно: то ли, что Андершафтъ принимаетъ участіе въ радѣніяхъ Арміи Спасенія, или то, что мысли, проповѣдуемыя Бернардомъ Шоу, издаетъ органъ Сити, биржевого капитала и непоколебимыхъ „основъ“ всякаго рода.

Конечно, *Times* цѣнить большой литературный талантъ Бернарда Шоу. Газета знаетъ также, что эксцентричный парадоксъ дороже больше всего писателю. Если Бернарду Шоу предстоитъ сдѣлать выборъ не между убійствомъ и воровствомъ (отъ этого талантливый писатель, слава Богу, застрахованъ и темпераментомъ, и хорошимъ воспитаніемъ, и врожденнымъ добродушіемъ, и благопріобрѣтеннымъ капиталомъ), а между сѣрой истиной и блестящей арлекинадой,— онъ всегда остановится на послѣдней.

Новыя пьесы Бернарда Шоу¹⁾.

(*Bernard Shaw.*—John Bull's Other Island and Major Barbara; also How He lied to Her Husband. London 1907).

I.

„Англійская драма поражаетъ отсутствіемъ идей,—пишетъ критикъ изъ „Saturday Review“.—Въ умственномъ развитіи драматическій писатель—ниже средне-культурнаго человѣка и безконечно отсталъ даже отъ третьестепенныхъ романистовъ или отъ пятистепенныхъ публицистовъ. Англійскій драматическій писатель не имѣетъ даже представленія о современномъ интеллектуальномъ движеніи и изучилъ только сцену, условія ея, технику, эффектные фокусы да механику интриги. Правда, въ послѣднее время едва замѣтная струйка ума начала просачиваться изъ беллетристики въ область театра. Наши романисты стали учить сочинителей драмъ, какъ слѣдуетъ приниматься за дѣло“. Авторъ этой рѣзкой, но совершенно справедливой оцѣнки дѣлаетъ исключенія для Бернарда Шоу, который „расчистилъ путь для настоящихъ драматурговъ“. „Разрушительная критика Бернарда Шоу воспитала верхній слой англійской публики и придала смѣлость антрепренерамъ, которые иногда стали ставить пьесы, выходящая изъ шаблона. Литературная дѣятельность Шоу напитала также недовольствомъ наиболѣе сознательныхъ зрителей. Я не хочу сказать, что теперь у насъ въ Англійи пишутъ меньше скверныхъ пьесъ, чѣмъ раньше. Нѣтъ, шаблонныя пьесы все еще появляются; но

¹⁾ О Бернардѣ Шоу см. *Дюссо*, „Англійскіе Силуэты“, стр. 176—226.

ихъ уже не принимаютъ за хорошія“. Выдержка эта крайне любопытна, не потому, что она отмѣчаетъ сущность современнаго англійскаго театра (это такое шило, которое спрятать невозможно), а по отношенію „респектабельнаго“ консервативнаго журнала къ Бернарду Шоу. Двадцать лѣтъ Бернардъ Шоу пишетъ драматическія произведенія и до самаго послѣдняго времени сцена для него была закрыта. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Англии, по примѣру Франціи и Германіи, созданъ „Независимый театр“, который принялъ пьесу Шоу „Mrs Wren's Profession“¹⁾; но она вызвала такую бурю негодованія въ печати, что комедию пришлось снять. Усердные не по разуму критики обличали „безнравственность“ произведенія. Герой мопсановскаго романа „Bel-Ami“, Дюруа, тоже очень любилъ писать о паденіи современныхъ нравовъ. Послѣ двадцатилѣтняго перерыва, *Stage Society*, т.е. независимый театръ дернуло снова поставить пьесу Бернарда Шоу—„Человѣкъ и Сверхъ-Человѣкъ“, но безъ вводнаго акта „Въ аду“. Пьеса имѣла несомнѣнный успѣхъ. И вотъ въ самое послѣднее время мы видимъ, что театръ вдругъ принялъ въ свои объятія Бернарда Шоу. Ставятся почти всѣ пьесы его, а публика валомъ валитъ въ театръ. Критика сразу провозгласила Бернарда Шоу классикомъ; и это говорятъ даже въ такихъ изданіяхъ, которыя недавно еще доказывали, что талантливый писатель имѣетъ спеціальную миссію — „разрушить семью“. Въ Англии, гдѣ никакой политической, экономической или философской доктриной нельзя испугать рядового читателя, — „разрушеніе семьи“ является жупеломъ. Провозглашайте себя анархистомъ, атеистомъ, сверхъ-человѣкомъ, теософистомъ, восхваляйте абсолютизмъ Якова II, сочините новое евангеліе, — васъ будутъ читать, если вы пишете не слишкомъ скучно; но бога ради не трогайте семьи и не заикайтесь на тѣ темы, которыя такъ облюбованы теперь у насъ нѣкоторыми молодыми писателями. Прежде „Saturday Review“, если признавалъ блескъ таланта Шоу, то прибавлялъ, что это „Splendida Vitia“. Теперь тотъ же журналъ возводитъ писателя въ достоинство, такъ сказать литературнаго санитаря, оздоровившаго театральную

1) См. Діонео, „Англійскіе Силуэты“, стр. 176—226.

трясину. Когда-то реплики Mrs Уорренъ въ комедіи „Mrs Warren's Profession“ приводили въ ужасъ критиковъ своею „смѣлостью“. Теперь даже слюноточивый Іудушка англійской печати, Стэдъ, и тотъ одобрительно отзывается о тирадахъ въ родѣ слѣдующей: „По классу, къ которому принадлежу, я — „респектабельный“ человѣкъ; здравый смыслъ дѣлаетъ меня ненавистникомъ разрушенія и безпорядка; какъ интеллигентный человѣкъ, я почти до педантизма стою за законность, а по темпераменту — за единобрачіе. Между тѣмъ, я всегда былъ и останусь революціонеромъ, потому что современные законы дѣлають законность невозможной. Наши вольности разрушаютъ всякую свободу; наша собственность является организованнымъ грабежомъ; наша мораль, въ сущности—безстыдное лицемеріе; нашу накопленную мудрость проповѣдуютъ неопытные глупцы; власть мы вручаемъ трусамъ и слабымъ людямъ, а наши представленія о чести—ложны во всѣхъ пунктахъ“¹⁾.

Перемѣна въ отношеніи къ Бернарду Шоу обусловливается не тѣмъ, что талантливый писатель измѣнился *по существу*. Не измѣнились также и критики. Все дѣло въ томъ, что публика вѣрно оцѣнила *значеніе* пьесъ Бернарда Шоу. Я подчеркнулъ, что Шоу не измѣнился по существу, хотя парадоксы его мѣняются постоянно. Намъ въ Россіи извѣстна только одна разновидность перевертня или переметной сумы; это—человѣкъ, который завтра изъ краснаго сдѣлается бѣлымъ и начнетъ проклинать, чему вчера молился. Англійская жизнь слишкомъ урегулирована, чтобы перевертень, во всей отвратительности его, могъ создаться, какъ у насъ. Люди изъ радикаловъ становятся здѣсь тори и наоборотъ, не теряя человѣческаго достоинства. Англичанинъ, чтобы уподобиться вполне знакомому намъ типу, долженъ заговорить о русскихъ дѣлахъ. Нагляднымъ примѣромъ является Диллонъ. Всего только въ февралѣ 1905 г. Диллонъ не находилъ словъ для осужденія стараго порядка и для заклеивленія надменныхъ потомковъ „извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“, „жадною толпою стоящихъ у трона“, свободы, генія и славы „палачей“. Диллонъ въ

¹⁾ Изъ „Preface for Politicians“; помѣщено въ только что вышедшемъ сборникѣ новыхъ пьесъ Бернарда Шоу.

надѣлавшей тогда шума статьѣ (она не могла быть переведена) увѣрялъ, что стоитъ только разсмотрѣть каждый крупный денежный скандалъ, и мы откроемъ лицъ, которыхъ онъ называетъ, но намъ, русскимъ писателямъ, неудобно сдѣлать это. „Иностранныя дамы своими улыбками составляютъ въ кругу этихъ лицъ себѣ миллионы, тогда какъ раненные солдаты умираютъ безъ лѣкарствъ, безъ платья на кучахъ навоза“. Теперь въ послѣдней книжкѣ „Contemporary Review“ тотъ же авторъ ликуетъ по поводу того, что снова восторжествовалъ порядокъ, который такъ дорогъ господамъ, описаннымъ въ февральской книжкѣ „National Review“. Англичане такихъ лицъ, какъ Диллонъ, называютъ turncoat. Бернардъ Шоу никогда не былъ turncoat, хотя часто мѣнялъ свои парадоксы. У талантливаго писателя есть одна особенность. Обыкновенно люди пишутъ, чтобы убѣждать читателей. Убѣдительность и страстность писателя возрастаетъ, если онъ знаетъ, что ему нужно бороться съ крѣпко засѣвшимъ предубѣжденіемъ или съ создавшимся вѣками предразсудкомъ. Писатель тогда старается подобрать особенно убѣдительные аргументы, и когда у него есть основаніе предположить, что его доводы заставили читателя задуматься, онъ счастливъ. Высшее наслажденіе онъ испытываетъ, когда убѣждается, что его взгляды приняты читателемъ. Совсѣмъ другое мы видимъ, когда знакомимся съ дѣятельностью Бернарда Шоу. Меньше всего онъ желаетъ убѣдить васъ. Талантливый писатель хочетъ только засыпать васъ неожиданными парадоксами. Его цѣль — сказать по данному вопросу непременно то, что другой не говорилъ. И если Бернардъ Шоу увидитъ, что его парадоксы убѣдили васъ и что вы начали соглашаться съ нимъ, онъ немедленно изъ духа противорѣчія, начнетъ доказывать діаметрально противоположное. Талантливый драматическій писатель чувствуетъ себя почти оскорбленнымъ тѣмъ, что вы соглашаетесь съ нимъ. Этимъ вы ставите себя, человекъ толпы, на одну доску съ нимъ, исключительнымъ лицомъ. Бернардъ Шоу находитъ, что „быть революціонеромъ“ значитъ говорить постоянно противоположное тому, что говорить „толпа“.

Возьмемъ, на примѣръ, сложившійся вѣками взглядъ на особенность англійскаго ума. Всѣ наблюдатели констатируютъ точность его, ясность, умѣнье отправляться только отъ тща-

тельно провѣренныхъ фактовъ. Обобщеніе является результатомъ только безконечнаго числа фактовъ. Опытъ ставится на первомъ планѣ при изслѣдованіи. Умѣнье англичанъ обращаться съ фактами и дѣлать опыты избавило ихъ отъ тѣхъ колоссальныхъ нелѣпостей, которыя высказывали иностранные, казалось бы, мощные умы, пытавшіеся строить заключенія путемъ чистой дедукціи. Въ англійской литературѣ есть очень любопытный сборникъ, составленный Н. W. Seager: „Natural History in Shakespeare's Time“. Это—рядъ выписокъ изъ Альберта Великаго, Бартоломеуса ¹⁾, сборника „Hortus Sanitatis“ и другихъ научныхъ авторитетовъ XII—XVI вв., до Бэкона. Насъ поражаетъ та бездна нелѣпости, которую можетъ нагородить первоклассный умъ (Альбертъ Великій), не умѣющій еще опираться на опытъ. Великій умъ былъ затянутъ схоластикой въ трясины, вслѣдствіе презрѣнія къ опыту. „Пѣтухъ носитъ иногда въ головѣ драгоценный камень,— пишетъ Альбертъ Великій,— именуемый *алекторія* и родственный халцедону. И присутствіемъ этого камня, который чаще всего находится у бѣлыхъ пѣтуховъ,— объясняется, почему львы такъ боятся ихъ“. „Козель дышетъ ушами, а не носомъ“. Нѣкоторыя козы имѣютъ на лбу, между рогами, отверстие, которое идетъ прямо въ печень. Если заткнуть воскомъ это отверстие, то животное задохнется, и Альбертъ Великій доподлинно знаетъ слѣдующее: „Возьми теплую кровь козла, смѣшай съ уксуомъ и сокомъ сѣна, вари въ этой смѣси стекло. Оно станетъ мягко, какъ тѣсто. Если швырнешь его обѣ стѣну, то прилипнетъ къ ней, но не разобьется. А если тѣстомъ этимъ намажешь лицо, то увидишь страшныя вещи“ ¹⁾. А вотъ другой рецептъ: „Возьми ящерицу, отрѣжь ей хвостъ, подбери жидкость, подобную живому серебру, которая появится при этомъ. Возьми потомъ свѣтильню, намочи въ маслѣ, положи въ новый свѣтильникъ, въ который помѣщено это живое серебро и зажги. Стѣны тебѣ покажутся, какъ серебряныя“. Кажется, что легче, какъ предѣлать предварительно опытъ; но Альбертъ Великій пишетъ: „Если погрузишь губку въ вино, смѣшанное съ водою, и

¹⁾ Liber de proprietatibus rerum etc.

¹⁾ Выписка приведена въ сборникѣ Н. W. Seager, p. 132.

вынешь ее и выжмешь, то потечетъ только вода. Вино останется въ сосудѣ. Если вино не подмѣшанное, то изъ губки ничего не потечетъ“¹⁾). Писалъ все это—человѣкъ великаго ума и повторяли четыре вѣка другіе умные люди, покуда не явился англичанинъ, выдвинувшій опытъ, какъ необходимый элементъ наблюденія. И тогда все то, что казалось нѣсколько вѣковъ бездной глубокомыслія, превратилось въ смѣшной бредъ.

Итакъ, всѣми принято, что англійскій умъ—точный, управляющійся только отъ фактовъ, которые предварительно тщательно изслѣдуетъ. Творческому воображенію дается просторъ только въ средѣ провѣренныхъ фактовъ. Этотъ умъ англичанъ отличается отъ ума ирландцевъ, иберійцевъ по происхожденію, которыхъ постоянно увлекаютъ призраки, созданные ихъ собственной фантазіей. Все это стало общимъ мѣстомъ; но именно потому Бернардь Шоу выступаетъ съ съ пьесой „John Bull's Other Island“, въ которой приводитъ свой взглядъ на характеръ двухъ народовъ.

Глубоко ошибаются всѣ тѣ, которые утверждаютъ, что англичанинъ—серьезный, основательный человѣкъ, цѣлко держащійся за факты,—говоритъ Бернардь Шоу.—Напротивъ, англичанинъ всецѣло является жертвой собственнаго воображенія и не можетъ удержать его, такъ какъ не имѣетъ никакого представленія о дѣйствительности. Болѣе нормальное воображеніе у ирландца, потому что онъ постоянно видитъ вещи въ ихъ дѣйствительномъ свѣтѣ. Англичанинъ, въ представленіи Бернарда Шоу—истерическій энтузіастъ, съ головой, начиненной пустяками: онъ пугается призраковъ, созданныхъ собственнымъ воображеніемъ, и абсолютно не понимаетъ фактовъ. Съ цѣлью доказать этотъ тезисъ, Бернардь Шоу написалъ цѣлый трактатъ, который онъ называетъ „пьесой“. Какъ и всѣ драматическія произведенія Шоу, „John Bull's Other Island“ состоитъ изъ ряда длинныхъ діалоговъ, пересыпанныхъ блестящими остроумиями и неожиданными парадоксами. Герои говорятъ страшно много. По Бернардѣ Шоу, всякое мѣсто удобно для длинныхъ дебатовъ: даже въ вводной сценѣ въ „Man and Superman“ диаволь, Донъ Жуанъ, статуя командора и донья

¹⁾ Ib, p. 299.

Анна произносятъ въ аду монологи въ 2—3 страницы. Но автору еще тѣсно для парадоксовъ. И вотъ онъ теперь къ каждой новой пьесѣ прибавляетъ длинное вступленіе въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Каждое изъ этихъ предисловіи носитъ особое названіе. Къ „Человѣку и Сверхъ-Человѣку“ приложено „Руководство для революціонера“; къ „Другому острову Джона Булля“—„Предисловіе для политическихъ дѣятелей“; къ „Маіору Варвара“—„Первое пособіе для критиковъ“. И только пьесѣ „Какъ онъ лгалъ ея мужу“ предшествуетъ просто „Предисловіе“. Всѣ эти вступленія очень остроумны и, пожалуй, лучше самихъ пьесъ. Рядомъ съ парадоксами, сказанными, очевидно, только изъ духа противорѣчія, попадаютъ необыкновенно важныя, вѣрныя мысли. Познакомимся теперь нѣсколько ближе съ только что вышедшимъ сборникомъ новыхъ пьесъ Бернарда Шоу.

II.

Въ предисловіи къ „John Bull's Other Island“ Бернардъ Шоу выясняетъ сущность такъ называемаго ирландскаго вопроса, который, по замѣчанію автора, созданъ искусственно. Особаго ирландскаго народа, въ дѣйствительности, не существуетъ. „Я—ирландецъ, —говоритъ Бернардъ Шоу въ предисловіи.—Этимъ я хочу сказать, что родился въ Ирландіи, что мой родной языкъ—англійскій языкъ Свифта, а не уродливый жаргонъ лондонскихъ газетъ второй половины XIX вѣка. Происхожденіе мое—такое же, какъ и большинства англичанъ, т. е. въ моихъ жилахъ нѣтъ слѣда крови тѣхъ выходцевъ изъ сѣверной Испаніи, которые почему-то считаются аборигенами Ирландіи. Я—типичный ирландецъ, т. е. потомокъ датскихъ, норманскихъ, англійскихъ и шотландскихъ завоевателей. По семейнымъ традиціямъ мы—пламенные протестанты; но пусть въ силу этого англійское правительство не разсчитываетъ на мое вѣрноподданство. Я—настолько англичанинъ, чтобы быть закоренѣлымъ республиканцемъ и гомрулеромъ. Правда, одинъ изъ моихъ предковъ былъ оранжистъ; но зато его сестра была аббатессой, а дядю его, чѣмъ я горжусь, повѣсили за участіе въ великомъ мятежѣ. Когда я смотрю, какъ космополити-

ческіе выродки, именующіе себя англичанами, отравленные съ дѣтства въ трущобахъ или закормленные въ богатыхъ кварталахъ, терпятъ болѣе покорно, чѣмъ уроженецъ Бенгала, грубости ирландско-протестантскаго гарнизона въ Дублинѣ; когда я вижу, что ирландцы всегда сохраняютъ ясную голову, тогда какъ англичане проявляютъ мальчишескую сентиментальность, обидчивость и легковѣріе, дѣлающія ихъ жертвами любого шарлатана и поклонниками каждаго дурня,—я начинаю думать, что Ирландія единственное мѣсто, гдѣ рождаются еще настоящіе англичане. Среди ирландцевъ есть негодяи, грубіяны, пьяницы, лгуны, ругатели, льстецы, нищіе, клеветники, продажные чиновники, лицепрятные судьи, завистливые друзья, метительные соперники, безпримѣрные политическіе измѣнники. Всѣмъ этимъ ирландецъ можетъ быть точно такъ же, какъ можетъ быть и джентльменомъ (порода людей, вымершая совершенно въ Англіи, отъ чего никому не стало хуже); но онъ никогда не будетъ тѣмъ истерическимъ глупымъ энтузиастомъ, начиненнымъ нелѣпостями, ненавидящимъ истину, пугающимся призраковъ, не признающимъ фактовъ, который называетъ себя „избраннымъ богомъ англичаниномъ“. Теперь Англія не можетъ обойтись безъ Шотландіи и Ирландіи, потому что онѣ приносятъ ей элементъ здраваго смысла“.

Англійскіе консерваторы, обличая ирландцевъ, какъ измѣнниковъ, доказываютъ, что Англія можетъ опереться только на протестантское населеніе. По мнѣнію Шоу, именно послѣднее наиболѣе непримиримо. „Чѣмъ больше ирландецъ протестантъ, или, коль хотите, чѣмъ больше онъ англичанинъ, тѣмъ менѣе онъ желаетъ въ сферѣ правительства замѣну ирландскаго безумія англійскимъ.“ „Лояльный“ ирландецъ—уродливая ненормальность. Нѣтъ сомнѣнія, англійской властью пользуются у насъ въ интересахъ имущественныхъ и классовыхъ. Ирландцы — практическій и, подчасъ, очень грубый народъ. Ирландскій солдатъ беретъ „королевскій шиллингъ“¹⁾ и пьетъ за здоровье короля;

1) „To take the king's shilling“, любопытный пережитокъ далекаго времени. Тогда вербовщики пойли молодыхъ людей и старались имъ всунуть въ руку монету съ изображеніемъ короля. Съ этого момента молодой человекъ становился солдатомъ. Система вербовки осталась; но

ирландскій помѣщикъ выговариваетъ себѣ всякаго рода привилегіи и патенты; но зато снимаетъ шляпу и встаетъ при звукахъ національнаго гимна. Но все это только показная лояльность, — продолжаетъ Бернардь Шоу. Это — преданность всякаго благоразумнаго человѣка правительству, куда оно сколько-нибудь сносно. Послѣ извѣстнаго возраста мы всё предпочитаемъ миръ революціи и порядокъ хаосу“. Въ сущности же, даже оранжистъ въ глубинѣ души мечтаетъ о самоуправленіи Ирландіи. Онъ—практичный человѣкъ и не увлекается иллюзіями, какъ англичанинъ, который, по мнѣнію Шоу, „всецѣло является жертвой своего воображенія и не имѣетъ контролирующаго представленія о дѣйствительности“. Въ характерѣ англичанъ — театральная сентиментальность, совершенно чуждая ирландцамъ. Все традиціонное представленіе о положительномъ, здравомыслящемъ англичанинѣ, по мнѣнію Шоу, относится къ ирландцамъ; тогда какъ столь же традиціонное представленіе о „комедіантѣ иностранцѣ“ относится къ Джону Буллию. Мысль англичанина лѣнива. Она не можетъ приспособиться къ новымъ условіямъ. На англичанъ, напр., произвелъ сильное впечатлѣніе развратъ временъ реставраціи Стюартовъ и, съ другой стороны, настойчивость и побѣда пуританъ. И вотъ англичанинъ пришелъ къ заключенію, что самое главное это—пуританство въ религіи. Съ тѣхъ поръ ничто его не можетъ сдвинуть съ мѣста. Отсутствіемъ пониманія дѣйствительности объясняется, по Шоу, то, что англичане, въ вопросахъ политики, могутъ увлекаться только непорядочными людьми. „Ирландцу требуется прожить много лѣтъ

только теперь нельзя поить парня до безчувствія и вербовать его обманомъ. Рекрутъ долженъ вступить въ сдѣлку сознательно. Теперь вербовщикъ убѣждаетъ парня, доказываетъ ему всё выгоды военной службы и прелести ея. Если парень слушаетъ эти сладкія рѣчи, вербовщикъ предлагаетъ ему зайти въ казарму, чтобы поговорить съ офицеромъ, который еще болѣе краснорѣчиво восхваляетъ прелести службы. „Одинъ мундиръ чего стоитъ: заглядѣнье! А ѣда? А жизнь съ хорошими ребятами?“ Парень, который до того времени носилъ лишь лохмотья и голодалъ, наконецъ, соглашается подписать контрактъ. Рекруту даютъ шиллингъ на пропой. Это и называется „взять королевскій шиллингъ“. Отъ подписи на контрактѣ можно еще отпереться, но фактъ принятія шиллинга дѣлаетъ парня солдатомъ на опредѣленный срокъ. Отъ контракта солдата можетъ избавить или дезертирство, или „отступное“.

въ Англіи, чтобы онъ привыкъ уважать негодяевъ; англичанинъ же можетъ уважать только ихъ. Англійскій государственный дѣятель, чтобы быть популярнымъ, долженъ постоянно выставять себя болѣе грубымъ, невѣжественнымъ, сентиментальнымъ, суевѣрнымъ и болѣе глупымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности“¹⁾.

Какъ человѣкъ здравомыслящій, ирландецъ не можетъ быть консерваторомъ,—говоритъ Бернардь Шоу. „Не можетъ быть ничего болѣе ненормальнаго, какъ консервативная протестантская партія, отстаивающая порядокъ, на который посягаетъ революціонная католическая партія. Протестантъ теоретически анархистъ, поскольку анархизмъ примѣнимъ въ современномъ обществѣ, т.-е. онъ—индивидуалистъ, свободный мыслитель, вѣритъ въ самопомощь, отрицательно относится къ государству и мятежникъ по темпераменту. Католикъ же теоретически коллективистъ, признаетъ самоотреченіе; онъ—тори, консерваторъ, защитникъ церкви и единого и нераздѣльнаго государства; послушаніе онъ ставитъ себѣ въ законъ“. Въ Ирландіи, по мнѣнію Шоу, католицизмъ будетъ держаться крѣпко, покуда страна угнетена. „Ирландскій крестьянинъ не можетъ избавиться покуда отъ церковной атмосферы. Онъ послушенъ, почитателенъ и привыкъ считать, что знаніе не его дѣло. Крестьянинъ—послушный сынъ церкви и признаетъ ея верховный авторитетъ во всѣхъ научныхъ и философскихъ вопросахъ. Чтобы стать мятежникомъ, онъ долженъ порвать со своимъ духовнымъ отцомъ и послѣдовать въ политическихъ вопросахъ за вождемъ протестантомъ. Католическая церковь учитъ ирландскаго крестьянина смиренію и подчиненію. Британское правительство и Ватиканъ могутъ расходиться во взглядахъ на то, чѣмъ подданнымъ долженъ быть ирландецъ; но оба согласны, что онъ способенъ подчиняться. Британское правительство даетъ ирландцу больше свободы, чѣмъ Ватиканъ: оно предоставило ему полный и демократическій контроль надъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, даетъ ему возможность посылать въ парламентъ 80 націоналистовъ изъ 670 коммонеровъ. Кромѣ того правительство разрѣшаетъ ирландцу читать, что онъ хочетъ и учиться, чему

¹⁾ „John Bull's Other Island“, p. XIV.

пожелаетъ. Но если бы ирландскій крестьянинъ дерзнулъ потребовать участіе въ избраніи приходскаго священника или представителя при Ватиканѣ, — это сочтено было бы церковью за мятежь и богохульство. Священникъ обличилъ бы крестьянина съ амвона, какъ еретика. Католическая церковь зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ирландецъ учился только тому, что одобрено ею. Цѣль священника—сдѣлать ирландца послушнымъ консерваторомъ. И только грубымъ экономическимъ гнетомъ и религіознымъ преслѣдованіемъ объясняется то странное явленіе, что революціонное движеніе не только терпится священниками, но даже отчасти поощряется ими. Только грубая сила можетъ поддерживать этотъ противоестественный союзъ политической революціи съ папской реакціей, смѣлаго индивидуализма и независимости съ деспотизмомъ и подчиненіемъ. Грубая сила это—англійское владычество. „Отнимите грубую силу,—предоставьте Ирландіи дѣлать что-либо иное, кромѣ кусанья давящей ее руки, и ненормально соединенные политическіе элементы перемѣстятся въ соотвѣтствіи съ истиннымъ протестантизмомъ“. По мнѣнію Бернарда Шоу, Ирландія питаетъ къ своимъ священникамъ „политическую ненависть“. Правда, націоналистическая пресса негодуетъ, когда кто-нибудь заподозритъ, что связь между населеніемъ и духовенствомъ не представляетъ ничего органическаго. Правда, между ирландскими крестьянами и католическими священниками существуютъ дружественныя отношенія. Ирландскій крестьянинъ преданъ иногда священнику, какъ крестьянинъ французскій до революціи. Иногда ирландскій крестьянинъ любитъ даже своего помѣщика: не одинъ изъ нихъ въ дѣтствѣ имѣлъ няньку-ирландку, которая любила его больше, чѣмъ родная мать. „Не думайте, что я иронизирую,—говоритъ Бернардъ Шоу. — Въ мірѣ не мало примѣровъ, что человѣческая доброта совмѣстима съ политической ненавистью. Рабы любятъ иногда своихъ хозяевъ, а школьники—учителя. Наполеонъ и его солдаты дѣлали нечеловѣческія усилія для спасенія тонущихъ русскихъ, подъ ногами которыхъ ядрами подломили ледъ. Въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки есть плантаторы, гуманное отношеніе которыхъ къ неграмъ вошло въ традицію. Солдаты и матросы иногда отъ чистаго сердца привѣтствуютъ своихъ

офицеровъ. Но на подобныхъ отношеніяхъ нельзя строить политическую систему. Есть ирландцы, имѣющіе англійскихъ друзей, которымъ они очень преданы. И тѣ же ирландцы допустили бы, чтобы Шанонъ потекъ британской кровью, если бы такую цѣною могла быть куплена національная свобода. Точно такимъ же образомъ ирландскій католикъ можетъ любить священника, какъ человѣка, и уважать его, какъ духовника, но, въ то же время, готовъ воспользоваться любымъ моментомъ, чтобы сбросить съ себя поповское ярмо. Это потому, что ирландцы политически ненавидятъ священниковъ, т. е. питаютъ къ нимъ единственный видъ ненависти, который допустимъ въ культурномъ человѣкѣ. Несмотря на кажущуюся органическую связь между духовенствомъ и народомъ, послѣдній въ глубинѣ души таитъ протестъ противъ священниковъ. Крестьянинъ не можетъ простить священнику высокаго вознагражденія за требы. Въ Англии руга, church rates, отошла уже давно въ область преданій. Англичанинъ не знаетъ другихъ налоговъ, кромѣ городскихъ и подоходнаго. Въ Ирландіи священникъ, отлично знающій доходы своего прихожанина, облагаетъ его церковнымъ налогомъ въ свою пользу. Тайные источники дохода духовнаго сына провѣряются на исповѣди. Мы имѣемъ предъ собою, съ одной стороны, бѣднѣйшее въ зап. Европѣ крестьянство, а съ другой—самое богатое духовенство. Средніе классы въ Ирландіи (католики) тоже должны въ глубинѣ души таить недовольство противъ своихъ священниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, они видятъ, какъ протестанты берутъ надъ ними верхъ и захватываютъ всѣ либеральныя профессіи. Католики могли бы сдѣлать то же самое, если бы пошли въ университетъ. Но духовенство строго запретило своимъ прихожанамъ учиться въ протестантскомъ университетѣ. Нужно отдавать дѣтей въ католическую семинарію, гдѣ всѣ книги, достойныя прочтенія, помѣщены въ папскомъ индексѣ; въ семинарію, гдѣ учать, что хотя земля и не совсѣмъ плоска, какъ блинъ, но и не совсѣмъ сферическая, какъ утверждаютъ протестанты. Умные люди подчиняются всему этому изъ политическихъ соображеній.

Въ Ирландіи нѣтъ „лояльных“ ирландцевъ, преданныхъ старому порядку за совѣсть. Оранжесты „лояльны“, потому что это имъ выгодно. Бюрократія даетъ имъ за „лояльность“

жирные куски. „Лояльность“ проявляется исключительно въ вставаніи при пѣніи національнаго гимна, въ вывѣшиваніи національныхъ флаговъ и въ щедромъ употребленіи слова „измѣнникъ“. Но каждый разъ, когда правительство дѣлаетъ шагъ по направленію къ католикамъ, протестантскій гарнизонъ заявляетъ свой протестъ и угрозу возмутиться противъ преобладающей власти. Англійскій парламентъ въ XVI вѣкѣ протестовалъ до 1642 г. противъ Карла I слезами и молитвами. Оранжелисты устами полковника Сандерсона заявили въ парламентъ, что пойдутъ на баррикады, если правительство дастъ Ирландіи гомруль. Это „лоялисты“ крайне опасные. Когда Англія предоставитъ Ирландіи, наконецъ, свободу,—говоритъ Бернардъ Шоу,—протестанты не будутъ тратить времени на обличеніе правительства; они не станутъ вопить, что правительство покинуло ихъ, какъ Гладстонъ Гордона въ Хартумѣ. Еще меньше протестанты проявятъ склонность удалиться въ С. Жерменское предместье. Напротивъ, они примутъ энергичное участіе въ національномъ правительствѣ, которому понадобятся дѣятели совершенно чуждые вліянія изъ Рима. Протестанты на выборахъ получаютъ голоса не только своихъ единовѣрцевъ, но и католиковъ. Протестанты твердо проявятъ рѣшеніе удержать въ своихъ рукахъ власть; но такъ какъ это будетъ правительство ирландское, а не англійское, то они станутъ авангардомъ ирландскаго націонализма и демократіи въ борьбѣ ихъ съ духовенствомъ. Англійскіе юніонисты будутъ поражены, когда откроютъ истинное значеніе протестантскаго лоялизма. Но возрожденная Ирландія останется вѣрна федеральному союзу говорящихъ по-англійски демократій, „театрально называемому теперь имперіей“. Для Ирландіи національный флагъ не имѣетъ, быть можетъ, никакого значенія; но она отлично понимаетъ важность британской эскадры, защищающей острова отъ иностраннаго вторженія.

III.

Въ своемъ „предисловіи для политиковъ“ Бернардъ Шоу предсказываетъ, что будетъ въ Ирландіи, когда она добьется областного сейма. Немедленно, по мнѣнію автора, начнется

протестъ противъ Рима и вліянія священниковъ. Римско-католическая церковь станетъ офіціальною *ирландской* церковью. Ирландскій областной сеймъ потребуетъ, чтобы отъ него зависѣло повышеніе въ церковной іерархіи; онъ урегулируетъ вознагражденіе за требы, отмѣнитъ существующее нынѣ вымогательство со стороны священниковъ. Сеймъ уничтожитъ эксплуатацію въ монастыряхъ ¹⁾ и добьется снятія поповскаго запрещенія съ университетовъ. Однимъ словомъ, римско-католическая церковь, съ которой не въ силахъ справиться Dublin Castle ²⁾, найдетъ единственнаго соперника, могущаго помѣриться съ ней. Соперникъ этотъ—демократія. До тѣхъ поръ, покуда ей не дадутъ развиваться, она группируется вокругъ алтарей для борьбы съ „иностранцами“ и еретиками; но какъ только демократія освободится, она живо покончитъ съ тираніей поповъ. Словомъ, въ Ирландіи повторится то же явленіе, что во Франціи и въ Италіи. Гомруль измѣнитъ совершенно характеръ „острова святыхъ“, какъ называютъ теперь Ирландію. Теперь только на сѣверѣ оранжисты упражняются въ писаніи мѣломъ на заборахъ: „Въ адъ папу“. По всей вѣроятности, такіа надписи будутъ выводиться на стѣнахъ въ ближайшемъ будущемъ населеніе ультра-католическаго юга.

Въ Англіи, какъ и во Франціи,—говоритъ Бернардъ Шоу,—борьба свѣтскихъ людей съ духовенствомъ создала многочисленный классъ вольтеріанцевъ. Но тождественность французскаго и англійскаго движеній затемнена невѣжествомъ средняго англичанина, который, не понимая истиннаго значенія сектантства, глубоко убѣжденъ, что только

1) Въ ирландскихъ монастыряхъ, какъ въ монастыряхъ всѣхъ странъ, настоятельницы безстыдно эксплуатируютъ трудъ монахинь и послушницъ. Тамъ работаютъ кружевницы, швеи, вязальщицы при условіяхъ, немислимыхъ въ любой мастерской, подчиненной контролю фабричныхъ инспекторовъ. Въ парламентъ нѣсколько разъ вносился билль о подчиненіи мастерскихъ въ монастыряхъ обычному закону королевства. Націоналисты изъ политическихъ соображеній возставали каждый разъ противъ билля. Съ своей стороны либералы, считающіе націоналистовъ союзниками, изъ соображеній тактическихъ, поддерживали ирландцевъ. И вотъ до сихъ поръ безстыдная эксплуатація труда въ женскихъ монастыряхъ продолжается.

2) Коллективное названіе современнаго бюрократическаго правительства въ Ирландіи.

онъ одинъ позналъ истину; вѣра же всѣхъ остальныхъ— ересь и заблужденіе, достойное ада. Средній англичанинъ вѣритъ, что Вольтеръ— „французскій еретикъ“ и не подозреваетъ, что вся дѣятельность его— борьба противъ деспотизма официальной теократіи, т.-е. противъ государственной церкви. Въ сущности, всѣ выдающіеся диссентеры свободной церкви— вольтерьянцы,—говоритъ Б. Шоу. Призывъ нонконформистовъ къ пассивному сопротивленію это— тотъ же вольтеровскій боевой кличъ: „Ecrasez l'infâme“! Въ сущности, не важно, къ кому именно относится опредѣленіе „infâme“. По понятіямъ Вольтера, то была католическая церковь. По мнѣнію современнаго вождя диссентеровъ, доктора Клиффорда, l'infâme это— реформированная англиканская церковь. Въ обоихъ случаяхъ атака ведется противъ монополіи въ сферѣ вѣры и противъ поповской тираніи.

Бѣдствіе Ирландіи заключается теперь, по мнѣнію Шоу, въ томъ, что масса нервной энергіи тратится на протестъ противъ легко устранимаго зла. По общему мнѣнію, население Ирландіи живетъ гораздо хуже, чѣмъ англичане. Бернардъ Шоу утверждаетъ какъ разъ обратное. Въ матеріальномъ отношеніи среднему ирландцу живется теперь, когда население на островѣ сильно порѣдѣло, гораздо лучше, чѣмъ среднему англичанину. Правда, въ Ирландіи бѣдный чловѣкъ ограбленъ, угнетенъ и умираетъ отъ голода, все „на законномъ основаніи“. Но то же самое происходитъ и въ Англійи,—говоритъ Б. Шоу. Англичанинъ болѣе послушенъ, менѣе опасенъ, чѣмъ ирландецъ и слишкомъ уметвенно лѣнивъ, чтобы воспользоваться политической силой, имѣющей въ его распоряженіи. Онъ болѣе терпѣливъ и потому не шумитъ такъ, какъ ирландецъ, когда страдаетъ. Англичанинъ долженъ упрекать только самого себя, если онъ несчастенъ. Если бы большинство англичанъ такъ же твердо рѣшило измѣнить съ выгодой для себя конституцію, какъ рѣшило большинство ирландцевъ добиться гомруля,—то оно давно добилось бы уже своего. Англичанамъ, добывающимся измѣненія конституціи, не грозила бы, какъ ирландцамъ, война съ мощнымъ сосѣдомъ. Они не вели бы борьбу, какъ ирландцы, съ веревкой на шеѣ. Англичанинъ можетъ нападать на любой институтъ своей страны. Это не поведетъ къ введенію законовъ объ усиленной охранѣ (coercion acts),

какъ въ Ирландіи. Правда, помѣщикъ прогонитъ работника, если тотъ, вмѣсто приходской церкви, станетъ посѣщать часовню методистовъ. Правда, богатые потребители перестанутъ покупать у лавочника, если узнаютъ, что онъ поддерживаетъ на выборахъ не консервативнаго, а либеральнаго кандидата. Но зато сторонники реакціи въ Англіи не въ силахъ уже обуздать интеллектуальныхъ вождей демократіи. Философъ, писатель или ораторъ въ Англіи могутъ обличать всякое злоупотребленіе и разрушать всякое суевѣріе. Дѣлая это, философъ или писатель не играютъ въ руку національному врагу, общему для всѣхъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Ирландіи, гдѣ каждое подобное разоблаченіе есть услуга Англіи и ударъ родному народу. Если вы тамъ станете обличать тиранію и жадность католической церкви, то это будетъ только аргументъ въ пользу господства и преобладанія протестантовъ. Если вы будете выставлять непотизмъ и взяточничество, существующія въ нѣкоторыхъ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ, то обличеніями немедленно воспользуются бюрократы изъ Dublin-Castle для доказательства, что ирландцы не способны къ самоуправленію, и что старыя муниципальныя учрежденія были лучше. Точно такимъ же образомъ протестанты, во что бы то ни стало, должны поддерживать Dublin Castle. Оранжевисты должны смотрѣть сквозь пальцы на каждое злоупотребленіе бюрократіи, потворствовать тираніи, принимать каждаго дубоголоваго администратора за образецъ государственной мудрости, потому что обличеніе злоупотребленій было бы на руку націоналистамъ. Национализмъ—зло, но это естественное послѣдствіе завоевательной политики. Подчиненный народъ подобенъ больному ракомъ. Больной не можетъ думать ни о чемъ другомъ и, волей неволей, оказывается въ рукахъ шарлатана, утверждающаго, что онъ можетъ излѣчить ракъ. Пустомели обоихъ лагерей въ Ирландіи стоятъ другъ друга,—говоритъ Бернардъ Шоу. „Въ Ирландіи каждый политическій ораторъ непременно усиленно подчеркиваетъ націонализмъ. Англійское владычество до такой степени невыносимо, что ирландцы не могутъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о націонализмѣ, который стѣной заставляеть весь свѣтъ. Скольконибудь здравомыслящіе люди въ Ирландіи не любятъ націонализма, какъ не можетъ любить человѣкъ со сломанной

рукой процесса вправленія ея. Здоровая нація также не сознаетъ своей „національности“, какъ не чувствуетъ здоровый человѣкъ своихъ костей. Но если унетатели сломають національность народа, то всѣ мысли его сконцентрируются на томъ, чтобы „вправить“ ее. И до тѣхъ поръ, покуда требованія націоналистовъ не будутъ удовлетворены, такой народъ не станетъ слушать ни реформаторовъ, ни философовъ, ни новыхъ проповѣдниковъ. Вотъ почему, покуда Ирландія не добьется гомруля, она будетъ страшно отсталой страной“. Всѣ великія идеи, охвативши культурный міръ, задерживаются у береговъ Ирландіи. вмѣсто этого мы видимъ возникновеніе „гэльской лиги“, задавшейя цѣлью воскресить почти умершій языкъ, непонятный ⁹⁵/₁₀₀ всего населенія. Узкій націонализмъ захватилъ все: парламентскіе выборы основаны только на немъ; въ каждой лекціи исторія искусственно подгоняется для подтвержденія требованій націонализма или, если лекторъ оранжистъ, для доказательства несостоятельности ихъ. Каждая школа превращается въ пунктъ для вербовки новобранцевъ; каждая церковь представляетъ собою казармы націоналистовъ. Все это сильно утомило ирландцевъ, но будетъ существовать до тѣхъ поръ, покуда гомруль не смететъ націонализмъ въ сорную яму. „Для народа нѣтъ большаго проклятія, чѣмъ націоналистическое движеніе, — говоритъ Бернардъ Шоу; — это только болѣзненный симптомъ задавленныхъ естественныхъ функций. Побѣжденные народы теряютъ свое мѣсто въ историческомъ поступательномъ шествіи другихъ народовъ, потому что всѣ усилія ихъ сосредоточены на попыткѣ отдѣлаться отъ націоналистическаго движенія при помощи завоеванія національной свободы“.

Ирландія, какъ и всякій завоеванный народъ, имѣетъ *естественное право* на самоопредѣленіе. Въ послѣднее время существуетъ школа, отрицающая естественное право на томъ основаніи, что оно не можетъ быть выведено изъ принциповъ существующихъ политическихъ системъ. Если какое-нибудь право можетъ быть выведено изъ этихъ системъ, то это уже будетъ право пріобрѣтенное. По мнѣнію Шоу, отрицаніе естественнаго права—нелѣпность. Если пріобрѣтенныя права вытекаютъ изъ политическихъ учреждений, то послѣднія являются послѣдствіемъ естественныхъ правъ. „Если бы

даже гомруль былъ столь же нездоровъ, какъ ѣда англичанина, столь же хмѣлень, какъ его напитки, нечистъ, какъ его куреніе, непристоенъ, какъ его семья, безстыдно жадесть, какъ его торговля, жестокъ, какъ его тюрьмы и безжалостенъ, какъ все то, что происходитъ на англійскихъ улицахъ,—то и тогда, все-таки, естественное право на гомруль остается тѣмъ же¹⁾.

Таковъ тотъ тезисъ, на который написана пьеса „John Bull's Other Island“. Обратимся теперь къ ней.

IV.

Бернардъ Шоу выводитъ двухъ пріятелей, инженеровъ по профессіи, Томаса Бродбента и Лоренса, или Ларри, Дойла. Первый изъ нихъ англичанинъ, второй—ирландецъ. Согласно теоріи Шоу, Бродбентъ совершенно загнипнотизированъ въ вопросахъ политики гипотезами, вычитанными въ передовыхъ статьяхъ своей газеты и выслушанными на митингахъ. Предъ нами человекъ, видящій дѣйствительность не таковой, какъ она есть, а какъ представляютъ ее передовыя статьи. Это—фантазеръ, лишенный чувства моральной деликатности и такта, но здоровый, настойчивый, жизнерадостный. Поразительно проникателенъ онъ только въ сферѣ „дѣланья денегъ“, money-making, какъ говорятъ англичане. Бродбентъ—сентименталенъ, какъ всѣ здоровые и сильные люди. Пріятель его—типичный ирландецъ, опять, какъ понимаетъ Шоу. „Ларри“ постоянно имѣетъ передъ собою дѣйствительность. Оба пріятеля отправляются въ Ирландію; Бродбентъ—въ первый разъ, а Ларри—послѣ восемнадцатилѣтняго отсутствія. У англичанина—практической планъ купить отъ имени синдиката участокъ земли и построить тамъ отели для пріѣзжихъ. Но Бродбентъ, какъ сентиментальный человекъ, взвинчиваетъ себя; онъ совершенно искренно думаетъ, что ѣдетъ для красотъ острова, и удивляется только, что пріятель его совершенно равнодушенъ.

Дойль.—Мнѣ ужасно не хочется ѣхать домой въ Росску-

1) „Preface for Politicians“, d. XXXVIII.

лень и я съ большей готовностью поѣхалъ бы съ вами къ южному полюсу.

Бродбентъ.—Какъ! Эго говорите вы, представитель націи съ сильно развитымъ чувствомъ патріотизма,—націи, домашніе инстинкты которой безпримѣрны. И вы утверждаете, что поѣхали бы всюду охотнѣй, чѣмъ въ Ирландію. Неужели вы думаете, что я вамъ вѣрю? Въ вашемъ сердцѣ...

Дойль.—Оставьте въ покоѣ мое сердце! Сердце ирландца—только продуктъ его воображенія. Ирландію покинули милліоны людей. А многіе ли изъ нихъ возвратились или имѣютъ намѣреніе сдѣлать это? Но зачѣмъ я это вамъ говорю? Сентиментальный стишокъ объ ирландскихъ эмигрантахъ или цитата изъ передовой статьи для васъ значать больше, чѣмъ всѣ факты, которые прямо рѣжутъ глаза.

Пріятели отправляются въ Ирландію. И Бернардъ Шоу выводитъ цѣлую коллекцію провинціальныя типовъ. Тутъ отставленный священникъ, полупомѣшанный мистикъ Кигэнъ, бесѣдующій съ кузвечиками и цвѣтами, страдающій физически за нихъ. „Пожалуйста, не рвите цвѣточковъ,—молить онъ.—Если бы то были красивыя дѣти, вы не отодрали бы имъ головокъ и не поставили бы ихъ въ стаканъ съ водой“. Тутъ—отѣвшившійся, гладкій, самодовольный и невѣжественный священникъ отецъ Демпси, оскорбляющійся, когда Бродбентъ спрашиваетъ, есть ли у него своя теорія о происхожденіи одного памятника. „Теорія“ въ представленіи священника ассоціируется непременно съ Тиндалемъ и съ научнымъ скептицизмомъ вообще. Затѣмъ мы видимъ цѣлую коллекцію фермеровъ, только что ставшихъ прочно на ноги, вслѣдствіе выкупа земли. До послѣдняго времени поразительное трудолюбіе фермеровъ шло на пользу помѣщику.

Ларри. Трудолюбіе ирландскаго крестьянина какое-то сверхчеловѣческое. Онъ трудолюбивѣе коралловаго полипа. Англичанинъ умѣетъ работать, онъ никогда не сдѣлаетъ больше, чѣмъ нужно, и постарается выполнить свое дѣло по совѣсти. Ирландецъ же работаетъ такъ, какъ будто, если онъ остановится, то сейчасъ умретъ. Мэтью Хаффиганъ и братъ его Энди превратили въ удобную землю каменистый скатъ холма. Они снесли всѣ камни и вскопали землю чуть ли не палкой. Первый хорошій заступъ они купили на деньги,

вырученныя отъ продажи перваго урожая картофеля. Толкуютъ, что хорошій земледѣлецъ выраститъ два колоса тамъ, гдѣ прежде росъ только одинъ! Мэтью и Энди вырастили пшеницу тамъ, гдѣ изъ камней не могъ расти даже дрокъ.

Бродбентъ. Удивительно! Только великая нація можетъ давать такихъ людей!

Ларри. Вы хотите сказать: такихъ глупцовъ! Какую пользу принесъ имъ трудъ? Какъ только они расчистили поле, помѣщикъ назначилъ ренту въ 5 ф. ст. И такъ какъ они не могли давать такихъ денегъ, то помѣщикъ отдалъ землю другому.

Но теперь времена измѣнились. Помѣщики продали свои земли. Фермеры стали собственниками. „Скоро у насъ въ Ирландіи не останется ни одного помѣщика“, — говоритъ тетка Ларри Джюди.

— Напротивъ, — мрачно отвѣчаетъ Ларри, — у насъ скоро не будетъ никого, кромѣ помѣщиковъ. И тогда да спасетъ Богъ Ирландію! Дѣйствительно, Мэтью, Энди и другіе фермеры, ставши собственниками земли, не любятъ, когда при нихъ говорятъ о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ. Прежде политическій агитаторъ, чтобы сразу захватить вниманіе слушателей, долженъ былъ обличать помѣщиковъ. Теперь фермеръ именно въ силу этого недоволенъ своимъ представителемъ въ парламентѣ.

— Довольно съ насъ глупыхъ толковъ про лэндлордовъ! — сердито говоритъ старикъ Мэтью Хаффиганъ, тотъ самый, котораго когда-то прогналъ помѣщикъ, но который теперь самъ сталъ собственникомъ послѣ реформы 1902 г. — Что смелить въ земельномъ вопросѣ нашъ депутатъ, если онъ самъ постоянно живетъ въ городѣ!

— Онъ намъ надоѣлъ, — прибавляетъ другой фермеръ Корнеліусъ, — который, когда не былъ землевладѣльцемъ, самъ принималъ участіе въ земельной лигѣ. — Депутатъ не знаетъ мѣры. Каждый не можетъ стать землевладѣльцемъ. Совсѣмъ другое дѣло было прежде, когда серьезнымъ и почетнымъ людямъ, какъ Доранъ, Мэтью или я, постоянно угрожала опасность быть прогнанными изъ фермъ. Здравомыслящій человѣкъ не можетъ же утверждать, что всѣмъ безъ исключенія, даже тупому работнику Пэтси, слѣдуетъ дать землю!

Бродбентъ—(сентенціозно). Въ томъ, что мистеръ Хаф-фиганъ страдалъ, повиненъ ирландскій лэндлордизмъ.

Мэтью.—Никому нѣтъ дѣла до того, что я страдалъ. И безъ вашихъ рассказовъ я знаю, сколько претерпѣлъ. Но что я требовалъ? Только ту землю, которую обработалъ собственными руками. (*Сердито фыркаетъ*). Меня нельзя сравнивать съ Пэтси. Онъ—дубина и не умѣетъ отличить правую руку отъ лѣвой. Развѣ онъ когда-нибудь страдалъ?. Зачѣмъ же тутъ говорить, что и Пэтси нужно дать землю?

Доранъ (бѣшено).—Не кричи, дуракъ! Кто хочетъ надѣлать Пэтси землю?

Корнелиусъ объясняетъ своему сыну Ларри, чего именно желаютъ другіе фермеры. Отецъ инженера хотѣлъ бы видѣть его депутатомъ отъ Роскулэна.

Корнелиусъ.—Видишь, Ларри, дѣло вотъ въ чемъ. Всѣ мы землю, наконецъ, получили и хотѣли бы теперь, чтобы правительство больше не мѣшалось къ намъ. Мы хотимъ имѣть въ парламентѣ такихъ людей, которые знали бы, что все держится на фермерѣ. Намъ нѣтъ никакого дѣла до разнаго сброда въ городахъ и до работниковъ.

У молодой Ирландіи оказываются, однако, другіе идеалы, чѣмъ у старыхъ фермеровъ, и Ларри не можетъ быть ихъ представителемъ въ парламентѣ.

— Я всегда считалъ,—говоритъ Ларри, обращаясь къ Мэтью,—страшно глупымъ и несправедливымъ, что вся земля принадлежитъ немногимъ лэндлордамъ, не отвѣтственнымъ предъ народомъ за пользованіе ею. Помѣщики думали только о томъ, чтобы выжать изъ земли возможно больше денегъ и истратить послѣднія въ Англіи. Лэндлорды закладывали и перезакладывали свои помѣстья до тѣхъ поръ, покуда земля стала имъ въ тягость. Но скажу вамъ откровенно, Мэть, глубоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что теперь дѣло пойдетъ лучше, когда земля передана группѣ мелкихъ собственниковъ, подобнымъ вамъ.

Мэтью (*угрюмо*).—Какое право имѣете вы смотрѣть на меня сверху внизъ? Вы воображаете себѣ много, потому что вашъ отецъ былъ земельнымъ агентомъ.

Ларри.—А какое право имѣете вы смотрѣть сверху внизъ на Пэтси? Вы воображаете, что вы все, потому что приобрѣли въ собственность нѣсколько акровъ земли.

Мэтью. — Угнетали ли Пэтси когда-нибудь такъ, какъ меня? Скажите-ка?

Ларри. — Его еще будутъ угнетать, какъ только онъ попадетъ подъ вашу власть, какъ вы попали когда-то во власть помѣщика. Неужто вы думаете, что такъ какъ вы бѣдны, невѣжественны и отупѣли отъ усиленнаго труда, то вы станете мягче обращаться съ Пэтси и проявите меньшую жадность, чѣмъ вашъ бывший помѣщикъ Никъ Лэстрэндисъ? Тотъ хоть былъ образованный человѣкъ, выдавшій свѣтъ. Его нельзя было соблазнить нѣсколькими сотнями фунтовъ, какъ васъ нѣсколькими шиллингами. Никъ стоялъ слишкомъ высоко надъ Пэтси, чтобы завидовать ему; разница между вами и Пэтси не велика, а между тѣмъ, вы скорѣе умрете, чѣмъ согласитесь, чтобы онъ сталъ рядомъ съ вами...“

Приведенный въ ярость старый фермеръ хочетъ уйти. Его останавливаетъ священникъ Демпси, котораго, какъ и остальныхъ фермеровъ, удивляетъ, „почему это вдругъ Ларри заступился за Пэтси?“ Молодой ирландецъ объясняетъ сторонамъ, что въ прошломъ, влѣдствіе того, что ирландскіе предприниматели пользовались „Пэтси“, они въ состояніи были завалить англійскіе рынки дешевыми продуктами. Спасаясь отъ экономическаго раззоренія, Англія раззорила Ирландію. Явленіе повторится опять, если теперь, послѣ выкупа земли, оправившіеся ирландскіе фермеры воспользуются дешевымъ трудомъ. „Если я попаду въ парламентъ, — заканчиваетъ Ларри, — то постараюсь внести билль, воспрепятствующій фермеру платить Пэтси за его труды меньше, чѣмъ фунтъ въ недѣлю. Въ моемъ биллѣ сказано будетъ также, что съ Пэтси нельзя обращаться хуже, чѣмъ съ лошадыю, за которую вы заплатили пятьдесятъ гиней“. Фермеры въ ужасѣ.

Корнелиусъ (пораженный). — Что? Фунтъ въ недѣлю! Боже! Паренекъ съ ума сошелъ!

Ларри. — Можетъ ли работникъ, получающій меньше фунта, жениться и жить сколько-нибудь сносно.

Свящ. Демпси. — Человѣче! Гдѣ вы жили въ это время? О чемъ вы бредили всѣ эти годы? Многіе честные фермеры, имѣющіе теперь собственную землю, не могутъ выработать больше фунта въ недѣлю, а вы хотите, чтобы они платили столько работникамъ.

Ларри.— Что же! Пусть въ такомъ случаѣ фермеры уступятъ мѣсто тѣмъ, которые могутъ выработать больше. Неужели неудача вѣчно должна преслѣдовать Ирландію? Сперва ее отдали богачамъ. А теперь, когда они напитались ея мясомъ, кости Ирландіи швырнули бѣднякамъ, которые ничего не умѣютъ, какъ только высасывать мозгъ. Если нельзя, чтобы честные люди владѣли землею, отдайте ее способнымъ; если нѣтъ и ихъ, то хоть людямъ съ капиталомъ. Всѣ они будутъ лучше, чѣмъ старый Мэтъ, не имѣющій ни честности, ни способности, ни капитала, ничего, кромѣ грубаго труда да еще жадности“.

Ирландскимъ фермерамъ не надобенъ такой кандидатъ въ парламентъ. Для нихъ больше подходитъ англичанинъ Брасдентъ, традиціонный либераль, воспитанный на передовыхъ статьяхъ радикальныхъ газетъ. Такой либераль видить всюду, такъ сказать, только прямыя линіи. Брасдентъ произноситъ фермерамъ спичъ, въ которомъ излагаетъ свое политическое *credo*. Онъ говоритъ о гомрулѣ, о католической церкви, но не о землѣ. Онъ уходитъ крайне довольный собою.

Свящ. Демпси.— Да! Ума у него немного, прости ему, Боже! Но и нашъ депутатъ тоже не можетъ похвастаться умомъ.

Доранъ.— Пустое, что этотъ англичанинъ болтаетъ. Денегъ у него зато много; онъ будетъ хорошимъ депутатомъ.

Англичанинъ, который такъ смѣшонъ трезво смотрящимъ ирландцамъ, когда онъ принимается говорить академическимъ тономъ мысли изъ передовыхъ статей, отлично умѣетъ, однако, обдѣлывать практическія дѣла. Намъ, русскимъ читателямъ, непонятно, какъ могъ Бернардъ Шоу сдѣлать комическую фигуру изъ стараго фермера Мэтью Хаффиана, котораго всю жизнь преслѣдовали. „Моего дядю застрѣлили на улицѣ во время возстанія католиковъ“; „моего дѣда сѣкли на улицѣ, когда солдаты взяли деревню. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ ружья въ соломенную крышу нашего дома и сжегъ ее“. Вотъ „комическія фразы, которыя бормочетъ постоянно старикъ, дорвавшійся, наконецъ, до земли.

Похоронную пѣсню старой Ирландіи поетъ полупомѣшанный мистикъ, отставной священникъ Киганъ. Для него земля—только юдоль плача. „Этотъ міръ—только мѣсто му-

чений, гдѣ хорошо живется только глупцамъ, а добрыхъ и умныхъ ненавидятъ и преслѣдуютъ. Мужчины и женщины мучаютъ другъ друга во имя любви; дѣтей сбьютъ и порабощаютъ во имя родительскаго долга; слабыхъ тѣломъ отравляютъ и калѣчатъ подъ видомъ лѣченія; а слабыхъ духомъ подвергаютъ умственнымъ мученіямъ, запирая на долгіе годы въ тюрьмы“. Англичанинъ, какъ оптимистъ, не признаетъ, конечно, подобной оцѣнки міра. Есть, безъ сомнѣнія, зло; но оно излѣчивается хорошими реформами. „Нѣтъ такихъ социальныхъ бѣдствій,—говоритъ самоувѣренно Бродбентъ,—которыя нельзя было бы исцѣлить свободой, самоуправленіемъ и нашими британскими учрежденіями“.

Молодая Ирландія шире смотритъ на вещи.

Такова, въ общихъ чертахъ, „политическая“ комедія Бернарда Шоу.

Записки паріи ¹⁾.

„Moi, morbleu! perdu dans la foule obscure, il m'a fallu deployer plus de science et de calculs pour subsister seulement, qu'on n'en a mis depuis cent ans à gouverner toutes les Espagnes“.

(*Le Mariage de Figaro*).

I.

Въ одной изъ своихъ наиболѣе извѣстныхъ книгъ Геккель доказываетъ право человѣческаго общества отдѣлываться отъ всѣхъ калѣкъ и неизлѣчимо больныхъ. „Многія изъ этихъ жалкихъ существъ съ нетерпѣніемъ ждуть, покуда смерть положитъ конецъ ихъ мученіямъ. Возникаетъ важный вопросъ, не имѣемъ ли мы права изъ состраданія пойти навстрѣчу желаніямъ этихъ несчастныхъ и положить конецъ ихъ страданіямъ при помощи безболѣзненной смерти?“ Мы поступаемъ вѣдь такимъ образомъ съ домашними животными. „Мы справедливо предаемъ смерти состарившихся и больныхъ вѣрныхъ собакъ и благородныхъ коней, долго жившихъ съ нами,—продолжаетъ Геккель.—Такимъ же образомъ мы имѣемъ право или даже обязанность положить конецъ страданіямъ нашихъ собратьевъ-людей. Нѣкоторыя мучительныя и неизлѣчимыя болѣзни дѣлаютъ жизнь невыносимой для больныхъ, и они молятъ объ избавленіи... Теперь въ цивилизованныхъ странахъ душевно-больныхъ 5—6 на тысячу населенія. Если считать населеніе Европы въ 390—400 милліоновъ, то душевно-больныхъ будетъ не меньше 2 милліоновъ, среди которыхъ по крайней мѣрѣ

¹⁾ The Story of My Struggles. The Memoirs of Arminius Vambéry v. v. I—II.

двѣсти тысячъ неизлѣчимыхъ. О какой массѣ страданій для самихъ больныхъ говорятъ эти цифры! Какая масса заботъ и горя для родныхъ! Какой громадный расходъ для общества. Какъ сильно уменьшилось бы страданіе, если бы общество рѣшилось избавиться отъ неизлѣчимыхъ больныхъ при помощи дозы морфія... Мужество, сила и красота древнихъ спартанцевъ обусловливались обычаемъ отдѣлываться отъ всѣхъ слабыхъ дѣтей и калѣкъ... Какую пользу извлекаетъ человѣчество отъ того, что оно искусственно поддерживаетъ тысячи глухо-нѣмыхъ, идіотовъ и пр., носящихъ наследственное бремя неизлѣчимои болѣзни? Не лучше ли сразу покончить съ ихъ жалкой жизнью, которая будетъ цѣпью страданій для нихъ самихъ и для ихъ родныхъ?“ „Сентиментализмъ никогда не долженъ узурпировать мѣсто, принадлежащее въ такихъ важныхъ вопросахъ разуму“, — заканчиваетъ Геккель ¹⁾.

Въ Англии слова Геккеля находятъ, вѣроятно, большое сочувствіе, хотя о такихъ темахъ не принято говорить открыто. „Калѣкъ и идіотовъ“, пожалуй, жалѣютъ, потому что они сидятъ въ безопасномъ мѣстѣ, въ рабочихъ домахъ, но крайне не любятъ слабыхъ людей безъ индивидуальности, безъ воли, безъ способности работать, бороться и преодолѣвать. Когда на англійскій языкъ была переведена „Гроза“, критики отказывались видѣть *драму*, проистекающую отъ слабости воли. Они видѣли только комическіе типы. Зато нигдѣ, какъ въ Англии, такъ не умѣютъ цѣнить сильныхъ, даровитыхъ людей, съ ярко окрашенной индивидуальностью. На континентѣ человѣкъ безъ университетскаго диплома, вышедшій изъ рабочей среды, затерялся бы, будь онъ хоть семи пядей во лбу. Въ „аристократической“ Англии Джонъ Бернсъ, работавшій до 25 лѣтъ на заводахъ, — становится министромъ и членомъ кабинета. Сынъ сапожника Ллойдъ-Джорджъ тоже членъ кабинета и оказываетъ своимъ умомъ и талантомъ такія важныя услуги родинѣ, что даже консервативныя газеты, ненавидящія министра за радикализмъ, восторженно восхваляютъ его. Англія зорко выискиваетъ сильныхъ и талантливыхъ людей и беретъ ихъ, когда нахо-

¹⁾ Цитирую по имѣющемуся у меня въ рукахъ англійскому переводу „The Wonders of Life“, Chap. V, p. 120—121.

дять, не считаясь съ ихъ происхожденіемъ. Она не любитъ только безцвѣтныхъ и сѣрыхъ людей. Этимъ она даетъ широкую возможность спокойно жить и наслаждаться своимъ сѣрымъ бытіемъ. Кормчихъ же и экипажъ для своего общественнаго корабля Англія набираетъ изъ сильныхъ людей, вербуя ихъ, гдѣ найдетъ. Франція изгнала гугенотовъ, герцога Альба заставилъ эмигрировать фламандцевъ, революціонныя бури бросили на англійскій берегъ тысячи бѣглецовъ. Англія принимала ихъ всѣхъ и выбирала сильныхъ и талантливыхъ людей для себя. Мы видимъ, что дала Англіи подобная политика: передъ нами самая богатая, самая великая и самая спокойная имперія въ мірѣ. Англія охотно протягиваетъ руку сильнымъ и талантливымъ людямъ чужой страны, не считаясь съ тѣмъ, какъ относятся къ нимъ на родинѣ. Нагляднымъ примѣромъ служить, между прочимъ, двухтомная автобіографія „The Story of My Struggles“. Въ ней знаменитый ориенталистъ и смѣлый путешественникъ Арминій Вамбери рассказываетъ, какъ боролся съ голодомъ, нищетой, а еще больше съ общественными предрасудками, покуда не былъ оцѣненъ въ Англіи. Еврей по происхожденію, Вамбери у себя на родинѣ, которую потомъ прославилъ, не могъ добиться даже правильнаго образованія. Въ Венгріи (до революціи, давшей всѣмъ гражданамъ равноправіе) молодой Вамбери, несмотря на свои выдающіяся способности, былъ только „жидъ“, парія, котораго преслѣдовали за національность. Когда весь міръ говорилъ о поразительно смѣломъ путешествіи Вамбери въ Среднюю Азію, почти тогда неизвѣстную,—только на родинѣ, въ интересахъ которой было предпринято дѣло, къ путешественнику отнеслись враждебно, съ обиднымъ скептицизмомъ. И тогда, когда газеты всего міра восхищались безумно смѣлымъ подвигомъ, уличныя венгерскія газеты глупо глумились надъ „жидомъ“ Вамбери. Англія устроила путешественнику восторженный пріемъ. Королевское географическое общество выяснило значеніе трудовъ Вамбери и дало имъ соотвѣтственное значеніе. Знаменитый ориенталистъ, который у себя на родинѣ, какъ парія, умиралъ отъ голода и зналъ только преслѣдованія,—былъ оцѣненъ въ Венгріи только послѣ успѣха въ Лондонѣ. Только тогда Вамбери предложили кафедру восточныхъ языковъ въ Пештѣ.

„Записки паріи“ крайне любопытны во многихъ отношеніяхъ.

Передъ нами длинная лѣтопись голоданія, безконечныхъ оскорбленій и униженій всякаго рода. Нужна была большая энергія, унаслѣдованная отъ предковъ, только для того, чтобы не впасть въ отчаяніе и не покончить съ собою. При чтеніи „The Story of My Struggles“ предъ нами вырисовывается крупный, очень талантливый, богато одаренный человекъ, если не съ темпераментомъ, то съ нѣкоторыми воззрѣніями Фигаро. Какъ подобаешь въ автобіографіи, Вамбери начинаетъ отъ рожденія; но тутъ же наталкивается на первый камень. „Я не могу съ точностью опредѣлить дату моего рожденія,—говоритъ знаменитый ориенталистъ.—Я имѣлъ проблематическое счастье родиться отъ еврейскихъ родителей въ то время, когда венгерскіе евреи не были еще принуждены закономъ записывать рождающихся у нихъ дѣтей. Вотъ почему никакой официальной отмѣтки о днѣ моего рожденія не существуетъ. Мать моя говорила, что я родился незадолго до смерти отца, которая произошла въ день Св. Іосифа. Отецъ былъ одной изъ послѣднихъ жертвъ холеры, опустошавшей Венгрію въ 1830 г. Вотъ почему я полагаю, что родился приблизительно въ 1831 г. Такъ какъ я не особенный поклонникъ генеалогіи, то не стану обременять читателей подробностями моей родословной. Насколько мнѣ извѣстно, мой прадѣдъ былъ родомъ изъ городка Бамберга. Когда Іосифъ II приказалъ, чтобы всѣ его подданные-евреи имѣли фамиліи, то дѣдъ переселился въ Венгрію и сталъ называться Бамбергеръ, откуда были его предки. Съ теченіемъ времени буква Б перешла въ В, и мой отецъ писался уже Вамбергеръ, хотя ему, какъ правовѣрному еврею, рѣдко приходилось пользоваться фамиліей. Это было только при сношеніяхъ съ начальствомъ. Въ общежитіи правовѣрные евреи пользуются, вмѣсто фамиліи, именемъ отца. Мой отецъ былъ не только набожный еврей, но и замѣчательный талмудистъ. Онъ просиживалъ ночи напролетъ надъ громадными фоліантами, мало заботясь о бренномъ существованіи и о земныхъ дѣлахъ“. Мать Вамбери, какъ болѣе практичный человекъ, убѣдила мужа переселиться въ городъ С. Георгенъ, рассчитывая, что его назначать тамъ помощникомъ раввина. Но и здѣсь отецъ путешественника забывалъ надъ запутанными

вопросами „мишны“ и „гемары“ про земныя дѣла. Жена заставляла мужа то торговать фруктами, то завѣдывать маленькой харчевней. Наконецъ, она убѣдила его заняться скупкой деревенскихъ продуктовъ у крестьянъ, прїѣзжавшихъ на рынокъ. Ученый талмудистъ, погруженный въ разрѣшеніе философскихъ вопросовъ, долженъ былъ выкликать на рынокъ какой-нибудь мѣшокъ съ овсомъ или овечью шкуру. Разъ осенью отецъ Вамбери купилъ на рынокъ только что ободранную, еще влажную коровью шкуру и взвалилъ ее себѣ на плечи. Онъ приплелся домой поздно ночью, мокрый отъ дождя, измученный, запачканный въ грязи, свалилъ шкуру на полъ и, не притрогиваясь къ скудному ужину, усѣлся за свои книги. Это было въ послѣдній разъ: отецъ Вамбери заболѣлъ и умеръ. Вся тяжесть содержанія семьи, оставшейся рѣшительно безъ всякихъ средствъ, пала на мать Вамбери. Она забрала дѣтей и переселилась съ ними изъ городка С.-Георгенъ въ Дуна-Чердагели. Будущему знаменитому путешественнику было въ то время три года. Мать должна была каждый день оставлять дѣтей на произволь судьбы, чтобы заработать на рынокъ нѣсколько грошей. Результатомъ отсутствія призора явилось то, что маленькій Вамбери началъ хромать на лѣвую ногу. Хромота осталась на всю жизнь. Уже въ раннемъ дѣтствѣ будущій оріенталистъ узналъ хроническій голодъ. „Другія дѣти въ раннемъ возрастѣ знаютъ только розы и ясное голубое небо,—говоритъ Вамбери,—я же имѣлъ лишь тернія, лишенія и нищету“. Такъ какъ мать не всегда могла выработать нѣсколько грошей на хлѣбъ, то семья Вамбери обратилась къ новому промыслу: къ торговлѣ пивками. „То было семейное занятіе родственниковъ моей матери,—продолжаетъ Вамбери.—Братья ея покупали у крестьянъ пивокъ, водившихся въ изобиліи въ сосѣднихъ болотахъ, сортировали ихъ и перепродавали потомъ аптекарямъ въ Сѣверную Венгрію. Меня съ малыхъ лѣтъ посвятили во всѣ подробности торговли. Пивокъ нужно было сортировать по величинѣ и класть ихъ въ холщевые мѣшки около 40 сант. въ длину. Животныхъ купали дважды въ день; при этой операціи присутствовали всѣ дѣти. Я никакъ не могъ преодолѣть отвращенія, когда приходилось отмывать пивокъ отъ окружающей ихъ слизи. Случалось, что пивки выбирались ночью изъ мѣшка и пол-

зли по полу, служившему намъ постелью. Очень часто кто-нибудь изъ дѣтей просыпался въ ужасѣ отъ того, что голодное животное присосалось къ пальцу ноги. Просыпались все и начиналась суматоха. Бѣглянку искали со свѣчей и опять водворяли въ мѣшокъ. Эти ночныя тревоги сильно развлекали остальныхъ дѣтей“. Количество ломтей хлѣба, сѣдаемыхъ дѣтьми, зависѣло всецѣло отъ спроса въ данный моментъ на пѣвочкѣ.

Въ Венгріи тогда населеніе любило еще „бросать себѣ кровь“; но такъ какъ врачи уже возставали противъ пѣвочкѣ, то спросъ на нихъ уменьшался, падала цѣна, а вмѣстѣ съ этимъ все сильнѣе заползала голодь въ домъ Вамбери. „Розовые дни дѣтства были для меня годами страданій, лишеній и голода,—говоритъ знаменитый оріенталистъ.— Порой нищета достигала до такихъ ужасныхъ размѣровъ, что ее трудно было выносить. Очень часто у насъ не было даже хлѣба“. Поставщиками его были для Вамбери—нищіе. По пятницамъ, если торговля пѣвочками давала нѣсколько грошей, маленькій Вамбери съ братьями отправлялись покупать у нищихъ собранные ими куски хлѣба. „Въ раннемъ дѣтствѣ я уже хорошо познакомился съ ужаснымъ призракомъ, съ голодомъ, который долго потомъ былъ моимъ постояннымъ спутникомъ. Я много велъ битвъ въ жизни, но въ числѣ ихъ борьба съ голодомъ принадлежитъ къ числу самыхъ упорныхъ“. Несмотря на все это, Вамбери росъ здоровымъ, сильнымъ мальчикомъ и ни разу не болѣлъ, если не считать хромоту. Отъ ранней весны до поздней осени мальчикъ ходилъ босикомъ, въ лохмотьяхъ. Женщины на рынкѣ любовались розовыми и пухлыми щеками мальчика, его кудрявыми волосами и блестящими глазами. Крестьянки жалѣли только, что „жиденокъ хромаетъ“. Эти сожалѣнія заставили чадолюбивую мать Вамбери обратиться къ знахарямъ: докторъ былъ недоступенъ. „Средства и лѣкарства, которыя были испытаны на мнѣ, чтобы излѣчить мою хромоту,—не поддаются описанію,—говоритъ Вамбери.—Пущены были въ ходъ самыя изумительныя снадобья и самыя невѣроятныя приемы. Меня не только купали въ различныхъ травахъ и натирали разными мазями, но пользовали также талисманами и нашептываніями. Когда все это не дало никакихъ результатовъ, меня положили въ полночь на пере-

кресткѣ двухъ дорогъ, гдѣ надо мною шептали старыя цыганки. Это еще можно было терпѣть; но хуже были опыты чудотворцевъ и шарлатановъ. Такъ, напр., до моей матери дошла вѣсть про чудесныя излѣченія, которыя дѣлаетъ католическій священникъ изъ деревни Рудно, въ Сѣверной Венгріи. Мать моя немедленно отправилась къ чудотворцу вмѣстѣ со мною. Такъ какъ тогда желѣзныхъ дорогъ не было, то пошли мы пѣшкомъ. Иногда добродушный крестьянинъ позволялъ намъ присѣсть на его нагруженный возъ. Послѣ многихъ утомительныхъ дней мы добрались, наконецъ, до деревни. Мать моя должна была дать взятку хозяинкѣ дома, гдѣ жилъ священникъ, чтобы насъ допустили къ нему. Чудотворецъ мелькомъ взглянулъ на мою ногу, написалъ рецептъ (аптекарь былъ въ союзѣ со священникомъ) и отпустилъ насъ, посуливъ быстрое исцѣленіе. Но рецептъ не помогъ, и мать рѣшила обратиться къ другому знахарю, кузнецу изъ деревни Грубъ. Этотъ признавалъ рѣшительныя операціи. Пять дней подъ рядъ больную ногу парили, „чтобы размягнуть жилы“, какъ объяснилъ знахарь. На шестой день приступили къ операціи. Мать выслала изъ дома, а меня уложили на полъ. Два здоровенныхъ цыгана, подручные кузнеца, крѣпко держали меня за плечи и за ноги. Затѣмъ кузнецъ всей тяжестью своею упалъ на мое больное колѣно, которое образовывало почти прямой уголъ. Послышался страшный трескъ, и я потерялъ сознание. Когда я опять пришелъ въ себя, мать моя плакала надо мною. Поврежденную ногу вправили въ грубыя лубки и туго забинтовали. Подобныя операціи до сихъ поръ практикуются еще въ Венгріи. Конечно, она не дала никакихъ результатовъ. Какъ только лубки сняли, колѣно снова согнулось, и мнѣ опять пришлось пользоваться костылями“.

Въ молодости Вамбери такъ сильно страдалъ отъ голода и холода, что впоследствии, во время своего знаменитаго и единственнаго въ своемъ родѣ путешествія по Центральной Азіи въ видѣ дервиша-нищаго,—онъ сравнительно легко переносилъ физическія лишения.

Первоначальное свое образованіе Вамбери получилъ въ очень плохой еврейской школѣ, гдѣ проявились замѣчательныя способности мальчика. Въ восемь лѣтъ онъ отлично

зналъ библію и, кромѣ того, хорошо читалъ и писалъ по-венгерски и по-нѣмецки (Вамбери считаетъ своими родными языками венгерскій и словацкій). О блестящихъ способностяхъ мальчика говорили такъ много, что мать Вамбери рѣшила во что бы то ни стало дать ему образованіе и сдѣлать его „докторомъ“, что, какъ извѣстно, для бѣдныхъ евреевъ не только Венгрии, но и Россіи, представляется кульминаціоннымъ пунктомъ счастья. Въ то время Вамбери, ставшій впоследствии рационалистомъ, былъ очень религіозенъ. „Я скорѣе тогда умеръ бы съ голода, чѣмъ взялъ бы въ ротъ пищу, приготовленную не согласно обряду,—говоритъ знаменитый ориенталистъ.—Я пошелъ бы охотнѣе на пытку, чѣмъ дотронулся бы до свинины. Изъ страха обнажить голову, я крѣпко надвигалъ на уши шапку. И когда разъ мальчишки содрали ее мнѣ, я дрожалъ, какъ осиновый листъ, убѣжденный, что теперь я неминуемо попаду въ геенну огненную“.

Несмотря на глубокую религіозность, мать Вамбери взяла его изъ еврейской школы и отдала въ христіанскую. Здѣсь учили начаткамъ географіи и естественныхъ наукъ. Школа была лучше еврейской, но все же очень плоха. Кромѣ перчисленныхъ предметовъ преподавался, конечно, еще латинскій языкъ, стоявшій тогда въ вершинѣ угла знанія. Свѣдѣнія, сообщенныя школой, были скудны, но все же они говорили о современной жизни, а не „о вещахъ, происшедшихъ тысячи лѣтъ тому назадъ“, какъ это дѣлала еврейская наука. Маленькій Вамбери (ему минуло десять лѣтъ) рѣшилъ твердо овладѣть наукой, которую ему давала школа; но выполнить рѣшеніе было не совсѣмъ легко. Бѣдность семьи достигла тогда предѣла. Старшая сестра Вамбери, несмотря на то, что ей было только 12 лѣтъ, должна уже была поступить въ служанки. Нищета семьи была такъ велика, что мать, скрѣпя сердце, отдала будущаго ориенталиста на службу къ дамскому портному. Приходилось оставить мечту о „докторствѣ“. „Я обучалъ еврейскому языку сына портного, за что послѣдній посвящалъ меня въ таинства сметыванія подкладки“. Наука эта плохо давалась мальчику. Подмастерья смѣялись надъ его неловкостью и били его. Черезъ мѣсяць мать поняла, что сдѣлала ошибку, отдавъ Вамбери къ портному, но убѣждала мальчика потер-

пѣть до весны, потому что зимой ей особенно трудно было прокормить дѣтей.

Наступило, наконецъ, теплое время, и у мальчика созрѣлъ въ головѣ грандіозный планъ. „Я рѣшилъ не только оставить родной домъ, но и покинуть городокъ, въ которомъ жило единственное близкое мнѣ существо—мать. Для одиннадцати-лѣтняго мальчика, нищаго, единственная поддержка котораго костью—то было, конечно, героическое рѣшеніе. Оно пугало меня, давило, заставляло плакать. Но что другое можно было сдѣлать? Я не видѣлъ иного пути для достиженія знанія“. Мать поддерживала мальчика въ его рѣшеніи: „Учись и стань докторомъ!“—говорила она. Учиться можно было въ томъ же С.-Георгенѣ, откуда Вамбери переселились когда-то; но для осуществленія плана необходимо было заработать хоть нѣсколько флориновъ. И одиннадцати-лѣтній мальчикъ поступаетъ домашнимъ учителемъ къ кабатчику въ деревнѣ Ныскъ, въ двухъ часахъ пути отъ Дула-Чердагели.

Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ Вамбери привыкъ къ своимъ новымъ обязанностямъ, которыя были довольно сложны. Будущему изслѣдователю Востока приходилось быть не только учителемъ (ученикъ былъ лѣтъ на шесть старше и двумя головами выше одиннадцати-лѣтняго хромоногаго мальчика), но также и слугой и подносчикомъ въ шинкѣ. Въ продолженіе четырехъ часовъ ежедневно Вамбери обучалъ своего ученика ариметикѣ и библіи; по утрамъ же и вечерамъ приходилось подавать вино и водку крестьянамъ, идущимъ на работу или возвращающимся съ нея. По пятницамъ учитель, кромѣ того, чистилъ праздничное платье и ваксилъ сапоги всей семьи. На придачу ученикъ попался на рѣдкость лѣнливый и глупый. Когда разъ учитель, приведенный въ отчаяніе лѣнью ученика, обозвалъ его скотиной, Морицъ (такъ звали „скотину“) набросился на Вамбери, повалилъ на полъ и принялся колотить. На отчаянный крикъ учителя прибѣжала мать Морица, но она заступилась „за дорогого мальчика“. Вотъ почему стычка съ учителемъ повторилась потомъ нѣсколько разъ. Послѣ полугодичной педагогической дѣятельности маленькій Вамбери возвратился домой счастливымъ обладателемъ восьми флориновъ (около 7 р. 50 к.).

Это былъ весь гонораръ за шесть мѣсяцевъ работы.

II.

Вамбери пробыль дома до двѣнадцати лѣтъ, затѣмъ онъ снова забралъ свою маленькую котомку съ двумя рубахами и нѣсколькими книжками и, опираясь на костыль, въ сопровожденіи матери оставилъ Дуна-Чердагелі. До Пресбурга маленькаго хромоножку, отправившагося за знаніемъ, подвезъ сердобольный крестьянинъ. Мальчикъ и мать его провели въ городѣ нѣсколько дней, при чемъ маленькій Вамбери не переставалъ удивляться великолѣпію домовъ, въ сущности одноэтажныхъ и довольно жалкихъ. Изъ Пресбурга путники отправились на волахъ въ С.-Георгенъ. Здѣсь нѣкій Гиршъ Тирнау, школьный товарищъ отца Вамбери, далъ мальчику „даровую квартиру“; заключалась она въ томъ, что будущему ориенталисту разрѣшали каждую ночь примоститься со своею подстилкой гдѣ-нибудь въ углу въ кухнѣ.

Когда квартира была обезпечена, мать Вамбери повела его къ директору монастырской коллегіи, который принялъ мальчика въ младшій классъ (Parva). Половина гонорара, полученнаго отъ кабатчика, пошла на плату за ученіе, на вторую половину Вамбери купилъ учебники. Такимъ образомъ, мальчикъ остался безъ гроша, хотя вопросъ объ ѣдѣ не былъ еще разрѣшенъ. Но тутъ на помощь явилась удивительная система благотворительности у евреевъ. Добрые люди, большею частью крайніе бѣдняки, предложили мальчику обѣдать у нихъ разъ въ недѣлю. Бѣдные люди хоть такимъ образомъ желали помочь соплеменнику добиться знанія. „Несчастные, забытые, загнанные и безправные люди, какими были тогда въ Венгріи евреи,—говоритъ Вамбери,— всегда съ радостью дѣлились послѣднимъ кускомъ съ юношами, жаждавшими знанія; то было проявленіе высшей гуманности и благороднаго стремленія пособить юношѣ въ стремленіи къ свѣту“.

Педагогическая система въ коллегіи основана была на зубрячкѣ; но для маленькаго Вамбери, привыкшаго къ заучиванію цѣлыхъ страницъ талмудическихъ схоластическихъ тонкостей, не могло быть и рѣчи объ умственномъ переутомленіи. Послѣ еврейской науки, латинскій языкъ,

исторія, географія и математика давались мальчику шутя. Въ монастырской коллегіи преподаватели налегали, главнымъ образомъ, на латинскій языкъ, который былъ разговорнымъ языкомъ въ школѣ. Мальчики, уличенные въ тяжкомъ преступленіи разговора на родныхъ языкахъ (вмѣстѣ учились венгерцы, нѣмцы и словаки), должны были въ наказаніе написать по двадцати разъ „sum, es, est“ и т. д. Съ цѣлью раскрытія преступленія школьное начальство ввело правильную систему шпіонства. Одинъ изъ школьниковъ постоянно носилъ съ собою такъ называемую „ослиную книгу“ (*Liber asini*). Какъ агентъ-провокаторъ, онъ заговаривалъ съ мальчикомъ на его родномъ языкѣ. Если мальчикъ отвѣчалъ по-венгерски или по-словацки, а не по-латыни, — *agent provocateur* немедленно всовывалъ изловленному преступнику „ослиную книгу“, со словами: „*Inscribas amice!*“ (Впиши свое имя, друже!) И преступникъ обязанъ былъ записать свое имя, что влекло за собою порку въ ближайшую субботу. Съ такимъ же усердіемъ насаждалась въ коллегіи католическая дисциплина. Мальчики лютеране, кальвинисты и евреи обязаны были твердить: „*Veni Sancte Spiritus, reple tuorum corda fidelium*“, „*Pater noster*“ и „*Ave Maria*“. Всѣ иновѣрцы обязаны были присутствовать на урокахъ Закона Божія (католическаго). Имъ всемъ воспрещалось приносить съ собою въ классъ мясо по пятницамъ. Однимъ словомъ, преподаватели всячески старались обратить всехъ мальчиковъ въ католицизмъ. Результатъ получался совершенно иной: послѣдствіемъ полицейскаго отношенія къ религіи былъ полный индифферентизмъ къ ней.

Вамбери быстро сталъ вторымъ ученикомъ въ классѣ; первымъ онъ не могъ сдѣлаться, потому что не училъ катехизиса. Съ вопросомъ о столѣ и квартирѣ дѣло обстояло не такъ хорошо, какъ съ ученіемъ. Мальчикъ имѣлъ теперь въ недѣлю уже не семь обѣдовъ, а только четыре. „Я постоянно чувствовалъ муки голода, — говорилъ Вамбери. — Строгая діета, на которой я вынужденъ былъ сидѣть, только возбуждала мой и безъ того здоровый аппетитъ. Не могу передать мое настроеніе, когда я, голодный, сидѣлъ въ углу въ школѣ и училъ уроки, въ то время, какъ мои товарищи завтракали“. Когда мальчикъ перешелъ въ старшій классъ, въ *Secunda*, къ голоду прибавилась новая забота о томъ,

гдѣ достать необходимые учебники. На придачу преподаватель въ *Секундѣ* не отличался такою толерантною къ евреямъ, какъ молодой монахъ въ первомъ классѣ. Новый учитель былъ юдофобъ, доставлявшій себѣ удовольствіе въ шуткахъ надъ мальчикомъ, который не смѣлъ отвѣтить изъ страха предъ изгнаніемъ.

— Ну, Мошеле (коллективная кличка евреевъ въ томъ мѣстѣ), зачѣмъ тебѣ учиться? Лучше сдѣлайся рѣзникомъ и продавай „коширное“ мясо,—острилъ преподаватель. Несмотря на то, что мальчикъ учился еще лучше, чѣмъ въ младшей „формѣ“, преподаватель „изъ принципа“ ставилъ ему дурныя отмѣтки, чтобы „не выдвигать жида впередъ“. „Въ то время, — замѣчаетъ Вамбери,—еврейскій мальчикъ съ малыхъ лѣтъ получалъ представленіе о томъ, что ему предстоитъ испытать въ жизни. На улицахъ иногда за мною гнались христіанскіе мальчики; меня травили собаками, забрасывали камнями, кричали вслѣдъ: „Shide Makhele! Нер! Нер! Нер!“

Черезъ много лѣтъ, когда имя Вамбери прогремѣло всюду, и когда онъ возвратился на родину послѣ восторженнаго приѣма въ Англии и во Франціи,—въ Пештѣ, на парадномъ банкетѣ, устроенномъ академіей наукъ въ честь знаменитаго ориенталиста, къ нему подошелъ старикъ. „Вы—воспитывались одно время въ коллегіи въ С.-Георгенѣ,—началь старикъ.—Я долженъ выразить вамъ ту гордость, которую испытываетъ коллегія отъ сознанія, что имѣла въ своихъ стѣнахъ такого доблестнаго человѣка“. Вамбери узналъ въ старикѣ того преподавателя, любителя еврейскихъ анекдотовъ, который когда-то совѣтовалъ ему бросить ученіе и стать рѣзникомъ. Но когда мальчикъ находился въ *Секундѣ*, до почестей было еще далеко. „Только разъ въ недѣлю я имѣлъ настоящій обѣдъ,—пишетъ Вамбери,—зимою я дрожалъ всю ночь отъ холода на полу въ кухнѣ. Когда моя нищета достигла крайнихъ предѣловъ, надо мною сжалился монахъ—учитель перваго класса. Черезъ его посредство мнѣ дали работу: ваксить сапоги профессорамъ въ монастырѣ, для чего я являлся рано утромъ. Выполнялъ я работу въ корридорѣ при яркомъ огнѣ въ печкѣ, который не только согрѣвалъ меня, но и давалъ возможность приготовить уроки“. Это право грѣться у печки, да еще время отъ вре-

мени нѣсколько картофелинъ составляли всю заработную плату за трудъ. „Въ С.-Георгенѣ я испыталъ голодъ, холодъ, насмѣшки и оскорбленія“. Въ раннемъ возрастѣ уже Вамбери пристрастился къ чтенію, въ особенности путешествій по Востоку. Интересная книга заставляла мальчика забыть про голодъ.

Въ монастырѣ маленькій Вамбери пережилъ религіозный кризисъ. Все то, что мальчикъ видѣлъ, заставляло его относиться равнодушно къ обрядовой религіи. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, индифферентизмъ переродился въ рационализмъ. „Я не могъ не замѣтить контраста между тѣмъ, чему монахи учили и что дѣлали“,—говоритъ Вамбери“. Между тѣмъ обстоятельства складывались такъ плохо для мальчика, что онъ рѣшилъ перейти изъ школы въ С.-Георгенѣ въ Пресбургъ, въ надеждѣ, что въ большомъ городѣ найдетъ и больше знанія и лучшую возможность прокормиться. По совѣту матери, мальчикъ рѣшилъ отправиться предварительно на „отдыхъ“ недѣли на двѣ къ родственникамъ, живущимъ въ Лунденбургѣ (въ Моравіи). Такъ какъ средствъ не было, то путь предстояло совершить пѣшкомъ. Въ Пресбургѣ мальчикъ прибылъ безъ гроша. Добрый фургонщикъ согласился подвести его даромъ до Вѣны, если мальчикъ „ухитрится помѣститься въ плетушкѣ для сѣна позади воза“. Въ Вѣнѣ Вамбери разыскалъ дальняго родственника, который далъ на билетъ до Лунденбурга: въ 1845 г. желѣзная дорога здѣсь была уже построена. Имѣя въ карманѣ цѣлый капиталъ, Вамбери не устоялъ передъ искушеніемъ и накупилъ себѣ нѣсколько пышекъ съ масломъ. И вотъ на станціи, пересчитавъ деньги, мальчикъ съ ужасомъ убѣдился, что у него не хватаетъ на билетъ. Такъ какъ до отхода поѣзда оставалось уже немного времени, то приходилось дѣйствовать энергично. И вотъ, набравшись мужества, мальчикъ подошелъ къ группѣ пассажировъ и обратился по латыни:

— *Domini spectabiles, rogo humillime, dignemini mihi dare aliquantos cruciferos qui iter ferrarium solvendi mihi carent* (т. е. „Достопочтенные господа! Не дадите ли вы мнѣ нѣсколько крестиковъ, такъ какъ мнѣ не хватаетъ на покупку желѣзнодорожнаго билета). Латинская рѣчь, произнесенная маленькимъ, хромоногимъ, оборваннымъ мальчикомъ, про-

извела впечатлѣніе. Пассажиры собрали между собою недостававшій флоринъ. Вамбери купилъ билетъ и добрался до Лунденбурга, гдѣ разыскалъ родственниковъ. Они хорошо приняли мальчика, „подкормили“ его, дали новое платье и нѣсколько флориновъ, чтобы добраться назадъ до Пресбурга. Здѣсь мальчикъ очень быстро убѣдился, что ему „предстоитъ жизнь мученика“. Началась длинная лѣтопись голоданій и униженій еще горшихъ, чѣмъ въ С.-Георгенѣ. Когда Вамбери явился въ коллегію бенедиктинцевъ, чтобы записаться въ третью „форму“, ректоръ, отецъ Алоизій, сказали мальчику:

— Итакъ, Гершель, ты задумалъ стать докторомъ, ни больше, ни меньше!

„Тотъ фактъ, что меня прежде называли „Мошеле“, а теперь „Гершель“, — нисколько не смущалъ меня, — говоритъ Вамбери. — Но по насмѣшливому тону я могъ заключить, что меня ждетъ впереди. И дѣйствительно, я никогда не забуду тѣ три года, которые провелъ въ пресбургской коллегіи. Я не могу забыть глупыхъ шутокъ надо мною со стороны монаховъ и ихъ ничѣмъ не мотивированную злобу? — Меня до сихъ поръ поражаетъ отсутствіе толерантности, отъ котораго я такъ страдалъ въ монастырѣ“. Вамбери, несмотря на хроническій голодъ и на преслѣдованія, учился великолѣпно. Онъ уже тогда проявилъ поразительныя лингвистическія способности. Кромѣ латинскаго языка, которымъ мальчикъ овладѣлъ вполнѣ, — онъ въ тринадцать лѣтъ зналъ хорошо еще венгерскій, нѣмецкій, словацкій и древне-еврейскій языки. Вамбери самоучкой принялся за французскій языкъ и быстро овладѣлъ имъ. „Для практики“ мальчикъ обращался съ рѣчами на французскомъ языкѣ рѣшительно ко всѣмъ, включительно до венгерскихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ на рынокъ. „Это было единственное мое развлеченіе, такъ какъ дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо. Нѣтъ, кажется, ни одного камня въ маленькомъ дунайскомъ городкѣ, который не могъ бы рассказать горестную исторію про то, какъ я голодалъ и страдалъ отъ холода въ то время“. Разъ въ осеннюю ночь Вамбери остался совсѣмъ безъ ночлега. Онъ бродилъ по улицамъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, — съ нѣсколькими книжками подъ мышкой. „Было около девяти часовъ, когда я, совершенно обезсиленный отъ

голода и усталости, опустился на скамью, на бульварѣ. Противъ меня стоялъ одноэтажный домикъ. Въ освѣщенные окна я видѣлъ дѣтей, ужинавшихъ за столомъ, слышала звуки піанино. Отчаяніе и чувство полного одиночества овладѣли мною, я горько заплакалъ“. Но несмотря на отчаянные лишенія, Вамбери учился хорошо и прошелъ третью, а потомъ четвертую „формы“. Мальчикъ, не довольствуясь школьной наукой, читалъ очень много. Какъ все самоучки, онъ склоненъ былъ переоцѣнивать свои знанія. Какъ у всѣхъ самоучекъ, они приняли односторонній характеръ:— въ данномъ случаѣ то было изученіе языковъ. Знаніе ихъ имѣло то послѣдствіе, что по всему городку, въ особенности среди еврейскаго населенія, распространилась слава про ученость Вамбери. У него явились грошевые уроки. Вамбери училъ чтенію и письму за право ночевать въ кухнѣ, писалъ кухаркамъ и горничнымъ *billets doux* въ обмѣнъ за обѣдъ и пр. Эти кліентки пропагандировали славу молодого ученаго среди своихъ хозяекъ. Разъ вечеромъ, по предложенію сентиментальной кухарки, влюбленной по уши въ сапожника, Вамбери спѣлъ ей подъ аккомпаниментъ гитары народную пѣсенку:

„Schöne Minka, ich muss scheiden,
Ach, du fühlst nicht die Leiden“.

(т. е. „Прекрасная Минка, я долженъ разстаться съ тобою. Увы! Ты не знаешь моихъ страданій“). Сильный и звонкій голосъ мальчика проникъ въ гостиную и, повидимому, произвелъ хорошее впечатлѣніе на хозяйку и ея дочерей. Вамбери позвали въ другую комнату, гдѣ ему предложили еще пѣть. Кромѣ того, хозяйка рекомендовала мальчика своимъ знакомымъ (евреямъ, потому что въ то время, до революціи 1848 года, міры христіанскій и еврейскій въ Пресбургѣ никогда не соприкасались), какъ хорошаго учителя венгерскаго, французскаго и латинскаго языковъ. Вознагражденіе было больше чѣмъ скромное: два флорина въ мѣсяцъ, т. е. по четыре копейки за урокъ. Такъ какъ Вамбери имѣлъ ежедневно три урока, то на 12 коп. „могъ жить съ комфортомъ“, какъ онъ пишетъ. Благополучіе его достигло такихъ размѣровъ, что онъ могъ даже, къ великой своей гордости, облачиться въ поношенные штаны и въ сюртукъ, приобрѣтенные

на *собственныя* заработанныя деньги. Но судьба поспѣшила напомнить мальчику, что благополучіе не постоянно. Въ 1848 г. началась въ Венгріи война за освобожденіе. Какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ съ незапамятныхъ временъ, враги освобожденія выставили виновниками его евреевъ и натравили на нихъ толпу. Въ венгерскихъ городахъ всюду начались анти-еврейскіе погромы. Это не помѣшало еврейской молодежи присоединиться къ возстанію; она дралась въ рядахъ венгерскихъ войскъ за освобожденіе общей родины. вмѣстѣ съ венгерскими патриотами, когда движеніе было раздавлено, евреи гнили въ австрійскихъ казематахъ, или шли на эшафотъ. И когда, наконецъ, для Венгріи наступили лучшіе дни, евреи были тамъ сравнены въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ.

Но всему этому, прежде всего, предшествовали погромы. Толпа разгромила, между прочимъ, Пресбургъ. Еврейскія лавки были ограблены, а дома сожжены. Дѣятельная, зажиточная община была совершенно раззорена. Вамбери не могъ принять участія въ борьбѣ за освобожденіе Венгріи, потому, что былъ еще малъ и къ тому же калѣка; но онъ сохранилъ воспоминаніе о жестокомъ усмиреніи возстанія. „Я до сихъ поръ не могу забыть казней венгерскихъ патриотовъ, которыхъ австріяки называли „бунтовщиками“ и „разбойниками“. На нѣкоторыхъ казняхъ я присутствовалъ, привлеченный дѣтскимъ любопытствомъ. Двѣ сцены въ особенности памяты мнѣ. Прежде всего казнь барона Медніянши, командира маленькой крѣпости Леопольдштадта, взятой австрійцами, и его товарища Грубера. Оба были молоды и смѣялись, когда рука въ руку шли на казнь. Когда я видѣлъ, какъ слуги камарильи издѣвались надъ тѣлами этихъ патриотовъ, качавшимися на висѣлицѣ, какъ дергали повѣшенныхъ за ноги, въ моей груди закипала жажда мщенія. Не менѣе сильное впечатлѣніе произвела на меня казнь лютеранскаго священника Рашга, присужденнаго къ висѣлицѣ за патриотическую проповѣдь“.

Нѣмцы-побѣдители держали себя крайне вызывающе по отношенію ко всеѣмъ заподозрѣннымъ въ сочувствіи повстанцамъ. Вотъ почему положеніе евреевъ въ Пресбургѣ ухудшилось послѣ разгрома Венгріи. Вамбери, поэтому, рѣшилъ остановить городъ. Къ тому же еврейское населеніе было со-

вершено разрушено, и уроки исчезли. Мальчикъ принялъ приглашеніе небогатаго еврея изъ Маріенталя быть у него домашнимъ учителемъ. Черезъ семь мѣсяцевъ Вамбери возвратился въ Пресбургъ съ нѣсколькими флоринами въ карманѣ и рѣшеніемъ оставить бенедиктинскую коллегію (мальчикъ перешелъ уже въ шестой, послѣдній классъ) и поступить въ протестантскій лицей, преподаватели котораго относились болѣе терпимо къ евреямъ, чѣмъ монахи. „Безпрерывныя преслѣдованія со стороны фанатиковъ монаховъ совершенно измучили меня,—говоритъ Вамбери.—Мнѣ было уже восемнадцать лѣтъ. Восьмилѣтняя борьба съ голодомъ утомила меня. Состояніе моего духа было до такой степени подавлено, что я рѣшилъ прекратить ученіе на годъ и взять мѣсто домашняго учителя гдѣ-нибудь въ деревнѣ, чтобы укрѣпить силы и накопить кое-какія средства для продолженія ученія“.

III.

Вамбери осуществилъ свою мечту: онъ попалъ учителемъ къ небогатому помѣщику Петриковичу, человѣку безъ предразсудковъ. Для Вамбери условія были блестящи: 150 флориновъ въ годъ на полномъ содержаніи. Преподаватель долженъ былъ обучать двухъ мальчиковъ иностраннымъ языкамъ, а себя самого посвящать въ таинства обращенія съ вилкой, пожемъ и салфеткой. Для бѣднаго еврейскаго мальчика, привыкшаго ночевать на улицѣ, домъ мелкопомѣстнаго землевладѣльца казался дворцомъ изъ волшебной страны. Но блаженство кончилось въ 1851 г., когда ученики Вамбери поступили въ школу. Будущій оріенталистъ опять очутился лицомъ къ лицу съ нуждою. Пришлось взять мѣсто домашняго учителя за квартиру и столъ. „Слово *квартира* звучитъ очень громко. Въ дѣйствительности, я имѣлъ право спать въ комнатѣ для прислуги, гдѣ кромѣ меня, спали еще кухарка, горничная и ребенокъ. Что же касается „стола“, то онъ былъ настолько скромнень, что воспоминаніе о немъ сохранялось скорѣе у меня въ памяти, чѣмъ въ желудкѣ“. Такъ какъ Вамбери не могъ заплатить вступныхъ шестнадцати флориновъ, то пришлось оставить мысль о продолженіи образованія въ школѣ. Онъ никогда не былъ

въ университетѣ и всѣми знаніями обязанъ только самому себѣ. Вамбери оставилъ мысль объ опредѣленной профессіи, и такъ какъ приходилось жить чѣмъ-нибудь, то онъ сталъ искать уроковъ иностранныхъ языковъ. Въ то время Вамбери знали уже хорошо нѣмецкій, французскій, итальянскій, латинскій, древне-еврейскій, венгерскій и словацкій языки. Учениками его были, преимущественно, евреи. „Меня всегда поражало стремленіе даже наиболѣе грубыхъ и наименѣе грамотныхъ евреевъ дать порядочное образованіе своимъ дѣтямъ, — говоритъ Вамбери. — Эти люди не жалѣли послѣднихъ средствъ, чтобы доставить дѣтямъ возможность учиться“.

Условія опять сложились благопріятно для Вамбери, и онъ получилъ мѣсто домашняго учителя у зажиточнаго еврея, нѣкоего Розенберга, жившаго въ Кутіево, деревнѣ въ Славоніи. Такъ какъ Вамбери отдавалъ своимъ ученикамъ только шесть часовъ въ день, — то у него оставалось время для любимыхъ занятій филологіей. Въ деревнѣ онъ впервые началъ заниматься турецкимъ языкомъ, что натолкнуло Вамбери на мысль объ изученіи Востока. Рабочей комнатой служила всегда какая-нибудь уединенная долина. Вамбери съ дѣтства страстно любилъ природу. Яркое утро приводило его въ хорошее настроеніе на весь день. Кромѣ природы, Вамбери любилъ еще поэзію. На каждомъ новомъ языкѣ, который изучалъ, будущій изслѣдователь Востока, прежде всего, прочитывалъ поэтовъ.

Въ деревнѣ къ семи языкамъ, которые Вамбери знали уже, онъ прибавилъ еще испанскій, датскій и шведскій. Изученіе турецкаго языка тоже быстро подвигалось впередъ; но идилическому пребыванію въ славонской деревнѣ пришелъ неожиданный конецъ. Розенбергъ былъ очень доволенъ Вамбери, какъ учителемъ; но очень недоволенъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели на молодого человѣка прекрасные глаза сестры его учениковъ. Въ результатъ Вамбери получилъ отставку. Онъ отправился въ Вѣну въ надеждѣ, что тамъ найдется спросъ на его лингвистическія знанія; но ожиданія не оправдались, и Вамбери пришлось отправиться обратно въ Венгрію, въ Пешть. Здѣсь, въ жалкой комнаткѣ надъ кабакомъ, несмотря на отчаянную нищету и на вѣчную погоню за грошовымъ заработкомъ,

Вамбери продолжалъ свои занятія. Латинская пословица *Plenus venter non studet libenter* была сложена, какъ будто, нарочно для него: ощущенія „полнаго брюха“ Вамбери въ то время совершенно не зналъ. Ежедневно онъ тратилъ отъ 10—12 часовъ на занятія филологіей. Къ романскимъ и германскимъ языкамъ Вамбери прибавилъ теперь славянскіе діалекты. Словацкій языкъ онъ зналъ съ дѣтства, иллирійскій діалектъ изучилъ въ Кутіево. Въ своей комнатѣ надъ кабакомъ Вамбери занялся русскимъ языкомъ. „Вскорѣ,—говоритъ ориенталистъ,—я наслаждался произведеніями Батюшкова, Пушкина и Лермонтова“. вмѣсто завтрака, Вамбери приходилось довольствоваться нѣсколькими пѣснями изъ *Orlando Furioso*, вмѣсто обѣда—„Бахчисарайскимъ фонтаномъ“, „Евгеніемъ Онѣгинымъ“, „Fritiof Sága“ или „Гуслями“ Вука Караджича. Бывало такъ, что и на ужинъ не было ничего, кромѣ чтенія драмъ Кальдерона или турецкихъ лѣтописей. Опять явилось спасеніе въ видѣ мѣста домашняго учителя. Нанимателю Вамбери отдавалъ по восьми часовъ въ день, а на свои занятія—шесть часовъ.

Чѣмъ больше знакомился Вамбери съ литературой Востока (онъ изучилъ хорошо къ тому времени турецкій и персидскій языки), тѣмъ сильнѣе расло въ немъ желаніе побывать тамъ. И вотъ созрѣло смѣлое рѣшеніе отправиться въ Турцію. „Я зналъ массу иностранныхъ языковъ,—говоритъ Вамбери,—и могъ цитировать на память громадныя отрывки изъ произведеній итальянскихъ поэтовъ, Байрона, Пушкина, Тегнера и Саади. На многихъ языкахъ я могъ бѣгло объясняться и порядочно писать. Но мои знанія были безсистемны. Только впоследствии подъ вліяніемъ опыта, у меня выработался опредѣленный методъ“. Задумать планъ путешествія на Востокъ было гораздо легче, чѣмъ осуществить намѣреніе. Весь капиталъ Вамбери состоялъ изъ 120 флориновъ, накопленныхъ на послѣдней „кондиціи“. Денегъ этихъ едва хватало на поѣздку до Константинополя, гдѣ у Вамбери не было ни души. „Но все это нисколько не смутило меня,—пишетъ Вамбери. Великолѣпный Босфоръ, Золотой Рогъ, стройные минареты, величественные куполы мечетей, турки въ тюрбанахъ, закутанныя турчанки и многія другія чудеса, о которыхъ я мечталъ, совершенно завладѣли

моимъ воображеніемъ. Я не могъ даже думать о такихъ прозаическихъ подробностяхъ, какъ-то, чѣмъ буду жить на Востокѣ. „Какъ-нибудь вывернусь“, — рѣшилъ я“. Единственной заботой было, какъ бы достать паспортъ у австрійскихъ властей, которыя какъ разъ въ то время относились крайне подозрительно ко всѣмъ ѣдущимъ въ Турцію, гдѣ жили венгерскіе эмигранты. Въ Вѣнѣ подозрѣвали, что въ Венгріи готовится революціонное движеніе и что, поэтому, агенты его непрерывно сносятся съ бѣглецами за границей. Вамбери помогло случайное знакомство съ ориенталистомъ барономъ Этвешемъ, по рекомендаціи котораго путешественнику выдали паспортъ. Внѣшній видъ изслѣдователя не говорилъ о его благосостояніи. Башмаки, напр., находились въ такомъ плохомъ состояніи, что подошвы, чтобы онѣ не отвалились, пришлось привязать веревочками; но каждый грошъ необходимо было беречь на билетъ. Въ маѣ 1857 г. Вамбери сѣлъ на пароходъ, отправлявшійся въ Галацъ. Вопросъ о ѣдѣ былъ разрѣшенъ на пароходѣ дружбой съ корабельнымъ поваромъ, итальянцемъ, страстнымъ любителемъ поэзіи. Вамбери декламировалъ ему Аріосто и сонеты Петрарки. Поваръ вознаграждалъ путешественника восклицаніями: „ben fatto“ и кусками хлѣба съ масломъ и сыромъ. Въ Галацѣ у Вамбери осталось ровно столько денегъ, чтобы купить билетъ на палубѣ до Константинополя. Полное отсутствіе денегъ не смущало изслѣдователя. Напротивъ даже. „Я былъ въ высшей степени счастливъ, — говоритъ онъ. — Наконецъ-то я видѣлъ море, извѣстное мнѣ до тѣхъ поръ только по описаніямъ Байрона, Тегнера и др. поэтовъ. И при созерцаніи широкаго простора, я былъ въ восхищеніи. Чтобы лучше созерцать бѣгъ волнъ, я, съ разрѣшенія матросовъ, усѣлся у бугшприта. Мнѣ представлялось, когда соленныя волны обливали меня, что я плыву верхомъ на дельфинѣ. Я буквально купался въ морѣ наслажденія. Я пѣлъ, декламировалъ стихи, и до поздней ночи мой голосъ смѣшивался съ пронзительнымъ крикомъ чайкъ. Наконецъ, когда морская вода совершенно пропитала мое платье, я всталъ съ моего „дельфина“, улегся на палубѣ, гдѣ лежали турки, и крѣпко заснулъ“. Даже когда началась ночью сильная качка, и палубные пассажиры, въ особенности турчанки, стали сильно страдать отъ морской

болѣзни,—Вамбери былъ тоже доволенъ. Пожалуй, даже больше, чѣмъ тогда, когда сидѣлъ на своемъ „дельфинѣ“. „Вой вѣтра, трескъ досокъ, размахи корабля, вздохи и стоны пассажировъ говорили мнѣ, что вскорѣ я увижу величественный Эвксинъ въ красотѣ настоящей бури. Я тотчасъ же поднялся и, несмотря на темень, направился къ мачтѣ. Здѣсь я былъ въ восторгѣ, когда случайная молнія освѣщала великолѣпную картину взрытаго моря. Осуществлялись мои самыя завѣтныя желанія!“ Вамбери, крѣпко держась за перегородку, отдѣляющую третій классъ отъ перваго, сталъ декламировать стихи изъ *Henriade*. На рубкѣ перваго класса стоялъ только одинъ пассажиръ, тоже любитель бури. Его такъ поразилъ бѣдно одѣтый молодой палубный пассажиръ, декламирующій на турецкомъ пароходѣ стихи Вольтера, что онъ заговорилъ съ Вамбери. То былъ секретарь бельгійскаго посольства въ Константинополѣ, который впоследствии оказалъ молодому путешественнику кое-какія услуги.

Корабль, наконецъ, бросилъ якорь въ Золотомъ Рогѣ и ошвартовался протѣвъ Галаты. Пассажиры толпились, чтобы скорѣе выбраться на берегъ. Для Вамбери впервые выяснились прозаичныя стороны путешествія. Въ карманѣ у него было ровно столько денегъ, чтобы заплатить лодочнику за переправу на берегъ. Въ городѣ путешественникъ не имѣлъ ни одной знакомой души. Но какъ только Вамбери попалъ на улицы Константинополя, онъ опять забылъ про свою нищету. Пестрая, причудливая жизнь, хаосъ языковъ, любопытныя и выразительныя лица, смѣшеніе красокъ,—все это поглотило вниманіе Вамбери. Вопросъ о квартирѣ разрѣшился случайной встрѣчей съ венгерскими эмигрантами, которые пригласили земляка ночевать на продавленномъ диванѣ. Ни подушекъ, ни простынь, ни одѣяла не было, но Вамбери привыкъ спать на подстилкѣ, въ углу въ кухнѣ, на полу. Вопросъ о кускѣ хлѣба тоже разрѣшился довольно своеобразно. Всюду на Востокѣ: въ Константинополѣ, Каирѣ, Тунисѣ и Алжирѣ—есть своеобразныя „ученые нищіе“, добывающіе скудный обѣдъ декламацией наизусть или по книгѣ поэмъ и сказокъ. Вамбери, обладавшій способностью не только быстро усваивать чужой языкъ, но и овладѣвать въ совершенствѣ акцентомъ, сталъ такимъ декламаторомъ. Онъ чи-

талъ въ кофейняхъ туркамъ отрывки изъ „Ашихъ Гарибъ“ (т.-е. „Влюбленный Чужестранецъ“) или другія популярныя поэмы и въ видѣ гонорара получалъ хлѣбъ, сыръ, кофе, а иногда „кебабъ“ (жареное мясо), пиллафъ или „пастирма“ (вяленое мясо). „Первыя шесть недѣль въ Константинополѣ прошли пезамѣтно,—говорить Вамбери.—Я никогда не зналъ утромъ, буду ли я ѣсть вечеромъ и если да, то гдѣ именно. Будущее меня нисколько не смущало. Такъ какъ я замѣнилъ шляпу феской и былъ въ достаточной степени оборванъ, то меня, дѣйствительно, всѣ принимали за турка профессиональнаго бродячаго декламатора. Я наслаждался моею жизнью бродяги“. Плохо было только, когда наступили холодныя ночи. Вамбери дрожалъ тогда на своемъ продавленномъ диванѣ; но и тутъ нашлось средство. Ориенталистъ спросилъ эмигрантовъ, нѣтъ ли у нихъ, чѣмъ прикрыться. Они дали ему старое венгерское знамя, которое удалось спасти съ поля битвы. То было ихъ единственное имущество. „Знамя это зажигало огонь энтузіазма въ сердцахъ борцовъ за свободу,—сказалъ старый эмигрантъ:—оно, поэтому, будетъ грѣть и васъ“. Эмигрантовъ скоро вытѣснили за неплатежъ денегъ, и Вамбери остался безъ ночлега; но одинъ венгерецъ, у котораго какъ разъ тогда околѣла сторожевая собака, предложилъ ориенталисту караулить домъ, покуда не будетъ пріобрѣтенъ другой песъ. „И я занялъ вакантный постъ сторожевой собаки“,—спокойно пишетъ Вамбери. По утрамъ онъ изучалъ турецкую и персидскую литературы, затѣмъ чистилъ дворъ, ходилъ по-воду, а вечерами отправлялся въ кофейни, чтобы заработать пиастръ или два декламацией популярныхъ сентиментальныхъ и эротическихъ поэмъ. Какъ только Вамбери, взмостившись на высокую скамью, начиналъ декламировать нараспѣвъ, въ носъ, по восточному обычаю, свои поэмы,—его тотчасъ же окружали турки и армяне. Затаявъ дыханіе, они слушали любовныя жалобы Вамика, Эзры, Хоссеру или Ширина.

Такъ шло дѣло до глубокой осени. Съ наступленіемъ холодныхъ дней, бродяжеская жизнь стала тягостна. Необходимо было подумать о такихъ прозаическихъ, но крайне полезныхъ вещахъ, какъ крѣпкіе башмаки, цѣлые штаны и пр. И вотъ Вамбери рѣшилъ, что слѣдуетъ искать какого-нибудь постояннаго занятія, напр., уроковъ. Вслѣдствіе уди-

вительнаго знанія языковъ, спроса на нихъ въ Константинополѣ, легкости, съ которой Вамбери знакомился съ людьми, и неприхотливости его, — уроки скоро нашлись. Ориенталистъ сталъ учителемъ въ конакѣ у Гуссейна Даимъ пашы. Онъ переселился въ турецкій кварталъ, — рассказываетъ Вамбери, — и превратился въ настоящаго турка. Недоставало только имени. Мой принципаль сталъ называть меня Решидъ, т. е. „Честный“. За мои знанія мнѣ прибавили титулъ „эффенди“. Такимъ образомъ я сталъ Решидъ Эффенди; подъ этимъ именемъ я съ тѣхъ поръ извѣстенъ на Востокѣ“. Принципаль былъ увѣренъ, что принятіе ислама со стороны Решиды Эффенди явится само собою въ послѣдствіи. Такимъ образомъ, для Вамбери открылась бы дорога къ почестямъ. Но ориенталистъ совершенно не думалъ послѣдовать примѣру десятка другихъ европейцевъ. Хотя исламъ, по словамъ Вамбери (то же самое говоритъ и другой великій знатокъ Востока — сэръ Ричардъ Бертонъ, о которомъ я писалъ уже раньше), даетъ широкій просторъ свободной мысли, такъ какъ основанъ на рационалистическихъ догматахъ, но все таки это опредѣленная вѣра, тогда какъ путешественникъ къ этому времени былъ уже свободнымъ мыслителемъ. Турки, по свидѣтельству Вамбери, отличаются большою толерантносью, и поэтому вопросъ о ренегатствѣ былъ совершенно оставленъ, когда Гуссейнъ-паша убѣдился, что ориенталистъ противъ перехода въ исламъ. У Вамбери явилась возможность изучить въ совершенствѣ не только турецкіе нравы, но и турецкую манеру мыслить. Вотъ почему онъ до сихъ поръ считается самымъ лучшимъ авторитетомъ, когда заходитъ рѣчь о безконечномъ турецкомъ вопросѣ. Вамбери отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ многія симпатичныя черты турокъ: ихъ честность, демократизмъ (въ Турціи нѣтъ аристократіи по рожденію; человѣкъ самага темнаго происхожденія можетъ стать великимъ визиремъ), патріархальность. Слуги являются членами семьи и имѣютъ иногда сильное вліяніе на эффенди-пашу, и, въ особенности, на дѣтей. Нѣкоторые европейскіе народы, несмотря на свой кодексъ морали, который исповѣдуютъ, отличаются слѣпой ненавистью къ инородцамъ, Турки же строго слѣдуютъ и въ повседневной жизни предписанію Корана: „Ekreru ed dhaifum ve lau kana kafirun“, „Чти гостя даже тогда, когда онъ невѣрный“.

Дѣла Вамбери, какъ преподавателя, шли хорошо. Вмѣстѣ съ этимъ расширялась возможность изучать различныя стороны турецкой жизни. Изъ конака Гуссейнъ-паши Вамбери перешелъ въ домъ канцлера имперскаго совѣта, гдѣ познакомился съ Мидхадъ-пашей, будущимъ отцомъ турецкой конституціи, жившей такъ мало. Черезъ посредство Мидхадъ-паши Вамбери поступилъ въ „медрессе“, т. е. высшую школу для изученія корана. „Скрючившись у ногъ „Khodjas“ (профессоровъ), я основательно изучилъ исламъ,—говорить ориенталистъ:—Знанія, которыя мои товарищи-студенты воспринимали съ религіознымъ восторгомъ, были цѣнны для меня не только потому, что поднимали меня въ глазахъ окружающихъ, но еще потому, что давали возможность осуществить когда-нибудь зарождавшіеся смѣлые планы. Среди европейцевъ, изучавшихъ Востокъ и перешедшихъ потомъ въ исламъ, я былъ первый, который получилъ спеціальное религіозное образованіе въ „медрессе“ и не обратился въ магометанство. Ученіе въ „медрессе“ давалось мнѣ легко, потому что очень напомнило преподаваніе въ еврейской школѣ. И тутъ, и тамъ съ одинаковымъ жаромъ ведутся абстрактныя религіозныя диспуты, тщательно обсуждаются мельчайшія ритуальныя детали, и лучшимъ ученымъ признается тотъ, кто можетъ дольше всѣхъ спорить“. Турки цѣнятъ въ человѣкѣ его самого, а не происхожденіе. На родинѣ отъ Вамбери отворачивались только потому, что онъ еврей. Въ Турціи его національность никого не интересовала.

Населеніе и правительство составляютъ два различныхъ міра, какъ это наблюдается не въ одной только Турціи. Самые просвѣщенные администраторы, блиставшіе передъ Вамбери своимъ европейскимъ образованіемъ, имѣли о государственныхъ финансахъ, напр., довольно своеобразное представленіе. О султанѣ и говорить нечего. Когда Фуадъ-паша рѣшился замѣтить повелителю правовѣрныхъ, что съ государственной казной слѣдуетъ обращаться нѣсколько осторожнѣе, султанъ воскликнулъ: „Развѣ я не повелитель правовѣрныхъ? Развѣ вся имперія не принадлежитъ мнѣ?“

Доходы Вамбери значительно увеличились. Послѣ долголѣтней борьбы съ голодомъ у ориенталиста былъ теперь свой уголь и большая слава въ Константинополѣ. Благодаря ей,

онъ получилъ доступъ въ библіотеки, гдѣ нашель много турецкихъ рукописей, касающихся ранней исторіи Венгріи. И вотъ Вамбери рѣшилъ выступить на литературное поприще ознакоменіемъ Венгріи съ этими источниками. Одновременно съ этимъ Вамбери составилъ нѣмецко-турецкій словарь, изданный въ 1858 г. Въ Константинополѣ также началась журнальная дѣятельность Вамбери рядомъ писемъ, появившихся въ *Augsburger Allgemeine Zeitung* и въ *Pesti Naplo*. Письма эти обратили вниманіе специалистовъ, которыхъ поразило глубокое знаніе Востока. Между тѣмъ изученіе лѣтописей въ библіотекѣ все сильнѣе захватывало Вамбери. Его живо заинтересовало таинственное происхожденіе мадьярскаго народа и языка. Въ школѣ Вамбери слышалъ много легендъ объ этомъ, которыя желалъ теперь провѣрить. И такъ какъ легенды указывали на Центральную Азію, тогда совершенно неизвѣстную, какъ на колыбель венгерскаго народа, то у Вамбери зародилась безумно-смѣлая для того времени мысль изслѣдовать этотъ край. Любопытно не то, что одно изъ самыхъ поразительныхъ путешествій въ исторіи географической науки было осуществлено изъ націоналистическихъ побужденій, а то, что путешественникъ принадлежалъ къ племени, отъ котораго на родинѣ отвернулись мадьяры. Въ то время языкъ Центральной Азіи, т.-е. чагатайскій или восточно-турецкій былъ извѣстенъ на Западѣ только по работамъ французскаго оріенталиста Катрмэра (*Quatremère*). На основаніи этихъ скудныхъ данныхъ, а также разницы между разговорнымъ и литературнымъ языкомъ, Вамбери надѣялся найти на берегахъ Оксуса (Аму-Дарьи) ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи венгерскаго народа. Въ то время свѣдѣнія объ Авганистанѣ, Бухарѣ и Хивѣ могли дать только паломники, возвращавшіеся изъ Мекки. Всѣ эти свѣдѣнія говорили о дикости, грубости, жестокости и фанатизмѣ населенія Центральной Азіи. И когда, наконецъ, Вамбери сообщилъ своимъ турецкимъ друзьямъ, что рѣшилъ предпринять путешествіе въ неизвѣстные края, его сочли маниакомъ. Еще настойчивѣе заговорили о душевной болѣзни Вамбери, когда его стали видѣть постоянно въ обществѣ оборванныхъ, полунагихъ паломниковъ-нищихъ, возвратившихся изъ Центральной Азіи. И вотъ Вамбери рѣшительно приступилъ къ выполненію

плана, осуществленіе котораго прославило безумно-смѣлаго путешественника на весь міръ. Венгерская академія наукъ, избравшая къ тому времени Вамбери за переводъ турецкихъ лѣтописей своимъ корреспондентомъ, дала ему на путешествіе скромную сумму въ тысячу флориновъ. Даже президентъ академіи наукъ мало надѣялся на то, что Вамбери возвратится изъ путешествія. И когда одинъ изъ академиковъ, краниологъ по специальности, предложилъ Вамбери привезти нѣсколько тюркскихъ череповъ для сравненія съ венгерскими, президентъ академіи наукъ замѣтилъ: „пожелаемъ лучше нашему сотоварищу привести въ цѣлости собственный черепъ“. Чтобъ обезпечить Вамбери радушный пріемъ у туркменовъ, академія наукъ снабдила его пропускомъ на *латинскомъ* языкѣ. Полудикое населеніе Авганистана, Бухары и Хивы извѣщалось, что „Socius noster Vir ingenuus honestissimusque Arminius Vambéry Hungarus eo fine per nos ad oras Asiae Tartaricas mittitur“ etc. „Мои милые соотечественники полагали, что документъ этотъ будетъ въ высшей степени полезенъ мнѣ при сношеніяхъ съ ханами Туркестана и съ туркестанскими вождями. Покажи я эту грамоту въ степяхъ или на берегахъ Оксуса, меня немедленно отдали бы палачу“—говоритъ Вамбери.

Денегъ отпущенныхъ венгерскою академіей наукъ на экспедицію, было такъ мало, что ихъ могло хватить только до Тегерана. Для осуществленія плана, Вамбери рѣшилъ, что лучше всего ему путешествовать, какъ турку, подъ именемъ Решидъ Эффенди и пользоваться рекомендаціями, полученными отъ турецкихъ друзей. „Чѣмъ ближе былъ день отъѣзда,—говоритъ Вамбери,—тѣмъ больше возрастало мое нервное возбужденіе. Я едва сознавалъ, что дѣлаю. Близились къ осуществленію мечты моей юности, тотъ миражъ, который манилъ меня постоянно при изученіи восточныхъ литературъ. Скоро я увижу воочию мою мечту! Приподнятое настроеніе заглушало голосъ здраваго смысла. Что, въ самомъ дѣлѣ, могло страшить меня? Въ концѣ-концовъ, опасности, грозившія мнѣ, были всѣ матеріальнаго свойства: лишенія, борьба съ враждебною природою, болѣзни. Я совершенно не думалъ о томъ, что мое предпріятіе можетъ кончиться неудачей и смертью. Что для меня значили физическія лишенія; сколько ихъ я испыталъ въ дѣтствѣ

и юности! Въ Европѣ я хронически голодалъ до восемнадцати лѣтъ. Не только въ дѣтствѣ, но и очень долго потомъ я не зналъ, что такое теплое и цѣлое платье. Во время путешествія мнѣ предстояло вынести насмѣшки; но мнѣ ли, котораго, „какъ жиды“, травили съ дѣтства, было привыкать къ нимъ! Фанатики шиты будутъ глумиться надо мною въ пути; но чѣмъ это хуже ужасныхъ криковъ: „гепп! гепп!“ и швырянія камнями“ ¹⁾?

Вамбери долженъ былъ оставить „хорошую“ жизнь, которую вель въ Константинополѣ. При описаніи ея мы видимъ, какъ нетребователенъ знаменитый ориенталистъ: „я имѣлъ удобную комнату, ежедневно сытный обѣдъ и могъ даже пользоваться экипажемъ, когда мнѣ предстояла въ немъ надобность“.

V.

Исторія путешествія Вамбери въ Персію, Авганистанъ, Бухару и Хиву разсказана много разъ ²⁾, какъ имъ самимъ, такъ и другими; но безумно-смѣлое предпріятіе отъ этого нисколько не утратило своего интереса. До сихъ поръ оно остается почти единственнымъ въ своемъ родѣ. Сэръ Ричардъ Бертонъ посѣтилъ Мекку подъ видомъ богатаго арабскаго купца. Онъ рисковалъ попасть на колъ, какъ и Вамбери, но шансовъ на спасеніе у англійскаго путешественника было больше. Кромѣ того, его странствованіе было обставлено извѣстнымъ комфортомъ (съ точки зрѣнія путешественника по Востоку, конечно), тогда какъ пребываніе Вамбери въ Средней Азіи представляетъ собою безконечную цѣль невѣроятныхъ лишеній, голода, гоненій. Бертонъ имѣлъ возможность свершить путь верхомъ на верблюдѣ, тогда какъ Вамбери шелъ пѣшкомъ съ толпою нищихъ паломниковъ. Хотя Вамбери разстался съ костылемъ еще въ 20 лѣтъ, но нога его была такъ сведена, что онъ сильно хромалъ. И, несмотря на крайне неблагоприятныя условія, при которыхъ было

¹⁾ The Story of My Struggles v. I, p. 158.

²⁾ „Travels in Central Asia“. На русскій языкъ эта книга переведена почти одновременно: „Путешествіе по Средней Азіи въ 1863 г. А. Вамбери, съ картой“, Спб., 1865 г.

совершенно путешествіе; несмотря на то, что малѣйшая замѣтка, сдѣланная въ пути, если бы ее нашли, вела бы за собой для Вамбери мучительную казнь, — слѣдуетъ удивляться точности и добросовѣстности его наблюдений. Когда Вамбери впервые разсказалъ о своемъ путешествіи, ему повѣрили только въ Англии. На родинѣ юдофобскія газеты писали, что „жидъ навралъ и все выдумалъ“. Только впоследствии, когда Бухара и Хива стали доступны, выяснилось, какъ добросовѣстно Вамбери передаетъ факты.

Въ мартѣ 1862 г. Вамбери прибылъ въ Трапезондъ, откуда отправился въ Персію съ небольшимъ караваномъ. „Когда я взбирался на тянущійся вдоль побережья Чернаго моря горный хребетъ и видѣлъ, какъ постепенно скрывается въ туманъ море, — тоскливое чувство овладѣло мною. Впервые къ страстному желанію увидѣть невѣдомыя европейцамъ мѣста примѣшалось предчувствіе |предстоящихъ опасностей. Была весна. Великолѣпная погода и величественныя картины горъ почти разсѣяли эти смутныя предчувствія; но они явились опять вечеромъ, когда мы прибыли въ грязный каравансарай. Послѣ утомительнаго переѣзда, я долженъ былъ самъ приготовить мой скудный ужинъ, а затѣмъ улечься на полу. Ночью предстоящее путешествіе рисовалось мнѣ далеко не въ розовомъ свѣтѣ. |Путь отъ Трапезонда до Эрзерума показался мнѣ особенно утомительнымъ. Предстояло войти въ милость къ моимъ попутчикамъ, грубымъ и фанатичнымъ погонщикамъ муловъ, но, что еще хуже, необходимо было привыкнуть къ насѣкомымъ, которыми ночлеги кишѣли“. Отъ Эрзерума на пути встрѣчались только жалкія сакли армянъ, похожія скорѣе на кротовыя кучи, чѣмъ на человѣческое жильѣ. Въ этихъ сакляхъ люди жили вмѣстѣ съ буйволами. На Дагарѣ караванъ впервые встрѣтился съ разбойниками - курдами, и Вамбери принялъ первое „крещеніе огнемъ“. Знаменитый путешественникъ приходитъ къ заключенію, что такія добродѣтели, какъ храбрость, находчивость въ опасности и презрѣніе къ смерти не наследуются, а приобретаются опытомъ. „Я научился съ теченіемъ времени спокойно смотрѣть опасности въ лицо и не бояться смерти, — говоритъ Вамбери. — И я остаюсь при моемъ мнѣніи, что герои (въ смыслѣ смѣлости) не рождаются, а дѣлаются. Наиболѣе робкій домосѣдъ можетъ, подѣ влияніемъ постоянной

необходимости самозащиты, стать настоящимъ львомъ. Только эта необходимость создаетъ добродѣтель личнаго мужества, которую такъ восхваляютъ всѣ. Источникомъ героизма является настоящая необходимость самосохраненія“. Наконецъ, караванъ перевалилъ черезъ персидскую границу. Въ воображеніи путешественника Персія представлялась страшной розъ и ширасскаго вина. Дикія горы и поразительная бѣдность сильно смутили, поэтому, туриста. Къ трудностямъ пути прибавлялись мученія другого рода. Для шитовъ персовъ Вамбери, или Решидъ Эффенди, былъ расколникъ сунитъ, чудовище своего рода, объектъ безконечныхъ насмѣшекъ и оскорбленій.—„У себя на родинѣ персы смѣлые фанатики,—говоритъ Вамбери.—Какъ будто я недостаточно терпѣль уже отъ фанатизма въ дѣтствѣ! Гидра религіозной ярости мучила меня теперь снова. Мнѣ кричали: „Segi Sunni!“ (т.-е. сунитская собака!). То былъ, своего рода, вариантъ крика: „Гепъ! гепъ! жидъ“, которымъ меня преслѣдовали въ дѣтствѣ. Злоба и ненависть персидскихъ купцовъ и мулъ причиняли мнѣ не меньшую боль, чѣмъ камни, которыми швыряли въ меня когда-то на родинѣ или чѣмъ глумленія моихъ учителей въ коллегіи. Но я такъ же привыкъ къ ругательствамъ шитовъ; помогли мнѣ терпѣніе и выносливость моего племени. Я принимался читать нараспѣвъ какую-нибудь „суру“ изъ Корана или эпизодъ изъ *Mesnevi*, изъ книгъ, одинаково священныхъ, какъ для сунитовъ, такъ и для шитовъ.—Это дѣйствовало успокаивающимъ образомъ на моихъ преслѣдователей; они говорили: „Онъ еще не совсемъ погибъ; онъ такъ знаетъ Коранъ, что изъ него можетъ еще выйти добрый мусульманинъ“ (т.-е. шитъ). Всюду все, что есть наиболѣе низкаго въ человѣкѣ, проявлялось предо мною подъ вліяніемъ религіи, которая считается продуктомъ божественнаго вдохновенія и, по предположенію должна дѣйствовать на человѣчество облагораживающимъ образомъ. Отъ моей колыбели до самой старости какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ среди грубыхъ варваровъ и людей высокой культуры, я всюду встрѣчалъ нетерпимость, узость взглядовъ, злобу и несправедливость только со стороны религіозныхъ людей и на почвѣ религіи“. Чѣмъ дальше въ глубь Персіи уходилъ караванъ, тѣмъ большій фанатизмъ проявляло населеніе. Для него „Решидъ Эффенди“, по пред-

положенію сунитъ, была такая же „pedjis“ (нечистъ), какъ и христіанинъ. Женщины проявляли еще большую нетерпимость, чѣмъ мужчины; онѣ плевали на „сунита“ и осыпали его ругательствами. То обстоятельство что женщины энергичнѣе демонстрируютъ свой фанатизмъ, чѣмъ мужчины, испыталъ, впрочемъ, еще Кандидъ ¹⁾.

Въ Таврисѣ, чтобы не выдаваться своимъ видомъ въ пестрой толпѣ купцовъ, ремесленниковъ, нищихъ, дервишей, шутовъ, уличныхъ пѣвцовъ и фокусниковъ, Вамбери замѣнилъ свое полу-европейское платье, превратившееся въ лохмотья, персидскимъ. Такъ какъ ориенталистъ обладаетъ удивительной способностью быстро и въ совершенствѣ улавливать акцентъ, то Вамбери, несмотря на его европейское лицо, стали принимать въ Персіи за туземца. Сильную помощь оказало также великолѣпное знаніе Корана. Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Таврисѣ, Вамбери отправился въ Тегеранъ. Будущее представлялось теперь путешественнику въ болѣе розовомъ свѣтѣ, — созрѣла надежда, что смѣлое предпріятіе доведено будетъ до конца. Вамбери присоединился къ компаніи курдовъ и арабовъ; хотя эти были и изъ сунитскихъ странъ, но вѣхали они какъ шииты, „промышляя вѣрой“. Путешественники эти были странствующие сказатели священныхъ элегій (Rouzekhan) и ежедневно проливали цѣлыя ведра слезъ, воспѣвая въ деревняхъ трагическую судьбу мучениковъ Гасана и Гусейна; набравъ денегъ, переодѣтые суниты смѣялись надъ „невѣрными“. Торговцы вѣрой имѣли и другую специальность: они отправляли живыхъ и мертвыхъ персовъ къ святымъ мѣстамъ въ Кербела. Живымъ персамъ „торговцы“ служили проводниками. Они выговаривали себѣ возможно болѣе высокій гонораръ, который получали авансомъ, и тайкомъ вступали потомъ въ сношеніе съ разбойниками-бедуинами, обиравшими путешественниковъ. Мертвыхъ персовъ доставляли къ святымъ мѣстамъ въючнымъ порядкомъ, въ примитивныхъ гробахъ, состоявшихъ изъ четырехъ досокъ. Въ этой почтенной компаніи Вамбери благополучно прибылъ въ Тегеранъ ²⁾. Къ

¹⁾ „La femme... avisant un homme qui doutait que le pape fût antechrist, lui répandit sur le chef un plein... O ciel! à quel excès se porte le zèle de la religion dans les dames!“ (Candide, Chapitre III).

²⁾ Эта компанія подробно описана во второй книгѣ Вамбери, посвя-

путешествію въ Среднюю Азію оріенталистъ готовился поѣздкой по Южной Персіи въ Испагань, Ширасъ и Персеполь. Въ Тегеранѣ путешественнику сказали, что поѣздка въ Бухару почти невозможна. Вслѣдствіе войны, происходившей тогда на сѣверо-востокъ Персіи, дорога черезъ Мешедъ и Мервъ была совершенно недоступна. Чтобы не тратить напрасно времени, приходилось намѣтить, поэтому, какой-нибудь иной планъ. „Въ мою программу не входило изученіе арійскихъ языковъ,—говоритъ Вамбери,—поэтому, собственно, мнѣ нечего было дѣлать въ Южной Персіи; но я долженъ былъ продолжать систему закаливанія себя. Кромѣ того, кочевая жизнь до того полюбилась мнѣ, что твердое сѣдло, твердые сухари и твердая постель на землѣ нравились теперь мнѣ больше, чѣмъ роскошь, которую предлагали мнѣ въ гостепріимномъ турецкомъ посольствѣ въ Тегеранѣ“. Черезъ посредство турецкихъ друзей, Вамбери приобрѣлъ много знакомыхъ въ Тегеранѣ, былъ представленъ шаху и когда отправился въ Южную Персію, получилъ отъ персидскаго правительства охранный листъ на имя „Оттоманскаго подданнаго Решида Эффенди“. Въ Испагани знаменитый мулла того времени пытался обратить „сунита“ Вамбери на путь истинный, т. е. въ шиита. Съ этой цѣлью устроенъ былъ даже большой религіозный диспутъ. Мулла поддержалъ рядъ другихъ ученыхъ богослововъ, старавшихся доказать что только догматы шиитовъ единственно вѣрны. Богословы привели великое множество аргументовъ для доказательства, что первые калифы, Абукирь, Османъ и Омаръ, были, въ сущности, только узурпаторы и что только одинъ Али имѣетъ неотъемлемое право на титулъ наслѣдника пророка. Такъ какъ Вамбери присутствовалъ уже на такихъ диспутахъ въ Турціи, то онъ привелъ аргументы, выставляемые обыкновенно сунитами, затѣмъ замолчалъ. Богословы были въ восторгѣ, что разбили на голову схизматика. „Бѣдные глупцы!—говоритъ Вамбери,— что бы они сказали, узнавъ, что отъ прикосновенія къ „френги“ (европейцу) стали „недѣи“ (нечисть). Бѣдняги аргументировали все время съ заклятымъ врагомъ какого бы то ни было канонизированнаго догмата!“

ценной путешествію въ Среднюю Азію „Wanderings and Experiences in Persia“. Книга переведена на многіе языки, но, кажется, не на русскій.

Ученые богословы нашлись и въ караванѣ, съ которымъ Вамбери предпринялъ путешествіе по Южной Персіи. Они готовы были начать пренія въ любой моментъ: въ пути, на ночлегѣ, на привалахъ. Часто къ вечеру, когда становилось прохладнѣе, и Вамбери дремалъ въ сѣдлѣ, какой-нибудь рьяный спорщикъ внезапно будилъ путешественника восклицаніемъ: „Итакъ, ты отрицаешь, что Омаръ, эта паршивая собака, гнусное исчадіе ада, эта вонючая гадина, былъ захватчикъ власти и самозванецъ? Отвѣчай немедленно, эффенди. У меня сильное желаніе отправить тебя въ адъ къ твоему скверному патрону!“ И миролюбивый путешественникъ, поклонникъ Вольтера и Штрауса, пробужденный внезапно отъ сна, долженъ былъ немедленно приводить и выслушивать дельные аргументы.

Когда Вамбери возвратился въ Тегеранъ изъ поѣздки по Южной Персіи, онъ окончательно рѣшилъ предпринять путешествіе въ Бухару, если необходимо, черезъ Гератъ и прямо черезъ туркменскія степи. Изъ „эффенди“ Вамбери превратился въ бродягу дервиша, т.-е. въ мусульманскаго „странника“. Ходить въ лохмотьяхъ и выпрашивать хлѣбъ пѣніемъ священныхъ гимновъ было трудно; но это давало извѣстный шансъ на осуществленіе задуманнаго плана. Въ то время, т.-е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, у всѣхъ въ памяти была смерть англійскихъ офицеровъ Конолли и Стоддэрта, замученныхъ пытками въ Бухарѣ. Тогда же де Блоквилъ, только что бѣжавшій изъ плѣна у туркменовъ, привелъ всѣхъ въ ужасъ разказами про страданія европейцевъ, находящихся въ плѣну у средне-азіатскихъ хановъ. Говорили, что англійскій офицеръ капитанъ Уойборнъ, пропавшій въ туркменскихъ степяхъ, погибъ тоже отъ пытокъ. Всѣ эти факты и много другихъ еще приводили тегеранскіе друзья Вамбери, чтобы отговорить его отъ путешествія, такъ сказать, въ центръ мусульманскаго фанатизма. Когда въ турецкомъ посольствѣ узнали, что Вамбери собирается свершить путь въ компаніи оборванныхъ, полудикихъ татаръ, возвращавшихся въ степи изъ паломничества къ гробу пророка,—путешественника сочли осужденнымъ на гибель.

Пріятель Вамбери, турецкій посланникъ Хайдаръ Эффенди, призвалъ къ себѣ старостъ каравана нищихъ, далъ имъ подарки и убѣждалъ ихъ заботиться о путешественникѣ.

Посланникъ сдѣлалъ еще больше: онъ выдалъ охранительную грамоту, въ которой Вамбери значился, какъ *хаджи* Магометъ Решидъ Эффенди. Званіе „хаджи“, очень чтимое на Востокѣ, какъ извѣстно, дается только правовѣрнымъ, побывавшимъ въ Меккѣ. Турецкій посланникъ зналъ, что Решидъ Эффенди не только не былъ у гроба пророка, но что онъ даже не мусульманинъ. Выдача грамоты свидѣтельствуешь, какъ о добротѣ турецкаго посла, такъ и о релігіозной терпимости его. Грамота и титулъ „хаджи“ нѣсколько разъ спасли жизнь Вамбери. Оффиціальныи документъ, скрѣпленный подписью султана (тугра), всегда внушалъ туркменамъ глубокое уваженіе. Они признаютъ османлисовъ братьями по вѣрѣ. Въ степяхъ туркмены прикладывались къ подписи султана, какъ къ святынѣ. Въ Хивѣ и Бухарѣ, гдѣ подпись падишаха была еще болѣе извѣстна, грамота вызывала еще большее уваженіе. По мнѣнію Вамбери, оффиціальныи представитель какого-нибудь государства гуманной Европы врядъ ли сдѣлалъ бы такой же великодушныи поступокъ по отношенію къ магометанину.

Пытался также отговаривать Вамбери отъ путешествія врачъ при австрійскомъ посольствѣ. Убѣдившись, что аргументы не дѣйствуютъ, врачъ далъ Вамбери нѣсколько пилюль. „Вотъ вамъ стрихнинъ,—сказалъ онъ,—ядъ васъ избавитъ отъ медленной смерти подъ пыткой. Когда васъ отдадутъ палачу, проглотите эти пилюли. Онѣ сократятъ ваши мученія“. Вамбери обнялъ врача и спряталъ ядъ за подкладку. „Пилюли были моей надеждой въ пути,—говоритъ Вамбери.—Много разъ во время крайней опасности я нащупывалъ пилюли. Убѣдившись, что онѣ на мѣстѣ, я чувствовалъ облегченіе“. Все состояніе Вамбери заключалось въ „Kiblenuma“, т. е. въ компасъ для опредѣленія положенія Мекки и Медины во время молитвы, да въ нѣсколькихъ дукатахъ, запрятанныхъ въ башмакахъ, между подошвами и подстилкой. „*Cantabit vacuus coram latrone viator*“,—говоритъ Ювеналъ, т. е. „странникъ, ничего не имѣющій при себѣ, будетъ пѣть, завидѣвъ грабителей“. Вотъ почему Вамбери не боялся встрѣчи съ разбойничьими шайками. Лохмотья его были такъ жалки, что не могли соблазнить даже самаго жаднаго разбойника. И вотъ Вамбери тронулся въ путь по направленію къ Каспійскому морю, оставивъ за собою Теге-

ранъ и послѣднія связи съ Европой. Къ трудностямъ пути (хромому Вамбери приходилось много идти пѣшкомъ), къ мукамъ голода и жажды, къ тяжелому для самаго непривычнаго европейца состоянію нищаго-дервиша, питающагося подаяніемъ,—прибавлялось еще непрерывное страшное напряженіе нервовъ. Смѣлый путешественникъ постоянно долженъ былъ думать о томъ, какъ бы не выдать какою нибудь ничтожною мелочью своего incognito. Вамбери въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ; онъ отлично зналъ Коранъ; но подозрѣніе возбуждали черты его лица. „Днемъ и ночью, во снѣ или на яву, въ толпѣ или наединѣ, я постоянно долженъ былъ помнить мою роль, быть всегда насторожѣ, чтобы никогда ни малѣйшимъ промахомъ не выдать себя,—говорить Вамбери.—По ночамъ, когда всѣ спали, я пріучалъ лицо къ нѣкоторымъ гримасамъ, къ благочестивому и характерному для нищихъ-дервишей закатыванію глазъ. Я подражалъ жестикаціямъ, подмѣченнымъ у моихъ попутчиковъ. Человѣкъ до такой степени быстро приспосабливается къ окружающей его средѣ, что черезъ два мѣсяца я представлялъ въ жестахъ и манерѣ говорить точную копію моихъ попутчиковъ паломниковъ. Обыкновенному туркмену я казался дервишемъ изъ Кокана или Кашгара... Не могу скрыть того, что первые дни физическія лишенія, неразрывно связанныя съ моею ролью нищаго,—доставляли мнѣ мученія. Такъ, напр., нельзя сказать, чтобы особенно пріятно было ѣсть пальцами изъ горшка рисъ, одобренный за недостатокъ жира—сальной свѣчей, рисъ, въ который нищіе только что всунули свои грязныя, покрытыя болячками руки. Не особенно пріятно также спать рядомъ съ храпящими нищими, лохмотья которыхъ кишатъ насѣкомыми. Но я утѣшался воспоминаніями о страданіяхъ и лишеніяхъ, которыя перенесъ въ дѣтствѣ и юности“. Сильнѣе всего Вамбери страдалъ отъ насѣкомыхъ. Только въ степяхъ Средней Азіи онъ понималъ, почему въ Библии насѣкомыя упоминаются, какъ одна изъ язвъ, которыми былъ наказанъ Египеть. Потомъ смѣлаго путешественника дожимала жара, которая въ степяхъ, по наблюденіямъ полковника Маркусова, достигаетъ до 50 и даже до 52° по Реомюру. „Человѣкъ, такъ сказать, вдыхаетъ не воздухъ, а пламя. Кожа морщится. Колебаніе нагрѣтаго, струящагося воздуха почти ослѣпляетъ. Отъ

восьми часовъ утра до 3—4 часовъ дня путникъ чувствуетъ себя какъ бы въ жарко вытопленной печи. Мученія увеличиваются, когда приходится, скрючившись, сидѣть въ „kedjeve“ (корзинѣ) на спинѣ воняющаго потомъ и язвами верблюда. Иногда, когда бѣдное животное не въ силахъ было уже ступать по глубокому песку, я долженъ былъ спуститься и идти значительное разстояніе пѣшкомъ. Такъ какъ я хромалъ на ногу, то приходилось сильно опираться на палку. Отъ этого правая рука распухла и долго сильно болѣла“. За исключеніемъ этого, здоровье Вамбери все время было въ отличномъ состояніи.

Вамбери до такой степени хорошо игралъ свою роль, что туркмены прониклись глубокимъ уваженіемъ къ его набожности. Они считали его святымъ изъ далекаго „Rum“ (Запада). Молодые и старики старались протолкаться къ нему, чтобы получить отъ него благословіе, или хоть почувствовать дыханіе святого, которое согласно представленію, предохраняетъ отъ болѣзни. Разъ къ Вамбери пришелъ сѣдобородый старикъ, степной волкъ, много лѣтъ грабившій караваны. „Шейхимъ,—т.е. мой шейхъ,—началъ старикъ.—Почему ты не станешь во главѣ отряда храбрецовъ и не сдѣлаешь набѣга. Твоя святость легко собрала бы армію въ пять тысячъ наѣздниковъ, съ которыми ты бы могъ вторгнуться въ страну схизматиковъ-шіитовъ (Персію). Я легко могу это сдѣлать для тебя. При помощи Аллаха и твоей fatiha (молитвы) мы вернемся съ большой добычей“.

Крайне трудно было скрыть свое incognito въ такихъ населенныхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались люди, побывавшіе въ Индіи и Турціи и выдавшіе европейцевъ. Эти бывалые люди крайне подозрительно относились къ „хаджи и святому“, подвергали его перекрестному допросу и допытывались, какой онъ національности. Наболѣе точные и ясные отвѣты не могли разсѣять подозрѣній. Такимъ образомъ, напр., во время пути въ Хиву, одинъ обыватель Кандагара, бѣжавшій изъ англійскаго плѣна въ 1840 г., категорически заявилъ Вамбери, что онъ европеецъ, хотя и говоритъ такъ отлично на языкахъ правовѣрныхъ народовъ. Вамбери пробовалъ превратить все въ шутку, но это не помогло. Разъ вечеромъ Вамбери подслушалъ, какъ его обличитель сказалъ керванбаши (т.е. начальнику каравана): „Бьюсь объ закладъ,

что это переодѣтый „френги“ или русскій шпионъ, отмѣчающій у себя всѣ горы, долины и колодцы для того, чтобы русскіе могли вступить потомъ сюда безъ проводника и отнять у васъ дѣтей и стада. Въ Хивѣ ханъ живо доберется до правды. Дыба и каленое желѣзо развяжутъ этому переодѣтому „френги“ языкъ“. Требовалось удивительное самообладаніе, чтобы не выдать себя ни однимъ жестомъ. Вамбери пріучился цѣлыми часами сидѣть неподвижно, какъ каменное изваяніе и только беззвучно шевелить губами. Шпионы, высланные изъ Бухары, куда достигъ смутный слухъ про переодѣтаго „френги“, иногда громко обсуждали въ его присутствіи проектъ лучшаго изловленія. Если бы Вамбери измѣнился въ лицѣ, то онъ погибъ бы. „Подъ Бухарой, у могилы мѣстнаго святого Багаэддина,—разсказываетъ Вамбери,—мы свершили обычныя моленія, продолжавшіяся весь день, отъ восьми часовъ утра до поздней ночи. Я молился, пѣлъ, вопилъ, стоналъ и безумствовалъ въ священномъ экстазѣ, не отставая отъ наиболѣе благочестивыхъ паломниковъ. Удивляюсь до сихъ поръ, откуда у меня тогда взялся такой неизсякаемый потокъ слезъ и какъ я могъ такъ долго въ тотъ день играть роль восторженнаго паломника, не выдавъ себя. Долженъ сознаться, что природа надѣлила меня мимическимъ талантомъ. Уже въ ранней молодости я умѣлъ подражать выраженію лица различныхъ людей. Я думаю, впрочемъ, что въ Средней Азіи мнѣ помогъ не столько мимическій талантъ, сколько инстинктъ самосохраненія и сознаніе непрерывной опасности. Страхъ смерти всегда является отвратительнымъ животнымъ, скалящимъ на насъ свои зубы. Хотя съ теченіемъ времени можно привыкнуть къ мысли о постоянномъ присутствіи этого звѣря, но онъ, т.-е. страхъ смерти, никогда не теряетъ своей власти надъ нами. И если мы надѣлены крѣпкой нервной системой, то можемъ даже, несмотря на присутствіе чудовища, свершать удивительныя дѣла“. ¹⁾

Въ Хивѣ былъ такой моментъ, когда призвали уже палача; но удивительное самообладаніе спасло Вамбери. Впоследствии нѣкоторые критики, исходя изъ положенія, что европеецъ не можетъ вынести такихъ лишеній, какъ нищій-

¹⁾ The Story of My Struggles, v. I, p. 198.

дервишъ, — скептически относились къ подвигу Вамбери. „Знакомые съ тѣмъ, что я выстрадалъ въ дѣтствѣ и въ юности, — говорить путешественникъ въ своей автобиографіи, — читатели, знающіе, что до восемнадцати лѣтъ я не зналъ ощущенія полной сытости и вынесъ рядъ страданій всякаго рода, — не удивятся тому, что мнѣ удалось осуществить мой планъ. Съ дѣтства меня постоянно заставляли поступать противъ моихъ убѣжденій: чтобы попасть въ школу, напр., мнѣ, еврею, приходилось слушать католическія молитвы и катехизисъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Средней Азіи, гдѣ отъ удачнаго притворства, помимо всего, зависѣло мое спасеніе, я вышелъ побѣдителемъ. До меня никто изъ европейскихъ путешественниковъ не скрылъ своего incognito подъ лохмотьями нищаго-дервиша, потому что Буркгартъ, Бёртонъ и Херстонджъ посѣтили Мекку, Вольфъ и Бернсъ — Бухару и Конелли — туркменскія степи, какъ богатые мусульмане, или какъ официальные представители извѣстнаго государства. Немногимъ изъ моихъ предшественниковъ пришлось испытать въ пути такія лишенія, какъ мнѣ; но немногіе за то прошли въ дѣтствѣ такую подготовительную школу, какъ я. Безъ всякаго жеманства и совершенно искренно скажу, что мои приключенія въ Средней Азіи покажутся неинтересными, если разсматривать ихъ, какъ продолженіе моихъ испытаній въ Турціи и въ Персіи, а эти послѣднія, какъ дальнѣйшее развитіе всего того, что перетерпѣлъ я въ дѣтствѣ и въ школѣ, гдѣ всѣ, съ такимъ усердіемъ, мучили „жиденка“. Меня часто спрашивали, какъ я могъ вынести непрерывное ожиданіе мучительной смертной казни? Но люди могутъ привыкнуть рѣшительно ко всему: къ голоду, къ непрерывнымъ униженіямъ, къ вѣчнымъ преслѣдованіямъ, къ положенію парія. Привыкаютъ они также къ мысли о томъ, что смерть ждетъ ихъ ежеминутно. Я терялъ самообладаніе, и то только на мгновеніе, лишь тогда, когда событія захватывали меня совершенно неожиданно. Помню, я воскликнулъ разъ на родномъ языкѣ въ Халатаской степи, когда почти умиралъ отъ жажды. Я горѣлъ тогда въ лихорадкѣ и былъ въ безсознательномъ состояніи. Второй разъ я смутился на мгновеніе въ Самаркандѣ во время аудіенціи у эмира. Одинъ изъ придворныхъ коснулся моей шеи и ска-

залъ: „жаль, забылъ ножъ дома“. По всей вѣроятности, то было случайное замѣчаніе. Въ общемъ же, въ самые критическіе моменты, я не только сохранялъ спокойствіе, но былъ даже веселъ. Здоровая молодость не легко поддается отчаянію. У меня былъ громадный запасъ жизнерадостности, который поддался лишь влиянію старости и болѣзни¹⁾.

V.

Въ своемъ описаніи знаменитаго путешествія, переведенномъ на русскій языкъ, Вамбери рассказываетъ, какъ едва не былъ отданъ палачу. Избавившись отъ неминуемой, повидимому, смерти, Вамбери отправился изъ Самаркандъ на юго-западъ Азіи. „Мнѣ пришлось выпить даже осадокъ въ кубкѣ страданій,—говоритъ знаменитый ориенталистъ въ своей автобіографіи. То, что я выстрадалъ отъ голода, холода и усталости между Самаркандомъ и Мешедомъ превосходитъ всякое описаніе. Европейцы врядъ ли повѣрили мнѣ“. На югъ отъ Оксуса (Аму-Дарьи) Вамбери больше страдалъ отъ голода, чѣмъ даже въ Пресбургѣ. За то опасность быть узаннымъ уменьшилась. У Вамбери теперь былъ еще одинъ охранный листъ, выданный ему однимъ изъ степныхъ хановъ. „Да будетъ вѣдомо всѣмъ,—гласила грамота,—что благородный хаджи Абдурешидъ, выходецъ изъ Турціи, пришелъ сюда съ намѣреніемъ поклониться могиламъ святыхъ въ благородной Бухарѣ и райскомъ Самаркандѣ. Совершивъ свое паломничество къ могиламъ святыхъ и бивши челомъ его величеству эмиру,—хаджи Абдурешидъ возвращается домой. Онъ имѣетъ грамоту отъ его величества повелителя правовѣрныхъ и имама всѣхъ мусульманъ. Совѣтуется, поэтому, не только не чинить никакой обиды вышеназванному хаджи, но, напротивъ, чтить и уважать его. Писано въ мѣсяцъ Саусаръ, лѣта 1280“.

Ницій-дервишъ благополучно добрался до Авганистана. Въ Гератѣ онъ пробылъ нѣсколько недѣль. Была уже холодная осень; но путешественникъ все время, вмѣстѣ съ другими нищими, долженъ былъ стоять на открытомъ воз-

¹⁾ Ib., p. 201.

духъ, на голой землѣ. Питался онъ подаяніемъ, вымаливая его у фанатиковъ шитовъ, которые часто, вмѣсто хлѣба, проклинали „сунита“, били его или грозили смертью. „До сихъ поръ я содрагаюсь при мысли о той гадости, которой приходилось въ то время питаться, и о тѣхъ злобныхъ взглядахъ.—говорить Вамбери.—Въ силу охранной грамоты молодого эмира, меня не смѣли убить, но за то ненавидѣли и оскорбляли“. Ненависть въ особенности проявилась по пути изъ Герата въ Мешедъ. Авганцамъ, закутаннымъ въ мѣховыя бурки, доставляло особое удовольствіе видѣть, какъ нищій-дервишъ дрожитъ отъ холода въ своихъ лохмотьяхъ и стучитъ зубами. Мысль, что смѣлое путешествіе близится къ концу, возбуждала Вамбери и давала ему силы переносить лишенія. Подъемъ духа былъ такъ великъ, что отъ Мешеда до Хорасана путешественникъ находился какъ въ лихорадкѣ. Чѣмъ ближе подходилъ караванъ къ Тегерану, гдѣ находилась первая европейская колонія,—тѣмъ болѣе приподнятое настроеніе росло. Вамбери рисовалъ себѣ будущее въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Теперь, конечно, родина признаетъ его заслуги. Онъ былъ первый европеецъ, который отъ южнаго берега Каспійскаго моря черезъ Гирканскую пустыню достигъ Хивы, оттуда черезъ песчаныя степи Халата до Бухары, а потомъ до Герата. Одно это давало уже право на извѣстность; но, помимо выполненія упомянутаго маршрута, Вамбери собралъ еще драгоцѣнныя рукописи и образцы восточно-турскихъ языковъ. Все это было совершенно ново для ученаго міра. Близкое общеніе Вамбери съ племенами, среди которыхъ онъ жилъ, дало ему богатый запасъ этнографическихъ свѣдѣній. — „Когда я рисовалъ себѣ, какъ весь міръ признаетъ мои заслуги,—говоритъ Вамбери,—то забывалъ многое. Подумай я тогда, что, вслѣдствіе недостаточнаго образованія, я не обратилъ вниманія на многія явленія, происходившія предо мною; что я не могу дать никакихъ геологическихъ свѣдѣній о странахъ, въ которыхъ былъ; что географическія указанія, принесенныя мною, недостаточны, такъ какъ я могъ дѣлать замѣтки только украдкой, на клочкѣ бумаги, спрятанной за подкладку халата; если бы я вспомнилъ обо всемъ этомъ, то розовыя краски, которыхъ мое воображеніе не щадило,—значительно потускнѣли бы“. Въ Персіи Вамбери былъ въ безопасности,

и спутникъ его Узбекъ, сопровождавшій путешественника отъ Хивы, изумился метаморфозъ, произошедшей въ молчаливомъ дервишѣ. Онъ распѣваетъ теперь аріи изъ итальянскихъ оперъ. Благочестивый Узбекъ думалъ, что это священные гимны, распѣваемые муллами на далекомъ Западѣ, и, въ свою очередь, пытался подтягивать. Получался единственный въ своемъ родѣ дуэтъ. Физически Вамбери былъ измученъ дорогой до неузнаваемости, но духомъ былъ бодръ. И вотъ путешественникъ прибылъ въ столицу Персіи, гдѣ европейская колонія приняла его необыкновенно радушно. Всѣ желали видѣть смѣлаго изслѣдователя, который такъ счастливо перенесъ великія опасности. О нихъ говорилъ видъ Вамбери: въ короткое время изъ жизнерадостнаго молодого человѣка путешественникъ превратился почти въ старика. Такъ какъ отъ Вамбери долго не было никакихъ вѣстей, то въ Тегеранѣ сложились уже легенды про мученическую смерть его. Паломники принесли слухъ про казнь какого-то европейца въ Бухарѣ (дѣло шло объ итальянскомъ купцѣ), и всѣ были убѣждены, что это пострадалъ смѣлый ориенталистъ. Легенда давала нѣсколько вариантовъ о родѣ казни: по одной версіи, Вамбери повѣсили за ноги, головой внизъ надъ костромъ; по другой—его сбросили съ раската башни. Третья версія описывала, какъ Вамбери четвертовали и отдали собакамъ куски тѣла. Всѣмъ этимъ разсказамъ вѣрили, потому что въ то время въ Бухарѣ возможны были всякіе ужасы. Впалыя щеки Вамбери и слѣды перенесенныхъ страданій возбуждали всеобщее сочувствіе.

Путешественникъ пробылъ въ Тегеранѣ три мѣсяца. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы отдохнуть, составить на основаніи замѣтокъ, сдѣланныхъ въ пути ¹⁾, подробный докладъ и начертить карту. Изъ Тегерана Вамбери черезъ Трапезондъ возвратился въ Константинополь, гдѣ убѣдился, что слава опередила его. Вамбери приняли здѣсь, какъ смѣлаго ученаго, оказавшаго великія услуги наукѣ. Въ маѣ 1864 г. путешественникъ, наконецъ, возвратился въ родную Венгрію. Здѣсь его ждало горькое разочарованіе. Въ Тегеранѣ, Константинополѣ, а впоследствии въ Лондонѣ

¹⁾ Для безопасности Вамбери дѣлалъ эти замѣтки на венгерскомъ языкѣ, но арабскими буквами.

въ Вамбери видѣли замѣчательнаго оріенталиста, выполнива-
шаго единственный въ своемъ родѣ трудный подвигъ. На
родинѣ своей путешественникъ, прежде всего, былъ „Гер-
шель“, „жидокъ“ родомъ изъ Дуда Чардагели, сынъ нищаго.
Въ каждой странѣ возвращеніе смѣлаго путешественника,
открывшаго неизвѣстный міръ,—національный праздникъ.
Таково было возвращеніе Ливингстона, Спика, Гранта, Бер-
тона или Стэнли въ Англію, Норденшильда—въ Швецію,
Пейера и Вейпрехта—въ Вѣну, Нансена—въ Христіанію.
Пріѣздъ Вамбери на родину былъ совершенно не замѣченъ.
На докладѣ въ венгерской академіи наукъ почти никого не
было. Немногіе слушатели отнеслись съ грубымъ недоувѣ-
ріемъ къ разсказу Вамбери, и, такъ какъ докладчикъ былъ
„жидъ“, то не считалось нужнымъ даже соблюсти внѣшнюю
вѣжливость. Слѣдуетъ помнить также, что время тогда было
очень тяжелое для Венгріи. Все талантливое, сильное, смѣ-
лое и оригинальное погибло на эшафотѣ, томилось въ ав-
стрійскихъ тюрьмахъ или въ изгнаніи. Уцѣлѣли люди съ
темпераментомъ и наклонностями рабовъ. Что имъ было до
того, что Вамбери оказалъ, между прочимъ, Венгріи спе-
ціальныя услуги! Въ уличныхъ венгерскихъ газетахъ смѣя-
лись надъ „жидкомъ“, отрицали фактъ путешествія и даже
подвергали сомнѣнію знаніе Вамбери турецкаго языка. Во-
просъ о кускѣ хлѣба вырисовался передъ путешественни-
комъ съ такимъ же трагизмомъ, какъ и въ ранней моло-
дости. Опять приходилось голодать и приняться за грошевые
уроки, потому что національность мѣшала Вамбери занять
кафедру. И вотъ оны рѣшили отправиться въ Англію, чтобы
прочестъ докладъ въ Лондонскомъ Географическомъ Обще-
ствѣ. Денегъ на дорогу не было. Вамбери обратился за по-
собіемъ къ венгерской академіи наукъ, и здѣсь ему при-
шлось испытать болѣе горькое оскорбленіе, чѣмъ въ средне-
азіатскихъ степяхъ. Дѣло шло о ничтожной суммѣ въ
200 руб.; но академія наукъ согласилась отпустить эти
деньги только *подъ залогъ рукописей*, вывезенныхъ изъ Сред-
ней Азіи. Съ „Гершелемъ“ считали излишнимъ деликат-
ничать.

Велико было изумленіе пештскихъ юдофобскихъ газетъ,
когда вся Англія восторженно приняла Вамбери; когда вся
пресса заявила, что Венгрія впервые выдвинула знаменитаго

человѣка, которымъ она можетъ гордиться. Въ Англіи цѣнятъ сильныхъ и талантливыхъ людей, откуда бы они ни явились. Въ особенности, здѣсь цѣнятъ смѣлыхъ путешественниковъ, потому что каждый изъ нихъ открываетъ новые рынки для британской промышленности и новые горизонты для англійской политики. Пребываніе въ Англіи было однимъ сплошнымъ триумфомъ для Вамбери. Лондонское Географическое Общество своимъ высокимъ авторитетомъ признало великое научное и практическое значеніе смѣлаго путешествія. Съ тѣхъ поръ слава Вамбери установилась прочно. Въ Лондонѣ въ то лѣто путешественникъ былъ „львомъ сезона“. Вамбери былъ гостемъ королевы Викторіи, принца Уэльскаго и всего лондонскаго „high life“. Для Англіи изслѣдованія Вамбери имѣли чисто практическое значеніе, принимая во вниманіе интересы ея въ Средней Азіи и Индіи. Вѣроятно, въ значительной степени признательностью путешественника объясняется его англофильство, которымъ проникнуты всѣ многочисленныя публицистическія статьи Вамбери, посвященныя восточному вопросу. Путешественникъ охотнѣе всего пишетъ по-англійски. На этомъ языкѣ написана его автобіографія (*The Story of My Struggles*). Вамбери возвратился изъ Лондона въ Пешть обладателемъ міроваго имени. Теперь никого не удивило уже, когда ему предложили кѣедру восточныхъ языковъ въ Пештскомъ университетѣ, которую онъ занимаетъ до сихъ поръ.

Автобіографія Уоллеса ¹⁾.

I.

Трудно найти другую страну въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ было бы столько „коллективной посредственности“, *conglomerated mediocrity*, по терминологіи Милля, какъ въ Англіи. Лавровъ въ „Очеркѣ эволюціи человѣческой мысли“ говоритъ, что доисторическій періодъ представляетъ поразительныя переживанія въ средѣ историческихъ народовъ. Мы видимъ людей, „имѣющихъ полную *внѣшнюю* возможность выработать въ себѣ наслажденіе развитіемъ и потребность его, но, по *внутреннимъ* условіямъ, лишенныхъ способности къ этой выработкѣ. Это—люди, которые безъ малѣйшаго усилія приспособляются къ обычнымъ формамъ жизни и обычнымъ приемамъ мысли. Это—рабы обычая, никогда не ставящіе себѣ вопроса, что въ обычай хорошо или дурно. Ихъ мысль остается при потребностяхъ, существовавшихъ у доисторическаго человѣка. Культура общества, ихъ окружающаго, развила въ нихъ потребность къ комфорту, незнакомому дикарямъ; но за этой внѣшностью лежатъ, въ сущности, тѣ самыя заботы и та самая лѣнь мысли, какъ у доисторическаго человѣка“. Все это, въ значительной степени, примѣнимо къ „коллективной посредственности“. Но если бы понадобилось похвальное слово англійской „*conglomerated mediocrity*“, я сказалъ бы, что она живетъ и даетъ жить дру-

1) Alfred R. Wallace, „My Life, a Record of Events and Opinions“ V. V. 1—II.

гимъ. Она выработала уровень жизни не яркій, не оригинальный, но спокойный, *счастливый*, вполне „respectable“, выражаясь любимымъ словечкомъ этихъ людей. „Conglomerated mediocrity“ не хватаетъ звѣздъ съ неба, взгляды ея подчасъ поражаетъ своею косностью и узостью; но въ активъ ей слѣдуетъ поставить самоуваженіе и, какъ послѣдствіе, уваженіе къ другимъ. „Conglomerated mediocrity“ въ литературѣ выдвинула Марію Корелли, а когда принимается философствовать, то договаривается только до трактатовъ съ заглавіями въ родѣ „Небесныя ставни открыты“; но за то она умѣетъ уважать чужое мнѣніе и чужую мысль. Любимое слово англійской коллективной посредственности, послѣ „respectable“, — *законность*. Подъ этимъ она подразумѣваетъ обязанность повиноваться тѣмъ мѣрамъ, которыя самъ народъ, черезъ своихъ представителей, выработаетъ для себя. Предки „коллективной посредственности“ рѣзко и рѣшительно протестовали, когда ихъ хотѣли увѣрить, что законностью называется обязанность повиноваться всякимъ распоряженіямъ, исходящимъ не отъ народныхъ представителей. Послѣ Карла I англійскіе короли не дѣлали больше подобныхъ попытокъ.

Если въ Англіи сильна „conglomerated mediocrity“, то нигдѣ также нѣтъ такой массы оригинальныхъ людей, какъ здѣсь. Это объясняется, какъ талантливостью націи, такъ и уваженіемъ къ чужой личности и къ чужому мнѣнію. Оригинальная, талантливая натура можетъ развернуться вполне. Другой характерной чертой является то, что большинство яркихъ оригинальныхъ личностей въ Англіи, которыя оставили неизгладимый слѣдъ въ исторіи мысли, — такъ называемые *self-made men*, т. е. самоучки. Въ самомъ дѣлѣ, знаменитый историкъ Джорджъ Гротъ съ шестнадцати лѣтъ работалъ въ банкѣ своего отца; Бокль оставилъ школу въ четырнадцать лѣтъ; Спенсеръ не доучился въ средней школѣ. Лэббокъ (теперь лордъ Авербери) прошелъ только среднюю итонскую школу, которая даетъ только внѣшній лоскъ. Къ числу „self-made men“ нужно отнести также знаменитаго натуралиста Альфреда Уоллеса, объемистая двухтомная автобіографія котораго только что появилась. Труды знаменитыхъ англійскихъ „self-made men“ въ высшей степени интересны для изученія. Большею частью, мы находимъ здѣсь поразительную смѣсь глубокихъ, сильныхъ, оригинальныхъ идей,

иногда совершающихъ переворотъ въ наукѣ, а рядомъ съ этимъ—банальности или дѣтскія мысли, удивительныя по своей наивности. Вотъ, напр., знаменитый авторъ такихъ почтенныхъ трудовъ, какъ „Первобытная культура“, „Начало цивилизаціи“, „Объ умѣ и инстинктѣ животныхъ“ и пр. Ему же принадлежитъ книга „Pleasures of Life“, выдержавшая болѣе ста изданій. Въ ней авторъ даетъ совѣтъ, какъ быть счастливымъ. „Въ дѣйствительности, — наивно восклицаетъ лордъ Авербери, —мы гораздо богаче, чѣмъ считаемъ себя. — Мы часто слышимъ про стремленіе людей владѣть чѣмъ-нибудь. Люди завидуютъ крупнымъ землевладѣльцамъ и считаютъ величайшимъ счастьемъ имѣть большія помѣстья. Но очень часто, какъ говоритъ Эмерсонъ, если вы обладаете землей, земля обладаетъ вами. Къ тому же, не видимъ ли мы тысячи акровъ, которые, въ высшемъ смыслѣ, находятся въ общемъ владѣніи. Выгоны, дороги, тропинки, берегъ моря, безконечное пространство нашей имперіи, столь богатой видами, —не принадлежитъ ли это намъ всѣмъ? Мы всѣ, сами того не сознавая, крупные землевладѣльцы. Если мы нуждаемся въ чемъ-нибудь, такъ не въ помѣстьяхъ, а въ умѣнѣ наслаждаться ими. У землевладѣльца есть заботы: ему нужно охранять, работать, тогда какъ пейзажъ принадлежитъ, даромъ, каждому, имѣющему глаза, чтобы созерцать его. Кингсли называлъ верещаки возлѣ Иверсли своимъ „зимнимъ садомъ“. Онъ не хотѣлъ сказать, что холмы принадлежатъ ему одному, и имѣлъ въ виду идеальный смыслъ. Такимъ самымъ образомъ верещаки принадлежатъ всякому“. Это пишетъ глава знаменитаго банка „Robarts, Lubbock and Co“, владѣющій помѣстьемъ въ три тысячи акровъ. Земля эта принадлежитъ Лэббоку не только въ „высшемъ смыслѣ“.

Еще большую смѣсь геніальности съ дѣтеки-примитивными взглядами представляютъ труды Уоллеса. Мы видимъ предъ собою крупный оригинальный умъ, ученія заслуги котораго общепризнаны. Съ большимъ трудомъ, и то только въ старости, заставилъ онъ себя относиться снисходительно къ „коллективной посредственности“. „До пятидесяти лѣтъ, въ особенности въ первыя десять лѣтъ послѣ возвращенія изъ экспедиціи, —пишетъ Уоллесъ, —общество заурядныхъ, пошлыхъ людей было до такой степени мнѣ антипатично, что мою сдержанность и холодность, вѣроятно, принимали

за грубость. Я физически не переносилъ общества такихъ людей и не могъ даже вѣжливо отвѣчать на ихъ тривіальныя замѣчанія. Я часто казался мрачнымъ, хотя, въ сущности, объяснялось это тѣмъ, что люди надоѣдали мнѣ. Присутствія дураковъ я не выносилъ. Вести бесѣду ради препровожденія времени я не могъ. Вотъ почему меня считали гордецомъ, говорили, что я отличаюсь страшнымъ самоуниженіемъ и проч. Впослѣдствіи я сталъ терпимѣе, такъ какъ понялъ, что пустоголовые люди, умѣющіе бесѣдовать только о погодѣ,—являются только жертвами несовершенствъ соціального строя¹⁾. Отношеніе къ рядовымъ людямъ, конечно, не особенно лестное. Но авторъ „Малайскаго Архипелага“, которому принадлежитъ честь первенства въ открытіи закона происхожденія видовъ, можетъ чувствовать себя выше толпы. Предъ нами не только великій естествоиспытатель, но и выдающійся соціальный реформаторъ, воспитавшійся подъ вліяніемъ Роберта Оуэна. Въ „Малайскомъ Архипелагѣ“ мы находимъ страницу, которая не разъ уже цитировалась²⁾. „Преодолѣніе силъ природы повлекло за собою быстрое возрастаніе народонаселенія и значительное накопленіе богатствъ, что, въ свою очередь, имѣло слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности, порока и поощреніе столькихъ гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что еще вопросъ, не понизился ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія, и не принесло ли это движеніе болѣе зла, нежели добра. Въ сравненіи съ нашимъ удивительнымъ прогрессомъ въ физикѣ и ея практическихъ примѣненіяхъ, англійская общественная и нравственная организація остается въ состояніи варварства. И если мы будемъ продолжать обращать главныя наши силы къ утилизированію знанія законовъ природы только съ цѣлью дальнѣйшаго расширенія торговли и промышленности, то слѣдующій за этимъ неизбежно вредъ можетъ возрасти до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что мы будемъ не въ силахъ справиться съ нимъ. Нужно признать тотъ фактъ, что богатства, знанія и культура, выпадающія на долю немногихъ лицъ, не составляютъ еще цивилизаціи и не могутъ служить символомъ совершен-

¹⁾ „My Life“, etc., v. II, p. 382.

²⁾ См., напримѣръ, соч. Н. К. Михайловскаго, т. I, стр. 671—672.

ства нашего общественнаго быта. Наши безпримѣрные успѣхи въ промышленности и торговлѣ, наши обширные и многочисленные города создали цѣлую армію пролетаріевъ и престоупниковъ, ряды которыхъ увеличиваются съ каждымъ днемъ; они создали многочисленный классъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ тяжеломъ неблагоприятномъ трудѣ, между тѣмъ какъ на долю ничтожнаго меньшинства выпали одни лишь удовольствія; они видятъ вокругъ себя роскошь и довольство, наслаждаться которыми они лишены всякой надежды; въ этомъ отношеніи положеніе ихъ хуже дикарей“.

Знаменитый естествоиспытатель въ своей „Автобіографіи“ часто возвращается къ вопросамъ, затронутымъ въ этой выдержкѣ. Они занимаютъ его въ Бразиліи, въ то время, какъ Уоллэсъ путешествовалъ, вмѣстѣ съ Бейтсомъ, по Амазонской рѣкѣ; объ этихъ вопросахъ авторъ „Малайскаго Архипелага“ думаетъ на Явѣ, Борнео, Целебесѣ. Къ нимъ онъ опять возвращается въ Англіи, послѣ того, какъ обработалъ матеріалъ, собранный во время многолѣтнихъ путешествій. Эти вопросы заставили потомъ Уоллэса принять видное участіе въ движеніи, имѣвшемъ конечной цѣлью возвращеніе земли трудящимся массамъ. Предъ нами, такимъ образомъ, не только знаменитый естествоиспытатель, но и живой человѣкъ съ чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ. Странное и дикое впечатлѣніе производятъ, поэтому, на читателя, впервые знакомящагося съ Уоллэсомъ по автобіографіи, нѣкоторые факты. Съ такою же обстоятельностью и точностью, съ какою Уоллэсъ суммируетъ данныя, на основаніи которыхъ раньше Дарвина сдѣлалъ великое открытіе, — онъ сообщаетъ о френологическихкихъ упражненіяхъ какого-то „профессора френологіи“ (т.-е., попросту, фокусника) Эдвина Томаса Гикса. Въ френологію Уоллэсъ точно такъ же вѣрить, какъ въ происхожденіе видовъ. Но еще болѣе поразительное—впереди. Изъ второго тома „Автобіографіи“ читатель узнаетъ, что Уоллэсъ — убѣжденный спиритъ. Онъ беретъ подъ свою защиту различныхъ „медіумовъ“, полуфокусниковъ, полуплутовъ. Знаменитый авторъ „Малайскаго Архипелага“ дѣлаетъ рѣшительные и смѣлые выводы изъ „фактовъ“ (стукъ, подниманіе столовъ и пр.), въ которыхъ за версту можно узнать фокусъ, да на придачу еще очень

плохо продѣланный. Это переживаніе ребяческаго анимизма въ высшей степени интересно въ психологическомъ отношеніи. Вотъ почему крайне любопытно познакомиться подробнѣе съ личностью знаменитаго естествоиспытателя.

Дальше я отмѣчу главные факты въ жизни Уоллеса: его воспитаніе, путешествіе въ Бразилію и на Зондскіе острова, послѣдующую дѣятельность въ Англіи и пр. Теперь же сдѣлаемъ бѣглый предварительный обзоръ научныхъ и литературныхъ трудовъ естествоиспытателя.

Самъ Уоллесъ такъ формулируетъ все то, что онъ сдѣлалъ для науки.

„1. Наиболѣе важной работой моей является то, что въ 1858 году я самостоятельно нашелъ теорію естественнаго подбора, которую изложилъ въ статьѣ „Стремленіе разнообразностей безконечно уклоняться отъ первоначальнаго типа“. Статья эта перепечатана потомъ въ моей книгѣ „Естественный подборъ и тропическая природа“. Первенство мое въ открытіи до такой степени признано всѣми учеными, въ числѣ ихъ самимъ Дарвиномъ, что мнѣ не нужно распространяться объ этомъ.

„2. Въ 1864 г. я напечаталъ статью „Развитіе человѣческихъ расъ вслѣдствіе закона естественнаго подбора“. Наиболѣе оригинальной и важной частью ея является слѣдующее. Я показалъ, что какъ только умъ и физическая структура привели человѣка къ употребленію огня, пользованію орудіями, воздѣлыванію полей, прирученію животныхъ, къ постройкѣ жилищъ и къ употребленію одежды, — дѣйствию естественнаго подбора подчинилось уже не тѣло его, а разумъ. Развитіе физическое, поэтому, остановилось, тогда какъ умственные способности продолжали совершенствоваться. Дарвинъ отозвался о статьѣ моей съ большою похвалою. Другіе ученые тоже заявили, что мои положенія поразили ихъ новизною.

„3. Въ 1867 г. я предложилъ гипотезу для разрѣшенія вопроса, поставленнаго Дарвиномъ, о причинахъ яркой окраски многихъ гусеницъ. Гипотеза впослѣдствіи подтвердилась фактами.

„4. Въ 1868 г. я написалъ статью „Теорія птичьихъ гнѣздъ“. Цѣлью работы было указать и выяснить связь, существующую между окраской оперенія самокъ и формой

гнѣзда. Я формулировалъ законъ, принятый теперь всѣми орнитологами: „Если самецъ и самка ярко окрашены, то гнѣздо построено такъ, что скрываетъ сидящую птицу; если же самецъ имѣетъ яркое опереніе, а гнѣздо открыто, то это значить, что самка имѣетъ простое и незамѣтное опереніе“. Статья составляетъ шестую главу моей книги „Естественный подборъ и тропическая природа“ („Natural Selection and Tropical Nature“).

„5. Я первый обратилъ вниманіе на важность для животныхъ окраски. Центральнымъ пунктомъ моей теоріи является объясненіе „распознаванія цвѣтовъ“, при помощи котораго молодья особи легче находятъ своихъ родителей, различные полы—другъ друга, а отбившіеся индивидуумы—свои стаи или стада. Но еще больше значенія имѣетъ различіе окраски во время процесса развитія новыхъ видовъ, приспособляющихся къ слегка измѣненнымъ условіямъ. Особая окраска препятствуетъ скрещиванію во время процесса развитія новаго вида. Это обстоятельство объясняетъ почти общее правило, что совершенно родственные виды отличаются другъ отъ друга цвѣтомъ даже тогда, когда разница въ сложеніи совершенно незамѣтна. Тотъ же принципъ объясняетъ, почему симметрія въ отмѣтинахъ животныхъ въ дикомъ и прирученномъ состояніи не одинакова. Взгляды эти высказаны мною сперва въ статьѣ „Цвѣтъ животныхъ и половой подборъ“ и развиты въ трудѣ „О дарвинизмъ“. Я склоненъ думать, что моей теоріей объясняется яркость окраски и красота животныхъ ¹⁾).

„Моя теорія опровергла гипотезу Дарвина, что яркость окраски самца объясняется половымъ подборомъ, т. е. предпочтеніемъ, оказываемымъ самкой“.

Уоллэсъ дальше перечисляетъ свои узко-спеціальныя работы: о распространеніи жизни на океанскихъ островахъ,

¹⁾ Шопенгауэръ, въ „Die Welt als Wille und Vorstellung“ (Zur Teleologie) высказываетъ ту же теорію. „Какъ *causa efficiens* удивительнаго разнообразія красоты оперенія тропическихъ птицъ, — говоритъ философъ, — выставляется вліяніе яркаго южнаго солнца. По моему мнѣнію, *causa efficiens* не въ этомъ. Блестящее опереніе это—парадный мундиръ, по которому индивидуумы, принадлежащіе къ одному и тому же роду, узнаютъ другъ друга. Такимъ образомъ, самецъ можетъ всегда найти свою самку“.

о причинахъ ледниковаго періода (къ астрономическимъ причинамъ, выставленнымъ Джемсомъ Кроллемъ, Уоллэсъ прибавилъ еще и географическія), объ австралійской флорѣ и о выраженіи губъ, какъ факторъ происхожденія языка (§§ 6, 7, 8, 9).

„10. Въ 1890 г. я напечаталъ въ „Fortnightly Review“ статью „Человѣческій прогрессъ въ прошломъ и въ будущемъ“, въ которой разбирается вопросъ о постепенномъ улучшеніи расы путемъ естественнаго процесса. Цѣлью статьи было также опровергнуть одностороннее пониманіе естественнаго подбора нѣкоторыми англійскими и американскими писателями. Я показалъ, что естественный подборъ является главнымъ факторомъ прогресса, какъ человѣка, такъ и низшихъ животныхъ. Этотъ подборъ будетъ дѣйствовать благопріятно для человѣческихъ расъ, когда установится такой социальный строй, который дастъ всѣмъ индивидуумамъ одинаковую возможность пользоваться въ равной степени благами культуры, образованія, а также досугомъ и счастьемъ. Такія условія будутъ содѣйствовать развитію умственныхъ, физическихъ и нравственныхъ свойствъ человѣка. Такой взглядъ на принципы естественнаго подбора высказанъ, если не ошибаюсь, впервые мною“. („My Life. A Record of Events and Opinions“, by Alfred Russel Wallace, v. II, p. p. 382—391¹⁾).

II.

Достоинство этихъ работъ неоспоримо. Весь ученый міръ призналъ заслуги Уоллэса. Далеко не такое единеніе существуетъ во взглядахъ на публицистическія работы знаменитаго натуралиста. Уоллэсъ съ одинаковой страстностью отстаивалъ право всѣхъ на землю (книга „Land Nationalisation“, вышедшая въ 1882 г.), возставалъ противъ прививки

¹⁾ Уоллэсъ не могъ знать, конечно, русскихъ работъ, потому что онъ по-русски не читаетъ. Иначе онъ отмѣтилъ бы, что полная оцѣнка естественнаго подбора въ примѣненіи къ развитію общества и индивидуума дана задолго до появленія статьи „Human Progress“ въ „Fortnightly Review“, а именно Н. К. Михайловскимъ въ работахъ „Что такое прогрессъ“ и „Борьба за индивидуальность“.

оспы (Vaccination a Delusion, 1898), или обличалъ темныя стороны современной жизни („The Wonderful Century, its Successes and its Failures“, 1898). Книга о націонализациі земли повела къ возникновенію въ Англіи „Лиги“, во главѣ которой находится Уоллэсъ. Въ публицистическихъ работахъ его мы находимъ поразительную смѣсь замѣчательно глубокихъ и справедливыхъ мыслей съ дѣтски-наивными. Совершенно странное впечатлѣніе производитъ книга „Miracles and Modern Spiritualism“, появившаяся впервые въ 1874 г. и вышедшая новымъ изданіемъ въ 1896 г. Въ ней Уоллэсъ заявляетъ себя „спиритомъ“. Странное и дикое впечатлѣніе производитъ знаменитый натуралистъ въ пестрой и двусмысленной компаніи различныхъ медиумовъ, вызывателей привидѣній, поднимателей столовъ и пр. „Когда такіе честные и уважаемые люди, какъ Уоллэсъ, соединяютъ свою судьбу съ фокусниками, становится абсолютно необходимымъ доказать, что современный „психизмъ“, въ сущности, тотъ же дикій анимизмъ подъ другимъ названіемъ и объясняется переживаніемъ доисторическихъ взглядовъ“, — говоритъ Эдуардъ Клодъ¹⁾. Въ своей книгѣ „Miracles and Modern Spiritualism“ Уоллэсъ утверждаетъ: „Если спиритуализмъ дѣйствительный фактъ, то онъ представляетъ такія доказательства реальности эфирныхъ существъ и ихъ силы воздѣйствія на матерію, которыя должны совершенно революціонизировать философію. Спиритуализмъ доказываетъ намъ дѣйствительность формъ матеріи и бытія, существованіе которыхъ раньше не подозрѣвалось. Онъ демонстрируетъ намъ разумъ безъ мозга и мысль, освобожденную отъ того, что мы называемъ матеріальнымъ тѣломъ. Такимъ образомъ, уничтожаются всѣ возраженія противъ продолженія нашего существованія, послѣ того, какъ физическая оболочка распалась. Больше того, спиритуализмъ, если онъ фактъ, доказываетъ, что всѣ, такъ-называемые, умершіе—продолжаютъ жить; всѣ наши отошедшіе друзья—все еще съ нами, хотя они невидимы. Они направляютъ и укрѣпляютъ насъ, когда, въ силу отсутствія подходящихъ условій, не могутъ дать намъ знать о своемъ присутствіи. Спиритуализмъ даетъ намъ *положительное* знаніе относительно

1) „The Pioneers of Evolution“, from Thales to Huxley“ (Ed. 1902), p. 65.

вопроса, имѣющаго колоссальное значеніе для всего человѣчества. Онъ вноситъ свѣтъ въ такую область, предъ которой величайшіе ученые останавливались, какъ предъ непознаваемымъ“. Вы видите, для Уоллеса не существуетъ того, что Гейне называетъ „das Räthsel des Lebens“.

„Если спиритуализмъ дѣйствительный фактъ“, — онъ даетъ самый точный отвѣтъ на—

„Das qualvoll uralte Räthsel,
Worüber schon manche Häupter gegrübelt“.

Читатель теряется, когда онъ обращается къ тѣмъ „фактамъ“, на основаніи которыхъ Уоллесъ дѣлаетъ такіе рѣшительные выводы, „революціонирующие философію“. Нужно себя представить серьезнаго, умнаго, честнаго человѣка, глубоко уважаемаго вами, рассказывающаго дѣтски-наивныя, дѣтски-нелѣпыя вещи. Уоллесъ дѣлаетъ свой выводъ на основаніи ряда наивныхъ фокусовъ въ родѣ стука, подниманія стола и пр. „Все то, что продѣлываютъ „духи“, такъ грубо, такъ вульгарно,—говоритъ Эдуардъ Клоддъ. Напрасно стали бы мы искать что-нибудь возвышенное, глубокое въ дѣйствіяхъ „духовъ“. Они являются только вульгарными пародіями вульгарныхъ людей.. Насъ увѣряютъ, что „духи“ обижаются въ присутствіи скептиковъ. Опыты удаются въ присутствіи вѣрующихъ, „истомившихся по истинѣ“; необходимо состояніе ума „нѣсколько туманное“. Такъ говорится въ *протоколахъ* общества спиритуалистовъ (Society for Psychical Research, Proceedings, part XXVI, pp. 14, 15). Невольно приходитъ на память магометанскій рецептъ вызыванія духовъ, приведенный въ книгѣ Клуниингера „Верхній Египетъ“: „Постись семь дней въ уединенномъ мѣстѣ; кури все время благовопіями. Читай 1001 разъ одну и ту же главу Корана. Тогда увидишь несказуемая чудеса. Позади себя услышишь стукъ въ барабанъ. Надъ тобой будутъ развиваться знамена. И тогда явится духъ“. Мечтательная восточная мысль магометанина и самогипнозъ западно-европейскаго ученаго встрѣтились. „Что касается того, насколько Уоллесъ компетентенъ въ взвѣшиваніи и оцѣнкѣ спиритическихъ явленій,—продолжаетъ Клоддъ,—то достаточно привести одинъ примѣръ, а именно „опыты“ медиума Евзапіи Паладино, неаполитанки родомъ. По словамъ компетентнаго спирита, Пала-

дино убѣдила многихъ ученыхъ „въ реальности психическихъ проявленій“. Паладино продѣлала свои опыты въ 1893 г. въ присутствіи Лоджа, Ришэ, Охоровича и др. Впослѣдствіи Маскелинъ заявилъ, что Паладино обманула профессоровъ при помощи грубыхъ и элементарныхъ фокусовъ. Общество спиритуалистовъ (Society for Psychological Research), желая посрамить невѣрующихъ и скептиковъ, выписало на свой счетъ въ Англію Паладино, которая продѣлала свои „опыты“ въ Кембриджѣ въ присутствіи многихъ врачей и естествоиспытателей, профессоровъ и пр. Всѣ они согласно признали, что Паладино—самая заурядная обманщица (a vulgar impostor, по выраженію протокола). И тѣмъ не менѣе въ новомъ изданіи своей книги „The Miracles and Modern Spiritualism“ Уоллэсъ описываетъ опыты Паладино въ домѣ Ришэ, какъ „необъяснимые ни одною изъ извѣстныхъ физическихъ причинъ“. Въ письмѣ, помѣщенномъ въ „Daily Chronicle“ (24 января 1896 г.), онъ, кромѣ того, прибавляетъ: „Кембриджскіе опыты доказываютъ только, что Паладино могла обмануться, а не то, что она сознательно обманула“. „Искренность Уоллэса вѣ сомнѣніи,—продолжаетъ Клоддъ; но можно ли полагаться на его компетентность въ оцѣнкѣ фактовъ, если предубѣжденіе ослѣпляетъ его до такой степени?“¹⁾.

„Если спиритуализмъ дѣйствительный фактъ“, то онъ доказываетъ то-то и то-то,—говоритъ Уоллэсъ.—Но бѣда та, что спиритуализмъ оказался не фактомъ. „У спиритовъ только половина той ловкости, которую проявляютъ фокусники, но нѣтъ совершенно добросовѣстности послѣднихъ,—говоритъ тотъ же авторъ. Каждый ученый признаетъ, какъ неизблемый канонъ, законъ сохраненія энергіи. Но тѣ, которые для объясненія „непонятныхъ“ явленій выставляютъ сверхъестественныя причины,—не считаются совершенно съ основнымъ физическимъ закономъ, а равно съ временемъ и пространствомъ. Чтеніе спиритическихъ протоколовъ произвело бы на насъ удручающее впечатлѣніе, если бы мы не имѣли массы фактовъ, доказывающихъ, что ученые спеціалисты, за предѣлами своей сферы знанія, являются совершенно недостовѣрными наблюдателями. Умы такихъ спеці-

1) „The Pioneers of Evolution“, p. 55.

алистовъ, выражаясь фигурально, раздѣлены нѣсколькими непроницаемыми перегородками. Вліяніе одной предвзятой господствующей идеи можетъ парализовать или гипнотизировать способность логическаго мышленія даже сильнаго ума. Такимъ образомъ, односторонній специалистъ является иногда авторомъ или распространителемъ эпидеміи заблужденія, увеличивающей длинный списокъ заразительныхъ душевныхъ болѣзней, приводимый исторіей“.

Протоколы спиритическихъ обществъ доказываютъ также, что чувства постоянно обманываютъ человѣка, а предвзятая мысль — подсказываетъ подобный обманъ чувствъ. Исторія человѣчества даетъ намъ безконечное множество примѣровъ. Прогрессъ мысли сталъ возможенъ только тогда, когда человѣкъ, путемъ дисциплины ума, эмансипировался отъ обманчивыхъ впечатлѣній, порожденныхъ чувствами. Тиндаль даетъ намъ рядъ поразительныхъ примѣровъ того, какъ различно представляются „чудесные“ феномены спокойнымъ изслѣдователямъ и людямъ, полагающимся только на чувства¹⁾. Знаменитаго физика позвали на спиритическій сеансъ. Онъ явился, какъ ученый, желающій изслѣдовать всесторонне новое явленіе. „Я не могу сказать, что абсолютно заранѣе не вѣрилъ тому, что мнѣ предстояло увидѣть,—говоритъ Тиндаль. — Напротивъ, я полагалъ, что явленія обусловливаются дѣйствіемъ какихъ-нибудь физическихъ принциповъ, присутствія которыхъ спириты не подозреваютъ. Иногда чрезвычайные эффе́кты производятся накопленіемъ ничтожныхъ импульсовъ. Галилей, напр., вывелъ изъ равновѣсія тяжелый маятникъ хорошо и точно рассчитаннымъ дуновеніемъ. Элликотъ привелъ въ движеніе часы другими часами, повѣшенными на противоположной сторонѣ стѣны. Предвзятая мысль можетъ извратить свидѣтельство даже вполне достовѣрныхъ людей. Вотъ почему я желалъ самъ увидать „таинственныя“ явленія, въ существованіи которыхъ не сомнѣвались люди, передававшіе мнѣ о нихъ“²⁾. Во время сеанса вызванный духъ простучалъ, что Тиндаль — „поэтъ“. Когда же „поэтъ“ сжалъ ногами ножку стола, стукъ

¹⁾ Я имѣю въ виду статьи „Miracles and Special Providences“ и „Science and the Spirits“, помѣщенные въ сборникъ „Lectures and Essays“.

²⁾ „Essays and Lectures“, p. 117.

прекратился. „Я попросилъ хозяина дома продолжать вопросы. Несмотря на ласкательное обращеніе: „dears spirits“, духи безмолвствовали, покуда я держалъ столъ...“ Вотъ результаты попытки со стороны ученаго изслѣдовать спиритическіе феномены. Они мало утѣшительны. Современныхъ спиритовъ можно раздѣлить на два класса: однимъ совершенно не нужны доказательства, тогда какъ на другихъ никакія доказательства не дѣйствуютъ. Жертвы сеансовъ *желаютъ вскрыть* и не хотятъ, чтобы ихъ разубѣждали. Въ присутствіи такого настроенія ума наука совершенно бессильна... Плевелы суевѣрія пускаютъ корни въ умахъ спиритовъ, не вслѣдствіе логики, но потому, что они постепенно теряютъ способность руководствоваться ею. Когда наука предлагаетъ провѣрить явленіе однообразными опытами, спириты отвѣчаютъ: „Откуда вы знаете, что однообразные опыты будутъ и впредь таковыми? Вы говорите мнѣ, что солнце всходитъ вотъ уже много тысячелѣтій. Это еще не доказываетъ, что оно непременно взойдетъ и завтра. Въ одну секунду дуновеніе Всемогущаго можетъ разрушить всю вселенную“. Исходя изъ такихъ положеній, можно отстаивать реальность чудесъ любой народной сказки, вопреки всѣмъ доводамъ науки. Напрасно вы будете изобличать обманщика. Вѣрующіе всегда найдутся“¹⁾.

Нужно помнить, что пройдетъ еще много вѣковъ, прежде чѣмъ человѣчество отдѣлается отъ взглядовъ, завѣщанныхъ безконечнымъ періодомъ дикаго состоянія. Взгляды эти вполне гармонировали съ обстановкой, при которой жила дикарь въ теченіе десятковъ тысячелѣтій. Вторженіе научнаго метода нарушило это искони существовавшее равновѣсіе. Большинство человѣчества, несмотря на внѣшнюю культуру, не можетъ отдѣлаться отъ міровоззрѣнія, выработаннаго въ доисторическія времена. Мысль ихъ подобна корненожкамъ *Fogaminifera*, держащимся только въ мутномъ полумракѣ большихъ глубинъ. Какъ существо, живущее чувствами, человѣкъ — глубокой старикъ. Какъ мыслящее существо, человѣкъ только еще эмбрионъ. Это положеніе подробно разработано Спенсеромъ въ его „Соціальной Статикѣ“.

¹⁾ Prof. Tyndall, Science and the „Spirits“

Человѣчество десятки тысячелѣтій поражалось явленіями и ужасалось, прежде чѣмъ начало разсуждать. Чувство всегда идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, тогда какъ мысль должна слѣдовать путемъ, заваленнымъ всевозможными препятствіями: господствующимъ обычаемъ, влияніемъ подражанія, силой предразсудковъ и страха. Вліяніе доисторическаго міровоззрѣнія такъ сильно, что отъ него не могутъ отдѣлаться даже такіе выдающіеся люди, какъ Уоллэсъ.

III.

Уоллэсъ вполне self-made man, т.-е. онъ ничѣмъ не обязанъ школѣ. По рожденію онъ принадлежитъ къ среднимъ классамъ; но отецъ его раззорился совершенно, такъ что дѣти не могли получить сколько-нибудь порядочное образованіе и должны были выбиваться сами. Сестры пошли въ гувернантки и въ учительницы, братья стали — кто конторщикомъ, кто работникомъ. Маленькій Альфредъ съ дѣтства проявилъ большую наблюдательность и склонность пользоваться всегда опытнымъ методомъ. Въ автобіографіи мы находимъ очень любопытный примѣръ. „Было мнѣ лѣтъ пять. Отецъ часто читалъ мнѣ вслухъ басни Эзопа, между прочимъ, про мучимую жаждой лисицу, которая нашла кувшинъ съ небольшимъ количествомъ воды на днѣ. Такъ какъ горлышко было очень узко, то лиса набросала камешковъ въ кувшинъ; вода поднялась, и лисица напилась. Басня страшно поразила меня. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ вода могла подняться. И вотъ, найдя разъ въ саду кувшинъ, я рѣшилъ продѣлать опытъ. Я сперва налилъ въ кувшинъ дюйма на два воды, затѣмъ сталъ бросать туда камешки. Но вода не поднималась, какъ говорилось въ баснѣ. Я принесъ мою лопатку и сталъ бросать въ кувшинъ песокъ. Въ кувшинѣ образовалась грязь и, на мой взглядъ, въ немъ было еще меньше воды, чѣмъ прежде. И чѣмъ больше я бросалъ песокъ, тѣмъ меньше воды получалось. Я, наконецъ, оставилъ опытъ, рѣшивъ, что въ баснѣ говорится неправда“ ¹⁾.

¹⁾ „My Life“, etc., v. I, p. 21.

Мальчика отдали въ плохенькую частную школу, въ которой онъ пробылъ недолго, такъ какъ средства отца совсѣмъ запутались. Молодой Альфредъ сперва былъ помощникомъ учителя въ той частной школѣ, въ которой воспитывался самъ; затѣмъ рѣшилъ сдѣлаться землемѣромъ. Съ этой цѣлью онъ дѣлалъ съемки вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. Иногда Уоллэсъ гостилъ въ Лондонѣ у своего брата, обучавшагося столярному мастерству. Тогда только что начался тотъ необыкновенный подъемъ общественнаго духа въ Англіи, который продолжался почти сорокъ лѣтъ и выдвинулъ цѣлый рядъ блестящихъ романистовъ, гражданскихъ поэтовъ (какъ Томасъ Гудъ), публицистовъ (Генри Льюисъ, Лесли Стифенъ), экономистовъ, историковъ (Бокль). Критикѣ подвергнуты были всѣ старыя устои. Было пущено въ обращеніе много свѣтлыхъ идей, окружившихъ Англію свѣтлымъ ореоломъ. Общественное движеніе глубоко захватило массы. Онѣ были преисполнены тогда энтузіазма и глубокой вѣры въ близость золотого вѣка. Уоллэсъ тоже былъ захваченъ этими идеями. На него глубокое и неизгладимое впечатлѣніе произвели лекціи и книжки Роберта Оуэна. Поклонникомъ послѣдняго знаменитый естествоиспытатель остается до настоящаго времени.

„Главный принципъ, на которомъ основывается, какъ ученіе, такъ и дѣятельность Оуэна, заключается въ томъ, что характеръ индивидуума складывается подъ вліяніемъ наслѣдственности и окружающихъ условій,—пишетъ Уоллэсъ.— Наслѣдственность даетъ человѣку естественное предрасположеніе къ добру или злу. Окружающія условія, къ которымъ относится также и образованіе, вырабатываютъ хорошіи или порочный характеръ человѣка. Противъ этой теоріи-частичнаго детерминизма возстали одинаково, какъ религіозные проповѣдники, такъ и правительство. По старымъ, освященнымъ временемъ понятіямъ, каждый, каковы бы ни были окружающія условія и при какой обстановкѣ онъ ни росъ бы съ дѣтства,—можетъ быть хорошъ, если захочетъ; каждый можетъ и долженъ быть честенъ и повиноваться законамъ. И если человѣкъ добровольно преступаетъ какой-нибудь законъ, установленный церковью или властями, — то онъ долженъ быть наказанъ. По старому ученію, каждое преступленіе объясняется свободной и злой волей. На систему

наказанія и воспитанія не произвело никакого впечатлѣнія то обстоятельство, что ученіе о свободѣ воли, которымъ руководствовалось человѣчество отъ самой зари исторіи, не дало никакихъ практическихъ результатовъ. Многіе критиковали старую систему наказанія, но только одинъ Оуэнъ на практикѣ демонстрировалъ вѣрность своихъ взглядовъ. Ни одинъ реформаторъ до него не проявилъ такой глубины, проницательности, знанія людей и такого удивительнаго организаторскаго таланта. Ни одинъ соціальный опытъ не далъ такихъ поразительныхъ результатовъ, какъ завѣдываніе фабрикой въ Нью-Лэнеркѣ въ продолженіе двадцати шести лѣтъ“.

„Конечно,—продолжаетъ Уоллэсъ,—защитники традиціи твердили, что взгляды Оуэна ошибочны и безнравственны, такъ какъ отрицаютъ совершенно свободу воли и признаютъ вреднымъ и бесполезнымъ дѣломъ, какъ наказанія, такъ и награды. „Если взглядъ Оуэна восторжествуетъ,—говорили защитники традиціи,—то земля превратится въ пандемоніумъ порока и преступленій“. На это крайніе защитники Оуэна отвѣчали: „всѣ правительства руководствовались принципами, что воля свободна; тѣмъ не менѣе имъ совершенно не удалось, не то что уничтожить, но даже уменьшить нищету, болѣзни, пороки и преступленія. Самыя суровыя наказанія нисколько не уменьшаютъ числа преступленій. Съ другой стороны, Оуэнъ, дѣйствуя согласно своимъ принципамъ, совершенно преобразовалъ характеръ 2500 человѣкъ, т.-е. всего населенія Нью-Лэнерка. вмѣсто нищеты, грубости, дикости и порока, на смѣну явились — благосостояніе, мягкость и гуманность. Можно ли толковать про свободу воли въ присутствіи такого поразительнаго опыта?“ Оуэнъ доказалъ, что окружающія условія измѣняютъ человѣческой характеръ и что исключеній изъ этого общаго положенія не существуетъ. Воля, несомнѣнно, является функціей характера, вѣншимъ, активнымъ проявленіемъ его. И если улучшается характеръ, то измѣняется также и воля. Другими словами, измѣняется къ лучшему умственная и физическая дѣятельность индивидуума.

„По моему, — говоритъ Уоллэсъ, — крайніе взгляды, а именно, какъ предположеніе, что окружающія условія и воспитаніе совершенно не имѣютъ вліянія на волю, такъ равно

и обратное утверждение, что воля всецѣло и исключительно опредѣляется перечисленными условіями,—не выдерживаютъ критики и противорѣчатъ опыту. Оуэнъ былъ правъ, когда только отчасти руководствовался детерминизмомъ. Наслѣдственность даетъ тѣ всевозможные оттѣнки характера, которые составляютъ соль социальной жизни. При помощи благопріятныхъ окружающихъ условій, къ которымъ относится также и образованіе,—мы можемъ совершенно измѣнить и улучшить характеръ и привести его въ гармонію съ социальнымъ строемъ“. „Робертъ Оуэнъ,—продолжаетъ дальше Уоллэсъ,—былъ моимъ учителемъ философіи. Онъ разъяснилъ мнѣ человѣческую природу и былъ моимъ первымъ руководителемъ въ лабиринтѣ социальной науки. Оуэнъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Я считаю его величайшимъ реформаторомъ всѣхъ вѣковъ и дѣйствительнымъ основателемъ современнаго социализма“¹⁾.

Робертъ Оуэнъ былъ агностикъ. Лекціи и брошюры, въ которыхъ онъ излагалъ свои деистическіе и философскіе взгляды, тоже произвели очень сильное впечатлѣніе на молодого Уоллэса, которое начало изглаживаться только къ старости, въ періодъ увлеченія спиритизмомъ. Въ одной изъ брошюръ Оуэна молодой Уоллэсъ впервые натолкнулся на старую дилемму о происхожденіи зла. Формулировалась она, приблизительно, такъ. Можетъ ли Богъ предупредить зло, но не желаетъ? Если такъ, то Онъ не всеблагъ. Желаетъ ли онъ это сдѣлать, но не можетъ? Тогда Онъ не всемогущъ. Если Онъ желаетъ и можетъ предупредить зло, то почему оно существуетъ? „Эти вопросы и отвѣты на нихъ,—говоритъ Оуэнъ, страшно поразили меня. Аргументы, заключающіеся въ нихъ, казались мнѣ неопровержимыми. Возвратившись домой, я задалъ эти вопросы отцу и ожидалъ, что его выведетъ изъ себя мое знакомство съ еретической литературой. Но отецъ отвѣтилъ только, что я спрашиваю о тайнѣ, которую даже мудрецы не могутъ разрѣшить. Этими онъ ограничился. Отецъ, повидимому, не желалъ продолжать бесѣду на поднятую мною тему. Отвѣтъ, конечно, не удовлетворилъ меня и зародилъ увѣренность, что догматы канонизированной схоластики не приемлемы разумомъ“. Въ

¹⁾ My Life etc., v. I. p. p. 89—91.

другой брошюрѣ Роберта Дэйла Оуэна (старшаго сына реформатора)—*Consistency*—доказывалось, что доктрина вѣчнаго наказанія, какъ она тогда проповѣдывалась въ Англіи, не совмѣстима съ ученіемъ о всепрощеніи. Оуэнъ говоритъ, что если тѣ, которые учатъ этой доктринѣ, вѣрятъ въ нее буквально, то необходимо отречься отъ всѣхъ земныхъ радостей, отъ всѣхъ мірскихъ дѣлъ и каждую секунду трепетать. Авторъ приводитъ выдержку изъ одной проповѣди на тему о вѣчныхъ мукахъ. Сперва идутъ ужасныя описанія адскихъ мукъ. Затѣмъ проповѣдникъ продолжаетъ: „Представимъ себѣ, что весь земной шаръ составленъ изъ мелкаго песка и что каждый разъ, черезъ тысячу лѣтъ, вѣтеръ сдуваетъ одну песчинку. Сосчитаемъ теперь, сколько миллионовъ вѣковъ понадобится, покуда земной шаръ уменьшится скольконибудь замѣтно. И все это время продолжаютъ адскія мученія. Мириады и мириады вѣковъ пройдутъ, покуда земной шаръ не развѣтается въ пространствѣ. Но кончатся ли вмѣстѣ съ этимъ муки грѣшниковъ? Нѣтъ,—продолжаетъ проповѣдникъ,—мученіямъ не будетъ конца“. Уоллэсъ прибавляетъ, что ему самому приходилось бывать въ дѣтствѣ на такихъ проповѣдяхъ; послѣ одной изъ нихъ знакомая старая дама въ отчаяніи покушалась на самоубійство. „Я вполне соглашался съ заключеніемъ Оуэна,—пишетъ Уоллэсъ,—что въ то время проповѣдывались ужасные догматы, унижавшіе человѣческое достоинство. Истинная вѣра должна учить братской любви, радости и службѣ человѣчеству“.

Уоллэсу исполнилось семнадцать лѣтъ и приходилось серьезно подумать о хлѣбной работѣ. Онъ рѣшилъ выучиться геодезіи у своего старшаго брата землемѣра. Бродя съ мензулой, буссолюю и цѣпью по полямъ, Уоллэсъ пристрастился къ ботаникѣ, а потомъ—къ энтомологіи. Въ это время онъ познакомился съ молодымъ учителемъ Бейтсомъ, страстнымъ естествоиспытателемъ, будущимъ знаменитымъ авторомъ книги „Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ“. Молодые люди вмѣстѣ отправлялись по воскресеньямъ на экскурсіи. У нихъ созрѣлъ планъ отправиться въ экскурсію въ какую-нибудь далекую и мало изслѣдованную страну. Остановились они на бассейнѣ Амазонской рѣки. Планъ былъ очень смѣлый, такъ какъ у молодыхъ людей имѣлись самыя ничтожныя сбереженія. Они вступили въ соглашеніе съ однимъ лон-

донскимъ натуралистомъ, которому обязались присылать коллекціи на продажу. Въ началѣ 1848 г. Бэйтсъ и Уоллэсъ поплыли въ Бразилію на маленькой парусной баркѣ въ 192 тонны—*Mischiof*, и послѣ бурнаго переѣзда очутились въ Парѣ.

IV.

„Три обстоятельства особенно поразили меня въ долинѣ Амазонки и произвели еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ я ожидалъ,—пишетъ Уоллэсъ въ „Автобіографіи“.—Прежде всего меня поразили величіе и простота дѣвственнаго лѣса. Чѣмъ больше мы знакомимся съ разнообразіемъ его, тѣмъ сильнѣе растетъ чувство удивленія. У подножія деревьевъ наблюдатель видитъ только гигантскіе стволы, поднимающіеся, какъ колонны. Форма стволовъ, цвѣтъ коры, система развѣтвленія, характеръ листы, плодовъ и цвѣтовъ,—до чрезвычайности разнообразны. Поразительное разнообразіе видовъ составляетъ наиболѣе характерную черту тропическаго лѣса по обѣимъ сторонамъ экватора. Предъ нами гигантскій естественный питомникъ, въ которомъ рядомъ встрѣчается множество видовъ. Тропическій лѣсъ западной половины Явы хорошо изученъ въ ботаническомъ отношеніи. Несмотря на то, что лѣсъ покрываетъ тамъ сравнительно небольшую площадь, такъ какъ всѣ удобныя мѣста заняты подъ плантаціи,—въ немъ насчитывается около 1500 видовъ деревьевъ. Тропическій лѣсъ Амазонской рѣки еще болѣе богатъ видами.

„Затѣмъ меня поразила необыкновенная красота и удивительное разнообразіе бабочекъ и птицъ. Натуралистъ встрѣчаетъ постоянно то прекрасныя, то странныя формы. Даже и теперь, черезъ много лѣтъ, я не могу безъ восторженнаго трепета вспомнить о нихъ.

„Третье обстоятельство, оставившее глубокій слѣдъ—моя жизнь среди людей въ естественномъ состояніи, т. е. среди дикарей береговъ рѣки Унапесъ. Я до того времени прожилъ уже два года въ Бразиліи среди различныхъ индѣйскихъ племенъ. То были, такъ называемые, полукультурные индѣйцы. Они носили панталоны или хотя бы рубашку, но-

минально числились католиками и подчинялись окружному начальнику. Все они говорили по-португальски или знали „linga-geral“, т.-е. обще индѣйскій жаргонъ. „Дикіе“ индѣйцы, съ которыми я встрѣтился на рѣкѣ Унапесъ, были совсѣмъ другого рода. Они ходили совсѣмъ голые, имѣли особые племенные знаки, носили оружіе собственнаго изготовленія. Дикари жили многими семействами въ одномъ общемъ большомъ помѣщеніи, сильно отличавшемся отъ хижинъ „прирученныхъ“ индѣйцевъ. Они (что самое важное) дѣлали собственную работу, забавлялись собственными играми, не имѣвшими ничего общаго съ играми, введенными европейцами. Дикари жили свободной жизнью лѣсныхъ обитателей и совершенно не интересовались ни мною, ни Бейтсомъ. Индѣйцы эти были такъ же оригинальны и самобытны во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и четвероногіе обитатели тропическаго лѣса. Цивилизація совершенно не тронула ихъ. Они жили при такихъ же условіяхъ, какъ и до открытія Америки. Раньше я не представлялъ даже себѣ, какъ велика разница между индѣйцами, подпавшими подъ вліяніе европейцевъ, и дикарями, живущими въ свободномъ состояніи. Обитатель амазонскихъ лѣсовъ оставляетъ такое же неизгладимое впечатлѣніе, какъ и сама природа“¹⁾.

Еще до отъѣзда въ Бразилію Уоллеса занималъ вопросъ о происхожденіи видовъ. „Животное, отличающееся отъ другого какой-нибудь постоянной, ясно выраженной чертой, не измѣняющейся подъ вліяніемъ климата и окружающихъ условій при наслѣдственной передачѣ,—обыкновенно признается за отдѣльный видъ. Съ другой стороны, признаки, которые не всегда передаются, какъ, напр., альбинизмъ, отличаются, такъ называемую, разновидность. Я бы сказалъ, что и тѣ, и другіе признаки отличаютъ *видъ*. Къ признакамъ, характеризующимъ разновидность, я отнесъ бы такіе, которые обусловливаются внѣшними причинами и не передаются наслѣдственно“. Въ этой выдержкѣ изъ ранняго письма Уоллеса къ Бейтсу заключается смутный намекъ на теорію происхожденія видовъ. Идея занимала натуралиста въ Бразиліи, въ Англіи, во время дальнѣйшихъ путешествій на востокъ, куда не отлилась въ законченную форму на о.о.

1) My Life, v. I, p. p. 269—271.

Малайскаго архипелага. „Я желалъ бы тщательно изучить одинъ какой-нибудь родъ,—писалъ Уоллэсъ въ 1847 г.—Мнѣ нужны факты для теоріи происхожденія видовъ“.

Въ Бразиліи молодые натуралисты пробыли четыре года. Въ іюлѣ 1852 г. они поплыли обратно въ Европу, увозя съ собою богатая коллекціи птицъ и насѣкомыхъ, а также много рукописей. Плаваніе было несчастно во всѣхъ отношеніяхъ. Черезъ 25 дней плаванья на кораблѣ, нагруженномъ смолой, резиной и маслами, начался пожаръ, бороться съ которымъ экипажъ былъ не въ состояніи. Горящій корабль пришлось бросить, при чемъ погибли, конечно, собранныя коллекціи и всѣ рукописи. Уоллэсъ спасъ только одну записную книжку. Нѣсколько дней потерпѣвшіе кораблекрушеніе провели въ лодкахъ, въ открытомъ океанѣ, покуда не были подобраны проходившимъ кораблемъ „Fogdeson“. Но началась буря, и Уоллэсъ едва не потерпѣлъ крушенія вторично, такъ какъ „Fogdeson“ былъ старый и совершенно не годный для дальняго плаванья корабль. Перваго октября старое судно, потрепанное бурей, добралось, наконецъ, до береговъ Англіи.

Уоллэсъ возвратился безъ всякихъ средствъ и, что еще важнѣе, безъ богатаго матеріала для широко задуманныхъ работъ. На основаніи спасенной записной книжки онъ написалъ книгу „Путешествіе по Амазонской рѣкѣ и по Рио-Негро“. Съ великимъ трудомъ нашелъ Уоллэсъ издателя, который согласился напечатать 750 экземпляровъ. По условію, авторъ и издатель должны были дѣлить чистую прибыль. Но дѣлить оказалось нечего. Черезъ десять лѣтъ изъ 750 экземпляровъ было продано только 250. Впослѣдствіи, когда авторъ сталъ знаменитъ, книга быстро разошлась, перепечатана другимъ издателемъ и расходится хорошо до сихъ поръ.

Для задуманной работы нужны были факты. Кромѣ того необходимы были средства къ жизни. И вотъ Уоллэсъ опять вступилъ въ соглашеніе съ лондонскимъ натуралистомъ, которому обязался доставлять коллекціи птицъ и насѣкомыхъ, и рѣшилъ поѣхать надолго на острова Малайскаго архипелага. Восемь лѣтъ, проведенныхъ тамъ, являются самой важной эпохой въ жизни Уоллэса. Онъ отправился на коммерческомъ кораблѣ, а не на военномъ, какъ предполага-

лось раньше, потому что какъ разъ въ то время началась война съ Россіей.

V.

Уоллэсъ поселился сперва близъ Сингапура. „Мы проводимъ день такъ,—писалъ Уоллэсъ.—Встаемъ въ половинѣ шестого. Въ девять часовъ я отправляюсь на экскурсію въ джунгли. До трехъ часовъ мы бродимъ по тропинкамъ, проложеннымъ въ лѣсу китайцами-дровосѣлками. Изъ экскурсіи я обыкновенно приношу пятьдесятъ-шестьдесятъ жуковъ, въ томъ числѣ нѣсколько очень рѣдкихъ, а также немного бабочекъ. Дома мы мѣняемъ платье, а затѣмъ—коллектируемъ. Въ четыре — обѣдъ. Затѣмъ опять работа до шести. Послѣ короткаго перерыва—чтеніе до девяти. А тамъ—постель“. Такъ прошло четырнадцать мѣсяцевъ. Затѣмъ Уоллэсъ уѣхалъ на Борнео, гдѣ жилъ среди даяковъ. „Старики сообщали мнѣ съ гордостью,—писалъ тогда натуралистъ,—сколько непріятельскихъ головъ они срѣзали во дни молодости. Хотя всѣ даяки хвалили новаго раджу, запретившаго старый обычай, но держались того мнѣнія, что урожаи были бы куда лучше, если бы молодежь могла, какъ когда-то, принести нѣсколько непріятельскихъ головъ. Чѣмъ больше вижу я дикарей, тѣмъ лучшаго мнѣнія о человѣчествѣ вообще. Существенная разница между цивилизованнымъ человѣкомъ и дикаремъ исчезаетъ при внимательномъ наблюдѣніи. Мы, два европейца, живемъ здѣсь, окруженные китайцами, малайцами и даяками. Китайцы слывуть (быть можетъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ на то) ворами, лжецами и людьми, для которыхъ чужая жизнь—пустяки. Китайцы, окружающіе меня, принадлежатъ къ самому низшему классу, все это—кули, хотя всѣ они грамотны. Малайцы всѣ слывуть отчаянными и звѣрскими головорѣзами. Что касается даяковъ, то они лишь недавно перестали считать срѣзываніе головъ абсолютной необходимостью въ жизни. Мы живемъ въ двухъ дняхъ пути отъ Саравака. Хотя правительство тамъ номинально состоитъ изъ европейцевъ, но оно существуетъ только съ согласія туземнаго населенія. Между тѣмъ, нигдѣ въ Европѣ мы не чувствовали бы себя

въ такой безопасности, какъ въ глуши Борнео, въ деревнѣ дикарей. Мы спимъ при открытыхъ дверяхъ. Мы бродимъ въ лѣсу безъ всякаго оружія. За все время моего пребыванія здѣсь (больше года) былъ одинъ случай мелкаго воровства среди китайцевъ, да еще драка у нихъ же. Подавляющее большинство кули—спокойный, честный, трудолюбивый, скромный народъ¹⁾. Уоллэсъ въ тропическомъ лѣсу пришелъ къ тому же заключенію, какъ П. А. Кропоткинъ въ Сибири во время своихъ изслѣдованій (въ серединѣ шестидесятихъ годовъ): люди гораздо лучше, честнѣе и благороднѣе, чѣмъ думаютъ о нихъ. „Дикари“, въ общепринятомъ смыслѣ, т.-е. грубые, жаждущіе крови и эксцессовъ люди,—живутъ не въ первобытныхъ лѣсахъ, а въ трущобахъ большихъ городовъ. Ими предводительствуютъ другіе дикари, въ полицейскихъ мундирахъ, какъ это обнаружилось на югѣ Россіи. Эти дикари устроили рѣзню, передъ которой Варроломеева ночь кажется дѣтской забавой...

Въ этой даякской деревнѣ Уоллэсъ получилъ извѣстіе объ окончаніи Крымской войны. Натуралистъ былъ того мнѣнія, что Россія времени Николая I являлась страшною угрозой всей европейской цивилизаціи. „Военные запасы, накопленные въ Севастополѣ,—писалъ Уоллэсъ,—одни уже подтверждаютъ это. Въ самомъ дѣлѣ, для чего понадобилось собрать въ Севастополѣ четыре тысячи пушекъ, не говоря уже о военныхъ припасахъ, какъ не для того, чтобы взять Константинополь, утвердиться на Средиземномъ морѣ и чтобы, въ концѣ концовъ, подчинить себѣ всю Европу? Россія дѣлала громадныя военныя приготовленія. Европѣ все равно пришлось бы рано или поздно вступить въ бой. Николай I мечталъ о водвореніи самовластія всюду на Западѣ. Крымская война была единственнымъ способомъ спасти Западную Европу отъ деспотизма“. Къ этимъ словамъ, писаннымъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Уоллэсъ прибавляетъ теперь: „Во всемъ сказанномъ есть значительная доля правды. Во избѣжаніе недоразумѣній, однако, я долженъ прибавить слѣдующее: опасность для цивилизаціи заключается вообще въ стремленіи правительства, помимо желаній народа, захватить все больше и больше территорій“. По мѣрѣ нако-

¹⁾ My Life, v. I, p. 343.

пленія фактовъ, все больше и больше вырисовывалась предъ Уоллэсомъ теорія происхожденія видовъ. „Во время пребыванія близъ Саравака на Борнео,—говорить Уоллэсъ,—я написалъ статью, въ которой я впервые коснулся великаго вопроса о происхожденіи видовъ. Я работалъ надъ ней во время дождливаго сезона. Жиль я тогда совершенно одинъ. Такъ какъ изъ дома мѣшали мнѣ выйти ливни, то единственнымъ занятіемъ было просматриваніе записныхъ книжекъ и обдумываніе вопроса, занимавшаго меня уже много лѣтъ. Я всегда интересовался географическимъ распредѣленіемъ животныхъ, растеній, я внимательно изучилъ труды Гумбольта и Свэнсона. Во время путешествія меня поразила рѣзкая разница между флорой и фауной тропиковъ восточнаго и западнаго полушарій. Естествоиспытатели накопили много фактовъ относительно распредѣленія животныхъ и растеній, но мнѣ казалось, что значеніе собраннаго матеріала не достаточно выяснено еще. И вотъ я написалъ статью: „По поводу закона появленія новыхъ видовъ“, напечатанную въ сентябрѣ 1855 г. въ „The Annals and Magazine of Natural History“. Взгляды мои формулировались такъ: „Каждому виду предшествовалъ другой, родственнѣе ему видъ“. „Законъ эволюціи былъ указанъ. Я не зналъ еще, какъ появляются новые виды“. Корреспондентъ Уоллэса—Стивенсъ сообщилъ ему потомъ, что „на натуралистовъ статья произвела невыгодное впечатлѣніе. Они того мнѣнія, что вамъ слѣдуетъ накоплять факты и собирать коллекціи, а не пускаться въ рискованныя обобщенія, которыя могутъ только компрометтировать науку“. Впослѣдствіи Гексли отмѣтилъ „поразительную статью Уоллэса“ и удивлялся, что она прошла тогда незамѣченной¹⁾. Упомянутая статья перепечатана въ книгѣ Уоллэса „Естественный подборъ и тропическая природа“.

Знаменитый естествоиспытатель уяснилъ себѣ, что одинъ видъ смѣняется другимъ родственнѣе ему. Смѣна эта совершается иногда очень медленно, а иногда быстро. Уоллэсъ не понималъ только процесса перехода одного вида въ другой и причины явленія. „Главнымъ образомъ меня затрудняло

¹⁾ *Huxley*. „Life and Letters.—On the Reception of the Origin of Species“. v. II, p. 185.

слѣдующее. Если одинъ видъ постепенно переходитъ въ другой, то почему существуетъ такое множество видовъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга? Какимъ образомъ объяснить появленіе другихъ видовъ, отличающихся отъ родственныхъ имъ слабо выраженными, но постоянными признаками? Если въ природѣ существуетъ законъ, въ силу котораго одинъ видъ постепенно переходитъ въ другой, такъ что съ теченіемъ времени перерождается въ совершенно новый,—то можно было бы ожидать, что постепенно земля наполнилась бы безчисленнымъ множествомъ смѣшанныхъ видовъ, различіе между которыми почти изгладилось. Между тѣмъ, мы наблюдаемъ виды, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга. Дальше. Виды отличаются другъ отъ друга не только внѣшними признаками, но также рѣзко выраженными привычками, пищей, мѣстопребываніемъ. Все это—уже постоянные признаки. Задачей, такимъ образомъ, является не только, какъ и почему виды мѣняются, но также, какъ и почему появляются новые виды, отличающіеся другъ отъ друга опредѣленными и постоянными признаками? Какъ и почему они такъ точно приспособлены къ новымъ условіямъ жизни? Почему вымираютъ всѣ переходныя формы, какъ свидѣтельствуется геологія, и остаются только опредѣленно выраженные виды, роды и высшія группы животныхъ? Разрѣшеніемъ является естественный подборъ. Этотъ законъ, предложенный Дарвиномъ, самостоятельно найденъ мною¹⁾.

Уоллэсъ подробно рассказываетъ, что натолкнуло его на открытіе закона. Натуралистъ былъ прикованъ къ постели припадкомъ перемежающейся лихорадки. Такъ какъ онъ не могъ работать, то думалъ. И вотъ ему вспомнилась книга Мальтуса „Principles of Population“, которую читалъ лѣтъ двадцать до того. Уоллэсъ вспомнилъ причины, задерживающія въ первобытныхъ обществахъ приростъ населенія, о которыхъ (причинахъ) говоритъ Мальтусъ: болѣзни, войны, голодъ, эпидеміи. „У меня сверкнула мысль, что равнозначущія причины дѣйствуютъ также и въ мірѣ животныхъ. И такъ какъ они мечутъ ежегодно очень много дѣтенышей, то постоянно должны погибать многія особи съ цѣлью держать число животныхъ въ соотвѣтствіи съ источниками

¹⁾ „My Life“, v, I. p. 361.

существованія. Въ противномъ случаѣ земля давно наполнилась бы быстро размножающимися видами. Я задумался надъ тѣмъ, какая масса особей должна погибать ежегодно, и поставилъ себѣ вопросъ: почему однѣ выживаютъ, а другія гибнутъ? Отвѣтъ былъ очевиденъ: выживаютъ наиболѣе приспособленныя. Отъ болѣзней выздоравливаютъ наиболѣе крѣпкіе индивидуумы. Отъ враговъ уходятъ самые ловкіе и хитрые. Отъ голода не гибнутъ наиболѣе искусные охотники и тѣ, у которыхъ лучше пищевареніе и т. д. И тутъ у меня сверкнула мысль, что этотъ самодѣйствующій процессъ долженъ *улучшать породу*, такъ какъ въ каждомъ поколѣніи наиболѣе слабые неминуемо погибнуть, а выдержать самые крѣпкіе, т. е. *наиболѣе приспособленныя*. Я понялъ значеніе подбора. Когда мѣняется географическая среда и пища или когда появляются новые непріатели,—а такія перемѣны совершаются постоянно,—тогда начинается приспособленіе видовъ къ новымъ условіямъ. И такъ какъ великія перемѣны въ окружающихъ условіяхъ—процессъ очень медленный, то есть время для постепеннаго приспособленія. Каждая часть организма изъ поколѣнія въ поколѣніе приспособляется постепенно къ новымъ условіямъ. Чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что нашель, наконецъ, существенный законъ, объясняющій происхожденіе видовъ“. Уоллэсъ зналъ, что Дарвинъ работаетъ надъ тѣмъ же вопросомъ. И вотъ, какъ только припадокъ лихорадки прошелъ, Уоллэсъ набросалъ принципы найденнаго закона и отослалъ замѣтки Дарвину. Въ письмѣ онъ просилъ показать замѣтки Чарльзу Лайелю. „Я былъ очень удивленъ впоследствии,—говоритъ Уоллэсъ,—когда узналъ, что та же мысль о значеніи естественнаго подбора пришла и Дарвину, который къ тому времени почти закончилъ свою великую книгу“. Мы видимъ, такимъ образомъ, любопытный случай, когда великое открытіе сдѣлано самостоятельно двумя мыслителями. Намъ трогаетъ также эта преданность людей истинѣ. Уоллэсу важно, чтобы открытіе выработано было возможно тщательнѣе, а не то, чтобы оно было сдѣлано непременно имъ. И когда появляется трудъ Дарвина, Уоллэсъ въ восторгѣ отъ него и отъ успѣха теоріи. „Я получилъ „Происхожденіе видовъ“, когда былъ на Целебесѣ, и шесть разъ прочиталъ книгу, каждый разъ съ новымъ наслажде-

ніемъ и увеличивающимся восхищеніемъ. По моему, трудъ Дарвина такъ же долговѣченъ, какъ „Principia“ Ньютона. Она доказываетъ, что природа—великая мастерская. Наиболѣе сложныя дѣйствія закона тяготѣнія и взаимное притяженіе небесныхъ свѣтилъ представляютъ простыя явленія сравнительно съ безчисленными послѣдствіями закона борьбы за существованіе, опредѣлившаго характеръ жизни на землѣ. Дарвинъ далъ міру новую науку. Имя его, по моему, должно стоять выше философовъ всѣхъ временъ и народовъ. Не могу найти словъ для выраженія моего восторга“ ¹⁾). Уоллэсъ не спѣшилъ кричать на весь міръ, что великое открытіе сдѣлано имъ. Напротивъ. Въ письмѣ къ Бэйтсу онъ говорилъ: „Не знаю, какъ и предъ кѣмъ излить мой восторгъ предъ книгой Дарвина. Вполнѣ сознаю, что, какъ бы усердно и добросовѣстно ни работалъ я, у меня теорія не была бы изложена съ такою убѣдительною и неопровержимостью, она не была бы подтверждена такой массой тщательно проверенныхъ фактовъ, какъ у Дарвина. Чрезвычайно радъ, что не я сообщилъ міру о новомъ открытіи, потому что меня противники теоріи могли бы легче разбить. Дарвинъ создалъ новую науку и новую философію. Глубоко убѣжденъ, что никогда еще новая отрасль знанія не была такъ обязана изысканіямъ одного человѣка. Никто никогда еще не собралъ такой массы разрозненныхъ фактовъ и не объединилъ ихъ общимъ закономъ, установившимъ новую и ясную философію“.

VI.

Уоллэсъ пробылъ на островахъ Малайскаго архипелага восемь лѣтъ и возвратился въ Лондонъ не скромнымъ, никому неизвѣстнымъ натуралистомъ, а знаменитымъ ученымъ, за которымъ Дарвинъ призналъ первенство открытія великаго закона. Матеріальныя дѣла Уоллэса теперь тоже совершенно устроились: вывезенныя коллекціи принесли ему хорошее состояніе. Уоллэсъ теперь могъ спокойно посвятить все свое время разработкѣ вывезеннаго матеріала.

¹⁾ My Life, v. I, p. 372—373.

Какъ ученика Роберта Оуэна, Уоллеса въ Англіи заняли различные соціальныя вопросы, главнымъ образомъ, вопросъ объ обобществленіи земли.

„Къ этому вопросу я возвращался постоянно,—говорить Уоллесъ.—Такъ какъ я находился сперва подъ сильнымъ влияніемъ ученій Спенсера и Милля, то думалъ тогда, что государственное вмѣшательство должно быть скорѣе сокращено, чѣмъ расширено. Какъ и Милль, я думалъ, что правительственный контроль надъ землей будетъ имѣть послѣдствіемъ фаворитизмъ. Но когда вопросъ о лэндлордизмѣ въ Ирландіи особенно обострился въ 1879—80 гг., я понялъ, что всѣ возраженія противъ націонализаціи земли не существенны, и тотчасъ же изложилъ свои взгляды. Сдѣлалъ я это потому, что Ирландская Земельная Лига предлагала правительству выкупить землю у помѣщиковъ и превратить фермеровъ-арендаторовъ въ крестьянъ собственниковъ, которые будутъ потомъ 35 лѣтъ выплачивать стоимость своихъ надѣловъ. Планъ этотъ казался мнѣ невѣрнымъ въ принципѣ. Онъ могъ служить только временной мѣрой, такъ какъ вся земля въ Ирландіи очутилась бы въ рукахъ одного привилегированнаго класса. Все остальное населеніе было бы, по прежнему, оторвано отъ земли.

„Я написалъ статью, въ которой исходилъ изъ положенія, что всѣ люди имѣютъ неотъемлемое право обрабатывать землю. Впослѣдствіи я примѣнилъ тотъ же принципъ по отношенію ко всякой собственности („Studies, Scientific, and Social“, vol. II, chap. XXVIII). Чтобы поставить націонализацію земли на практическую почву, я предложилъ слѣдующее. Земля постепенно становится собственностью государства, но всѣ улучшенія, какъ дренажъ, постройки, насажденія,—словомъ, все то, что въ Ирландіи опредѣляется терминомъ *tenant-right*,—составляютъ достояніе послѣдняго фермера, за которое новые фермеры уплачиваютъ справедливое вознагражденіе. Такимъ образомъ, продажная стоимость земли раздѣляется на двѣ части: на *присущую цѣнность* (*inherent value*), находящуюся въ зависимости не отъ какихъ-нибудь стараній землевладѣльца, а отъ природы и отъ состоянія общества, и на цѣнность *улучшеній* (*tenant rights*). Послѣднія являются результатомъ работы собственника или арендатора и носятъ чисто временный характеръ. Опытъ, приобрѣ-

тенный во время занятій геодезіей, убѣдилъ меня, что обѣ цѣнности, *присущая* и *tenant rights*, могутъ быть легко раздѣлены. Я доказывалъ, что націонализированная земля со всѣмъ не будетъ нуждаться въ администраціи. Земельную ренту будутъ получать сборщики, какъ теперь это дѣлается въ Англіи въ отношеніи къ городскимъ налогамъ. Фермеръ, занимающій участокъ государственной земли, будетъ такъ же свободенъ, какъ „вѣчный чиншевикъ“ (perpetual lease holder въ Шотландіи. Статья моя появилась въ ноябрьской книжкѣ „Contemporary Review“ за 1880 г.“¹⁾.

Планъ произвелъ сильное впечатлѣніе, и вскорѣ возникло „Общество націонализаціи земли“ (Land Nationalization Society), во главѣ котораго сталъ Уоллэсъ. Приведу здѣсь нѣсколько пунктовъ изъ устава общества.

I. Земля доставляетъ намъ пищу, и потому такъ же необходима, какъ воздухъ. Безъ воздуха человѣкъ задохнется въ нѣсколько минутъ. Безъ продуктовъ земли онъ погибнетъ въ нѣсколько дней или недѣль.

II. Если это такъ, то владѣющій землею контролируетъ такъ же человѣческую жизнь и держитъ ее въ своихъ рукахъ.

III. Природа, даровавшая намъ жизнь, даровала намъ также необходимое условіе для поддержанія ея—землю.

V. Отсюда слѣдуетъ, что каждый человѣкъ отъ рожденія имѣетъ неотъемлемое и неотчуждаемое право на участокъ земли.

VII. Націонализація земли составляетъ первую и самую важную реформу.

X. Земледѣліе (на своемъ участкѣ) имѣетъ то преимущество предъ всѣми другими видами труда, что *непосредственно* даетъ человѣку жилище, пищу и топливо.

XIII. Капиталь, абсолютно господствующій теперь надъ трудомъ, создавшимъ его, первоначально образовался при помощи эксплуатаціи бѣдняковъ, оторванныхъ отъ земли и вынужденныхъ продавать силу своихъ мышцъ за какое угодно вознагражденіе, лишь бы не умереть отъ голода.

Автобіографія Уоллэса представляетъ любопытную смѣсь разсказовъ о важныхъ событіяхъ и о мелочахъ. Рядомъ съ

¹⁾ „My Life“, vol. II, p. p. 238—240.

подробнымъ изложеніемъ исторіи „Происхожденія видовъ“ или общества націонализаціи земли мы находимъ такой же обстоятельный разсказъ про какой-нибудь спиритическій сеансъ или про то, какъ Уоллеса посѣтили русскіе спириты, В. С. Соловьевъ и А. Аксаковъ, съѣли натошакъ глубокую чашку персиковъ и запили чаемъ, въ который намѣшали варенья ¹⁾). Знаменитый естествоиспытатель совершенно лишень таланта набрасывать портреты и схватывать въ людяхъ все наиболѣе яркое и выпуклое. Въ этомъ отношеніи „Автобіографія“ Уоллеса рѣзко отличается отъ записокъ Спенсера, съ которыми читатели „Русскаго Богатства“ знакомы уже. Уоллесъ говорить о знакомствѣ съ Дарвиномъ, Спенсеромъ, Гексли, Лайелемъ, Льюисомъ, Грантъ Алленомъ и др.; но великія личности проходятъ предъ читателемъ, какъ „духи“ на спиритическомъ сеансѣ, т. е. вы не можете уловить ничего характернаго. Вотъ, напр., нѣсколько выдержекъ. „Милль пригласилъ меня отобѣдать у него въ Blackheath Park. Конечно, я принялъ приглашеніе. Кромѣ меня, были еще падчерица Милля миссъ Элэнъ Тэйлоръ, историкъ Джорджъ Гротъ и Оберонъ Хербертъ. Обѣдъ прошелъ очень хорошо и занимательно. Изъ разговоровъ припоминаю теперь слѣдующее. Мы коснулись вопроса о существованіи направляющей руки. Гротъ принималъ обыкновенную теорію и признавалъ всѣ свойства, которыми догматизированная традиція надѣлила направляющую руку. На это Милль отвѣтилъ, что никто, задумавшійся хоть разъ надъ безуміемъ, зломъ, нищетой, несчастьемъ и пороками человѣчества,—не можетъ признать традицію. Она подразумѣваетъ, что главный режиссеръ *могъ бы* уничтожить зло, сдѣлать человѣка добрымъ и счастливымъ, но *не желаетъ*“ ²⁾). Вотъ всѣ личныя воспоминанія о Миллѣ.

„Вскорѣ, послѣ моего возвращенія въ Англію (лѣтомъ 1862 г.), Дарвинъ позвалъ меня погостить день у себя въ Down. Я съ большимъ удовольствіемъ провелъ время въ кругу его семьи. Черезъ годъ или два послѣ этого я опять прогостилъ у Дарвина отъ пятницы до понедѣльника. Были еще, кромѣ меня, Бэйтсъ, Дженеръ Вейръ и еще нѣсколько

1) „My Life“, vol. II, p. p. 93—94.

2) „My Life“, vol. II, p. p. 236—237.

естествоиспытателей. Видались мы также часто съ братомъ Чарльза Дарвина—докторомъ Эразмомъ Дарвиномъ; съ нимъ я иногда завтракалъ. При этомъ мы вели интересныя бесѣды на занимавшія насъ темы¹⁾. Больше личныхъ воспоминаній о Дарвинѣ, съ которымъ Уоллэсъ былъ очень близокъ,—нѣтъ. Сравните теперь это съ обстоятельнымъ разсказомъ про то, какъ спирить Аксаковъ пьетъ чай, смѣшавъ его съ вареньемъ. О знакомствѣ съ авторомъ „Синтетической философіи“ Уоллэсъ сообщаетъ. „Послѣ того, какъ мы познакомились, Спенсеръ пригласилъ меня отобѣдать у него въ Bayswater (часть Лондона), гдѣ онъ много лѣтъ уже жилъ въ одномъ и томъ же пансіонѣ. Публика тамъ была самая заурядная: жили въ пансіонѣ отставные офицеры индійской арміи и пр. Меня забавляло, какъ эти люди во время обѣда съ необыкновенной важною предлагали для объясненія какого-нибудь явленія ходячее заблужденіе. Спенсеръ въ такихъ случаяхъ спокойно заявлялъ, что это не такъ, и давалъ точное объясненіе почему. Послѣ обѣда мы зашли въ общую для всѣхъ пансіонеровъ гостиную (drawing room). Здѣсь Спенсеръ терпѣливо прослушалъ упражненія одной дамы на рояли, и даже самъ просвисталъ что-то на флейтѣ. Я спросилъ потомъ Спенсера, какъ онъ можетъ жить въ кругу такихъ заурядныхъ и пошлыхъ людей. Онъ отвѣтилъ, что умышленно выбралъ такой пансіонъ, такъ какъ страшенъ умственного возбужденія, вызываемаго интереснымъ разговоромъ. Спенсеръ страдалъ безсонницей. Онъ замѣтилъ, что скорѣе засыпаетъ, если разговоръ за обѣдомъ былъ глупый и неинтересный“²⁾. Прибавляю къ разсказу Уоллэса анекдотъ, который слышалъ отъ вдовы Грэнтъ Аллена, хорошо и близко знавшей Спенсера. Философъ къ концу жизни былъ глуховатъ и завелъ себѣ специальныя слуховыя трубки. По тому, прикладывалъ ли Спенсеръ трубки къ ушамъ или нѣтъ за обѣдомъ, можно было судить, уменъ или глупъ разговоръ. Если разговоръ гостей былъ шаблонный, трубки торчали въ ушахъ Спенсера. Какъ только разговоръ становился умнымъ и интереснымъ, Спенсеръ, страшась умственного возбужденія и безсонницы,—опускалъ трубки и превращался

¹⁾ *Ib.*, p. 1.

²⁾ „*My Life*“, v. II, p. 24—25.

въ глухого. Гости, встрѣчавшіе Спенсера впервые, бывали очень польщены тѣмъ, что знаменитый философъ слушаетъ ихъ такъ внимательно. Они не подозрѣвали, что это вниманіе свидѣтельствуетъ совсѣмъ о другомъ.

Автобіографія Уоллеса, несмотря на отсутствіе художественнаго таланта, представляетъ богатый матеріаль для изученія крупной личности великаго ученаго.

Пресса молодыхъ демократій¹⁾.

I.

У насъ представленія о мощныхъ демократіяхъ, развившихся на самой дальней периферіи великой Британской имперіи—нѣсколько односторонни. Въ особенности это относится къ Новой Зеландіи, которую, съ легкой руки мѣстнаго чиновника, у насъ называютъ въ печати „Счастливыми островами“. Подъ впечатлѣніемъ только-что осуществленныхъ въ странѣ моарисовъ замѣчательныхъ реформъ, перечисленныхъ въ каждомъ справочномъ изданіи,—восторженный американскій изслѣдователь, посѣтившій Новую Зеландію въ концѣ 1898 г., писалъ: „Острова эти — опытная станція, гдѣ примѣняются самыя передовые законы. Новая Зеландія не только осуществила такія реформы, о которыхъ въ другихъ странахъ еще говорятъ только, но ввела и то, о чемъ въ Европѣ покуда даже и не мечтаютъ“.

Новая Зеландія замѣчательна во всѣхъ отношеніяхъ, — констатируетъ упомянутый изслѣдователь. „Мы видимъ всюду водопады, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ самымъ красивымъ въ мірѣ, затѣмъ великолѣпные ландшафты, фермы, окруженные полями золотой пшеницы, озера, гейзеры, вулканы, громадныя лѣса. Море выдолбило фіорды у подножья горъ, вершины которыхъ покрыты вѣчными снѣгами и ледниками. Мы видимъ сочетаніе всего, что наиболѣе красиво въ природѣ Норвегіи, Швейцаріи, Италіи

¹⁾ О литературѣ молодыхъ демократій см. *Діонео*, „На темы о свободѣ“. СПБ. 1908 г.

и Англии съ примѣсю геены огненной... Оторванность Новой Зеландіи отъ всего міра и положеніе далеко отъ континента защищаетъ ее отъ слишкомъ сильной жары, отъ холода, иммиграціи, модъ, спекуляціи и непріятельскаго вторженія. Въ силу всѣхъ этихъ условій ново-зеландцы останутся надолго самой чистой, лучшей и самой гармоничной смѣсью, какую только можетъ дать англо-саксонскій народъ: смѣсью изъ англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ. Иностранцевъ и моарисовъ слишкомъ мало, чтобы ихъ вліяніе могло отразиться на чистотѣ крови... Населеніе въ Новой Зеландіи такъ же умѣренно и здорово, какъ и климатъ. Оно рѣшило не имѣть ни милліонеровъ, ни бѣдняковъ“. „Внимательный наблюдатель не скажетъ, что ново-зеландцы самый культурный, самый счастливый и самый цвѣтущій народъ въ мірѣ, — продолжаетъ тотъ же изслѣдователь, — но отмѣтитъ, что они наименѣе некультурный, наименѣе несчастливый и наименѣе подавленный народъ. Дантонъ говоритъ о тѣхъ законахъ, которые онъ предлагалъ, что они „наименѣе скверные“. Абсолютно хорошихъ правительствъ или народовъ — нѣтъ; но одни не такъ плохи, какъ другіе. О Новой Зеландіи можно сказать, что ея народъ и правительство „наименѣе плохи во всѣхъ странахъ подъ луной“ ¹⁾.

При всемъ своемъ увлеченіи Новой Зеландіей, Генри Ллойдъ дѣлаетъ оговорку: „Страна эта не утопія и не земной рай. Это очевидно уже изъ того факта, что есть честные, трудолюбивые люди, достигшіе шестидесяти пяти лѣтъ, бывшіе двадцать пять лѣтъ въ Новой Зеландіи и всетаки нуждающіеся въ государственномъ пенсіонѣ для престарѣлыхъ. Въ муниципальномъ отношеніи, какъ Новая Зеландія, такъ и Австралія далеко отстали отъ Англии. Трѣдъ-юніонизмъ въ Новой Зеландіи слабъ и все еще не можетъ оправиться отъ послѣдствій неудачной стачки 1890 года. Когда я былъ въ Новой Зеландіи, — продолжаетъ Ллойдъ, — рабочіе союзы не рѣшались еще печатать имена своихъ секретарей изъ опасенія, что послѣдніе попадутъ въ хозяйскіе „черные списки“. Печать и общество обсуждаютъ пониженіе процента рождаемости... Въ ночное время улицы большихъ городовъ кишатъ молодыми людьми обоюго пола. И это, къ несчастью,

¹⁾ *Henri D. Lloyd.* „Newest England“ New-York 1900, p. p. 2—11.

не безработные. Когда путешественникъ читаетъ въ австралийскихъ газетахъ полицейскіе отчеты, ему кажется, что онъ не выѣзжалъ изъ Содомы и Гоморры, какъ Лондонъ или Нью-Йоркъ¹⁾.

Соціальные опыты, сдѣланные Новой Зеландіей, дѣйстви-тельно смѣлы и устранили нѣкоторыя экономическія бѣдствія, но не могли превратить далекую колонію въ „Счастливые острова“. Реформы отнюдь не покончили разъ навсегда съ серьезными вопросами. Уже въ 1902 г., черезъ какихъ-нибудь пять лѣтъ послѣ завершения знаменитаго цикла реформъ *Sydney Bulletin*,—самый оригинальный, талантливый, смѣлый и наиболѣе распространенный изъ австралийскихъ журналовъ,—писалъ: „Въ Новой Зеландіи нѣтъ болѣе парламентской оппозиціи, достойной этого имени; нѣтъ также у ней ни вождей, заслуживающихъ упоминанія, ни программъ. Люди, стоявшіе въ оппозиціи²⁾, все еще пытаются говорить что-то; но все это старцы. Прошло уже болѣе 12 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они стояли у власти. За все это время имъ не удалось ни разу добиться даже случайнаго голосованія въ свою пользу, хотя бы по такому вопросу, какъ мостъ на какой-нибудь проселочной дорогѣ. Оппозиція теперь забыла, какъ составить билль, и не помнитъ уже, что такое успѣхъ. Ей такъ давно уже не приходилось примѣнять свою программу, что оппозиція забыла, есть ли у ней вообще какая-нибудь политическая программа. Самая отсталая партія въ самой отсталой странѣ, въ сравненіи съ ново-зеландской оппозиціей, — пылкіе и увлекающіеся юноши“. Старая оппозиція, возстававшая противъ осуществленныхъ теперь реформъ, — умерла; но тѣмъ не менѣе *Sydney Bulletin* констатировалъ трещину въ партіи, которая до того времени представляла однородное цѣлое³⁾.

Лѣтъ семнадцать тому назадъ въ Новой Зеландіи фактически не было мелкихъ фермеровъ. Три банка, нѣсколько большихъ синдикатовъ и крупныя „скуотеры“ были хозяевами положенія въ земельномъ вопросѣ. Премьеръ Баллансъ и Седдонъ создали массу мелкихъ независимыхъ фермеровъ. Проведены были реформы, которыя сдѣлали доступнымъ поль-

¹⁾ *Ib.*, p. 9.

²⁾ Т.-е. консерваторы.

³⁾ *Sydney Bulletin*, October 18, 1902, p. 6.

зование на легких условиях государственными землями. Прогрессивный налог на землю повелъ за собою распаденіе большихъ помѣстій на мелкія хозяйства. Правительство явилось на помощь къ нимъ съ дешевымъ и легкимъ кредитомъ. Реформа въ цѣломъ равна была настоящей аграрной революціи. Крупные скуотеры, которые прежде являлись хозяевами страны, послѣ революціи превратились въ безсильную кучку, которая въ парламентъ вызывала только смѣхъ своими архаическими взглядами. „Въ первое время новый землевладѣльческій элементъ, созданный Баллансомъ и Седдономъ, былъ демократиченъ, — говоритъ *Sydney Bulletin*. — У него не было ни фартинга за душой. Онъ былъ долженъ правительству за землю. Фермеры не закончили еще построекъ и не успѣли еще огородить полей. Собственность новаго землевладѣльца состояла только изъ плохого коня, да изъ двухъ коровъ. Онъ работалъ съ ранняго утра до поздняго вечера, и радъ былъ въ свободное время наняться на работу при постройкѣ правительственной желѣзной дороги. Въ то время фермеръ смотрѣлъ на городского работника, какъ на равнаго и какъ на брата. И тогда демократическая партія въ городѣ и въ деревнѣ представляла одно цѣлое. То было самое блестящее время партіи Балланса и Седдона. Но маленькій, жалкій „коки“¹⁾, котораго правительство Балланса и Седдона превратило изъ крѣпостнаго у скуотера въ независимаго фермера, сталъ богатѣть и зазнаваться, — продолжаетъ *Sydney Bulletin*. — Когда онъ выкупилъ свою закладную, онъ почувствовалъ себя тоже скуотеромъ, только поменьше. Съ каждымъ годомъ число фермеровъ, очистившихъ свои долги, увеличивается, и соответственно съ этимъ растетъ въ Новой Зеландіи новый землевладѣльческій классъ. Онъ глядитъ сверху внизъ на городскихъ работниковъ, которыхъ прежде считалъ братьями и сотоварищами въ борьбѣ за демократическія реформы. Новый фермеръ желаетъ имѣть дешевыхъ работниковъ, хотя всего лишь пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ былъ работникомъ. Онъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, — можно ли „низшему классу“ предоставить участіе въ выборахъ, и возстааетъ противъ „соціалистическаго зако-

1) Бличка австралійскихъ сельскихъ работниковъ.

подательства“, которое дало тому же „коки“ землю, кредитъ и всякое содѣйствіе со стороны государства. Безъ „соціалистическаго законодательства“, противъ котораго теперь фермеръ возстаетъ, онъ до сихъ поръ былъ бы безземельнымъ батракомъ, пасъ бы хозяйскихъ коровъ и получалъ бы по 15 шил. въ недѣлю и плохіе харчи. „Коки“ теперь задумывается надъ вопросомъ о свободной торговлѣ, который понимаетъ прямолинейно и своеобразно. „Союзъ фермеровъ“ высказываетъ открыто, что протекціонизмъ въ Новой Зеландіи долженъ быть отмѣненъ. Тогда иностранные товары хлынутъ широкой волной на рынки; мѣстные фабрики не выдержатъ конкуренціи и закроются; изъ городовъ въ деревню потянутся массы безработныхъ, которые готовы будутъ предложить свои услуги фермерамъ за какую угодно плату. За пятнадцать лѣтъ нѣкогда отличные работники, которыхъ реформы Балланса и Седдона превратили въ фермеров-собственниковъ, успѣли измѣнить свой взглядъ на рабочій вопросъ. Фермеры теперь „изумляются дерзости рабочаго класса“, добивающагося высокой заработной платы ¹⁾.

Политическія дѣла въ Новой Зеландіи обстоятъ такимъ образомъ. Прежде всего мы имѣемъ жалкіе остатки разбитой оппозиціонной партіи, состоящей изъ одряхлѣвшихъ политическихъ дѣятелей, которые потеряли всякое вліяніе. Затѣмъ предъ нами большая, прежде однородная, но теперь начинающая разлагаться министерская партія, которая стоитъ у власти со времени великихъ реформъ. Она составлена, прежде всего, изъ новыхъ фермеровъ, выплатившихъ государству всѣ долги и начинающихъ смотрѣть на себя, какъ на законныхъ преемниковъ скуотеровъ. По выраженію „Sydney Bulletin“, эти фермеры, стыдящіеся уже теперь сами копать въ навозѣ, какъ было недавно, образуютъ „Squirearchy“, т.-е. іерархію сквайровъ. Они требуютъ введенія свободной торговли, которая, по расчету „Squirearchy“, убьетъ промышленность въ городахъ и дастъ фермерамъ дешевыхъ работниковъ. Іерархія сквайровъ теперь ведетъ разговоры о священныхъ правахъ собственности, возмущается поведеніемъ „низшихъ классовъ“ и выражаетъ сомнѣніе въ правильности „соціалистическаго законодательства“. По старой при-

¹⁾ *Sydney Bulletin*, 1902, № 1183.

вычкѣ „Squirearchy“ покуда еще слѣдуетъ за своими прежними вождями и на выборахъ 1905 г. поддержала Седдона. Затѣмъ мы имѣемъ новыхъ фермеровъ, которые не выплачивали еще по закладнымъ. Эти покуда еще болѣе „коки“, чѣмъ сквайры, т.-е. они твердо помнятъ то время, когда сами состояли въ батракахъ. Они покуда еще не обладаютъ самоувѣренностью фермеровъ, состоящихъ въ Farmers' Union, т.-е. въ союзѣ землевладѣльцевъ. Дальше слѣдуетъ та главная сила, на которую крѣпче всего опиралось министерство Балланса и Седдона во время осуществленія реформъ, т.-е. фабричные рабочіе. Подъ защитой протекціонизма и фабричнаго законодательства Балланса и Седдона, въ Новой Зеландіи появился классъ рабочихъ, численность котораго, сравнительно, вдвое больше, чѣмъ въ промышленныхъ штатахъ Австраліи: въ Викторіи и Новомъ Южномъ Уэльсѣ.

Въ Новой Зеландіи нарождается теперь новая партія, стоящая за націонализацию всѣхъ производствъ. Она не желаетъ работать заодно съ союзомъ фермеровъ. Въмѣстѣ съ политическими партіями измѣнились и политическіе дѣятели, руководившіе мирной революціей. Прежде всего сошелъ со сцены Баллансъ, за нимъ послѣдовали Мэкензи и Ривсъ. Седдонъ въ концѣ 1899 г. превратился въ пламеннаго и кровожаднаго джинго. Онъ рекомендовалъ не щадить бургеровъ и предлагалъ центральному правительству свои услуги по сформированію specialнаго отряда моарисовъ для отправки въ Южную Африку. Седдонъ указывалъ при этомъ, что моарисы не забыли еще, какъ слѣдуетъ разправляться съ врагами. Предложеніе ново-зеландскаго премьера монтировать отрядъ изъ полудикихъ людей, которые всего только 40 лѣтъ назадъ поѣдали послѣ битвы своихъ плѣнниковъ, не было принято. Въ іюнѣ 1907 года Седдонъ внезапно скончался. Премьеромъ сталъ Джозефъ Уордъ, къ которому ново-зеландскіе работники относятся съ крайнимъ недовѣріемъ. „У насъ ненавидятъ этого перевертня, переметнуващагося теперь къ фермерскому союзу, — пишетъ ауклендскій корреспондентъ „Sydney Bulletin“. — По натурѣ своей это — финансовый спекуляторъ и грюндеръ; онъ давно уже скинулъ стѣснявшій его плащъ демократа или, точнѣе, надѣваетъ его только по торжественнымъ

днямъ“¹⁾. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, рабочая партія отделилась отъ министерской.

Такимъ образомъ мы видимъ, что наше представление о „Счастливыхъ островахъ“ не совсѣмъ совпадаетъ съ дѣйствительностью.

II.

Альфредъ Букэнэнъ хорошо знаетъ Австралію, но въ книгѣ его мы находимъ только одну сторону жизни. Авторъ говоритъ по преимуществу о городской жизни. Правда, большинство блага населенія Австраліи сконцентрировано въ городахъ; но жизнь на фермахъ, въ ранчахъ и на прискахъ настолько своеобразна и оригинальна, что о ней слѣдовало бы писать. Затѣмъ въ городахъ авторъ наблюдаетъ *только* средніе классы; онъ намъ много говоритъ объ австралійскомъ обществѣ, о борьбѣ политическихъ партій, объ империализмѣ, о премьерахъ. Мимоходомъ онъ упоминаетъ про австралійскихъ поэтовъ, журналистовъ и беллетристовъ, но не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній о бытѣ работниковъ и о тѣхъ факторахъ, которые наложили такую своеобразную печать на всю экономическую и социальную жизнь Австраліи. Такимъ образомъ, названіе книги Букэнэна „The Real Australia“ не вполне соответствуетъ содержанию. Авторъ съ большимъ правомъ могъ бы назвать свою книгу „Австралійская буржуазія“.

Букэнэнъ отмѣчаетъ, прежде всего, „политическое негодование“ австралійцевъ. Въ этомъ отношеніи они превзошли всѣхъ. „Единственными соперниками австралійцевъ являются только китайцы, да еще ламаиты въ Тибетѣ“. Австралійцы ревниво оберегаютъ свои берега отъ иммигрантовъ и выработали цѣлый рядъ законовъ, имѣющихъ цѣлью остановить притокъ переселенцевъ. Въ этомъ отношеніи сходятся всѣ партіи. Работники поддерживаютъ въ парламентахъ еще болѣе строгіе законы противъ иммигрантовъ, чѣмъ либералы или консерваторы. Австралійцы относятся подозрительно къ переселенцамъ, откуда бы они ни явились:

¹⁾ „Sydney Bulletin“, January 25, 1907.

изъ Европы или изъ Азіи, изъ иностранныхъ государствъ или изъ метрополіи. Года два тому назадъ произошелъ инцидентъ, вызвавшій большое неудовольствіе въ англійскихъ газетахъ: федеральное правительство не разрѣшило высадиться въ Сиднеѣ нѣсколькимъ англійскимъ мастерамъ. Инцидентъ былъ потомъ улаженъ, но онъ доказалъ, что австралійцы желаютъ жить обособленно, „подобно лягушкамъ въ колодецѣ“, по выраженію одного автора. Австралійцы напоминаютъ пассажировъ, забравшихся въ удобный, просторный и хорошій вагонъ и разложившихъ свои вещи по всѣмъ скамьямъ, чтобы помѣшать другимъ занять мѣста. Дѣлается это изъ одной жадности, потому что мѣсть хватило бы всѣмъ.

Въ то же время индивидуально австралійцы очень гостепріимны. „Избиратель голосуетъ за то, чтобы у негра отняли средства къ существованію, чтобы канака выслали обратно на родину, гдѣ его соплеменники, вѣроятно, съѣдятъ, и чтобы слѣпому или больному переселенцу не дозволили бы высадиться. Тотъ же самый избиратель, если встрѣтитъ „нежелательнаго“ иммигранта, окажетъ ему всякую услугу.. Австраліецъ радушенъ, но только не въ политикѣ. Онъ готовъ учиться. Перегородки, раздѣляющія различные классы въ Европѣ, покуда еще не существуютъ въ Австраліи. Рабское подчиненіе извѣстному кодексу правилъ, освященныхъ обычаемъ, еще не наблюдается здѣсь. Жизнь еще эластична и не закаменѣла, какъ въ Англии“¹⁾. Австралійское общество—молодое; но въ нравственномъ отношеніи оно стоитъ не выше и не ниже англійскаго. Число лицъ, осужденныхъ въ Австраліи ежегодно за преступленія всякаго рода такое же, какъ и въ Англии. Австралія пьетъ нѣсколько меньше, чѣмъ метрополія: не по 3,57 гал. на человѣка, а по 2,5. Число незаконныхъ рожденій въ Австраліи нѣсколько выше, чѣмъ въ Англии и Уэльсѣ (6 и 4,15 проц.), но ниже, чѣмъ въ Шотландіи (7 проц.). Участіе женщинъ въ законодательной работѣ покуда еще не повело къ уничтоженію или хотя бы къ уменьшенію проституціи въ Австраліи. Улицы большихъ городовъ въ Австраліи вечеромъ превращаются въ такой же невольничій рынокъ, какъ тротуары

¹⁾ The Real Australia, p. 6.

каждаго европейскаго города. Такое явленіе неминуемо, разъ женскій трудъ оплачивается только 10 шиллингами въ недѣлю.

Австралійское „хорошее общество“ въ городахъ — продуктъ послѣдняго времени. Джорджъ-Эліотъ въ одномъ изъ своихъ романовъ выясняетъ, во что обходится народу „изящное общество“ съ его поэзіей, прекрасными манерами и тонкими вкусами. Романистка говоритъ, какая масса „простого народа“ должна работать у станковъ на фабрикѣ, копать уголь въ подземныхъ шахтахъ или тащиться за плугомъ въ дождь и въ солнце, чтобы обезпечить „хорошему обществу“ возможность говорить о поэзіи и возвышенныхъ матеріяхъ. Австралія молодая страна; социальное неравенство не достигаетъ здѣсь такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ въ Европѣ; но и въ странѣ антиподовъ люди работаютъ у станковъ, въ подземныхъ шахтахъ и въ полѣ, чтобы доставить досугъ другимъ, ничего не дѣлающимъ и живущимъ въ великолѣпныхъ домахъ. Австралійское „общество“ въ большихъ городахъ насчитываетъ не много лѣтъ. Оно довольно смѣшано. Мы видимъ тутъ судей, политическихъ дѣятелей, землевладѣльцевъ, торговцевъ, адвокатовъ, актеровъ. „Общество“— всѣ тѣ, которымъ посылаютъ приглашенія на балы къ намѣстнику. Въ Австраліи оно грубовато. Досуги мужчинъ поглощаются скачками, виномъ и картами. Женщины изъ „общества“ занимаются тѣмъ же. Но извѣстный отпечатокъ силы лежитъ на австралійскомъ обществѣ: оно постоянно пополняется людьми, поднявшимися со дна. Тутъ удачливый пріискатель, который только что смѣнилъ красную фланелевую рубаху и высокіе сапоги на тонкое бѣлье, фракную пару и лакированные башмаки. Руки его еще заскорузали отъ мотыки. Тутъ скотоводъ изъ степей, лежащихъ на границѣ центральной пустыни. Онъ только что выгодно продалъ громадную партію овецъ и сдѣлался богачемъ. Въ „обществѣ“ мы видимъ также богатаго торговца, представителя какого-нибудь громаднаго англійскаго торговаго дома и т. д. Все это, съ одной стороны, накладываетъ на австралійское общество отпечатокъ независимости, но также и вульгарности. „Въ Австраліи успѣхъ, выраженный деньгами, дѣлаетъ человѣка членомъ „общества“, и только это. Двери „общества“ раскрыты предъ всѣми

удачниками, изъ какихъ бы сферъ они ни поднялись. Этимъ объясняется, почему значительная часть австралийскаго „хорошаго общества“ проводитъ дни въ поклоненіи Пану, а ночи—Вакху“¹⁾. Оно готово признать и талантъ, но только тогда, когда онъ добился денегъ.

Совсѣмъ иную картину найдемъ мы, когда отъ „хорошаго общества“ обратимся къ остальной массѣ блага населенія Австраліи. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ населеніе не живетъ такой интенсивной политической жизнью, какъ въ Австралийской республикѣ. Въ федераціи мы имѣемъ семь парламентовъ, съ двумя выборными палатами каждый; всего, значить, четырнадцать палатъ. Благо населенія въ Австраліи нѣсколько меньше четырехъ милліоновъ. Оно представлено въ 14 палатахъ 600 депутатами. Понятно, какое выдающееся мѣсто должны занимать политическіе вопросы, выборы, программы, парламентскіе дебаты въ такой странѣ, какъ Австралія. Мѣстныя газеты заполнены политикой. Нигдѣ въ мірѣ политическая дѣятельность не доступна такъ для каждаго талантливаго и энергичнаго человѣка, какъ въ Австраліи. Газеты намъ постоянно сообщаютъ о премьерахъ, притомъ необыкновенно талантливыхъ, какъ покойный Ричардъ Седдонъ, или „Дикъ“, бывшихъ прежде владѣльцами маленькихъ трактировъ на проселочной дорогѣ; о сенаторахъ, которые, когда имъ пришли возвѣстить объ избраніи, лежали въ машинномъ котлѣ и клепали его; о министрахъ, которые за два года до того, какъ получили портфель, красили крышу или клали фабричную трубу. Политическая дѣятельность не только доступна въ Австраліи для всѣхъ талантливыхъ людей, но, что еще болѣе важно, она совершенно чиста. Вопросъ о подкупности и продажности общественныхъ дѣятелей въ Австраліи не существуетъ.

Политическія партіи въ Австраліи часто смѣняются у власти; но, въ сущности, происходитъ только нѣкоторая перетасовка картъ. Въ концѣ концовъ рѣшающимъ факторомъ остается все населеніе, которое очень практично и не дѣлаетъ неосмотрительныхъ шаговъ. Въ Австраліи, напр., много говорятъ о протекціонизмѣ и фритредерствѣ. На основаніи этихъ разговоровъ протекціонисты въ Англіи возла-

1) The Real Australia, p. 39.

гаютъ большія надежды. Они видятъ уже Австралію, представшую къ имперскому Золль-ферейну во имя абстрактной идеи имперіализма. Австралія накладываетъ запретительные тарифы на всѣ привозные товары, кромѣ англійскихъ. Такимъ образомъ, промышленный міръ, центромъ котораго является Бирмингэмъ, сразу получаетъ рынокъ, охраняемый отъ американскихъ и германскихъ конкурентовъ. Въ дѣйствительности, ничего подобнаго Австралія не намѣрена сдѣлать. Она ничего не имѣетъ противъ того, чтобы метрополія обложила себя налогомъ и вытѣснила съ англійскаго рынка всѣхъ конкурентовъ Австраліи, тоже привозящихъ хлѣбъ, вино и шерсть (напр. Аргентину); но абсолютно ничѣмъ не желаетъ поступиться сама. Большинство бѣлаго населенія Австраліи живетъ въ городахъ. Австралія быстро становится фабричной страной. Она за протекціонизмъ, но только не за такой, о которомъ думаютъ имперіалисты. Австралія желаетъ защитить собственныя производства, какъ отъ нѣмцевъ и американцевъ, такъ и отъ *англичанъ*. Англійскіе товары въ Австраліи обложены меньшей пошлиной, чѣмъ американскіе или германскіе; но эта пошлина настолько велика, чтобы сдѣлать англійскіе товары дороже австралійскихъ. Затѣмъ, Австралія страна демократическая. Парламентъ принялъ законы о протекціонизмѣ, но населеніе настояло на томъ, чтобы покровительственная система охраняла интересы *всего населенія*, а не только фабрикантовъ производителей. И вотъ мы видимъ единственный въ своемъ родѣ законъ, предписывающій фабрикантамъ довольствоваться только справедливымъ процентомъ. Австралійскій протекціонизмъ охраняетъ интересы не только производителя, но и потребителя. И этотъ протекціонизмъ не можетъ быть измѣненъ, какая бы партія ни стала у власти.

То же самое можно сказать объ имперіализмѣ. Австралійцы сильно привязаны къ метрополіи. Узы эти сентиментальнаго характера и, по словамъ мѣстныхъ публицистовъ, не могутъ быть переведены на языкъ договорныхъ грамотъ. Австралія не думаетъ объ отдѣленіи отъ метрополіи. Подобный вопросъ никогда не поднимался даже въ социалистическихъ газетахъ. Австралія привязана къ метрополіи и, въ случаѣ войны, охотно готова помочь Англій. Такъ было во время южно-африканской войны, когда Австралія по собствен-

ной инициативѣ послала войска въ Трансвааль. Но въ то же время населеніе и слышать не хочетъ объ имперіализмѣ, какъ онъ выработанъ въ Англіи. Австралія имѣетъ свою милицію, которую не намѣрена подчинить англійскимъ генераламъ, и мечтаетъ о собственномъ флотѣ для защиты своихъ собственныхъ интересовъ. И какое бы министерство ни стало у власти въ федеральномъ парламентѣ: консервативное ли Дикина, либеральное—Рида или рабочее—Уотсона,—отношеніе къ имперіализму останется то же самое. Даже въ вопросахъ чисто внутреннихъ, партіи, становясь у власти, не могутъ дѣлать шаговъ въ иномъ направленіи, чѣмъ ихъ предшественники. Рабочая партія, напр., когда она въ оппозиціи, выдвигаетъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ. Она говоритъ о націонализаціи всѣхъ орудій производства, объ уничтоженіи крупнаго землевладѣнія, о новомъ и радикальномъ распредѣленіи налоговъ и пр. Въ послѣдніе два года рабочая партія была у власти въ федеральномъ парламентѣ, затѣмъ въ Квинслендѣ и въ зап. Австраліи. Ставъ министрами, рабочіе убѣдились, что провести въ практической жизни законъ гораздо труднѣе, чѣмъ выставить абстрактный принципъ.

III.

Интенсивная политическая жизнь въ Австраліи породила множество періодическихъ изданій. Нигдѣ въ мірѣ, вѣроятно, не читаютъ столько газетъ, какъ въ Австраліи, и нигдѣ онѣ не пользуются такимъ вліяніемъ.

Первая газета, съ нѣскольکو длиннымъ названіемъ „Sydney gazette and New South Wales Advertiser“, возникла въ Австраліи въ мартѣ 1803 года и выходила до декабря 1843 г. Австралія была тогда „каторжнымъ континентомъ“, и газету наполняли сообщенія о бѣглыхъ каторжникахъ, о наказанныхъ каторжникахъ, о казненныхъ каторжникахъ. Еще болѣе такой литературы находимъ мы въ „Derwent Star“, которая начала выходить въ 1810 г. на Вандименовой землѣ (теперь Тасманія). Въ то время Австралія находилась подъ полнымъ контролемъ военныхъ губернаторовъ. Инициатива населенія была забита, и одинъ изъ военныхъ губернаторовъ

въ своемъ докладѣ сообщилъ, что страна годится „развѣ только для того, чтобы разводить кенгуру“. Въ „каторжномъ“ періодѣ, подъ властью военныхъ губернаторовъ, Австралія была адомъ, содержаніе котораго дорого обходилось правительству. Съ обновленіемъ Австраліи возникаетъ новая газета. То была газета „Sydney Morning Herald“, выходящая сначала дважды въ недѣлю, потомъ черезъ день, а потомъ ежедневно. Въ 1846 г. появилась одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Австраліи—„Melbourne Argus“, а въ 1854 г. — ея соперникъ „Melbourne Age“, а еще черезъ два года—„Melbourne Leader“. Газета „Melbourne Argus“ достигла расцвѣта, когда въ ней работалъ самый выдающійся изъ австралійскихъ романистовъ Маркусъ Кларкъ, о которомъ я писалъ уже. Австралійская газета поражаетъ количествомъ матеріала. Судя по номеру въ 18—24 страницъ громаднаго формата, трудно представить себѣ, что газета выходитъ на континентѣ, все бѣлое населеніе котораго составляетъ лишь половину Лондона.

Посмотримъ теперь на газеты, выходящія въ различныхъ штатахъ. Въ 1890 г. въ Сиднеѣ, столицѣ Новаго Южнаго Уэльса было 332 тысячи жителей, но тамъ выходила 21 газета, изъ которыхъ 10—ежедневныхъ. Въ 1900 г. тамъ было уже 59 газетъ. Самая большая ежедневная газета — консервативный „Morning Herald“. Это — органъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Газета много пугала своихъ читателей призракомъ социализма, но въ самое послѣднее время стала подаваться влѣво. Это комментируется, какъ доказательство того, что въ Австраліи дѣла складываются плохо для крупныхъ землевладѣльцевъ, еще недавно бывшихъ хозяевами положенія. Противоположныхъ взглядовъ, т.-е. крайне радикальныхъ, придерживается „Sydney Daily Telegraph“. Въ Сиднеѣ выходитъ также самая распространенная, наиболѣе талантливая и оригинальная изъ всѣхъ австралійскихъ газетъ „Sydney Bulletin“, о которой дальше. Въ провинціальныхъ городахъ Новаго Южнаго Уэльса (во всемъ штатѣ, безъ Сиднея, миллионъ бѣлыхъ) въ 1890 г. выходило 78 газетъ, а въ 1900 г. — 168 газетъ. Къ тому же штату причисляется крошечный островокъ, находящійся въ 900 миляхъ отъ континента—Норфолькъ. Поверхность острова всего 12 кв. миль. Сравнительно недавно Норфолькъ представлялъ со-

бою послѣднее кольцо каторжнаго ада. Теперь это—мирная, крошечная республика съ населеніемъ въ 800 человекъ, выбирающая совѣтъ изъ 12 человекъ. Норфолькъ имѣетъ свою газету.

Въ Брисбэйнѣ, главномъ городѣ штата Квинслэндъ, въ 1890 г. на 60 тысячъ жителей было 26 газетъ. То же количество осталось и въ 1900 г. хотя населеніе увеличилось на 40 тысячъ. Въ провинціальныхъ городахъ выходятъ 86 газетъ. Наиболѣе жгучимъ вопросомъ, занимавшимъ до послѣдняго времени квинслэндскія газеты, являлся вопросъ о канакахъ. Сѣверная часть колоніи лежитъ подъ тропиками. Здѣсь разведены сахарныя плантаціи, на которыя привозили работниковъ-канаковъ. Многие изъ нихъ пробыли въ колоніи болѣе 20 лѣтъ. Когда рабочая партія въ Квинслэндѣ окрѣпла, она потребовала, чтобы иммиграція канаковъ была остановлена. Затѣмъ началась агитація за то, чтобы всѣхъ канаковъ выслали обратно на родину. Рабочіе доказывали, что напрасно плантаторы ссылаются на то, будто болѣе не въ состояніи работать на сахарныхъ плантаціяхъ. Все дѣло только въ хорошей заработной платѣ и въ короткомъ днѣ. Не только одни плантаторы отстаивали цвѣтнокожихъ рабочихъ. Канаки нѣсколько разъ подавали петиціи въ парламентъ, въ которыхъ указывали, что они работаютъ честно, ведутъ себя смирно, крѣпкихъ напитковъ не пьютъ, соблюдаютъ всѣ законы и теперь, тѣмъ не менѣе, имъ грозитъ страшная опасность—высылка на родину. Это означаетъ не только потерю заработка и всѣхъ средствъ къ существованію: многіе канаки прожили въ Квинслэндѣ такъ долго, что на родинѣ ихъ забыли и, когда ихъ привезутъ обратно, имъ грозитъ опасность быть съѣденными земляками. Петиціи канаковъ произвели сильное впечатлѣніе въ Англіи; но трудящіяся массы въ Квинслэндѣ отвѣтили, что своя рубашка ближе къ тѣлу. Въ 1901 г. прошелъ сперва въ мѣстномъ, а потомъ въ федеральномъ парламентѣ Pacific Islands Labourers Act, вошедшій въ полную силу черезъ пять лѣтъ, т. е. въ декабрѣ 1906 г. Въ силу этого закона въ январѣ и въ февралѣ 1907 г. девять тысячъ канаковъ и полинезійцевъ высланы обратно на свои родные острова.

Въ Аделаидѣ, главномъ городѣ Южной Австраліи, теперь 130 тысячъ жителей. Печатается здѣсь 24 газеты, а въ про-

винции — двадцать семь газетъ. Наименьшимъ по величинѣ штатомъ Австраліи является Викторія. Населенія здѣсь 1.218.570, изъ которыхъ половина живетъ въ Мельбурнѣ, а около 300.000 въ городахъ (Портлендъ, Гамильтонъ, Бичвортъ, Альбертонъ и др.). Въ Мельбурнѣ печатаются, въ самомъ городѣ, 46 газетъ, да еще 21 въ предмѣстьяхъ. Здѣсь выходятъ самыя главныя австралійскія ежедневныя газеты „Melbourne Age“ и „Melbourne Argus“, которыя нѣсколько лѣтъ вели между собою борьбу за первенство, кончившуюся побѣдой первой газеты. „Age“ — радикальная газета и отстаиваетъ политику австралійскаго протекціонизма, „Argus“ — консервативная и симпатизируетъ свободной торговлѣ. Въ провинціальныхъ городахъ печатается 179 газетъ. Въ Болларэтѣ 25 тысячъ жителей, но тамъ издается девять газетъ. Въ Гилонгѣ на 5.860 жителей — пять газетъ. Самое большое количество газетъ печатается въ Новой Зеландіи.

Въ округѣ Нельсонъ мы видимъ 10 газетъ, въ Таранаки — 12, въ семи городкахъ, точнѣе, деревняхъ Западной Провинціи — 13 газетъ. А всего-то во всей Новой Зеландіи 880 тысячъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ и моарисовъ.

IV.

Перейдемъ теперь къ журналистамъ. „Положеніе вещей очень любопытно, — говоритъ Букэнэнъ. — Предъ нами континентъ, четырехмилліонное населеніе котораго имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлую сѣть государственныхъ школъ, университетовъ, рисовальныхъ школъ, академій художествъ и пр. Обученіе бесплатное и обязательное. Неграмотность совершенно неизвѣстна. Въ Австраліи нельзя найти людей невѣжественныхъ и забытыхъ, какъ лондонскій „докеръ“, русскій крестьянинъ или сельскій работникъ центральной Европы. Австраліяцы наблюдательны и надѣлены подвижнымъ умомъ, вотъ почему они естественно тянутся къ перу и черниламъ. Авторское честолюбіе — болѣзнь сильно распространенная въ Австраліи. Она принимаетъ гораздо болѣе острыя формы, чѣмъ крикетная или театральная манія. Изъ каждыхъ двухъ домовъ въ городахъ одинъ, навѣрное, наполненъ неоконченными и ненапечатанными рукописями.

Если въ писательствѣ не повиненъ *сынъ*, то непременно пишутъ дочь, мать или нянька. Каждый редакторъ заваленъ рукописями. Для каждаго номера доставляется въ десять разъ больше матеріала, чѣмъ нужно. Разъ газета, выходящая въ Сидней, назначила конкурсъ и предложила сто фунтовъ за большую повѣсть. Редакторъ получилъ 130 рукописей отъ авторовъ-дебютантовъ¹⁾. Самые талантливые писатели стремятся въ Лондонъ. Тамъ устанавливаются репутаціи. До сихъ поръ не было еще ни одного австралійскаго беллетриста, репутація котораго была бы установлена на родинѣ. Даже Маркусъ Кларкъ, печатавшій свой лучший романъ „For the Term of his Natural Life“ въ австралійскомъ журналѣ, добился извѣстности только послѣ того, какъ романъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ Лондонѣ. То же самое справедливо и относительно австралійскихъ поэтовъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ австралійскихъ лириковъ Кендоль (о немъ я писалъ въ очеркахъ „Литература молодыхъ демократій“) всю жизнь влачилъ жалкое существованіе и скончался, какъ нищій. Австралійскіе издатели не берутъ большихъ рукописей у авторовъ, репутація которыхъ не установлена предварительно въ метрополиі. Точно такъ же, какъ у насъ сравнительно недавно читатели относились скептически къ роману, который предварительно не былъ напечатанъ въ журналѣ, въ Австраліи издатели не доверяютъ достоинству произведенія, не оцѣненнаго предварительно въ Лондонѣ. Въ результатъ то, что въ Австраліи мѣстные таланты возвращаются уже только знаменитостями. Они разрѣшаютъ тогда издателямъ только перепечатывать лондонскія изданія своихъ произведеній. Безчисленныя австралійскія газеты обслуживаются людьми, не могущими выбиться на поверхность, литераторами-чернорабочими, составляющими крайне своеобразную и пеструю богему. Австралійскіе журналисты „насчитываютъ въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ профессій и людей безъ всякой профессіи. Тутъ мужчины и женщины, имѣющіе хорошее общественное положеніе, а также лица, стоящія „за чертой“. Австралійскіе журналисты не имѣютъ ни организаціи, ни профессиональныхъ союзовъ. Это—типичная богема, имѣющая одинъ

¹⁾ The Real Australia, p. 98.

паспортъ на успѣхъ—талантъ“. Богема эта всегда завалена работой, за которую получаетъ плохое вознагражденіе. Получается парадоксъ такого рода. Австралійская пресса горячо отстаиваетъ право рабочихъ на восьмичасовой день и на справедливое вознагражденіе. Мѣры эти осуществлены, какъ извѣстно, законодательнымъ путемъ почти всюду въ Австраліи. Нормальный рабочій день и справедливое вознагражденіе существуютъ въ Австраліи для всѣхъ работниковъ, но только не для тѣхъ, которые развивали и отстаивали это право. Даже отъ рядового австралійскаго журналиста требуется блескъ. Лихорадочная, интенсивная работа между тѣмъ быстро изнуряетъ „ломовыхъ журналистовъ“. На смѣну являются молодые, со свѣжими силами, и стараго „ломового журналиста“ выбрасываютъ за бортъ. Чѣмъ болѣе австралійскій журналистъ талантливъ и оригиналенъ, тѣмъ болѣе шансовъ за то, что онъ быстро выдохнется и выйдетъ въ тиражъ. Въ „Sydney Bulletin“ года три тому назадъ печатались очерки изъ жизни австралійской журнальной богемы. Авторъ писалъ о Маркусѣ Кларкѣ, Джорджѣ Уолстэбѣ, Гравенарѣ, псевдонимъ котораго „Джэкъ“ былъ сильно популяренъ во всей Австраліи, объ Эдуардѣ Дайсонѣ, несчастномъ поэтѣ Кендолѣ и др. То были крайне печальныя, подчасъ трагическія воспоминанія. Къ слову „Sydney Bulletin“—единственный австралійскій журналъ, поднявшій вопросъ о положеніи журнальной богемы.

Самая характерная особенность австралійской печати это—ея еженедѣльные изданія. Мы замѣчаемъ во многихъ провинціальныхъ городахъ любопытное вытѣсненіе ежедневной газеты еженедѣльной. Въ Квинслэндѣ, напр., семнадцать лѣтъ тому назадъ въ провинціальныхъ городахъ выходили 60 газетъ, изъ нихъ только двѣ еженедѣльныя; теперь мы имѣемъ тамъ 86 газетъ, и изъ нихъ только три ежедневныя, а то всѣ—еженедѣльныя. Въ Тасманіи семнадцать лѣтъ тому назадъ выходили 7 ежедневныхъ и 9 еженедѣльныхъ газетъ, а теперь мы имѣемъ 4 газеты, появляющіяся ежедневно и 14—разъ въ недѣлю (населенія 174 тысячи).

Наиболѣе талантливой и оригинальной еженедѣльной газетой является „Sydney Bulletin“. Австралійскія газеты печатаютъ политическія статьи, агрономическіе трактаты, шуточные куплеты, рассказы, баллады, словомъ—все; но ко всѣмъ

авторамъ предъявляютъ два требованія: блескъ изложенія и сжатость формы. Редакторъ готовъ принять статью о любомъ научномъ вопросѣ, о русскихъ дѣлахъ, затѣмъ разскажь, но если все это не длиннѣе одного столбца. „Приступай сразу къ изложенію дѣла и укладывай все, что хочешь, въ 180 строкъ“,—таково требованіе редакторовъ. И „Sydney Bulletin“ настоящій виртуозъ въ дѣлѣ сжатости и блеска. Журналъ создалъ особый типъ стихотвореній. Десятъ десятыхъ стиховъ, извѣстныхъ теперь въ Австраліи и переложенныхъ тамъ на музыку, прошли черезъ страницы „Sydney Bulletin“. Журналъ выработалъ особый стиль, находящій подражателей всюду въ Австраліи и къ которому приспособляются. „Sydney Bulletin“ имѣетъ свою манеру обсуждать политическіе, соціальные и религіозные вопросы. „Хорошее общество“,—лицемѣріе, предразсудки и снобизмъ котораго журналъ осыпаетъ сарказмами,—притворяется, что не читаетъ „Sydney Bulletin“. Журналъ смѣло ополчился противъ джингоизма во время африканской войны, когда угаръ имперіализма одно время сильно ударилъ въ голову республики. Журналъ проповѣдуетъ австралійскій патріотизмъ, грубоватый, но сильный.

Some love the barren moorland and the bleak and Wintry sky,
And some love the craggy shoreland, and will love it till they die.
There are some that love the farm-house, there are some that ever pine
For old Ocean's restless tossing-for the foaming, seething brine;
It is ever what you're bred to. And no matter where I roam
My heart is in the bushland-for the bushland is my home.

Такъ пишетъ одинъ изъ поэтовъ „Sydney Bulletin“ (т.-е. „Иные любятъ обнаженные болота и темное зимнее небо; иные—скалистый морской берегъ, который будутъ любить до конца жизни. Иные восхищаются деревней; другіе вѣчно томятся по безпокойному волненію стараго океана и по кипящимъ, пѣнящимся валамъ. Все зависитъ отъ того, гдѣ вы выросли. Гдѣ бы я ни блуждалъ, мое сердце всегда въ австралійской пустынѣ, такъ какъ тамъ мой родной очагъ).

Къ какимъ читателямъ обращается „Sydney Bulletin“? Это—„коубой“, заброшенный на далекой ранчѣ. Среди этихъ пастуховъ можно встрѣтить людей съ очень хорошимъ образованіемъ. Тутъ молодые люди, изучающіе на практикѣ дѣло, чтобы потомъ самимъ завести ранчи. Тутъ буйные

Перь-Гюнты, которыхъ родные, чтобы затушить громкій скандалъ, отправили изъ Англии въ далекую пустыню. Австралійскій коубой, въ общемъ, оригинальная, сильная, красивая фигура. Сколько видныхъ австралійскихъ дѣятелей начали самостоятельную жизнь, какъ коубои! Затѣмъ, читатель „Sydney Bulletin“—пріискатель, т.-е. кочевое население кочевыхъ городовъ, возникающихъ сразу въ пустынь и исчезающихъ, какъ туманъ, поднятый солнцемъ, когда жила истощена. Почитатель журнала также фермеръ. Это тотъ „скуотеръ“ средней руки, о которомъ Болдервудъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ современныхъ австралійскихъ романистовъ¹⁾, писалъ: „Джэкъ пробуждался въ настроеніи школьника на каникулахъ, т.-е. съ сознаниемъ, что день слишкомъ коротокъ для всѣхъ намѣченныхъ пріятныхъ занятій. Нужно было осмотрѣть скотъ, пригнанный съ далекихъ колодцевъ, объѣздить коня, задать кормъ воламъ, приготовленнымъ для продажи. Дальше предстояло устроить смотръ всѣмъ новымъ телятамъ, бѣлымъ, пѣгимъ и рыжимъ и наложить на ихъ нѣжвыя шкурки тавро I. R. Каждое такое клеймо обозначало увеличеніе стоимости живого инвентаря на 5 ф. ст. Затѣмъ, въ программу входила охота на болотныхъ птицъ, на кэнгуру съ гончими. Послѣ такихъ охотъ бывали съѣзды сосѣдей скуотеровъ, пикники, затѣмъ балы въ городѣ, во время которыхъ свѣжія щеки молодыхъ колонистокъ заставляли сильнѣе биться сердце Джэка. На годичную ярмарку въ Хэмденъ съѣзжались скуотеры изъ всѣхъ фермъ, въ радіусѣ ста миль отъ города. Тогда устраивались скачки, а потомъ—большой балъ. На скачкахъ молодые скуотеры и дочери скуотеровъ лихо мчались черезъ рвы и барьеры. Окрестности города, въ этомъ отношеніи, представляли большое разнообразіе. Черезъ недѣлю публика разъѣзжалась по фермамъ. Раза три въ годъ молодой скуотеръ ѣздилъ освѣжиться въ городъ. Тамъ онъ заводилъ новыхъ знакомыхъ въ клубѣ, запасался новыми книгами, а потомъ опять забирался въ свою ранчу... Когда скотъ былъ весь перемѣченъ, дѣла въ городѣ устроены, пастухи снабжены провизіей и все на фермѣ улажено,—Джэкъ за-

¹⁾ См. „Литература молодыхъ демократій“, „Русское Богатство“, № 11—12, 1905.

пирался на недѣлю или двѣ. Тогда онъ читаль запоемъ, по цѣлымъ днямъ, хотя безъ разбора: историческія сочиненія, романы, повѣсти, книги по естественной исторіи и политической экономіи, изучалъ иностранныя языки". (Изъ романа „The Squatter's Dream“).

Радости и печали скуотера средней руки и фермера „Sydney Bulletin“ описываетъ въ прозѣ, въ стихахъ и изображаетъ графически. Отличительной особенностью австралийскихъ еженедѣльныхъ газетъ являются рисунки, главнымъ образомъ, каррикатуры. И большинство этихъ рисунковъ такъ или иначе трактуетъ о самомъ важномъ факторѣ въ жизни австралийскаго фермера—о засухѣ. Громадныя площади земли въ сотни квадратныхъ миль превращаются тогда въ Сахару. Нигдѣ ни листа, ни пучка травы, ни одного тростника, только буро-красная, выжженная пустыня. Высыхаютъ озера, исчезаютъ рѣчки, пропадаютъ колодцы. Скуотеры въ отчаяніи бросаютъ фермы и бѣгутъ, спасаясь отъ смерти, ближе къ берегамъ моря, гдѣ вода въ рѣкахъ не исчезаетъ. Гибнуть десятки и сотни тысячъ овецъ. Банки, имѣющіе дѣла съ скуотерами, лопаются. Волна разоренія перекачивается по всему штату. Таковы результаты большой засухи, періодически посѣщающей Австралію. Теперь федеральный парламентъ выработалъ гигантскій планъ ирригаціонныхъ работъ, который будетъ выполненъ въ нѣсколько лѣтъ.

Во время засухи каррикатуры „Sydney Bulletin“ поражаютъ своеобразнымъ, мрачнымъ юморомъ. Бесѣдуютъ, напримеръ, два скуотера. *Первый*: Засуха. *Второй*: Да. Какъ она отразилась на васъ? *Первый*: Да вотъ какъ. Засуха поставила меня на ноги. *Второй*. Поставила васъ на ноги? *Первый*. Ну, конечно. Прежде у меня были верховые кони. Теперь всѣ лошади околѣли безъ воды, и я хожу пѣшкомъ.

Читательница „Sydney Bulletin“ такъ же оригинальна, какъ и читатель. Портретъ ея мы находимъ въ одной изъ поэмъ, помѣщенной въ журналѣ.

„Она съ очаровательной беззаботностью могла ѣздить верхомъ черезъ самый густой лѣсъ; она не имѣла и мысли объ опасности, когда погоня за скотомъ становилась жаркой и принимала дикій характеръ. Беззаботная сорванецъ Тотъ восхищала всѣхъ мужчинъ.“

„Она доила коровъ и ворошила сѣно; она рубила лѣсъ, танцевала божественно, а въ дѣлѣ стряпни съ ней не могъ потягаться никто. Она забирала призы на выставкахъ. Такъ дѣлала маленькая русокудрая Тотъ“.

Еженедѣльно „Sydney Bulletin“ даетъ своимъ читателямъ тридцать страницъ газетнаго формата, въ четыре колонны каждая. Если принять во вниманіе сжатость манеры австралийскихъ писателей, то мы видимъ, что каждый номеръ заключаетъ массу матеріала. Журналъ напоминаетъ австралийскаго коубоя. Оба являются въ красной сорочкѣ. Оба независимы, остроумны и грубоваты въ манерахъ. Что касается направленія журнала, то въ этомъ отношеніи „Sydney Bulletin“ является законнымъ преемникомъ такихъ англійскихъ „республиканцевъ“ XVIII в., какъ Томасъ Пэнъ.

V.

Въ возрѣніи австралийской и англійской печати на способности отстаиванія народомъ своихъ правъ мы замѣчаемъ нѣсколько фазисовъ. Теперь, когда Англія постаралась уничтожить причины, создающія такое ужасное явленіе, какъ терроръ; когда для выясненія политическихъ и социальныхъ вопросовъ она имѣетъ парламентъ, свободную печать и открытую платформу; когда населеніе избавлено отъ назойливой опеки центральной власти; когда всякій произволъ былъ бы наказанъ судомъ абсолютно независимымъ, безпристрастнымъ, открытымъ, съ участіемъ народныхъ представителей, — политическія убійства въ самой Англіи исчезли давнымъ давно. Англичане относятся къ нимъ съ ужасомъ.

Заглянемъ, однако, въ исторію англійской печати. Мы увидимъ, что, когда всѣхъ тѣхъ условій, которыя перечислены выше, не было, — тираноманія находила защитниковъ, ссылавшихся не только на классиковъ, но и на библію. Возьмемъ, напр., знаменитый памфлетъ „Killing No Murder“, появившійся въ 1657 г. и открыто призывавшій къ убійству Оливера Кромвелля. Современный англичанинъ съ трудомъ

1) The Tomboy. „Sydney Bulletin,“ October, 1906.

вѣрить, что подобный памфлетъ не только появился на его родинѣ, но произвелъ громадное впечатлѣніе на предковъ и составилъ своего рода эпоху. Онъ съ трудомъ вѣрить, что и до появленія памфлета были акты, оправдываемые трактатомъ. Таково, на примѣръ, убійство офицеромъ Фельтономъ всесильнаго лорда Букингэма, убѣждавшаго Карла I не церемониться съ правами парламента.

Прошелъ XVII вѣкъ съ его кровавымъ туманомъ, грубымъ попраніемъ человѣческихъ правъ, съ „Bloody Assize“, т. е. кровавымъ судилищемъ лорда Джефриса; наступилъ XVIII вѣкъ. Грубый произволъ былъ ограниченъ въ извѣстной степени уже хартіей, подписанной Вильгельмомъ Оранскимъ. Съ установленіемъ хоть намека на дѣйствительное признаніе правъ гражданъ, — исчезаетъ изъ исторіи Англій призракъ „тиранномаха“. Политическія убійства въ самой Англій до такой степени отходятъ въ область преданій, что послѣдующія поколѣнія не вѣрятъ даже, что эта ужасная мѣра когда-то вводилась въ систему. Въ серединѣ XVIII вѣка понятіе „тираннъ“, которое съ такою точностью опредѣлялъ за сто лѣтъ до того авторъ памфлета, стало для англичанъ только метафорой. И Джемсъ Томсонъ съ полнымъ правомъ въ 1740 г. писалъ, обращаясь къ Британіи:

„Thee haughty tyrans ne'er shale tame:
All their attempts to bend thee down
Will but arouse thy generous flame,
And work their woe and thy renown“¹⁾.

(Тебя надменные тиранны никогда не укротятъ; всѣ ихъ попытки склонить тебя долу зажгутъ только благородное пламя негодованія и будутъ содѣйствовать гибели насильниковъ и твоей славы).

Попытки власти возратить себѣ прежнія права произвола продолжаются и въ XVIII вѣкѣ; но печать отвѣчаетъ точной формулировкой народныхъ правъ и рекомендуетъ отстаивать ихъ всѣми законными средствами, включая сюда и отвѣтъ на насиліе коллективнымъ, планомѣрнымъ насиліемъ, но только уже не политическими убійствами. Печать выдвигаетъ новый принципъ: „the holy right of Mutiny“, т. е.

¹⁾ Изъ извѣстнаго гимна „Rule Britannia“.

священное право мятежа. Все это лучше всего выражено въ знаменитомъ трактатѣ Томаса Пэна „Rights of Man“, т.-е. „Права человѣка“. Авторъ исходитъ изъ „Демократіи“, только что тогда провозглашенной во Франціи. „Люди рождаются и всегда продолжаютъ быть свободными и равными въ своихъ правахъ. Гражданское различіе можетъ быть, поэтому, основано только на пользѣ, приносимой обществу каждымъ индивидуумомъ.“

„Цѣль всѣхъ политическихъ союзовъ и обществъ заключается въ охранѣ естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Права эти—свобода, собственность, безопасность и *сопротивленіе произволу*.“

„Верховный источникъ власти—народъ. Только онъ можетъ переуступить часть своей власти индивидууму или группѣ лицъ“.

Политическая свобода заключается въ правѣ дѣлать все то, что не нарушаетъ интересовъ другихъ лицъ. Протяженіе естественныхъ правъ каждаго человѣка ограничено только необходимостью гарантировать другому человѣку пользованіе тѣми же правами. Эти ограниченія опредѣляются только закономъ. „Правительство, основанное на старыхъ началахъ, есть присвоеніе власти съ цѣлью увеличенія собственной силы,—говоритъ Томасъ Пэнъ.—Правительство, держащееся на началахъ справедливости, есть—уступленіе власти народомъ для пользы общества. Первое правительство поддерживаетъ себя системой войны; второе—стремится къ миру, какъ къ вѣрному средству обогащенія народа. Одно сѣетъ раздоры въ самомъ обществѣ и между народами; другое имѣетъ цѣлью объединеніе всѣхъ націй въ одинъ союзъ, такъ какъ это содѣйствуетъ развитію торговли и промышленности. Одно измѣряетъ свое благосостояніе большой суммой собранныхъ налоговъ; другое доказываетъ свое превосходство небольшими налогами“¹⁾.

„И если наслѣдственный глава страны не въ состояніи оцѣнить этихъ принциповъ,—говоритъ Томасъ Пэнъ,—тогда народъ въ правѣ поднять вопросъ о замѣнѣ наслѣдственнаго представителя власти—выборнымъ“. „Человѣкъ не въ правѣ распоряжаться правами будущихъ поколѣній,—говоритъ

1) „Rights of Man“, издание 1906 г.; р.

Пэнъ.—Вотъ почему ни индивидуумъ, ни группа ихъ въ сущности не должны никого облекать наслѣдственной властью. Даже если бы мы сами могли снова воскреснуть на землѣ, вмѣсто того, чтобы замѣститься нашими потомками, мы и тогда не должны отнимать у себя правъ, которыя будутъ принадлежать намъ. На какомъ же основаніи мы отнимаемъ права, принадлежащія другимъ лицамъ, еще не родившимся“ ¹⁾?

„Не далеко то время, продолжаетъ Пэнъ,—когда англичане будутъ смѣяться надъ собою по поводу того, что посылали въ Голландію, Ганноверъ и Брауншвейгъ за королями, которымъ платили по милліону ф. ст. въ годъ, хотя тѣ не понимали ни законовъ, ни интересовъ, ни языка Англии, а по способностямъ и уму едва ли годились занять даже мѣсто будочника въ провинціальномъ городѣ. Если управленіе страной можетъ быть довѣрено такимъ лицамъ, значить, это дѣло очень легкое, для выполненія котораго можно найти подходящій матеріаль въ любомъ англійскомъ городѣ или въ деревнѣ“ ²⁾.

Колоніальная печать отлично усвоила эти взгляды Пэна. Она не высказываетъ ихъ открыто, потому что стоящіе у англійской государственной машины проявляютъ замѣчательный тактъ и дѣйствительную политическую мудрость. Королева Викторія и Эдуардъ VII ничего не имѣютъ общаго съ Георгомъ III, во времена котораго Пэнъ писалъ свой трактатъ. Англійскіе короли теперь являются символомъ народной власти.

VI.

Sydney Bulletin отстаиваетъ принципъ, высказанный еще Пэномъ, что для выработки законовъ требуется хорошая голова и честность, но отнюдь не специальная тренировка. Недавно австралійскій главный судья Гриффитъ на публичномъ банкетѣ произнесъ рѣчь, въ которой, подобно проф. Мартенсу, скорбѣлъ по поводу того, что въ федеральномъ парламентѣ далеко не всѣ депутаты имѣютъ университетскіе

¹⁾ p. 82.

²⁾ p. 144.

дипломы. На эту рѣчь австралійскій журналъ немедленно отозвался шуточной „балладой“, однимъ изъ любимыхъ орудіи борьбы публицистовъ изъ *Sydney Bulletin*.

„O People of this large
Lone Land, where all is new,
Take care who has the charge
Of making laws for you!—
God only knows the harm the ignorant can do“.

(„О, народъ, населяющій громадную, отдаленную страну, гдѣ все ново! Блюда за тѣми, которые уполномочены вырабатывать законы. Одинъ только Богъ вѣдаетъ, какой вредъ можетъ причинить невѣжда“). И журналъ, пародируя судью, выясняетъ, какіе именно люди способны „строить государственную храмину“:

„Добрые люди, умѣющіе бѣгло, на зависть всѣмъ, говорить по-гречески, цитирующіе Демосѳена съ настоящимъ аттическимъ акцентомъ, вотъ настоящіе люди, которые нужны вамъ“.

„О, австралійцы,—говорится дальше въ балладѣ,—выберите въ вашъ великій совѣтъ людей, знающихъ хорошо древнюю міеологію; подавайте голоса за высоко-культурныхъ джентльменовъ, понимающихъ по-гречески.“

„Тогда для Австраліи наступитъ золотой вѣкъ извѣстности и славы. Мы увѣряемъ васъ, что Сидней тогда станетъ обителью музъ и бѣлой фіалкой въ вѣнкѣ городовъ южнаго полушарія“.

Тогда исчезнетъ безслѣдно явленіе, столь огорчающее теперь изящныхъ джентльменовъ:

„Становятся премьерами люди, которые, если бы понизить ввозныя пошлины, предпочли бы дешевое пиво или ромъ ключу Піеридъ или прелестному Элизіуму“.

До сихъ поръ мы видѣли только шуточные и боевыя стихотворенія, появляющіяся въ „*Sydney Bulletin*“; но черезъ этотъ журналъ проходятъ также почти всѣ австралійскіе поэты. О Гордонѣ и Кэндолѣ я писалъ уже въ первыхъ очеркахъ. Познакомимся теперь еще съ тремя наиболѣе извѣстными австралійскими поэтами.

Наиболѣе интернаціональнымъ изъ нихъ слѣдуетъ признать Виктора Дэли, ирландца родомъ, скончавшагося въ 1907 году, послѣ отчаянной борьбы съ нищетой. Дэли

пытался сдѣлать невозможное (во всякомъ случаѣ, въ Австраліи): превращать стихи въ насущный хлѣбъ. Онъ на себѣ испыталъ насколько вѣренъ афоризмъ Гейне, что „дыни и поэты становятся хороши послѣ того, какъ *полежатъ на соломѣ*“. Дѣли скончался 47 лѣтъ отъ роду. Вся жизнь его прошла въ отчаянной борьбѣ за кусокъ хлѣба для себя и большой семьи. Между тѣмъ, первый же сборникъ стиховъ его „At Dawn and Dusk“ доставилъ автору извѣстность. Прямую противоположность печальной и сѣрой жизни поэта составляетъ томъ стихотвореній его. Дѣли — поэтъ юности, порывовъ и стремленій къ золотому идеалу, неопредѣленному, какъ утренній туманъ, и столь же пропитанному лучами еще невидимаго солнца. Этотъ идеалъ достигается на легкихъ, какъ тянущіяся въ воздухѣ золотистыя нити паутины, крыльяхъ фантазіи.

„Our ship shall be of sandal built,
Like ships in old world tales,
Carven with cunning art, and gilt,
And winged with scented sails...“

—такъ начинается одна изъ наиболѣе извѣстныхъ поэмъ Дѣля. Т.-е. „Нашъ корабль, какъ въ сказкахъ стараго міра, долженъ быть выстроенъ изъ сандала, хитро украшенъ рѣзбой, вызолоченъ и окрыленъ надушенными парусами изъ бѣлаго, какъ серебро, шелка, на которомъ пусть горитъ громадный красный цвѣтокъ гладиоліи. На вершинѣ мачты долженъ развѣваться радужный флагъ, а на кормѣ — розовый. И высоко надъ гротъ-мачтой, откуда развѣвается вымпель, должно быть изображеніе тѣтящаго голубя съ розой въ клювѣ“.

Ту же неопредѣленность мы находимъ въ стихотвореніяхъ Дѣля, навѣянныхъ любовью. Поэтъ никогда не описываетъ свою возлюбленную. Онъ передаетъ только настроеніе, и образъ женщины дорисовывается воображеніемъ читателя. Австралія покуда не выдѣлила ни одного поэта, котораго можно было бы сравнить съ Лонгфелло или Уотомъ Уитманомъ; ея поэты — второстепенные, которые врядъ ли удостоятся перевода на другіе языки. Но иностранцу поэзія Дѣля ближе и больше нравится, чѣмъ произведенія Гордона и Кэндоля, которые признаются въ Австраліи классическими. Мы, европейцы, быть можетъ, слишкомъ „испорче-

ны“ культурой, чтобы находить наслаждение въ „лошадиныхъ“ балладахъ Адама Гордона, въ произведеніяхъ въ родѣ „How we beat the Favourite“ (Разсказъ про то, какъ кобыла *Изельта* обогнала на скачкахъ *Клоуна* и *Фаворитку*), хотя стихи удивительны по звучности и красотѣ. Поэтъ передаетъ впечатлѣніе даже стука копытъ скачущихъ лошадей:

„And foreing the running, discarding all cunning,
A length to the front went the rider in green“.

Типично австралійскимъ поэтомъ, въ произведеніяхъ котораго отражаются мѣстный печальный ландшафтъ и ширь далекаго континента, является дѣятельный сотрудникъ „Sydney Bulletin“ Генри Лоусонъ. Изъ всѣхъ живыхъ австралійскихъ поэтовъ это самый популярный. По свидѣтельству Букэнена: „Изъ пятимилліоннаго населенія Австраліи развѣ только нѣсколько совершенно невѣжественныхъ людей не знаютъ поэта хотя бы по имени“. Передъ нами крайне экспансивная, подвижная натура, исколесившая весь міръ. Но гдѣ бы Лоусонъ ни былъ: у горячихъ озеръ Новой Зеландіи, въ Лондонѣ, на алмазныхъ прискахъ Южной Африки, въ густыхъ лѣсахъ Гвіаны или въ отелѣ на парижскихъ бульварахъ,—его стихотворенія навѣяны всегда Австраліей, ея камедными лѣсами и просторомъ выжженной пустыни. Онъ воспѣлъ коубоевъ на далекой „станціи“, странствующихъ рабочихъ — „shearers“ ¹⁾, которые кочуютъ по всему континенту и добираются до Новой Зеландіи, прискателя, „джэкару“, какъ называютъ въ Австраліи только что прибывшихъ изъ Англіи колонистовъ, поселившихся на границѣ пустыни. Лоусонъ передаетъ намъ ихъ горести и радости. Стихи его красивы, образны и свидѣлствуютъ о большой наблюдательности. Предъ нами проходятъ длинной вереницей колонисты, пастухи, погонщики воловъ, дѣвочки-колонистки, энергичныя, смѣлыя, здоровыя, радостныя. Это—все тѣ же разновидности „саваннаго гота“, упомянутого выше.

„Въ игрѣ ея конный не словить,
Въ бѣдѣ не сробѣетъ,—спасетъ:
Коня на скаку остановить,
Въ горячую избу войдетъ“.

1) Стригушіе овецъ.

Поэтъ даетъ намъ образы колонистки, спасающей во время внезапнаго наводненія (обычное явленіе въ Австраліи послѣ большихъ засухъ) сосѣдей, и дѣвушка, отбивающей цѣлый день въ забаррикадированной фермѣ нападеніе бродягъ— „бушрэнджеровъ“. Генри Лоусонъ не имѣетъ никакой другой профессіи, кромѣ писанія стиховъ, профессіи, какъ извѣстно, очень неблагодарной вообще, а въ Австраліи въ частности.

Наиболѣе молодой изъ австралійскихъ поэтовъ, добившихся извѣстности, является сотрудница „Sydney Bulletin“— миссъ Луиза Мэкъ. Если Лоусонъ—въ своихъ стихахъ говорить, по преимуществу, о сельской Австраліи, то миссъ Мэкъ дополняетъ его: ея стихотворенія внушены только жизнью большихъ городовъ. Для нея городъ не является такимъ гнѣздомъ ужасовъ, страданій и порабощенія чело-вѣческой личности, какъ для нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ и русскихъ поэтовъ и беллетристовъ. Великій и больной французскій поэтъ видитъ и жизнерадостный Парижъ только подъ покровомъ ветхаго савана. Сквозь дырѣя его предъ поэтомъ мелькаютъ то „Des êtres singuliers décrits“¹⁾ „сгорбленные, исковерканныя жизнью чудовища“, то калѣки, „ужасные, странные, какъ лунатики, вперившіе неизвѣстно во что свои потухшіе глаза“. Съ паденіемъ ночи въ воздухъ появляются „болѣзненные демоны“ чело-вѣческихъ страстей. Болѣзненная похоть „шевелится въ груди грязнаго города, какъ червь, похищающій у чело-вѣка все то, что онъ ѣсть“. Поэтъ даже на народныхъ балахъ видитъ только пляску смерти. Для молодой австралійской поэтессы—городъ, великолѣпная арена, на которую выступаетъ молодая, жизнерадостная, полная силъ демократія. Вечерніе огни, зажигаемые въ городѣ, для нея не погребальные факелы, какъ для Бодлэра, а костры, зажигаемые ликующей молодежи въ развалъ лѣта, въ Иванову ночь, за которой долженъ слѣдовать день еще болѣе погожій и солнечный, чѣмъ только что минувшій. И поэтесса воспѣваетъ Сидней: „молодой, не сформировавшійся еще австралійскій городъ, ноги котораго спущены въ чудное море; въ объятіяхъ гавани его дочери, острова, погружены весь день въ спокой-

1) „Странныя и дряхлыя существа (изъ Tableaux Parisiens“, Бодлэра).

ный сонъ“. Поэтесса — австралійка, поэтому, помимо всего, стихотворенія ея отражаютъ гордую, независимую натуру ея соотечественницъ. Таковъ циклъ стихотвореній, озаглавленныхъ „Молчаніе“. Свободная женщина нарушаетъ печать молчанія, наложенную на ея уста обычаемъ, установленнымъ мужчиной-„рыцаремъ“, мужчиной-рабовладѣльцемъ. Многія стихотворенія миссъ Мэкъ переложены въ Австраліи на музыку.

VII.

„Sydney Bulletin“ даетъ много чисто литературнаго матеріала; но это, прежде всего, журналъ политическій и боевой, доставляющій читателямъ массу свѣдѣній объ общественной и экономической жизни всей Австралазіи. Каждый номеръ наполненъ коротенькими, характерными по стилю, статьями, съ бойкими, иногда кричащими заголовками. Прежде всего, онѣ посвящены политикѣ домашней, т.-е. Новаго Южнаго Уэльса, потомъ федеральной, затѣмъ политикѣ Новой Зеландіи или Моарилэнда, какъ называется „Sydney Bulletin“ колонію, не присоединившуюся къ федераціи. Журналъ въ вопросахъ политики отстаиваетъ положеніе, что австралійцы—отдѣльная нація, которая, прежде всего, и по преимуществу, должна считаться только съ собственными интересами. На основаніи этого взгляда „Sydney Bulletin“ рѣзко возставалъ противъ южно-африканской войны вообще и въ частности противъ участія въ ней федераціи. Журналъ одно время шелъ противъ всей австралійской печати, которую охватилъ бѣшеный угаръ джингоизма. Въ силу основного взгляда своего, „Sydney Bulletin“ рѣзко возстаетъ противъ участія федераціи въ поддержаніи военныхъ и морскихъ силъ имперіи. Австралазія должна имѣть и дальшіе такую же милицію, какъ и теперь, но только для себя и подъ собственнымъ контролемъ. Отождествленіе колониальныхъ войскъ съ имперскими,—доказываетъ журналъ,—грозитъ федераціи опасностью быть втянутой какъ-нибудь въ водоворотъ политической авантюры, выгодной только для лондонской биржи. Журналъ возстаетъ также противъ того, чтобы федерація давала что-нибудь на

англійскій военный флотъ. Теперь въ Лондонѣ происходитъ съѣздъ премьеровъ всѣхъ колоній. Премьеръ австралійской федераціи обѣщаль внести въ парламентъ билль о томъ, чтобы республика ассигновала небольшую сумму на общеимперскій флотъ. По этому поводу „Sydney Bulletin“ пишетъ: „Премьеръ Дикинъ возвращается домой, чтобы сказать, какое поражение потерпѣлъ онъ при обсужденіи общеимперскаго морского бюджета. По всей вѣроятности, мы узнаемъ, что поражение еще серьезнѣе, чѣмъ предполагается на основаніи телеграммъ. Конечно, обѣщанія, данныя премьеромъ, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ, рѣшительно ничѣмъ не связываютъ республику. Но если дѣйствительно вѣрно, что премьеръ обязался, что федеральное правительство приметъ предполагаемое соглашеніе,—тогда кабинету остается или отречься отъ премьера, или выйти въ отставку. Судя по телеграммамъ, положеніе дѣлъ таково: Канада (съ населеніемъ въ пять милліоновъ) не даетъ ничего на содержаніе общеимперскаго флота; Наталь—даетъ 35 тыс. ф. ст. въ годъ; Капская колонія—50 тыс. ф. ст.; Маорилэндъ (съ населеніемъ въ 800 тысячъ)—40 тыс. ф. ст. Республика съ населеніемъ въ пять милліоновъ—200 тыс. ф. ст. въ годъ. Сравнительно съ другими колоніями, согласившимися платить, республика не дурно вывернулась; но сравнительно съ Канадой, — федерацію обобрали, какъ въ лѣсу. Но основной пунктъ заключается въ слѣдующемъ. При старомъ порядкѣ, Австралія платила ежегодно 105 тыс. ф. ст. за услуги небольшого и слабаго флота, надъ которымъ не имѣла контроля. Но зато въ договорѣ существовалъ пунктъ, что, въ случаѣ войны, этотъ флотъ долженъ находиться въ моряхъ Южнаго полушарія, гдѣ атакуетъ и, если можно, потопитъ корабли непріятели, желающаго сдѣлать десантъ на берегахъ Австраліи. По новому договору Австралія обязывается платить 200 тыс. ф. ст., хотя пунктъ о томъ, что флотъ долженъ находиться въ моряхъ Южнаго полушарія—вычеркнуть. Республика будетъ платить за защиту своихъ береговъ, хотя другая договаривающаяся сторона заявляетъ, что, въ случаѣ нужды, быть можетъ, защита и не явится, а непріятелю предоставятъ невозбранно бомбардировать прибрежные города. Если соглашеніе хоть отчасти совпадаетъ съ отчетомъ, переданнымъ намъ по телеграфу, то всѣ обѣды, которыми

британское правительство кормило нашего премьера, не вознаграждая республику за крайнюю невыгодность сдѣлки. Не официально, но совершенно ясно республикѣ подали совѣтъ отказаться отъ проекта собственнаго флота. Это — ясный и прямой намекъ на то, что Австралазіи нельзя довѣрять. Или, можетъ быть, метрополія даетъ намъ понять, что морскіе чины, съ жалованьемъ, почетомъ и сверкающими пуговицами, составляющими ихъ неотъемлемую принадлежность, — предназначены только для англичанъ, а не для такихъ простыхъ людей, какъ австралійцы? Республикѣ говорятъ, что она не должна сама защищаться, въ случаѣ нужды; ей предоставляютъ право спрятаться въ юбкахъ метрополіи. Теорія, что главное орудіе защиты имперіи — флотъ долженъ находиться всецѣло въ рукахъ крошечной частицы ея, именуемой Англійей, заключаетъ въ себѣ идею о подчиненномъ состояніи остальныхъ частей имперіи. Выходитъ, что отдѣльныя единицы ея, будто бы, не равны метрополіи. Англія, такимъ образомъ, склоняется къ идеѣ, которая была заложена когда-то въ Испанской имперіи: къ идеѣ о господствѣ метрополіи надъ колоніями и о сохраненіи ихъ при помощи грубой физической силы *). Если премьеръ Дикинъ дѣйствительно возвращается къ намъ съ заявленіемъ, что субсидія, отпускаемая республикой имперскому флоту, должна быть удвоена, хотя послѣдній можетъ во время войны оставить Австралію на произволъ судьбы, — то все объясненія врядъ ли сдѣлаютъ что-нибудь. Пора республикѣ знать, что каждый разъ, когда премьеры ея отправляются въ Европу, Австралію ждетъ кака-нибудь крупная неприятность **).

Политическіе вопросы трактуются въ прозѣ и въ стихахъ, словами и рисунками. За политикой видное мѣсто въ „Sydney Bulletin“, какъ и во всѣхъ австралійскихъ газетахъ и журналахъ, занимаютъ сообщенія о засухѣ. Въ каждомъ ну-

*) Заключение „Sydney Bulletin“ — нужно понимать только фигурально. При открытіи конференціи премьеровъ, представитель метрополіи — сэръ Генри Кэмпбелъ-Баннерманъ заявилъ, что тутъ собрались представители имперскаго союза, *какъ равные*. Незадолго до конференціи недавно покоренный Трансвааль получилъ широкую автономію. Каждая самоуправляющаяся колонія является независимымъ штатомъ.

**) „Sydney Bulletin“, № 1683.

мерѣ можно найти невѣроятныя для европейца извѣстія въ родѣ слѣдующихъ:

„Изъ Кондоболина, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, нашъ корреспондентъ пишетъ: засуха продолжается вотъ уже семь лѣтъ. Теперь колонистовъ посѣтила казнь египетская въ видѣ нашествія гусеницъ. Въ нашемъ округѣ колонисты раззорены. Три брата, напр., прибыли изъ Викторіи съ капиталомъ въ 2000 ф. ст. Теперь они ничего не имѣютъ, кромѣ проволочныхъ загражденій, построекъ и громаднаго дома. Въ девять лѣтъ братья собрали только три жатвы; въ этомъ году—никакой надежды на урожай. Имъ предложили за все хозяйство 100 ф. ст. Въ округѣ Темора колонистъ семь лѣтъ тому назадъ снялъ 2560 акровъ и началъ хозяйство съ капиталомъ въ 3000 ф. ст. Теперь онъ оставилъ ферму. У него осталось только пять лошадей. Братъ его сошелъ съ ума... На станціи Нарандера для овецъ приходится доставать сѣно съ невысохшихъ еще болотъ. Поля совершенно выжжены. Скотъ пропалъ. Верховыхъ не видно уже, такъ какъ лошади околѣли. Пастухи развѣзжаютъ на „байкахъ“ (велосипедахъ)“.

Или такія извѣстія:

„Озеро Георга, одно изъ многочисленныхъ внутреннихъ водныхъ пространствъ на нашемъ континентѣ—совершенно высохло. Какъ извѣстно на берегахъ этого озера предполагалось выстроить столицу нашей федераціи. Сторонники проекта ссылались на обиліе воды, никогда не исчезающей. Теперь озеро не только высохло, но на днѣ его пасутся уже овцы“.

„Больше 2,500,000 акровъ не дадутъ въ этомъ году ни зерна... На протяженіи четырехсотъ миль нѣтъ ни травинки. Страна—гладка, какъ рельсовый путь, и черна, какъ смола“. Энергія населенія должна быть поразительна, если люди не только не падаютъ духомъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, но находятъ еще возможность шутить и дѣлать „capital jokes“ на счетъ засухи. Республика и отдѣльные штаты копаютъ въ различныхъ мѣстахъ артезіанскіе колодцы; въ послѣднее время, какъ я упомянулъ уже, республика выработала проектъ гигантской системы оросительныхъ каналовъ. Когда инициатива населенія не забита и когда оно не задавлено милитаризмомъ,—находятся и силы, и деньги, чтобы бороться съ самыми неблагоприятными естественными условіями.

„Sydney Bulletin“ говорить съ своими читателями обо всемъ, но только въ сжатой формѣ. Колонисты, борющіеся съ засухой гдѣ нибудь въ Молонгѣ, или пастухи, стригущіе овецъ въ „back country“, т.-е. на пустынной ранчѣ, отстоящей въ 400 верстахъ отъ ближайшаго города, интересуются даже музыкой, и для нихъ журналъ даетъ отчеты объ оперѣ въ Мельбурнѣ или Сиднеѣ. Если же въ театрѣ выступаетъ знаменитость австралійскаго происхожденія, напр., Мельба, то рецензія дается въ стихахъ.

VIII.

Изъ другихъ австралійскихъ еженедѣльныхъ газетъ того же типа, что и Sydney Bulletin, интересны Australasian, въ Мельбурнѣ, The Observer, въ Аделаидѣ, Auckland Weekly News, въ Новой Зеландіи и The Tasmanian Mail, въ Габартѣ (Тасманія). Все это—громадныя тетради въ 10--11 обыкновенныхъ газетныхъ листовъ. Журналъ обнимаетъ всю жизнь австралійскаго колониста: отецъ, мать, взрослая дочь, помышляющая по воскресеньямъ о модномъ театрѣ, сынъ, занимающійся въ свободное время спортомъ, маленькія дѣти, занятія вопросомъ, какъ лучше склеить змѣй,—каждый находитъ въ австралійской еженедѣльной газетѣ, что ему нужно. Вотъ, напр., Australasian, распространенный въ странѣ скотоводовъ. Мы находимъ здѣсь практичeskія указанія, какъ строить загонъ, какъ смастерить въ немъ домашними средствами насосъ, приводимый въ движеніе вѣтромъ, какъ лѣчить „красную коросту“ у овецъ и какъ бороться съ кроликами. Эти звѣрьки были вывезены въ Австралію первыми колонистами, стосковавшими по животнымъ „крещеной страны“; странныя сумчатыя животныя Австраліи, изъ которыхъ нѣкоторыя не научились еще ходить на четверенькахъ, нагоняли тоску на эмигрантовъ. Кролики въ короткое время такъ расплодились въ Австраліи, что превратились въ гораздо горшее наказаніе, чѣмъ суслики у насъ. На кроликовъ теперь приходится устраивать настоящія облавы.

Какъ и всѣ австралійскія еженедѣльные газеты, *Australasian* помѣщаетъ рисунки. Съ нихъ глядятъ толстые, какъ бочки, важные, какъ нашъ провинціальный юпитеръ, призовые бараны, украшенные лентами. Вы узнаете, что баранъ-лентоносецъ— „*champion merino ram*“, одержалъ блестящую побѣду гдѣ-нибудь въ Болларатъ. Другіе рисунки изображаютъ молодыхъ, стройныхъ и крѣпкихъ колонистокъ, вооруженныхъ дубинками съ закругленіями въ видѣ дуги на одномъ концѣ. Дѣвицы эти выиграли партію въ „хоки“, на большомъ „матчѣ“ между двумя округами. Какъ и въ *Sydney Bulletin* мы находимъ въ „*Australasian*“ рассказы, стихотворенія и много политики. Больше всѣхъ литературнаго матеріала даетъ „*Observer*“, выходящій въ Аделаидѣ (Южная Австралія). Журналъ обслуживаетъ громадную территорію, простирающуюся отъ моря Тиморъ, на сѣверѣ континента, до Великаго Австралійскаго залива на югѣ. По прямой линіи это будетъ около 22° широты. Тутъ и плодородныя мѣстности, почти не знающія засухъ, и пустыни, въ сравненіи съ которыми Сахара—земля, текущая млекомъ и медомъ (напр., совершенно еще не изслѣдованная мѣстность, лежащая между 17°—25° южной широты и 130°—135° в. д.). Въ „*Observer*“ мы можемъ найти больше всего свѣдѣній о „дикой“ Австраліи, которая въ новомъ Южномъ Уэльсѣ и въ Викторіи отошла уже въ область преданій. И этотъ журналъ удѣляетъ больше половины нумера—политикѣ. Мы читаемъ тамъ грозныя, обличительныя передовыя статьи: „Какъ швыряютъ общественныя деньги“.

Наименьшій интересъ представляютъ еженедѣльные газеты, выходящія въ Новой Зеландіи, какъ напримѣръ, „*Auckland Weekly News*“. Корреспонденціи изъ городковъ и мѣстечекъ съ странно звучащими названіями, какъ Рангитикеи-Ороуа, Опотики, Каипара, Каукапакака, Роторуа и др.—всѣ говорятъ о спокойной, сытой, довольной и въ высшей степени прозаической жизни.

Въ литературномъ отношеніи ново-зеландскія газеты и журналы совершенно не интересны. Еженедѣльные газеты говорятъ очень много о спортѣ; затѣмъ о мѣстной политикѣ, о молочныхъ и другихъ фермахъ; но почти не касаются вопросовъ литературныхъ, научныхъ, философскихъ. Белле-

тристика, появляющаяся въ „Auckland Weekly News“ до невѣроятности шаблонна и неколоритна. Напрасно стали бы мы искать въ ней отраженіе общественныхъ идеаловъ различныхъ слоевъ ново-зеландскаго общества. Это—слабый снимокъ съ той гладкой, бойкой, шаблонной и идеально бездарной беллетристики, которой наводнены лондонскіе „магазины“, какъ „Strand“, „Windsor“ или „Pearson's“.

„Pageant“ въ С.-Олбансѣ.

I.

Въ развалѣ лѣта, приблизительно, за мѣсяць до наступленія „скучнаго сезона“, т.-е. того времени, когда общественная жизнь въ Англіи замираетъ, а мелкія газеты возобновляютъ толки про „морского змѣя“, мирно покоющагося въ остальные сезоны въ морскихъ пучинахъ,—маленькіе городки съ цѣлымъ рядомъ вѣковъ исторической жизни становятся ареной крайне любопытныхъ зрѣлищъ. У этихъ городковъ иногда великое прошлое. Одни — представляли культурные центры уже при вторженіи римлянъ; другіе—связаны тѣсно съ бурной исторіей создаванія того строя, который вызываетъ теперь такое удивленіе всюду; иные города выдвинули общественныхъ дѣятелей, писателей или ученыхъ, извѣстныхъ каждому грамотному человѣку во всѣхъ странахъ. Почти всѣ эти города съ незапамятныхъ временъ представляютъ маленькія муниципальныя республики и гордятся старинными хартіями и грамотами, подтверждающими вольности гражданъ. И вотъ все свое прошлое горожане инсценируютъ въ развалѣ лѣта. Получаются своеобразныя представленія, продолжающіяся цѣлую недѣлю. Сценой является дугъ, декорацией—старинный городъ, актерами—жители не только городка, но и всей округи. Представленіе или pageant, приурочивается къ годовщинѣ какого-нибудь важнаго событія въ жизни города. Характерно, что въ „pageant“ нѣтъ ни тѣни оффиціального, „казеннаго“. Исторія „pageant“, приблизительно, слѣдующая. Мѣстный учитель, редакторъ

или викарій вспоминають, напрімъръ, что черезъ годъ исполнится тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ городъ получилъ первую хартію отъ короля Мерціи, и рѣшаютъ, что хорошо было бы отпраздновать юбилей. Съ этой цѣлью они приглашаютъ пріятелей. Если мысль находить сочувствіе, то созываютъ всѣхъ гражданъ на митингъ. Если и они относятся одобрительно къ предложенію, то выбирается специальный комитетъ, вырабатывающій, какія именно событія—слѣдуетъ инсценировать. Послѣ доклада комитета, граждане выбираютъ исполнительный комитетъ, предсѣдателя, почетнаго казначея и секретаря. Члены комитета распредѣляютъ между собою не малую работу. Одни пишутъ пьесу (непремѣнно въ стихахъ), другіе—подбираютъ музыку для нея; третьи—роются въ библіотекахъ, срисовываютъ старинные костюмы, дѣлаютъ справки относительно историческихъ деталей. Затѣмъ—собирается новый митингъ и вызываютъ исполнителей. Для pageant требуется очень много дѣйствующихъ лицъ: 2—3 тысячи. Въ городкахъ обыкновенно жителей 6—8 тысячъ. Такимъ образомъ, роли найдутся не только для горожанъ, но и для жителей окрестныхъ деревень. Въ pageant участвуютъ старики и дѣти, мужчины и женщины, сквайры, лавочники, фермеры, работники, школьники. Для каждого желающаго найдется роль, хотя не всегда „со словами“. Провинціальная жизнь англійскихъ городковъ очень монотонна: это—тихое, ровное, спокойное существованіе. Pageant вноситъ на цѣлый годъ новый элементъ. Каждый участвующій самъ составляетъ для себя костюмъ. И такъ какъ pageant отличаются всегда большимъ реализмомъ (во внѣшней обстановкѣ, во всякомъ случаѣ), то участвующіе роются въ энциклопедіяхъ и книгахъ. Характеръ платья выработанъ специальнымъ комитетомъ; но каждому въ отдѣльности приходится рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ. Какое вооруженіе носили горожане въ IX вѣкѣ, во времена Оффы II? Существовала ли уже при Ричардѣ II гильдія моряковъ? И т. п. Наконецъ, все готово. Назначается недѣля, когда шесть дней подъ рядъ подъ открытымъ небомъ дается представленіе. Тутъ англійская погода можетъ устроить скверную штуку: ливни могутъ зарядить на все время. Лѣтъ восемь тому назадъ, напр., въ Уоррикѣ былъ возрожденъ рыцарскій турниръ

со всѣми деталями. Къ нему готовились цѣлый годъ. Явились рыцари, оруженосцы, трубадуры, изящныя дамы. Турниръ начался, несмотря на тяжелыя облака. Но вотъ хлынулъ англійскій ливень, т.-е. непрерывный водопадъ. Рыцари пытались сперва терпѣливо сносить „громъ и стрѣлы враждующей фортуны“; но ливень побѣдилъ. И тогда можно было видѣть единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: съ поля боя въ городъ бѣгомъ, насколько позволяли тяжелыя доспѣхи, спѣшили рыцари подъ раскрытыми зонтиками. Ливень разгримировалъ чернородыхъ рыцарей изъ сарацинской земли. Обильная растительность съ нихъ слѣзала ключьями.

Если погода сколько-нибудь удовлетворительна, то pageant привлекаетъ безчисленныхъ посѣтителей изъ Лондона. Тогда получается большой сборъ, идущій на мѣстные госпитали (последніе, какъ извѣстно, въ Англійи содержатся исключительно на частныя пожертвованія).

Въ 1907 году pageant особенно посчастливилось. По поводу зрѣлищъ въ Ковентри заворчалъ даже общество борьбы съ соблазнительными зрѣлищами, состоящее, главнымъ образомъ, изъ священниковъ, а также изъ престарѣлыхъ, некрасивыхъ и вполне добродѣтельныхъ дѣвицъ. Ковентри приурочилъ pageant къ полулегендарному эпизоду, вдохновлявшему много разъ англійскихъ поэтовъ, художниковъ и ваятелей. Въ 1057 г., говоритъ старинная легенда, графъ Леофрикъ, разсердившись на своихъ вассаловъ, жителей города Ковентри, обложилъ ихъ чрезмѣрно тяжелымъ налогомъ. Горожане стали молить о заступничествѣ добрую лэди Годайву, супругу Леофрика. Она, дѣйствительно, попросила мужа снять налогъ.

— Я сниму тогда налогъ,—отвѣтилъ графъ,—когда ты въ полдень обнаженная пройдешь верхомъ черезъ весь городъ.—Другими словами это означало: „никогда“. Но лэди Годайва поймала графа на его словѣ. (Тогда еще считалось, что властелины, давши слово, должны держать его). Черезъ день лэди Годайва возвѣстила горожанамъ, что исполнить для избавленія ихъ отъ налога требованіе Леофрика. Она, дѣйствительно, поѣхала обнаженная. Горожане спрятались въ дома и заперли всѣ ставни. Согласно легендѣ, только одинъ обыватель, „Пипингъ Томъ“ выглянулъ въ окно и

за это сейчас же ослѣпъ. Тема для pageant нѣсколько деликатная, если придерживаться реализма. И вотъ общество борьбы съ соблазнительными зрѣлищами забило тревогу. „Неужели леди Годайва покажется теперь на улицахъ Ковентри въ томъ самомъ костюмѣ, который указанъ въ легендѣ?“—допытывались члены общества. Добродѣтельныхъ дѣвицъ успокоили: организаторы pageant въ Ковентри рѣшили поступиться реализмомъ. Изъ цѣлаго ряда pageants, состоявшихся на прошлой недѣлѣ, я видѣлъ зрѣлище въ С.-Олбансѣ (St. Albans), о которомъ и расскажу. С.-Олбансу есть что вспомнить. Уже во времена вторженія римлянъ здѣсь былъ городъ Веруламъ (Verulamium). Послѣ Юрка, С. Олбансѣ—самый древнй городъ въ Англіи. Уже римскіе императоры даровали ему права муниципіи. Въ С.-Олбансѣ началось возстаніе королевы Боадики противъ римскаго владычества, а черезъ XIII вѣковъ послѣ этого—крестьянское возстаніе Уота Кровельщика (Тэйлора) и Джона Болла. Послѣдній—уроженецъ С.-Олбанса и здѣсь же былъ казненъ за участіе въ мятежѣ. С.-Олбансѣ похваляется многими согражданами, ставшими знаменитыми. „Въ области исторіи мы дали величайшаго хронографа среднихъ вѣковъ Мэтью Париса, въ области живописи по стеклу—особую школу; въ области музыки—великаго композитора и органиста Роберта Фэйрфэкса. Нашъ городъ далъ великаго путешественника среднихъ вѣковъ, отца англійской прозы сэра Джона Мандевилля“¹⁾. Такъ читаемъ мы въ книгѣ, изданной специально по случаю pageant въ С.-Олбансѣ. Сэръ Джонъ Мандевилль, или „Jeahn de Mandeville“, какъ онъ самъ себя называетъ, фигура очень любопытная, но только городъ могъ и не похвалится имъ. Передъ нами авторъ очень популярной въ Англіи книги (вмѣстѣ съ хроникой Фруакара, она—любимое чтеніе англійскихъ мальчиковъ), вышедшей впервые еще во второй половинѣ XIV вѣка. Хотя Мандевилля называютъ „отцомъ англійской прозы“, но книга его написана впервые по-французски и переведена только много лѣтъ спустя. Авторъ описываетъ свои путешествія. Онъ посѣтилъ Турцію, великую и малую Арменію, Персію, Сирію, Аравію, верхній и нижній Египеть, Ливію, значи-

¹⁾ „St. Albans and the Pageants“. St. Albans, 1907; p. 12.

тельную часть Эіопіи, Халдею, „Амазонію“, „малую, великую и среднюю Индію“, а также много странъ за Индіей, Палестину. Турецкій султанъ предлагалъ автору принцессу въ жены, если онъ отречется отъ христіанства и перейдетъ въ магометанство; но Мандевилль остался вѣренъ Христу. Авторъ былъ въ Россіи, Ливоніи, Литвѣ, въ „королевствѣ дарестанскомъ“ (en roiaime Daresten) и „во многихъ странахъ, лежащихъ на границѣ Тарторіи“. По дорогѣ онъ перенесъ удивительныя приключенія и видѣлъ невѣроятныя вещи. „Въ Поломбѣ на Малабарскомъ берегу“ авторъ испилъ воды изъ „ключа вѣчной юности“, что, однако, не пошло ему на пользу, потому что въ концѣ книги Мандевилль горько жалуется на жестокою подагрой. Онъ былъ на „Ламари“ (Суматрѣ), служилъ пятнадцать мѣсяцевъ въ Кансеѣ (Ханькоу-фу) у китайскаго богдыхана, попалъ потомъ на островъ въ Индѣйскомъ океанѣ, гдѣ скалы—гигантскіе алмазы. Мандевилль видѣлъ долину, населенную призраками, и, послѣ многихъ странствованій, былъ вынужденъ, вслѣдствіе обострившейся подагры, возвратиться на родину. До послѣдняго времени книга Мандевилля не только читается, но даже признается многими драгоценнымъ документомъ. Авторъ ставится даже рядомъ съ Марко Поло. Безчисленныя невѣроятныя вещи въ книгѣ объясняются временемъ. Марко Поло тоже говоритъ о невѣроятныхъ вещахъ; но знаменитый итальянскій путешественникъ оговаривается, что передаетъ только слышанное отъ другихъ, тогда какъ Мандевилль всегда указываетъ, что все описываемое онъ самъ видѣлъ собственными глазами. Популярность Мандевилля тѣмъ болѣе удивительна, что современная англійская критика (напр., E. D. Nicholson) давно уже доказала неоспоримо, что авторъ только компилировалъ записки современнаго путешественника монаха Одорика, которыя плохо перевелъ съ латинскаго и обильно уснастилъ собственными выдумками. Критика отрицаетъ даже существованіе такого лица, какъ „сэръ Джонъ Мандевилль, родомъ изъ С.-Олбанса“, и склонна видѣть въ „Запискахъ“ послѣдовательный, коллективный трудъ нѣсколькихъ переводчиковъ и компиляторовъ.

Итакъ, „знаменитымъ путешественникомъ“ С.-Олбансъ могъ бы и не хвалиться; зато никто не станетъ отрицать славы великаго человѣка, долго жившаго тамъ, связавшаго

свой титулъ съ городемъ и похороненнаго тамъ. Я говорю о Фрэнсисѣ Бэконѣ (полный титулъ его—баронъ Веруламскій, виконтъ С.-Олбанскій).

II.

По случаю зрѣлищъ въ С.-Олбансѣ, туда отправлялись спеціальныя поѣзда изъ Лондона, со спеціальной публикой: разряженной, вооруженной биноклями, лорнетами и „кодаками“. Публика позапасливѣе везла съ собою еще корзиночки съ различною снѣдью въ расчетъ, что она пригодится въ маленькомъ городкѣ, куда сразу нагрянетъ нѣсколько тысячъ гостей, тогда какъ къ услугамъ ихъ всего только двѣ маленькія гостиницы. Спеціальныя поѣзды идутъ отъ Лондона до С.-Олбанса всего только 45 минутъ, но вы, тѣмъ не менѣе, переноситесь не только въ другую „губернію“, т.-е. въ графство (Хертфордширъ), но и въ иной міръ: спокойный, медлительный, лѣнливо дремлющій въ зелени. Старинныя башни нормандскаго періода; чистенькіе красные кирпичные домики, обвитые плющемъ, съ острыми крышами изъ красной черепицы, домики, напоминающіе театральную декорацию; узкія, извилистыя улицы, убѣгающія куда-то подъ гору, какъ будто забыли что-то внизу, къ зеленой долинѣ, гдѣ бѣжитъ рѣка Веръ; широкій ландшафтъ полей, перерѣзанныхъ рядами буковъ съ одной стороны, и нѣсколькими дымящимися фабричными трубами—съ другой, таково первое впечатлѣніе отъ С.-Олбанса, насчитывающаго двадцать вѣковъ исторической жизни. О праздникѣ говорили флаги, масса экипажей, предлагавшихъ свои услуги, чтобы доставить до мѣста зрѣлищъ, любопытныя лица, выглядывавшія изъ оконъ, чтобы посмотрѣть на столичныхъ гостей, наконецъ, нѣсколько лондонскихъ „бобби“, которыхъ муниципалитетъ взялъ „заимобразно“, чтобы помочь двумъ или тремъ мѣстнымъ полиціанамъ. „Pageants“, какъ и скачки, привлекаютъ, между прочимъ, специалистовъ, къ дѣятельности которыхъ магистраты относятся совершенно отрицательно. Праздники подобнаго рода—большой бенефисъ для „rickroquets“, т.-е. для карманниковъ всякой категоріи. Теперь это уже больше не оборванные ученики стараго Фэгина

(„Оливеръ Твистъ“), не „Ловкій штукать“, и не „Клейполь“, а джентльмены въ цилиндрахъ, съ алмазами на ловкихъ пальцахъ и изящныя дамы въ шелку, кружевахъ и страховыхъ перьяхъ...

На вывѣскахъ маленькихъ лавочекъ значатся имена, часто встрѣчающіяся въ исторіи крестьянскаго возстанія XIV в. Въ С.-Олбансѣ три лавочника Болла, которые утверждаютъ, что они прямые потомки брата „безумнаго попа“, какъ называли современные дворяне знаменитаго агитатора. На другой вывѣскѣ значится не менѣе историческое имя „Граинд-кобъ“, другого вождя возстанія. Этотъ лавочникъ тоже считаетъ себя прямымъ потомкомъ товарища Уота Тейлора. Недавно англійскіе радикалы и социалисты устроили въ С.-Олбансѣ поминки „мученику Джону Боллу“. На митингѣ присутствовало около десяти человѣкъ, считающихъ себя по семейнымъ преданіямъ потомками повстанцевъ, казненныхъ когда-то въ С.-Олбансѣ.

Такъ какъ было только 12 часовъ, а зрѣлища начинались въ три, то большинство пріѣзжихъ вскарабкалось на холмъ, чтобы осмотрѣть построенное тамъ старинное аббатство, насчитывающее болѣе девяти вѣковъ. Квадратная башня аббатства сложена изъ камней, взятыхъ изъ римскаго Верулама. Признаться, я испытываю всегда большую неловкость при видѣ того, какъ люди съ празднымъ любопытствомъ осматриваютъ храмы, христіанскіе, магометанскіе или другіе, до „языческихъ“ включительно, представляющіе святыню для вѣрующихъ. Мнѣ припоминается группа туристовъ, которую я видѣлъ въ ноябрѣ прошлаго года въ Римѣ. Туристы стояли у подножья Scala Santa въ Латеранѣ и смотрѣли въ бинокли и лорнеты на пилигримовъ, поднимающихся на колѣняхъ по двадцати восьми мраморнымъ ступенямъ къ Sancta Sanctorum. Изъ чувства уваженія къ чужой личности, невѣрующіе не должны являться въ храмъ, какъ въ театр. Настроеніе зодчаго, построившаго храмъ, очень рѣдко выражено настолько сильно, чтобы захватить скептика, вызвать у него слезы на глазахъ и заставить его пережить тѣ моменты, о которыхъ говоритъ шекспировскій Клавдій:

„Bow, stubborn Knees! and, heart, with strings of steel,
Be soft as sinews of the new-born babe“.

(то-есть „Гнитесь, упорныя колѣна! Ты, сердце, съ нервами,

какъ стальные веревки, размягчись, какъ мышца новорожденнаго младенца“). Осмотръ храма, входящій въ программу каждаго туриста въ каждомъ большомъ городѣ Европы или Азіи, — сводится къ приему „по описи“, составленной въ путеводителѣ: „Порфировыхъ колоннъ съ капителями столько-то“, — „есть“. „Арокъ и куполовъ, выведенныхъ въ такомъ-то году по такому-то закону столько-то“, — „вотъ они“. Принявъ все „по описи“, туристъ уходитъ съ пріятнымъ сознаниемъ человѣка, выполнившаго долгъ. Быть можетъ, специалисту такой осмотръ даетъ что-нибудь. Простой смертный съ элементарнымъ чувствомъ деликатности выходитъ изъ храма съ болѣзненнымъ сознаниемъ, что своимъ празднымъ любопытствомъ оскорбилъ чувство истинно вѣрующаго. И вотъ въ силу этихъ соображеній, вмѣсто аббатства, я отправился на могилу великаго человѣка, похороненнаго въ С.-Олбансѣ. Находится она въ церкви св. Михаила. Памятникъ надъ могилой Бэкона изображаетъ великаго мыслителя въ мантии и въ шляпѣ. Онъ сидитъ въ креслѣ, задумчиво подперевъ голову. Латинская торжественная надпись гласитъ, что подъ плитой лежитъ Фрэнсисъ Бэконъ, баронъ Веруламскій и виконтъ С.-Олбанскій, „*Scientiarum lumen, facundiae lex*“, которій „*Naturae decretum expleuit*“. Выраженіе лица статуи хорошо передаетъ характеръ научной дѣятельности Бэкона. „Умозрѣніе никогда не привлекало его само по себѣ; Бэкона занимало только практическое примѣненіе его, — говоритъ блестящій и глубокомысленный французскій философъ. — Взоръ его былъ устремленъ не къ небесамъ, а къ землѣ; не къ абстрактнымъ и бесполезнымъ, а къ осязаемымъ и необходимымъ вещамъ; не къ просто любопытнымъ, а къ имѣющимъ примѣненіе истинамъ. Онъ изыскивалъ, какъ улучшить положеніе людей; работалъ для пользы человечества, старался обогатить его новыми открытіями и дать ему въ руки новыя силы и новыя орудія дѣятельности. Сама его философія только инструментъ, *organum* родъ машины или рычага, построеннаго специально съ цѣлью, чтобы помочь разуму поднять новую тяжесть, порвать со старыми предрасудками и прорубить новыя просѣки въ чащѣ, гдѣ онъ до тѣхъ поръ запутывался постоянно. Въ глазахъ Бэкона каждая специальная наука, какъ вся наука вообще, должна быть приборомъ. Вотъ почему Бэконъ приглашалъ матема-

тиковъ изучать механику. Онъ совѣтоваль моралистамъ изучать душу, страсти, привычки и искушенія не только спекулятивно, но и съ цѣлью излѣчить или хотя бы уменьшить пороки. Цѣлью научныхъ изысканій Бэкона всегда является практическое примѣненіе¹⁾. Бэконъ писалъ необыкновенно ясно и хорошо. Мысли его можно сразу понять, какъ можно видѣть сразу цвѣтъ вина, налитаго въ хрустальный бокаль. Но когда Бэконъ желаетъ быть еще болѣе конкретнымъ, онъ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій въ видѣ фантастическаго разсказа (New Atlantis). Въ немъ онъ предвидитъ не только техническія усовершенствованія, какъ воздушные шары и подводныя лодки; но также справедливое распредѣленіе земли, происхожденіе видовъ и многое другое. Главное дѣйствующее лицо разсказа говорить о безконечныхъ завоеваніяхъ разума, когда все чело- вѣчество овладѣетъ настоящимъ методомъ. Не Бэконъ первый, конечно, нашель индуктивный методъ. Послѣдній найдень чело- вѣчествомъ, съ тѣхъ поръ, какъ оно научилось наблюдать. Бэконъ только вывелъ опять на старую дорогу разумъ, сбитый съ нея схоластикой. Даже анализъ индуктивнаго метода, проведенный съ такимъ блескомъ въ *Novum Organum*, дѣлается въ практической жизни каждымъ смиреннымъ обывателемъ, не имѣющимъ никакого представленія о философіи. Возьмемъ конкретный, хотя грубоватый примѣръ. Иванъ Петровъ замѣтилъ, что у него желудокъ не въ порядкѣ. Хотя больной никогда не слышалъ даже имени Бэкона, но Петровъ строго слѣдуетъ правиламъ мышленія, указаннымъ во второй книгѣ *Novum Organum*, приходитъ къ заключенію, что причиной разстройства являются блины съ икрой. „Я ѣлъ блины съ икрой въ понедѣльникъ и въ среду, — разсуждаетъ Иванъ Петровъ, — и не могъ спать потомъ всю ночь отъ боли“. — Это будетъ то, что Бэконъ называетъ „*Comparantia ad intellectum instantiarum convenientium*“. „Я не ѣлъ блиновъ съ икрой во вторникъ и въ пятницу и былъ совершенно здоровъ“. Это утвержденіе въ логикѣ называется *Comparantia instantiarum in proximo quae natura data privatur*. „Я ѣлъ очень мало блиновъ съ икрой въ субботу и былъ только слегка нездоровъ вечеромъ; но въ прошлую

¹⁾ *Taine*, „Histoire de la littérature anglaise“, Livre II, Chap. I.

масляницу я съѣлъ очень много блиновъ съ икрой и такъ заболѣлъ, что пришлось звать врача.—Это будетъ *Comparentia instantiarum secundum magis et minus*. „Болѣзнь не можетъ быть отъ водки, которую я пилъ съ блинами, такъ какъ я пью ее уже много лѣтъ каждый день передъ обѣдомъ и чувствую себя хорошо“. Это — *rejectione naturarum*. Иванъ Петровъ переходитъ тогда къ тому, что Бэконъ называетъ *Vindemiatio*, и строить вполнѣ вѣрное заключеніе, что его желудокъ совершенно не переноситъ блиновъ съ икрой. Можно, такимъ образомъ, дѣлать анализъ индуктивнаго метода, не имѣя представленія о Бэконѣ. Это свидѣтельствуется только о вѣрности метода. Бэконъ не изобрѣлъ индукціи; но до него теологія загнала человѣческую мысль въ непроходимое болото, куда ее снова толкають теперь. По хорошему выраженію Гизо, Бэконъ въ Англіи и Декартъ во Франціи— „ont jeté l'intelligence hors des voies de la théologie“.

III.

Отъ церкви св. Михаила къ мѣсту, гдѣ видны остатки крѣпостныхъ стѣнъ Верулама, ведетъ дорога, обгороженная живой, колючей изгородью. Иногда по дорогѣ встрѣчаются коттеджи, которые всѣ были обращены въ харчевни по случаю наплыва гостей. На каждомъ домикѣ виднѣлась бумажка съ тщательно выведенной надписью: „Превосходный чай“; „Великолѣпные и изобильные обѣды для гг. туристов“; „Кормятъ до отвала“ и пр. Вотъ дорога пересѣкла быструю рѣчку и потянулась лугами, перерѣзанными рядами вязовъ и буковъ. Огромная часть луга, протяженіемъ версты въ три, была обнесена со стороны дороги наскоро слаженнымъ заборомъ изъ щитовъ, полотна, плетенокъ. Дальше естественную ограду составляла роща. Нѣсколько нетерпѣливыхъ зрителей, съ камерами и биноклями, ждали уже у входа. Галантный „бобби“ объяснялъ нѣсколькимъ барышнямъ, что если онѣ взберутся вотъ на тотъ пригорокъ, гдѣ стоитъ сивая лошадка, и вооружатся биноклями, то *pageant* видно будетъ, какъ на ладони, такъ что и билета брать не нужно.

Наконецъ, открылись ворота... У Раблэ Эпистемонъ, послѣ большой битвы, во время которой ему отрубили голову, при-

носить, когда его воскресили, Пантагрюэлю послѣднія и очень любопытныя вѣсти изъ ада. Эпистемонъ завелъ тамъ обширныя знакомства съ знаменитыми людьми всѣхъ временъ. Оказывается, многіе изъ нихъ добываютъ средства къ жизни, какъ могутъ. Александръ Великій, напр., штопааетъ старые чулки. Юстиніанъ коробейничаетъ. Камбизъ служитъ погонщикомъ муловъ. Эпистемонъ видѣлъ Нерона, пиликающего подь окнами на скрипкѣ, а Пирра—въ должности кухоннаго мужика. Клеопатра выкрикала: „луку! луку!“ Что же касается великолѣпной Семирамиды, то профессія ея— „espouilleresse de belistres“—не совѣмъ удобна для перевода. Киръ попросилъ у Эпиктета „Меркурія ради“ грошъ на пригоршню луковицъ къ ужину. Философъ великодушно далъ золотой, но прибавилъ:

— Tien, marault, voilà un escut: soit homme de bien! (На, негодяй! Вотъ тебѣ золотой: будь честнымъ человѣкомъ.)

Нѣчто аналогичное и столь же изумительное увидѣлъ я на лугу. Друидъ съ длинной бородой, подобравъ полы мантии, катилъ на велосипедѣ. Къ сѣдлу у него были прикрѣплены атрибуты профессіи: золотой серпъ, вѣтка омелы съ бѣлесыми ягодами и какой-то бѣлый комокъ въ плетенкѣ изъ зеленыхъ шнурковъ. Онъ, безъ сомнѣнія, изображалъ „змѣиное яйцо“ или „anguineum“, о чудесныхъ свойствахъ котораго рассказываетъ Плиній. „Ангуинеумъ, представляющій самый замѣчательный талисманъ друидовъ,—рассказываетъ Плиній въ своей естественной исторіи, — образуется изъ слюны и вспѣнншагося пота многихъ змѣй, свившихся клубкомъ; пѣну эту необходимо подбросить въ воздухъ, какъ только она образуется. Друидъ выслѣживаетъ змѣй и, замѣтивъ образующійся комокъ, подбрасываетъ его, ловитъ въ полу своего плаща, а затѣмъ вскакиваетъ на коня и мчится во весь опоръ. Змѣи начинаютъ преслѣдовать друида, покуда ихъ не останавливаетъ рѣка“. Ангуинеумъ не тонетъ въ водѣ, даже если его опрavitъ въ золото. Онъ имѣетъ много таинственныхъ свойствъ. Плиній прибавляетъ, что самъ видѣлъ ангуинеумъ. „Змѣиное яйцо“ величиною съ яблоко. Скорлупа хрящеватая и покрыта ямочками, подобно тѣмъ, что можно наблюдать и „на щупальцахъ полипа“.

Вотъ британка временъ вторженія Юлія Цезаря, босоногая,

простоволосая, въ мѣшкѣ изъ грубой коричневой матеріи, перехваченномъ поясомъ, но подѣ кружевнымъ шелковымъ зонтикомъ. Она толкаетъ изящную дѣтскую колясочку, въ которой сидитъ завитой барашкомъ маленькій бриттъ, лѣтъ трехъ, безъ штанишекъ, босой, въ коротенькой рубашечкѣ. На пригоркѣ два бритта, длинноволосые и усатые, въ волчьихъ шкурахъ, доходящихъ до колѣнъ, но безъ штановъ и башмаковъ, сложили свои громадныя щиты и копья закурили трубки и принялись за чтеніе „Daily Mail“. Свирѣпая львица, королева Боадика, пріѣхала на извозчикѣ вмѣстѣ съ какимъ-то рыцаремъ, въ шипакѣ, въ сверкающихъ латахъ и съ мечомъ, который онъ держалъ, какъ палку. Вотъ крикаетъ басомъ автомобиль, въ которомъ сидитъ рыжая, какъ огонь, королева Елизавета вмѣстѣ съ крестьяниномъ XIV вѣка. Въ сторонѣ, подѣ полотнянымъ навѣсомъ, устроенъ буфетъ. Тамъ у стойки три рыцаря, два вилѣна, нѣсколько босоногихъ бриттовъ, римскій жрецъ въ бѣлой хламидѣ, красный кардиналъ и аббатъ въ митрѣ пьютъ пиво. Божественный Цезарь, въ красномъ плащѣ, накинутомъ поверхъ золотого панцыря, держитъ „кодакъ“ и снимаетъ королеву Элеонору. Ликторъ, съ топоромъ и пучкомъ палокъ на плечѣ, съ дѣловымъ видомъ спѣшитъ къ буфету и тономъ сильно занятого человѣка спрашиваетъ себя „виски съ содовой водой“. Всѣ участвующие въ pageant приходятъ или пріѣзжаютъ уже въ костюмахъ. Въ уборной, устроенной подѣ открытымъ небомъ и на виду, имъ приходится сдѣлать только un brin de toilette: поправить парикъ, подклеить свалившійся усъ, подшить кое-что. Тамъ стоитъ цѣлая кадка съ охрой. Римскіе легіонеры и бритты усердно натираютъ себя краской голая ноги и руки. Для зрителей наскоро устроенъ помостъ съ навѣсомъ. Тамъ громаднымъ полукольцомъ стоитъ нѣсколько тысячъ стульевъ. Хотя до начала pageant еще больше часа, но многіе заняли уже свои мѣста. Это тѣ, которые всегда любятъ быть „во время“, вслѣдствіе чего къ отходу поѣзда прибываютъ за два часа. Ранніе посѣтители устроились по домашнему: распаковали корзинки, вытащили тартинки съ ветчиной и дорожныя фляжки съ коньякомъ. Со всѣхъ сторонъ слышно аппетитное чавканье и глухое бульканье. Послѣ того, какъ фляжки прячутся въ корзинки, многія дамы сладко щурятъ глаза и блаженно улыбаются.

Сценой служить громадный, выкошенный лугъ, декорацией — рядъ заснувшихъ подъ іюльскимъ солнцемъ косматыхъ буковъ, темныхъ каштановъ и высокихъ вязовъ. За ними видѣнъ ровъ, а дальше еще большій низкій лугъ, представляющій собою дно спущеннаго пруда, защищавшаго когда-то городъ. Далеко позади, за вторымъ лугомъ, видна роща. Кулисами справа являются остатки крѣпостныхъ стѣнъ временъ римскаго владычества. Надъ навѣсомъ для зрителей, высоко надъ землей, родъ вышки. Тамъ стоитъ махальщикъ, подающій разноцвѣтными флагами сигналъ актерамъ, находящимся въ различныхъ мѣстахъ луга. Приходится приводить въ движеніе армію слишкомъ въ три тысячи человѣкъ.

Жаркая истома. Воздухъ неподвиженъ. Деревья какъ бы окаменѣли подъ потоками серебристаго свѣта. Вѣковые каштаны лѣниво понурили свои громадныя головы. „Мы не это видали!“ какъ будто говорятъ сонныя деревья... Раздались, разрывая сонный воздухъ, рѣзкіе звуки трубъ. Публика заняла мѣста. Закусывавшіе поспѣшно дожевывали тартинки. Вотъ опять раздался звукъ трубъ. Далеко внизу, у рощи, изъ-за деревьевъ, какъ бы сверкнулъ огонь. Стала приближаться колонна людей, одѣтыхъ въ красныя мантіи, съ такими же колпаками. На зеленомъ фонѣ, рѣзко освѣщенномъ солнечнымъ свѣтомъ, эта живая полоса киновари производила впечатлѣніе громаднаго червя кроваво-краснаго цвѣта. Вотъ колонна почти скрылась за откосомъ рва, и видны только верхушки красныхъ колпаковъ, какъ языки пламени. То шелъ хоръ. Онъ выступилъ на сцену изъ-за деревьевъ, выстроился. Заигралъ громадный оркестръ, составленный тоже изъ любителей. Подбиравшимъ музыку къ pageants пришлось много поработать. Напѣвы старинныхъ пѣсенъ въ Англіи забыты совершенно. Народныя пѣсни вытѣснены куплетами „музикъ-холловъ“. Пришлось рыться въ старинныхъ сборникахъ. Даже церковная музыка не могла оказать существенную помощь, потому что вся она — новая, сложенная уже послѣ религіозной революціи. Пришлось „приспособлять“ старинную музыку родственныхъ народовъ. Обращеніе хора написано въ подражаніе прологамъ мистерій XV вѣка.

„Прекрасныя дамы и веселые джентльмены“, — началъ красный хоръ. — Изъ зрителей, впрочемъ, очень немногіе заслуживали этотъ комплиментъ. — „Мы просимъ вашего милостиваго вниманія, покуда мы, жители С.-Олбанса, представимъ радостныя и горестныя сцены. Вы увидите, какъ умирали доблестные люди, какъ безконечно ненавидѣли когда-то, какъ мстили и любили. Мы представимъ вамъ, какъ играли въ былое время, какъ любили и защищали родину и какъ беззавѣтно отдавали жизнь за свободу“. Послѣ этого вступленія хоръ сталъ возлѣ музыкантовъ. Опять раздались рѣзкіе звуки трубъ. Изъ-за деревьевъ показались увѣнчанные дубовыми листьями друиды, въ зеленыхъ плащахъ поверхъ бѣлыхъ туникъ, рослые, голоногіе бритты, съ рыжими волосами до плечъ, въ волчьихъ шкурахъ, съ длинными копьями въ рукахъ. Британки для реализма тоже сняли башмаки и, мужественно преодолевая боль, ступали босыми ногами по скошенной травѣ. Дѣти вышли съ собаками. Съдобородый друидъ, съ золотымъ серпомъ за поясомъ, поднявъ руки, сталъ молиться тономъ англиканскаго священника. Старикъ взывалъ къ священнымъ дубамъ и къ таинственной мощи омелы. Мы въ 54 году до Р. Х. Жители получили вѣсть про вторженіе римлянъ. Вождь Кассивелаунусъ напрасно пытался остано­вить завоевателей у брода черезъ Темзу. Теперь непріятель неподалеку. Онъ пробирается черезъ лѣсъ и ищетъ пути черезъ болото, составляющее естественную защиту Верулама.

„Britain's sons shall ever be
From oppressive bondage free“.

(Т.-е. „Сыны Британіи должны быть всегда свободны отъ оковъ рабства“),—говоритъ друидъ. Раздаются одобрительные аплодисменты зрителей. Чтобы умиловить боговъ, нужна чрезвычайная жертва, и друидъ предлагаетъ подкупить небожителей человѣческой кровью. Выбираютъ молодую дѣвушку, обвиваютъ ее гирляндами изъ свитыхъ колосьевъ и дубовыхъ вѣтвей. Вотъ старый друидъ, причитывая, какъ клэрджиманъ, заноситъ надъ жертвой священный ножъ; но въ этотъ моментъ раздается топотъ копытъ. На неосѣдланныхъ лошадяхъ показывается Кассивелаунусъ и вожди племени. Рядомъ съ лошадьми бѣгутъ воины, удивляющіе

длиною своихъ усовъ, интенсивно рыжимъ цвѣтомъ волосъ и крѣпкими мускулами на обнаженныхъ рукахъ и ногахъ. Сопротивленіе у болота оказалось невозможнымъ; римляне прорвались сквозь всѣ завалы и скоро будутъ въ городѣ. Умилостивительная жертва богамъ бесполезна: выгоднѣе мириться съ завоевателями. И Кассивелаунусъ велитъ остановить жертвоприношеніе. Боги—обманщики. Разъ они допускаютъ, чтобы непріятель одолѣлъ, то зачѣмъ человѣческое жертвоприношеніе? Вбѣгаетъ запыхавшійся вѣстникъ. Все потеряно. Римскіе полки, подъ предводительствомъ своего знаменитаго вождя, будутъ сейчасъ въ городѣ. Начинается бѣгство въ разсыпную.

Матери въ мучительной тоскѣ за судьбу дочерей бѣгутъ въ лѣса; старики, которыхъ, быть можетъ, и безъ того только недѣля отдѣляетъ отъ смерти, въ страхъ цѣпляются за оставшіеся дни и молятъ, чтобы ихъ не забыли въ городѣ. Гдѣ-то вдали раздается тяжелый топотъ бѣгущихъ вооруженныхъ людей и стукъ копытъ. На лугъ вбѣгаютъ римскіе легіонеры, а за ними въ колесницѣ, запряженной парой великолѣпныхъ коней,—Цезарь въ красномъ плащѣ и въ сверкающихъ латахъ. Божественный Цезарь,—какъ я узнаю,—сосѣдній фермеръ. Онъ прикатилъ на собственныхъ лошадаяхъ. Легіонеры привѣтствуютъ своего великаго полководца. Онъ удерживаетъ своихъ солдатъ отъ грабежа. Какъ воинъ и проникательный наблюдатель, Цезарь изучилъ уже характеръ бриттовъ и понимаетъ, что одною грубой силой невозможно удержать страну, все населеніе которой враждебно. Государственная мудрость требуетъ, чтобы восторжествовавшій въ данный моментъ не озлоблялъ населеніе и уважалъ вѣру, обычаи, законы и языкъ побѣжденныхъ. Къ Цезарю является вѣстникъ мира съ вѣткой бука въ рукахъ, а за нимъ—Кассивелаунусъ. Первое дѣйствіе пьесы, или „первый эпизодъ“ написанъ мѣстнымъ священникомъ. По-видимому, то пламенный джинго. И вотъ свой хвастливый патріотизмъ священникъ ввернулъ въ рѣчь британскаго вождя, не утрашившись отчаянныхъ анахронизмовъ.

— Привѣтъ тебѣ, великій Цезарь!—началь Кассивелаунусъ.—Я явился сюда, чтобы просить мира, потому что усталъ отражать щитомъ удары меча въ рукахъ судьбы—

Рима. Я былъ безумцемъ, когда пытался загородить стремительный потокъ римской власти, залившей весь міръ.

But, this, I Know
„That in the far-off ages yet to come
A mighty nation shall arise and bear
The name and fame of Britain to the coasts
Of continents as yet un known. Her sons
Shall sail on every sea and none shall say them nay.
For my fore-seeing eye now scans
An Empire vastly great, to which thine own
Is but an appanage“.

(Т.-е. „Но я знаю, что черезъ много вѣковъ возникнетъ могучая нація и понесетъ имя и славу Британіи къ берегамъ еще неизвѣстныхъ материковъ. Сыны ея будутъ бороздить своими кораблями всѣ моря, и никто не дерзнетъ остановить ихъ. Ибо я предвижу теперь громадную и мощную имперію, по отношенію къ которой твоя—только вассальный удѣлъ“). Раздались аплодисменты. Публика оцѣнила это заглядываніе въ будущее. Юлій Цезарь отвѣтилъ въ тонъ Кассивелаунусу, какъ будто только что прочиталъ передовую статью изъ „Daily Mail“. „Преклоняюсь передъ тобою, великій вождь,—говоритъ римскій полководецъ,—такъ какъ предвижу, что въ грядущіе вѣка свѣтловолосые сыны Британіи превзойдутъ доблестью своихъ нынѣшнихъ завоевателей. Очень вѣроятно, весь міръ будетъ принадлежать имъ. Охотно соглашаюсь на миръ, о легкихъ условіяхъ котораго мы поговоримъ. И послѣ заключенія мира я съ моими легіонами отплыву назадъ въ Галлію“. Миръ заключенъ, и актъ, или „эпизодъ“ конченъ. Лугъ опустѣлъ.

IV.

Снова рѣзкій звукъ трубъ прорываетъ заснувшій воздухъ, и таинственно вторитъ ему эхо гдѣ-то далеко въ рошѣ. На лугу показываются вопящія женщины. Вопли растутъ. Рыданія сливаются въ одинъ стонъ, перекатывающейся шаромъ по громадному лугу. Старухи оплакиваютъ убитыхъ сыновей и обезчещенныхъ дочерей. Въ вопляхъ молодыхъ женщинъ слышатся ужасъ и отчаяніе. Мужчины бессильно

опустили руки и прячутъ голову отъ стыда, отъ сознанія, что все погибло. Одинъ вопль, въ особенности, колеть сердце. Онъ вырывается у женщины съ поразительно богатымъ и выразительнымъ груднымъ голосомъ. Дѣйствіе происходитъ черезъ сто лѣтъ послѣ вторженія Юлія Цезаря. Британія завоевана римлянами. За объясненіемъ событій нужно обратиться къ Тациту. „Бритты,—говоритъ онъ въ „Жизни Агриколы“, —охотно признаютъ налоги и подчиняются всѣмъ обязанностямъ, связаннымъ съ правительствомъ, при условіи, что правители поступаютъ законно и не дозволяютъ себѣ никакихъ насилій. Бритты не выносятъ никакихъ притѣсненій. Римляне могутъ убѣдить населеніе подчиняться справедливымъ законамъ, но не въ состояніи поработить его. Даже божественный Юлій Цезарь, первый вторгшійся въ Британію со своимъ войскомъ и нанесшій бриттамъ поражение,—скорѣе только сдѣлалъ рекогносцировку страны, чѣмъ покорилъ ее“. Послѣ Цезаря явились въ Римѣ императоры, иначе смотрѣвшіе на отношеніе къ пораженнымъ народамъ. Императоры считали признаніе законовъ и индивидуальности побѣжденныхъ — слабостью. И, согласно съ этимъ, отправили въ Британію полководцевъ, которымъ дали новыя инструкціи. Британцы каждый моментъ должны были чувствовать, что римляне—господствующая національность. Каждое волненіе среди побѣжденныхъ каралось съ беспощадной жестокостью. Но когда британцы рѣшали вести себя смиренно и покорно подчинялись завоевателю, участь ихъ отнюдь не облегчалась. Смирненіе и покорность только создавали новыя притѣсненія. „И тогда бритты,—говоритъ Тацитъ,—начали собираться въ лѣсахъ и обсуждать собственное положеніе. „Наше смиреніе не помогло намъ,—жаловались они.—Римляне воспользовались имъ только для того, чтобы ввести новыя налоги“. Узнавъ про тайныя сходки въ лѣсахъ, проконсулъ отправилъ въ деревни своихъ центуріоновъ съ войсками, проявившихъ чрезвычайную жестокость. „Отъ жестокости, жадности и похоти легіонеровъ британцевъ и ихъ женъ ничто не могло спасти“,—говоритъ Тацитъ. Карательные отряды римлянъ „выжигали дома, убивали мужчинъ, насилывали женщинъ“.

И вотъ во времена Нерона умеръ одинъ изъ королей Британіи, повелитель Иценіи, Пракутагъ. Проконсулъ восполь-

зовался этимъ и захватилъ владѣнія покойнаго. И когда въ результатъ явилось сильное броженіе среди населенія Иценіи, римскій полководецъ послалъ туда сильный карательный отрядъ. Онъ выжегъ нѣсколько городовъ и, для устрашенія населенія, наказалъ плетью многихъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ королеву Боадіку. Солдаты изнасиловали всѣхъ молодыхъ женщинъ, которыя не успѣли убѣжать въ лѣсъ. Жертвами стали также двѣ дочери Боадіки.

Второй актъ pageant изображалъ городъ въ Иценіи послѣ того, какъ прошелъ карательный отрядъ. Жалобно вопять старухи, оплакивая убитыхъ. Скорбно голосають молодыя женщины, плачутъ дѣти. Мужчины потеряли голову и безсильно лежать на травѣ. Но вотъ раздается стукъ колесъ. На лугъ въѣзжаетъ колесница, запряженная тройкой. Лошадьми править женщина или, точнѣе, разъяренная львица, съ распущенными волосами, въ изодранномъ платьѣ. У ногъ ея робко жмутся двѣ дѣвушки. Это королева Боадика, только что наказанная плетью. Предъ нами—богиня мести. Глаза ея горять, губы нервно дрожать отъ сдавленнаго бѣшенства.

— Британцы, не слезами и не стонами слѣдуетъ отвѣчать на насиліе,—говорить она,—а огнемъ и ударами сѣкирь.

„Vengeance, just vengeance on of the hated foe,
The oppressors of our nation. We will have
The very heart's blood of th'accursed race
And stamp them out of Britain. They shall die
With steel...
For pity's dead, and Freedom cries aloud
In all our woods and glens and uplands green
Against the tyrant foe“.

(„Мести, справедливой мести ненавистному врагу, угнетателю нашего народа. Мы упьемся кровью сердца проклятаго племени и выгонимъ его изъ Британіи. Оно погибнетъ отъ меча... Ибо жалость теперь мертва, и свобода громко зоветъ насъ изъ лѣсовъ, долинъ и съ зеленыхъ холмовъ противъ угнетателей“). Слова, которыя произноситъ Боадика, — шаблонны; стихи, декламируемые ею, сфабрикованные доморощеннымъ поэтомъ, знающимъ лучше толкъ въ аптечныхъ препаратахъ, чѣмъ въ версификаціи, — неуклюжи, съ невѣрными удареніями и произвольными усѣченіями; но чувство, вложенное актрисой, изумительно. Какъ я узналъ, Боадика—скромная

телеграфистка; но зрители дѣйствительно видѣли передъ собою разъяренную львицу, призывающую къ мщению. Теперь робость исчезла. Населеніе вооружилось, чѣмъ могло, и послѣдовало за Боадикой.

Тацитъ объ этомъ возстаніи говоритъ: „Бритты взяли за оружіе, потому что у нихъ была родина, которую они хотѣли освободить, жены и дѣти, честь и жизнь которыхъ они защищали. Но что руководило угнетателями, кромѣ жадности и чувственности?“ Бритты представляли собою только толпу рыбаковъ и крестьянъ, вооруженныхъ дубинами, пѣнами и рогатинами; тогда какъ угнетатели могли выставить лучшихъ въ мірѣ солдатъ. И тѣмъ не менѣе повстанцы разбили лигіонеровъ.

Сцена пуста. Только за стѣнами Верулама плачутъ женщины. Кончится ли возстаніе побѣдой или пораженіемъ, все равно матери будутъ оплакивать убитыхъ. Вбѣгаетъ запыхавшійся гонецъ. Онъ только-что съ боя. Всюду побѣда. Повстанцами взяты Лондиніумъ (Лондонъ), Камулундумъ (Кольчестеръ). Разъяренная львица, ведущая повстанцевъ, не знаетъ ни страха, ни жалости. Только смерть и огонь предписываетъ она. Римскія колоніи сожжены. Горы труповъ завалили крѣпостные рвы. Боадика велитъ истребить всѣхъ плѣнныхъ. Въ Веруламѣ вѣсти о побѣдѣ вызываютъ ликованія; но вотъ начинаютъ пребывать гонцы съ печальными сообщеніями. Римскій полководецъ Светоній Павлиній, находившійся въ Англези, на западномъ берегу, поспѣшно собралъ всѣ свои войска и идетъ противъ повстанцевъ. Подъ Веруламомъ будетъ большой бой. Сцена пустѣетъ. Черезъ нѣкоторое время появляются бритты, бѣгущіе черезъ лугъ. Число бѣгущихъ растетъ. Бритты разбиты. Отчаянный вопль раздается гдѣ-то вдаль. Тамъ идетъ уже расправа съ женщинами и дѣтьми. Все потеряно. Спасайся, кто можетъ, въ лѣса, въ недоступныя болота! Вотъ катится колесница, которой правитъ Боадика. Напрасно львица пробуетъ остановить бѣгущихъ. Они бросаютъ оружіе и мчатся по направленію къ лѣсу.

„What! are there cowards here who'd leave their Queen
To writhe again beneath the Roman rods?—

съ бѣшенствомъ и отчаяньемъ восклицаетъ Боадика.

Go! save your wretched lives,
And live to think how you a woman frail
Abandoned in her dire extremity.

(т.е. „Какъ! Эти тусы покидаютъ свою королеву, чтобы она снова корчилась подъ розгами римлянъ! Бѣгите! Спасайте вашу жалкую жизнь, чтобы до смерти думать потомъ, какъ вы покинули хрупкую женщину въ ужасной бѣдѣ“). Шаблонныя, напыщенныя слова не соотвѣтствуютъ тону, искренному, скорбному и страстному. Исполняющая роль Боадики сумѣла бездарные стихи превратить въ нѣчто потрясающее.

— Бѣгите! бѣгите! Римляне за нами!—вопятъ британцы. Боадика отправляетъ вождей, оставшихся при ней. Пусть они идутъ на восточный берегъ Англіи и поднимутъ воинственные племена, бороздящія своими лодками волны сѣвернаго моря. Боадика и ея дочери принимаютъ ядъ. Римляне, ворвавшіеся, наконецъ, въ городъ, застаютъ только трупы. „Эпизодъ“ конченъ. Сцена опять пустѣетъ.

Мы переносимся черезъ два съ половиною вѣка послѣ возстанія Боадики. Римляне теперь прочно утвердились въ Британіи; они насадили культуру, остатки которой находимъ до сихъ поръ, и утвердили миръ. „Веруламіумъ теперь наслаждается спокойствіемъ,—объявляетъ хоръ. Изъ его сѣраго пепла возникли храмы, башни и рядъ красивыхъ домовъ. Закованные въ бронзу легіоны охраняютъ городскія стѣны. На форумѣ раздаются крики торговцевъ, выкликающихъ различные товары. На улицахъ гремятъ колесницы. Въ греческомъ театрѣ, который стоитъ вотъ за этими стѣнами, ставятся веселыя пьесы и слышны взрывы смѣха. А надъ столицей южной Британіи сверкаетъ солнце римскаго великолѣпія и силы“. Но тамъ далеко на югѣ возникло новое ученіе, совершенно отрицавшее весь старый порядокъ жизни. Пришла пора, когда сильные люди, дѣятельность и право которыхъ надъ другими людьми новое ученіе осуждало, великолѣпно воспользовались новымъ ученіемъ для угнетенія массъ. Ученіе было сведено къ обряду. Истолкователи новой вѣры явились вѣрными союзниками правителей противъ массъ. Послѣднимъ было предписано смиреніе съ обѣщаніемъ владѣній въ горныхъ селеніяхъ. Протестъ объясняется вліяніемъ діавола. Но въ третьемъ вѣкѣ новымъ ученіемъ еще не всюду пользовались, какъ орудіемъ угнетенія. За вѣру еще преслѣдовали. Согласно преданію въ Веруламѣ былъ свой мученикъ—св. Олбанъ. Мнѣнія расходятся объ его общественномъ положеніи. По однимъ преданіямъ онъ былъ

сенешаль у короля Караузіуса, по другимъ—сотникъ римскихъ войскъ, квартировавшихъ въ Веруламѣ. Его обратилъ въ христіанство св. Амфибаль, которому ученикъ помогъ бѣжать въ Уэльсъ, когда послѣдователей новаго ученія по приказу Діоклетіана стали преслѣдовать и въ Британіи. Св. Олбанъ былъ казненъ. Впослѣдствіи онъ считался патрономъ Верулама. Благочестивые монахи, когда его кости были потомъ найдены черезъ пять вѣковъ, записали много чудесъ, случившихся во время казни. Останки св. Олбана хранились въ соборѣ много вѣковъ, покуда явилась религіозная революція съ ея отрицаніемъ святыхъ и мощей. Раку вынесли изъ аббатства. Кости исчезли. Впослѣдствіи возстановили только тотъ каменный пьедесталь, на которомъ стояла рака. Скептицизмъ развился настолько, что даже священникъ, составившій текстъ для „эпизода“, изображающаго смерть св. Олбана, оговаривается въ предисловіи: „Чудеса, связаннаго съ казнью мученика, конечно, вымышлены. По всей вѣроятности, даже св. Амфибаль, за спасеніе котораго св. Олбанъ поплатился жизнью—миѳическая личность. Amphibalus по гречески означаетъ плащ“. Во всякомъ случаѣ, составители текста для „pageant“ сочли необходимымъ посвятить два дѣйствія патрону города. Въ первомъ эпизодѣ св. Олбанъ спасаетъ своего учителя св. Амфибала (никогда не существовавшаго) и за это предается казни. Во второмъ—король Оффа II, мучащійся раскаяніемъ за убійство брата, въ видѣ искупленія разыскиваетъ въ развалинахъ Верулама гробъ съ останками святого. Дѣйствіе происходитъ въ самомъ концѣ VIII вѣка. Хоръ объясняетъ, что римляне давно уже оставили берега Британіи. вмѣсто нихъ съ береговъ Балтійскаго моря явились другіе завоеватели.

„Britons lost every fray,
Conquered are they to-day“.

(„Британцы потеряли всѣ сраженія; они побѣждены теперь“). Цвѣтущій во времена римлянъ городъ, теперь лежитъ въ развалинахъ, въ которыхъ прячутся четвероногіе и двуногіе волки. Сюда является въ сопровожденіи блестящей свиты, епископа и монаховъ король Оффа II. Онъ желаетъ благочестивымъ подвигомъ успокоить муки совѣсти, порожденныя убійствомъ брата и захватомъ его владѣній. Короля утѣша-

еть жена его Квендрида, мрачная героиня старинныхъ балладъ. Согласно послѣднимъ, Квендрида была родственницей французскаго короля. За несказуемый грѣхъ ее усадили въ лодку и безъ веселья, въ свѣжую погоду, оттолкнули отъ берега въ море. Вѣтеръ прибилъ лодку къ берегамъ Британіи, гдѣ Оффа II, пораженный красотой Квендриды, женился на ней. Такъ говорить старинная баллада.

Король сокрушается по поводу убійства и, по примѣру Адама, обвиняетъ во всемъ прекрасную Квендриду, которая убѣждаетъ мужа не сокрушаться: преступленіе необходимо было изъ государственныхъ соображеній. „Сколько преступленій совершаютъ стоящіе у власти, оправдываясь государственными соображеніями!“—прибавляетъ à part одинъ изъ приближенныхъ. Епископъ предлагаетъ королю вѣрное средство, какъ помириться съ Богомъ и съ собственной совѣстью: слѣдуетъ только найти останки св. Олбана:

„O take St. Alban for thy patron saint
And thou shall consolation and forgiveness
Be assured of in time to come“.

(Т.-е. „Избери своимъ патрономъ св. Олбана, и въ будущемъ тебѣ обезпечено утѣшеніе и прощеніе“).

Между тѣмъ, въ развалинахъ находятъ гробъ, а въ немъ—человѣческія кости. Епископъ провозглашаетъ, что онѣ могутъ принадлежать только мученику св. Олбану, потерпѣвшему за вѣру пятьсотъ лѣтъ тому назадъ.

V.

Раздается звукъ трубъ, возвѣщающій начало знаменательнаго „эпизода“, тѣсно связаннаго съ прошлымъ города и составившаго важную эпоху въ исторіи всего англійскаго народа. Предъ зрителями проходитъ крестьянское возстаніе 1381 г. во время Ричарда II. Защитникъ и пѣвецъ королей и господствующаго класса Шекспиръ изобразилъ Ричарда II трагической фигурой. Въ четвертой сценѣ второго акта хроники „Король Ричардъ II“ Солсбри скорбно говоритъ:

Ah, Richard, with the eyes of heavy mind,
I see thy glory, like a shooting star,

Fall to the base carth from the firmament!
Thy sun sets weeping iu tha lowly west,
Witnessing storms to come, woe, and unrest;
Thy friends are fled, to wait upon thy foes;
And crossly to thy good all fortune goes* 1).
„О, Ричардъ, я съ тяжелымъ сердцемъ вижу,
Что падаетъ, какъ съ высоты небесъ,
Падучая звѣзда, твое величье.
Склоняется ужъ къ западу твое
Печальное и плачущее солнце.
Теряя блескъ и угрожая намъ
Тревогами, бѣдами и борьбою,—
Твои друзья передались врагамъ,
Противъ тебя все поднято судьбою!“

Шекспиръ, какъ и все дворянство того времени, видѣлъ въ жестокихъ потрясеніяхъ, которыя пережила Англія въ концѣ XIV в., только капризъ „судьбы“. Послѣдующіе изслѣдователи иначе освѣтили эпоху. „Никто не хвалилъ Ричарда II, теперъ вступившаго на престолъ,—разсказываетъ между тѣмъ на сценѣ хоръ.—Не было поэта, который восхвалялъ бы его имя. При немъ простой народъ былъ закрѣпощенъ и возсталъ, наконецъ, чтобы вооруженной рукой добиться справедливости. Несмотря на опьяненіе свободой, виллэны повѣрили королю и успокоились; но обѣщанія Ричарда II ничего не значили, а амнистія, дарованная имъ, существовала только на бумагѣ. Враги народа восторжествовали и попробовали снова сковать его цѣпью“. Такъ объяснялъ хоръ. Причины крестьянскаго возстанія 1381 г., какъ извѣстно, были слѣдующія. Виллэны, которые до великой чумы 1361 г., когда въ одномъ Лондонѣ умерло не менѣе 100 тыс. человѣкъ, были почти свободны, — послѣ эпидеміи очутились снова закрѣпощенными. Head money, или оброкъ, который они платили, снова замѣнился барщиной. Виллэны желали быть арендаторами земельныхъ участковъ, которыми пользовались, и хотѣли, чтобы зависимость отъ помѣщика выражалась только опредѣленной рентой. Затѣмъ въ Англіи въ концѣ XIV в. было уже много свободныхъ работниковъ. Правительство издало „Статутъ о работникахъ“, которыми фиксировался maximum заработной платы и стѣснялась свобода передвиженій въ интересахъ помѣщиковъ.

1) Въ переводъ Д. Л. Михаловскаго.

„Каждый мужчина и каждая женщина, свободные или крепостные, здоровые тѣломъ и моложе шестидесяти лѣтъ, не имѣющіе своей земли для обрабатыванія и не находящіеся въ услуженіи, — обязаны работать у того, кто потребуетъ ихъ услугъ, — говорится въ знаменитомъ статутѣ. — Они обязаны брать только ту плату, которая платилась въ округѣ за два года до чумы“¹⁾. Неповиновеніе каралось тюремнымъ заключеніемъ. Работнику воспрещалось искать заработка въ другомъ приходѣ. Работникъ, нарушившій статутъ, становился „бѣглымъ“. Съ другой стороны, духовенство въ концѣ XIV в. превратилось въ чиновниковъ, лѣнивыхъ, безстыдныхъ, раболѣпныхъ, продажныхъ и бездушныхъ. Ихъ обличали тогда послѣдователи Уоклифа и „лолларды“, религиозное общество, возставшее противъ іерархіи, монашества и ученія о таинствахъ католической церкви. Ко всему необходимо прибавить неудачную войну съ Франціей, обнаружившей неспособность вождей и продажность придворныхъ. Королемъ въ то время былъ слабый, тщеславный, безвольный, бездарный и жестокій, какъ всѣ неврастеники, Ричардъ II. По выраженію стариннаго англійскаго историка, „король не имѣлъ достаточно вліянія, чтобы держать въ равновѣсіи всѣсы правосудія; не имѣлъ достаточно доблести души, чтобы не слушаться придворныхъ совѣтниковъ. Ричардъ II поддавался легко вліянію сикофантовъ и продажныхъ министровъ. Онъ мѣнялъ свое слово и нарушалъ торжественныя обѣщанія. Ни при одномъ королѣ народъ не обижали такъ, какъ при Ричардѣ II (см. „Smollet, History of England“). О страданіяхъ народа въ то время намъ говоритъ крайне любопытный литературный памятникъ: „Жалобы плугаря Пирса“, поэма, написанная „Длиннымъ Виллемъ“ и представляющая антитезу „Кентерберійскимъ рассказамъ“ Чосера, появившимся приблизительно въ одно время. Герои Чосера—дворяне, монахи и богатые купцы. Мы попадаемъ въ атмосферу довольныхъ, сытыхъ, веселыхъ, жизнерадостныхъ людей. Герои Длиннаго Вилля—крестьяне, кровельщики, нищіе. И предъ нами мрачная, сѣрая, тяжелая, удручающая атмосфера. Поэма говоритъ о безземельныхъ батракахъ, у которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ рукъ, о крестьянахъ, которые не могутъ

¹⁾ Green. „History of the English People“, chap. V.

уже больше питаться сквернымъ хлѣбомъ съ корой. Таковы были условія, создавшія крестьянское возстаніе 1381 г. Во главѣ его стали Уотъ Тэйлоръ (Кровельщикъ), Джэкъ Суро, Джэкъ Мельникъ, Джэкъ Фургонщикъ и, наконецъ, Джонъ Боллъ, или „безумный попъ“, какъ называли его придворные. Старинный хронографъ Фруассаръ, отражая взгляды тогдашняго дворянства, изображаетъ крестьянское возстаніе только какъ слѣпую и злую разрушительную силу, направленную противъ культуры, какъ таковой. Шекспиръ во второй части хроники „Генрихъ Шестой“ слѣпо слѣдуетъ за Фруассаромъ и въ лицѣ Джэка Кэда каррикурируетъ вождей крестьянскаго возстанія и ихъ проповѣди.

„Будьте же храбры, потому что вождь вашъ храбръ и объявляетъ реформу, — говоритъ шекспировскій Джэкъ-Кэдъ. — Въ Англіи семь булокъ полупенсовыхъ будутъ продаваться за одинъ пенни. Квартовая чарка будетъ вмѣщать три чарки; я объявляю преступленіемъ питье простого вина. Все государство будетъ общее. Конь мой будетъ пастись въ Чипсайдѣ, и, когда я буду королемъ, а королемъ я буду, денегъ не будетъ. Всѣ будутъ ѣсть и пить на мой счетъ, и я всѣхъ одѣну одинаково, чтобы они относились другъ къ другу, какъ братья, а меня почитали, какъ господина. А вы, друзья народа, вы за мною — и бейтесь же мужами за свободу. Мы не оставимъ лордовъ и дворянъ, щадя лишь тѣхъ, на комъ одни лохмотья. То люди настоящіе, такіе, что рады бы идти за нами, если бы смѣли“. Это, конечно, грубая каррикуатура на воззваніе Джона Болла. „Люди добрые, — писалъ онъ, — все въ Англіи будетъ идти скверно, покуда всѣ богатства не станутъ общимъ достояніемъ и покуда не будетъ больше ни вилленовъ, ни дворянъ. По какому праву тѣ, которыхъ называютъ лордами, большіе люди, чѣмъ мы? Чѣмъ они заслужили это? Почему они держатъ насъ въ крѣпостной зависимости? Если мы всѣ происходимъ отъ общихъ прародителей, то какъ лорды могутъ сказать, что они лучше насъ? Чѣмъ они докажутъ это? Не тѣмъ ли, что расточаютъ все то, что мы для нихъ зарабатываемъ? Они одѣты въ бархатъ; имъ тепло въ соболяхъ и горностаяхъ, тогда какъ мы покрыты лохмотьями. Они имѣютъ вино и пряности, и бѣлый хлѣбъ, а мы ѣдимъ ячменныя лепешки съ соломою и пьемъ воду. Они праздно живутъ въ красивыхъ домахъ, а мы въ

дождь, въ вѣтеръ и въ холодъ работаемъ на полѣ. А между тѣмъ, эти люди имѣютъ все только потому, что мы работаемъ на нихъ“. Прокламація заканчивалась знаменитыми стихами:

„When Adam delvet and Eve span,
Who was then the gentleman“ 1).

(„Кто былъ бариномъ, когда Адамъ копалъ мотыкой, а Ева пряла?“). Возстаніе началось на всемъ югѣ. Виллэны требовали полного уничтоженія крѣпостного права, справедливой ренты (четыре пенса за акръ; по тогдашнимъ временамъ—очень хорошая плата), права покупать гдѣ угодно и общей амнистіи. Извѣстно, какъ крестьяне взяли Лондонъ, какъ король выѣхалъ къ новстанцамъ и обѣщалъ имъ исполненіе всѣхъ требованій. Безумная радость овладѣла крестьянами. Они безусловно повѣрили королю, цѣловались, плясали вокругъ костровъ, славили Ричарда II. Но король обдумывалъ измѣну. Въ тотъ же день убили Уота Тейлора; затѣмъ, когда крестьяне разошлись, началась беспощадная расправа съ ними. Всюду на деревьяхъ висѣли казненные. Королевскія войска жгли деревни и истребляли населеніе. Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ событія, послужившія темой для шестого „эпизода“ pageant.

Дѣйствіе открывается тѣмъ, что два горожанина Грайндкобъ и Кэддингтонъ, имена которыхъ сохранились въ С.-Олбансѣ, жалуются на тяжелыя времена. Налоги чрезмѣрны и несправедливы. Хлѣбъ и мясо вздорожали такъ, что бѣдному человѣку и приступить къ нимъ нельзя. На придачу попы одолѣли. Нужно платить имъ теперь ругу по три гроша съ человѣка. Тысячи людей не могутъ платить. Аббатъ имѣетъ привилегію на мельницу и на печи.

— Мастеръ Грайндкобъ, — шепчетъ Кэддингтонъ, — есть хорошія вѣсти. Всѣ крестьяне и многіе горожане въ Эссексѣ и въ Кентѣ возстали подъ предводительствомъ кровельщика Уота. Теперь повстанцевъ—тьма. Они стоятъ лагеремъ подъ Лондономъ. Въ самомъ С.-Олбансѣ горожанъ будить Джонъ Болль. Какъ онъ говоритъ! Отъ его рѣчей даже люди съ натурой коровы чувствуютъ, что у нихъ въ груди бьется живое сердце. Попы начинаютъ трепетать.

1) Green, „History of the English People“, p. 243.

За сценой раздаются радостныя восклицанія. Выбѣгаютъ виллэны, жалкіе, оборванные, нечесанные, босоногіе; но теперь они въ экстазѣ. Они окружили сѣдого францисканскаго монаха, Джона Болла. Онъ появляется верхомъ на мулъ. Болла играетъ сосѣдній сквайръ. Мулъ его—призовой красавецъ, весь увѣшанный лентами. Его приходится держать за узду, потому что мулъ, очевидно, меньше всего намѣренъ помириться съ сѣдломъ. „Друзья, братья и сограждане,—начинаетъ Джонъ Боллъ,—я скажу вамъ проповѣдь на мои стихи, хорошо извѣстные вамъ: „Кто былъ бариномъ, когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла?“ Друзья мои! Вы много лѣтъ стонали подъ гнетомъ рабства. Не вы, трудящіеся, пользуетесь всѣми благами природы, но тѣ, которые ничего не дѣлаютъ и живутъ въ дворцахъ, какъ напр., аббатъ. Эти трутни жирѣютъ вашимъ трудомъ. И когда деревни порѣдѣли послѣ чумы, вы не стали получать больше за ту двойную работу, которую выполняете теперь. Вамъ даютъ ту же жалкую плату, что и раньше. Я спрашиваю васъ: справедливо ли это?

— Нѣтъ, нѣтъ!—кричатъ оборванные виллэны.

— Гордые и дерзкіе дворяне угнетаютъ васъ,—начинаетъ Джонъ Боллъ. При ненавистномъ словѣ „судейскіе“ поднимается въ толпѣ вой и ревъ ненависти.—Судейскіе превратили вашу жизнь въ адъ и пергаментными грамотами приковали васъ къ землѣ. Кромѣ того, вы, жители С.-Олбанса, имѣете еще длинные счеты съ попами. Шерсть вы должны валять въ ихъ сукновальняхъ, зерно—молоть на ихъ мельницахъ. Вамъ запрещено ловить рыбу въ Верѣ и пасти скотину на лугахъ, которые Господь сотворилъ для всѣхъ. Нельзя собирать валежникъ въ лѣсахъ, а, между тѣмъ, Богъ далъ вамъ право жить. Разряженные бездѣльники, выплясывающіе вокругъ короля, не имѣютъ даже представленія о трудѣ. Отъ самаго рожденія они не заработали своими руками ни единой корки. Работаете вы. И васъ же за это держать въ неволѣ, чтобы лѣнтяи могли жить праздно“.—Проповѣдь обрывается внезапно. Вбѣгаетъ горожанинъ Джонъ ле-Барбоуръ.

— Братцы,—кричитъ онъ.—Я только что прискакалъ изъ Лондона. Кровельщикъ Уотъ взялъ городъ. У него сто тысячъ человѣкъ. Уотъ поклялся уничтожить барщину и по-

душные налоги. Я добрался до него и рассказал ему про все то, что мы терпимъ здѣсь отъ аббатовъ, поповъ, монаховъ и господъ. И вотъ что Уотъ Тейлоръ наказалъ мнѣ передать вамъ: „Если вы сами не сможете справиться,—сказалъ онъ,—я приду и выкурю монаховъ изъ ихъ норъ“. Раздаются радостныя восклицанія. Но виллэны и горожане не дожидаются кровельщика. За деревьями, гдѣ стоитъ старинное аббатство, слышны радостныя вопли. Скоро надъ стѣнами разрушеннаго Верулама показываются облака дыма и сверкаетъ пламя. Вбѣгаетъ громадная толпа виллэновъ, вооруженныхъ косами, цѣпами, дубинами, топорами, вилами, бердышами, конскими черепами, привязанными къ короткимъ бичамъ. У всѣхъ лица закопчены дымомъ. У всѣхъ въ рукахъ пергаментныя свитки. Толпа только что взяла штурмомъ аббатство, подожгла его со всѣхъ сторонъ и унесла грамоты, которыми закрѣпощены окружныя деревни. На лугу раскладываютъ костеръ, въ который швыряютъ свитки. Вотъ грамота, обратившая въ крѣпостныхъ всѣхъ жителей деревни Нодейшъ; за ней летятъ въ огонь пергаментныя цѣпи деревень Майль-Эйшъ, Барнетъ-Вудъ, Фритвуда и др. „Свобода! Свобода!“—кричатъ виллэны при видѣ, какъ морщатся на огнѣ хартіи. „Братья мои!—говоритъ Джонъ Болль,—въ такія минуты, какъ теперь, люди молодѣютъ, и кровь бьетъ ключемъ даже въ жилахъ стариковъ. Свобода и гражданскія вольности теперь близки. Къ нимъ стоитъ только протянуть руку. Смотрите, сюда идетъ съ большой свитой самый гордый князь церкви въ Англіи—аббатъ де-ла-Маръ. Онъ пришелъ, чтобы сдѣлать всѣ уступки, которыхъ вы требуете.“

Изъ-за деревьевъ показываются аббатъ въ митрѣ, епископы и монахи. Аббатъ поднимаетъ руку для благословенія. Женщины становятся на колѣни. Нѣкоторые мужчины слѣдуютъ примѣру женъ, но товарищи дергаютъ ихъ за руку. Гордый аббатъ, не достаивавшій прежде виллэновъ и взглядомъ, теперь—сама кротость.

— Дѣти мои,—сладко говоритъ онъ,—что мнѣ передаютъ про тѣхъ, за которыхъ я столько лѣтъ молился и плакалъ. Спасеніе вашихъ душъ составляло мою постоянную заботу. Я пекся также о вашемъ брennemъ тѣлѣ. Ежедневно у воротъ аббатства раздавалась по моему приказу милостыня.

Почему же, въ такомъ случаѣ, вы возмущились теперь противъ короля и меня? Чего вы хотите?

Виллэны отвѣчаютъ, что они желаютъ валать сукно дома, молотъ хлѣбъ на мельницѣ, гдѣ дешевле. Имъ нужны выгоны, пашни. А въ это время отъ горящаго аббатства являются новые виллэны. Нѣкоторые изъ нихъ съ торжествомъ волокутъ жернова, когда-то находившіеся на общественной мельницѣ. Но монахи, когда добыли себѣ привилегію, сняли камни и сложили ихъ на задахъ аббатства. Здѣсь монахи гадили общественный жерновъ.

— Гордый и надменный аббатъ, — говоритъ одинъ изъ виллэновъ. — Узнаешь ты этотъ жерновъ? Намъ не нужна твоя милостыня. Мы хотимъ права жить свободно. Ты забралъ выгоны, лѣса, поля, все то, что принадлежитъ по праву намъ. Грамоты, которыми вы связали нашихъ предковъ, даютъ насъ какъ жерновъ.

Аббатъ уступаетъ, видя настроеніе толпы. Онъ зоветъ писцовъ. Пусть они немедленно составляютъ грамоты, по которымъ всѣ старыя вольности возвращаются народу. Луга и нивы, отобранные у крестьянъ, снова переходятъ къ нимъ. Толпа опьянена успѣхомъ. Она добра теперь. Побѣда заставила виллэновъ забыть все то, что терпѣли они. Крестьяне и горожане привѣтствуютъ монаховъ и братаются съ ними. Монахи принесли вино и угощаютъ виллэновъ, которые пьютъ за здоровье Уота Тэйлора. Весь „эпизодъ“ поставленъ удивительно. Зрители видятъ передъ собою страницу, вырванную изъ прошлаго. Крестьяне поютъ старинную балладу, правда, не XIV вѣка, но сложенную не менѣе трехъ вѣковъ тому назадъ. „Мы — законные наслѣдники земли; нашими трудами вспахана она. И, однако, несмотря на нашъ трудъ, виллэнами мы остаемся и стонемъ въ неволѣ. Въ нашихъ жилахъ также течетъ гордая кровь бриттовъ, саксовъ и датчанъ; но свобода наша скована, вольности утеряны и осталась только неволя“. Припѣвъ сложенъ составителями текста „эпизода“: „Да здравствуетъ кровельщикъ Уотъ! Веселая Англія опять свободна. Пусть въ стѣнахъ С.-Олбанса звучать слова проповѣдника Джона Болла: „Кто былъ баринномъ, когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла“? Слѣдующій куплетъ въ пѣснѣ виллэновъ опять взятъ изъ старинной баллады:

„At Greyc our fathers were first in the field
 As bowmen of marvellous skill;
 At Poictiers, too, they courage revealed
 With arrow and arblast and bill.
 Yet we are rewarded with cord and with chain,
 Midst blows and oppression we toil“.

(Т.-е. „Въ битвѣ при Греси наши предки были въ первыхъ рядахъ, какъ изумительно ловкіе лучники; подѣ Пуатье они тоже проявили свою доблесть стрѣлами, арбалетами и алебардами. Но наградой намъ были веревка и цѣпи. Мы работаемъ въ неволѣ, подгоняемые ударами.“) Пѣсня обрывается внезапно. Раздается отчаянный вопль женщины. Въ городъ врываются королевскія войска. Ричардъ II забылъ всѣ свои торжественныя обѣщанія и взявъ обратно дарованныя привилегіи, какъ только почувствовалъ, что на войска возможно опереться. Ужасъ, овладѣвающій населеніемъ, переданъ съ поразительнымъ реализмомъ. Отчаянно вопиющія женщины, унося дѣтей, бѣгутъ по направленію лѣса. За ними вскачь мчатся, размахивая мечами, латники. Нѣтъ пощады ни старикамъ, ни дѣтямъ. Опять такая же рѣзня, какъ XIV вѣковъ тому назадъ. Но тогда истреблялъ непріятель; теперь убиваютъ свои, на глазахъ у короля. Солдаты и рыцари возвращаются съ добычей: они влекутъ за собою на арканахъ связанныхъ и раненыхъ виллэновъ, которыхъ ждутъ жестокія пытки. Съ веревками на шеѣ приводятъ къ королю Джона Болла, Грайндкоба и Каддингтона. Ричардъ II произноситъ свой знаменитый приговоръ. Король велитъ поднять вождей возстанія на колесо, повѣсить ихъ потомъ и снять, прежде чѣмъ будутъ удушены, потомъ вытащить ихъ внутренности, четверговать и части тѣла выставить на мостахъ въ четырехъ главныхъ городахъ королевства. Въ „pageant“ выведенъ также Трессилайэнь, свирѣпый, безсовѣстный и раболѣпный судья того времени.

— Великій государь!—говоритъ онъ Ричарду II,—мы предадимъ суду теперь наглыхъ бунтовщиковъ, зажегшихъ пламя мятежа во всей странѣ. Это они посѣяли всюду недовольство. Черной неблагодарностью и крамолой отвѣтили они на вашу безграничную любовь и кротость. Какая низость, если вспомнить, что вы осчастливили страну. Нѣтъ и наказанія, достойнаго тяжкаго преступленія.

— „Неправедный судья и вѣроломный король,—гордо отвѣчаетъ Джонъ Болль.—Ты далъ торжественныя обѣщанія народу и теперь нарушаешь ихъ. Смотри, я стою на порогѣ смерти; но не только не страшусь ея, а счастливъ. Я умираю мученикомъ за народную свободу. Пройдутъ годы. Солнце правды засіяетъ надъ нашей родиной. Меня будутъ вспоминать съ благодарностью, а тебя, король, клятвопреступникъ, и тебя, судья неправедный,—станутъ проклинять, покуда живетъ Англія“. Появляется цѣпь связанныхъ вилленовъ, которыхъ гонятъ на казнь. Послѣ крестьянскаго мятежа 1381 г. всѣ деревья по дорогѣ отъ С.-Олбанса до Лондона были увѣшаны казненными. Виллены жалобно поютъ старинную балладу, которую составители „эпизода“ нашли въ рукописномъ сборникѣ XVI вѣка.

„In misery and want our lives are spent,
In irksome task and never - ceasing toil;
For us the world's good thins are ever hid,
And others glean the bounty of the soil.
Oh! weary, weary, weary, weary, way,
The doom of darksome death will end the day“.

(Т.-е. „Наша жизнь проходитъ въ нищетѣ, нуждѣ, въ утомительномъ трудѣ и безконечной работѣ; намъ недоступны всѣ блага жизни; другіе забираютъ себѣ туку земли. О, мучительнымъ образомъ смерть сегодня прекратитъ наши дни!“) Послѣ мятежа только Джонъ Болль былъ казненъ въ административномъ порядкѣ по приказу короля. Остальные вожди были преданы обычному суду присяжныхъ. Даже Ричардъ II не рѣшился въ этомъ отношеніи нарушить форму закона; но за то присяжныхъ подобрали. Однако, только угрозами, что и ихъ казнятъ удалось заставить подобранныхъ присяжныхъ вынести смертный приговоръ. Грайндкобу обѣщали помилованіе, если онъ убѣдитъ согражданъ возвратитъ тѣ увольнительныя грамоты, которыя С.-Олбанцы получили во время мятежа отъ аббатовъ.

— „Не отдавайте грамотъ!—мужественно сказалъ Грайндкобъ землякамъ.—Обо мнѣ не сокрушайтесь. Пусть меня казнятъ. Я буду счастливъ сознаніемъ, что умеръ за свободу“¹⁾.

1) „Green“ „History of the English People“, p. 247.

Виллэновъ уводятъ на казнь. Джонъ Болль съ гордо поднятой головой, съ веревкой на шеѣ, проходитъ мимо аббата въ золотой митрѣ, окруженнаго разряженными въ шелкъ лордами, дворянами и сытыми монахами, любующимися гибелью „безумнаго попа“. Одно мгновеніе — два священника лицомъ другъ передъ другомъ. Одинъ—глубоко вѣрующій, жившій въ нищетѣ и отдавшій все виллэнамъ. Его удѣль—мучительная казнь. Другой — въ митрѣ, защитникъ угнетателей, стяжатель земныхъ благъ. Его удѣль—почетъ, а послѣ смерти—могила и памятникъ въ каедральномъ соборѣ.

Крестьянское возстаніе кончено. Аббатъ предлагаетъ Ричарду II свои залы, и король со всей нарядной свитой отправляется пировать въ монастырь.

— Завтра, въ полдень, во дворѣ монастыря я приму простыхъ людей Хертфоршира, которые должны принести мнѣ повинную,—говоритъ Ричардъ II придворнымъ. — А теперь за веселымъ обѣдомъ забудемъ все непріятное, что мы видѣли сегодня.

VI.

„Колоссальныя массы бѣлаго тѣла, холодная кровь, жестокіе голубые глаза, рыжіе волосы, прожорливые желудки, наполненные мясомъ и сыромъ и согрѣтые крѣпкими напитками, склонность къ пьянству, — вотъ главныя черты, поразившія римлянъ въ завоеванномъ ими народѣ, — говоритъ Тэнъ *).—Безъ обилія основательной пищи невозможно жить въ этомъ климатѣ. Крѣпкіе напитки необходимы, чтобы поднять настроеніе, подавленное вѣчными туманами. Въ этомъ климатѣ воля закаляется, мускулы становятся, какъ изъ стали, а нервы притупляются“. Чтобы взвинтить опять ихъ необходимы сильныя ощущенія, видъ неминуемой опасности. И вотъ англичане увлекаются моремъ, какъ народы съ болѣе дряблыми нервами увлекаются женщинами. Когда то предки ихъ бороздили неизвѣстный океанъ на двухпарусныхъ баркахъ, испытывая величайшее наслажденіе въ бурѣ. Они приставали къ новымъ берегамъ, жгли, грабили, убивали. Въ старинной сагѣ дочь Ярла не позволяетъ Эгилу сѣсть

*) Histoire de la littérature anglaise, Livre I, chap. I.

рядомъ. Дѣвушка упрекаетъ богатыря въ томъ, что „онъ рѣдко даетъ волкамъ теплой человѣчины; всю осень вороны не каркали надъ полемъ сѣчи, усѣяннмъ трупами“. Эгилъ отвѣчаетъ: „я истреблялъ враговъ окровавленнмъ мечомъ; мы дрались ожесточенно. Города и села пылаютъ. Мы уложили спать вѣчнымъ сномъ тѣхъ, которые охраняли ворота“. Любовь къ океану, какъ къ женщинѣ, сдѣлала въ послѣдствіи изъ англичанъ первыхъ мореплавателей въ мѣрѣ. Высокая культура, сознание долга, уваженіе къ чужой человѣческой личности, основанное на self-respect (самоуваженіи), чрезвычайное развитіе торговли и промышленности,—все это удалило въ область недобрыхъ преданій морскіе набѣги, истребленіе городовъ, систематическое кормленіе волковъ человѣчиной и даже кровавыя развлеченія. Но до сихъ поръ „pageant“ не можетъ обойтись безъ инсценированной съ необыкновеннмъ реализмомъ битвы. За перепетіями ея съ захватывающимъ интересомъ слѣдятъ изящныя дамы, священники, работники, лавочники. Подъ С.-Олбансомъ въ XV вѣкѣ, въ смутное время гражданской войны, произошли двѣ большія битвы. Одна закончилась побѣдой Йорка, другая—Ланкастера. Вторая битва составила седьмой эпизодъ pageant.

„Снова сверкаетъ сталь мечей и боевыхъ сѣкиръ,—объяняетъ хоръ.—Снова въ долинахъ нашего родного графства звучитъ рогъ, сзывающій воиновъ. Гражданская война разрываетъ населеніе. Жизнь человѣческая опять дешева. Всюду пылаютъ пожары. Всюду—насиліе. Сынъ возстаетъ противъ отца. Братъ идетъ на брата съ рогатиной“. Озлобленіе того времени хорошо передано у Шекспира во второй части хроники „Король Генрихъ VI“. Молодой Клиффордъ замѣтивъ тѣло отца, восклицаетъ:

„Коль Йоркъ и старцевъ нашихъ не жалѣетъ,
Не стану я жалѣть у нихъ дѣтей;
Мнѣ слезы дѣвъ росой казаться будутъ.
Пусть красота смягчитъ тирана сердце,
Для моего огня лишь масломъ будетъ.
Отнынѣ жалости я знать не буду:
Ребенка-ль встрѣчу я изъ дома Йорка.
На мелкіе куски его изрѣжу“.

Сцена открывается бесѣдой смиренныхъ обывателей: пастуха, рыбака и землевладѣльца. Они въ мрачное время

вынесли страну на своихъ плечахъ и они же больше всѣхъ страдали отъ войны Гурка съ Ланкастерскимъ домомъ. Па-стухъ вспоминаеть, что шесть лѣтъ тому назадъ солдаты угнали все его стадо.

Звучать сигнальные рога. Слышны воинственные крики. Скоро для многихъ они превратятся въ предсмертное хрипѣніе. Появляются лучники, пѣшія войска, вооруженныя длинными копьями, наконецъ, рыцари, закованные въ сталь. Лучники, къ немалому восторгу молодого поколѣнія, осыпають тучей стрѣлъ невидимаго непріятеля. Затѣмъ вперёдъ бросаются пѣхотинцы, а потомъ во весь опоръ мчатся рыцари, опустивъ забрала.

— Дадди! Дадди! (вонъ папа!) — восторженно кричить возлѣ меня мальчикъ лѣтъ десяти въ фформенной шапочкѣ воспитанника средней школы.—Смотрите на папу! Глаза у мальчика сверкають, щеки разгорѣлись. А „дадди“ въ сверкающихъ латахъ, съ развѣвающимися перьями на шпакѣ, гонить своего коня во весь опоръ и размахиваетъ громаднымъ мечемъ, поражая невидимаго непріятеля. И, право, мнѣ трудно было бы сказать, кто больше въ данный моментъ входитъ въ роль, мальчикъ ли, или „дадди“, которому, вѣроятно, не меньше сорока лѣтъ. Каждый рыцарь сидитъ на собственномъ конѣ. Воину мало проскакать одинъ разъ по лугу. Рыцари огибають мѣста для зрителей и опять мчатся, размахивая мечемъ, какъ мельница крыльями. За деревьями восторженный вопль. Непріятель дрогнулъ. Онъ бѣжитъ. Знамена брошены. Полная побѣда. И вотъ возвращаются побѣдители, опьяненные кровью, разъяренные, какъ волки зимою. Сзади несутъ на носилкахъ убитыхъ и раненыхъ. Публика въ восторгѣ. Мой сосѣдъ-мальчикъ подпрыгиваетъ на мѣстѣ. Въ данный моментъ онъ дѣйствительно вѣрить, что „дадди“ возвратился побѣдителемъ изъ кроваваго боя.

Заключительный эпизодъ „pageant“ такъ же, какъ десятки другихъ зрѣлищъ подобнаго рода: появляется королева Елизавета съ безчисленной свитой. Трудно объяснить даже тотъ культъ „королевы Бетсъ“, „virgin queen“, который наблюдается въ Англіи. Существуетъ постоянная связь между тѣмъ, чѣмъ человекъ восторгается, и тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности. Въ годы несчастья и гнета, въ

эпохи упадка общества, народъ считаетъ жизнь проклятіемъ, юдолюю скорби и ищетъ утѣшенія въ надеждѣ на царство небесное. Когда наступаетъ свобода, страданія уменьшены и горизонтъ проясняется,—народъ опять начинаетъ цѣнить жизнь. Онъ любитъ тогда увѣренность въ свои силы, энергію, умъ, настойчивость, смѣлость. Эпоха королевы Елизаветы важна въ томъ отношеніи, что принесла съ собою гражданскій миръ. Господствующіе и отчасти средніе классы впервые почувствовали всю прелесть и весь вкусъ жизни. (До тѣхъ поръ она проходила въ непрерывной рѣзні). Развратная, жестокая и грубая Елизавета была поразительно умна, смѣла, талантлива, учена. Королева была самовластна, но въ силу своего замѣчательнаго ума, первая оцѣнила значеніе общественнаго мнѣнія. „Пусть тираны трепещутъ и боятся своего народа,—говорила Елизавета,—моя же главная сила—добрая воля моихъ подданныхъ“. Затѣмъ культъ „королевы Бетсъ“ объясняется еще временемъ, которое за 3½ вѣка успѣло отшлифовать всѣ острые углы ея характера. О насиліяхъ деспотовъ помнятъ тогда, когда дѣйствительность постоянно развѣдаетъ старыя раны. Въ эпохи благополучія и гражданской свободы народъ поразительно быстро забываетъ причиненныя ему обиды.

Заключительный эпизодъ приуроченъ къ 1572 г., когда Елизавета посѣтила С.-Олбансъ и подтвердила старинныя вольности города новой хартіей. Текстъ „эпизода“ написанъ тоже священникомъ, который блеснулъ латынью. Королеву привѣтствуютъ одой, на языкѣ Цицерона.

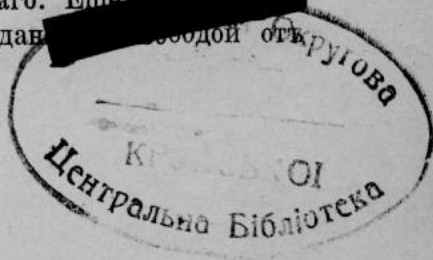
Затѣмъ Елизаветѣ представляютъ Фрэнсиса Бэкона, которому въ то время было 14 лѣтъ. Королева предсказываетъ ему великое будущее. „Я предвижу,—говоритъ Елизавета,—что въ будущемъ каждый с.-олбанецъ гордо подниметъ голову, услышавъ имя Фрэнсиса Бэкона“...

...де амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ...
Еще не перестали топтать“...

Еще ольдермены угощаютъ Елизавету тяжелымъ испанскимъ виномъ и еще болѣе тяжеловѣсными комплиментами. Еще горожане развлекаютъ ее какимъ-то мудренымъ балетомъ, а приходится спѣшить, чтобы захватить мѣсто на

омнибусъ, отправляющимся на станцію. Иначе, когда кли-
неть вся толпа, нужно будетъ идти пѣшкомъ версты четыре.
У выхода, подъ навѣсомъ у стойки, я вижу Джона Болла.
Онъ мирно пьетъ виски съ содовой водой въ компаніи съ
Ричардомъ II и свирѣпымъ, неправеднымъ судьбою Тресс-
лайэномъ. Грайндкобъ, не снявшій еще окровавленную
повязку со лба, курить трубочку и рассказываетъ должно
быть смѣшной анекдотъ латнику, который влекъ на казнь
вождя крестьянскаго возстанія. Въ сущности, это мирное
бесѣдованіе—не простая случайность, а символъ. Теперь
потомки виллэновъ и рыцарей, когда-то истреблявшихъ
другъ друга, мирно работаютъ для общей родины и вмѣстѣ
играютъ въ кровавое прошлое. Оно стало игрушкой и на-
гляднымъ урокомъ...

Съ крыши омнибуса я опять вижу громадный лугъ, за-
литый золотистыми лучами вечерняго солнца. По лугу,
какъ пасущееся пестрое стадо крестьянскаго скота, бродятъ
друиды, римляне, пажы, бритты, епископы, виллэны, монахи...
Шумныя, послѣднія рукошлесканія, затѣмъ хлынула толпа,
бѣгущая къ экипажамъ. Актеры-любители не разгримиро-
вались и не переодѣлись, а возвращаются домой въ костю-
махъ. Нѣкоторые живутъ верстахъ въ 6—7 отъ С.-Олбанса.
Вотъ катитъ на велосипедѣ римскій полководецъ Светоній
Павлиній, держа впередъ копье; проскакалъ вождь Касси-
велаунусъ въ волчьей шкурѣ, а рядомъ съ нимъ—изящная
амазонка. Идетъ, осторожно ступая по камнямъ босыми но-
гами, опираясь на копье, подростокъ-бриттъ, въ рыжемъ
парикѣ, безъ панталонъ, въ одной только коротенькой ру-
бахѣ... Солнце закатилось. Надъ Веромъ поднялся туманъ
и покрылъ развалины Верулама таинственной дымкой.
Счастливъ народъ, для котораго ужасы гражданской войны
только воспоминаніе далекаго прошлаго. Еще б...
ливъ народъ, застрахованный граждан... водой отъ крутова
ужасовъ новыхъ междуусобицъ!..

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	3
Пѣвецъ отчаянія	7
De Profundis	44
Въ поискахъ за смысломъ жизни	68
Вторая слава	111
Разрушитель условностей	148
Новыя пьесы Бернарда Шоу	185
Записки паріи	209
Автобіографія Уоллеса	251
Пресса молодыхъ демократій	283
„Pageant“ въ С.-Олбансѣ	318